

УДК 821.131.1

ББК 83.3(0)3(2 Рос=Рус)

М59

Редакционная коллегия серии
«Литературные памятники»

М.Л. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя),
В.И. Васильев, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Н.Я. Дьяконова, Б.Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н.Н. Казанский,
Н.В. Корниенко (заместитель председателя),
А.Б. Куделин (председатель), *А.В. Лавров, Ю.С. Осипов,*
М.А. Островский, Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтурин-Халтурина (ученый секретарь),
А.К. Шапошников

Ответственный редактор

Ю.П. ГУСЕВ

Серия основана академиком С.И. ВАВИЛОВЫМ

ISBN 978-5-02-039987-7

© Гусев Ю.П., перевод, 2017

© Тюшкеш Г., статья, 2017

© Хаванова О.В., статья, 2017

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2017

© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2017

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Келемен Микеш (1690—1762) — сподвижник, преданный последователь и слуга великого деятеля венгерской истории, борца за независимость венгерского народа князя Ференца II Ракоци (1676—1735), который стал одной из ключевых фигур венгерского национального сознания. Ракоци взял юного Микеша на службу, пажом, в 1707 г., и с того момента Микеш был с князем и в его триумфах, и в поражениях, следовал за ним в изгнание: в Польшу, затем во Францию, затем, уже навсегда, в Турцию, — из пажа вырос в секретаря, в помощника, исполнявшего самые ответственные поручения. Умный и восприимчивый, Микеш впитывал все лучшее, что видел вокруг и что заслуживало его внимания. Особенно много такого было, конечно, во Франции, в начале XVIII в. уже ставшей средоточием мировой культуры. Едва ли можно сомневаться, что именно время, проведенное им, в свите Ракоци, во Франции, и повернуло его духовное развитие в сторону изящной словесности.

Микеш с полным правом может считаться основоположником венгерской художественной прозы. Великие поэты в Венгрии появлялись и до него, уже в XVI в. — прежде всего, конечно, Балинт Балашши, — прозаиком же Микеш был первым. Прозаиком — непотому, что вел хронику событий, непосредственным или далеким свидетелем которых был, и не потому, что записывал свои наблюдения, свои размышления, но главным образом потому, что внес в свои записи, оформленные в виде писем, элемент художественного вымысла. Этот вымысел и превращает его писания, которые могли бы считаться и дневником, и путевыми очерками, в своеобразный любовный роман.

Письма Микеша были адресованы фиктивному адресату («кузине») — дальней родственнице, якобы также живущей в турецкой эмиграции, но в отдалении, на другом, азиатском берегу Босфора, женщине, к которой он испытывает не только родственные чувства. Созданные в период с 1717 по 1758 гг., «Турецкие письма» несут на себе отпечаток влияния французской эпистолярной литературы XVII — XVIII вв., но в то же время являются самостоятельным произведением. Самобытность их связана прежде всего с тем, что Микеш жил — в составе группы приверженцев князя Ференца II Ракоци — в изгнании. Это определяет общую тональность писем и объясняет склонность автора отражать исторические перипетии той эпохи, а также включать в письма этнографические, культурологические сведения о той экзотической среде, в которой он провел более четырех десятилетий.

Живые, непосредственные интонации, окрашивающие письма, свидетельствуют об интенсивной духовной жизни, которой, за отсутствием реальной общественной, жил автор. И здесь тоже нельзя забывать о том, что он успел приобщиться к французской культуре, которая накладывается у него на традиции венгерской духовности и, в условиях турецкой реальности, позволяет свежо и ярко воспринимать необычное, экзотическое окружение. В этом — и не только в этом, но и в умении подавить отчаяние, часто становившееся почти невыносимым, и делать свое дело — ему помогает и юмор, которым славятся венгры, живущие в Трансильвании, помогают ирония и самоирония. Все это позволяет понять, почему оставленное им произведение до сих пор увлекает читателей — и в Венгрии, и в других странах, на языки которых оно переводится.

Шмуц

TÖRÖK ORSZÁGI LEVELEK,

mellyekben

A II^{dik} RÁKÓTZI FERENTZ
Fejedelemmel Büjdosó Magyarok' Története
más egyéb emlékezetes dolgokkal együtt
barátságosan eléadtnak.

I r t a

MIKES KELEMEN

Az emlétett Fejedelemnek néhai Kamarássa:

Most pedig

Az eredetképpen való Magyar Kézírásokból
kiadta

KULTSÁR ISTVÁN

Az Ékeszóllásnak Tanítója:

SZOMBATHELYEN,

Nyomtatta SIESS ANTAL JÓSEF:

1 7 9 4:

ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМА К. М. ГРАФИНЕ Э. П. В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

1. Из Галлиполи*, anno 1717. 10 octobris*.

Любезная кузина! Хвала Всевышнему, долгое наше плавание, в кое из Франции пустились мы сентября 15-го дня, завершилось благополучно. Князь наш, слава Богу, жив-здоров, и был бы здоров вполне, не мучай его подагра. Но мы уповаем на турецкий аэр*, который непременно должен его исцелить. Ах, милая моя кузина, до чего же приятно ступать по твердой земле! Вон даже Святой Петр, и тот испугался, когда ноги его вдруг погрузились в воду*. Как же было не бояться нам, грешным, когда корабль наш валился с боку на бок среди волн, огромных, будто горы Эрдея*. То взмывали мы на самый гребень, то низвергались в такую бездну, что только и оставалось ждать, как горы воды с яростью рухнут на бедные головы наши. Но хлябь морская оказалась все же в должной мере человеколюбива: не захотела она поить нас водой сверх того, что требовалось. Одним словом, любезная кузина, мы здесь, на месте, живы и здоровы. Слаб человек, бывает, и на море хворает, не только на суше, когда иной раз так растрясет тебя в экипаже*, что ты жив едва, зато аппетит просто зверский. На корабле же качка, тряска нескончаемая

мутит голову, выворачивает желудок, и делается с тобой то же самое, что с пьяницами, кои не могут удержать в себе выпитое вино. Вот и бедный желудок мой первые дня два страдал подобным же образом, зато потом накинулся я на еду как изголодавшийся волк. Князь наш с корабля не успел сойти, как татарский хан*, который жил тут в изгнании, прислал ему всяческие подарки и среди них прекрасную лошадь под седлом. Князю дали хорошее жилье, мы же, остальные, живем, как собаки. Да только по мне все равно здесь куда лучше, чем на корабле. Милая моя кузиночка, драгоценные письма ваши [в последний раз] уж года два, как были получены мною*; клянусь, хотелось бы мне, чтобы год состоял всего из одного месяца. Надеюсь, радость моя, что теперь, когда аэр, которым мы дышим, у нас с вами один, я буду получать их чаще. И коли теперь разделяют нас с вами всего несколько сотен миль, то кажется мне, что и любить меня вы должны сильнее. Я же, хоть очень люблю вас, писать больше не могу, потому что кажется мне, будто дом вокруг меня кружится и будто я все еще на корабле.

2. Галлиполи, 21 octobris 1717.

Драгоценная кузина моя, а ведь я еще не получил от вас ни единого письмеца, и очень мне это не по душе. Правда, по душе мне вот что: видя, что на нее не обращают внимания, подагра покинула нашего князя, и тот нынче отправился с визитом к татарскому хану, хоть и на лошади этого самого хана. Тот принял его очень радушно. Я даже подумал было, не иначе как собираются взять нас в полон, и уже

озирался, кто кинется нас вязать. Но люди эти очень приветливы; они рады были бы поговорить с нами о том о сем, да что делать: за столь короткое время не могли мы стать татарами. Князь попрощался с ханом, мы, остальные, тоже поблагодарили — кивком головы* — их татарские высокородия за гостеприимство, и отправились к себе. А красавец конь был оставлен господину нашему. Думаю, завтра покинем мы это наше унылое и нищее пристанище, потому что прибыла к нам красная карета султана, которую он послал за господином нашим. Красной величаю ее потому, что снаружи покрыта она красным сукном, название же кареты она не заслуживает, потому как всего-навсего повозка*. А повозку тянут, или, лучше сказать, волокут четыре белые клячи. Принуждать их хотя бы к рыси едва ли кто взялся бы, потому как они зело стары и давным-давно забыли, что это за штука такая, рысь; всем вместе им никак не меньше восьмидесяти. Не удержусь, чтобы не сказать и о кучере. Если бы вы, кузина, его увидели, вы бы подумали, что лошадьми правит не иначе какой-нибудь бургомистр. О, как бережно колышет наша квадрига его почтенную белую бороду! В одной руке он по привычке держит вожжи — по привычке, говорю я, потому как лошади знают свое дело и без вожжей, — в другой руке трубку, то и дело окуривая из нее своих кляч — для того, наверно, чтобы у них не случился насморк... Все это хорошо, милая кузина, одно плохо: после того как под Белградом разбили турок*, народ бежит в Азию. Немец, говорят, уже возле Дринаполя, а Дринаполь* отсюда в полутора сотнях миль*. Что тут скажешь: мы ведь плыли сюда, чтобы сражаться вместе с турками,

а они, турки, разбегаются кто куда. Ах, милая кузина, как воевать с таким народом? Одним словом, завтра отправляемся мы в Дринаполь, чтобы лицезреть могучего султана со множеством жен* и Блистательную Порту*. Но, любезная моя кузина, надо вам уже прогнать прочь вашу лень, отложить спицы и взять в пальчики перо, да почаще писать мне, хотя бы по семь писем каждую неделю. И о здоровье следует печься с великим тщанием, а меня любить тем паче, ибо кто же будет любить вас, драгоценная моя кузиночка, сильнее, чем я*.

3. Дринаполь, 29 octobris 1717.

Пора уже вам, милая кузина, получить письмо, которое отправлено было отсюда, из Дринаполя. Заслуживаете вы, чтобы я рассказал, как добрались мы сюда, в имперский сей град. Из Галлиполи мы выехали 22-го. В пути не случилось ничего достойного описания: ехали как могли, кто на добром коне, кто на кляче. В городе под названием Узункюпри, во дворе дома, где господин наш остановился на постой, увидели мы виноградный куст, огромный, как целое сливовое дерево. Не подумайте, что я вру, но на ветках его с одной стороны и ягоды были большие, будто сливы. Самое же удивительное: если с одной стороны куста виноград был зрелый, то с другой — мелкий, зеленый, а с третьей только цвести начинал. Так что на одном кусте можно было видеть сразу три времени года. 28-го же, в полутора милях от Дринаполя, встретил нас капитан стражи местного каймакама*, с двумя сотнями янычар*, чтобы приветствовать князя нашего от имени султана и великого визиря,

своего господина. А лучше всего было вот что: в полумиле от города разбиты были шатры, где каймакам, от имени господина своего, устроил нам угощение. Кто бы подумал, милая моя кузина, что яства у турок такие отменные! Дело в том, что все мы сильно проголодались. Но еще и в том дело, милая кузина, что из-за стола я встал не насытившись, хотя потчевали нас по крайней мере восьмьюдесятью разными блюдами. Поверить этому никак не возможно, коли не знать обычая. А обычай тут — не приведи Господь, кузиночка! Только ты протянул руку к блюду, его уже уносят, так же второе, третье; одним словом, семьдесят или восемьдесят блюд промелькнули перед носом; иное ты и попробовать не успел — его уже нет. Видно, накормить нас хотели одним запахом, и остались мы после богатого обеда голодными. Вроде Тантала*, что стоит по горло в воде, а пить не может ни капли*. Злой и голодный, дал я тогда себе страшную клятву: не наевшись предварительно досыта, никогда не пойду к туркам в гости. О напитках же и речи не было. Правда, съели мы столько, что и жажды не почувствовали. После такого обеда в седла мы вскочили легко. Князь наш, сидя на коне султана, с большой помпой прошествовал через город на свою квартиру. Вечером же каймакам прислал нам ужин, который был куда лучше обеда, потому что прислуживали на сей раз не турки, а наши люди, и блюда они уносили, только когда мы их просили об этом. Каймакам этот у султана на очень хорошем счету. Еще бы не быть ему на хорошем счету, если он спит с дочкой султана. Сейчас, когда великий визирь в походе, каймакам ведет дома все дела. Зовут его Ибрагим*, и к нашему

князю он относится очень доброжелательно. Он был одним из тех, кто предложил султану послать во Францию за нашим князем. Я еще не видел их каймакство в лицо, но если даже никогда не увижу в жизни, то вас, милая моя кузиночка, я страсть как люблю. А вы меня?

4. Дринаполь, 7 novembris 1717.

Ах как хочется мне, дорогая кузина, чтобы эту вашу неистребимую лень прогнали вы прочь и писали мне чаще. Милое письмо ваше я получил как раз в ту минуту, когда садился в седло. Сказать вам, куда мы направились? Направились мы к нему, к тому светлейшему и благороднейшему каймакаму, который спит с султановой дочкой, когда может. Его счастьем я не то чтобы сильно завидовал, потому как ходят разговоры, что жена его красотой не блещет. Сам я ее, конечно, не видел, в этом вы можете мне поверить. Можете мне поверить и в том, что не очень-то и хочу увидеть в таком виде, в каком видят ее евнухи-кастраты. Милая кузина, знайте: взять в жены дочь султана — честь большая, но радость совсем не такая уж огромная. Как, должно быть, горько было каймакаму расставаться со своей дивной красавицей женой, когда ему отдали дочку султана! Сердечная любовь — больше, чем любое богатство; доброе супружество не обязательно живет в богатых домах. Знаю, милая моя кузина, вы надо мною смееетесь: дескать, кто бы рассуждал о супружестве! Так рассуждает о солнечном свете слепец, который знает, что есть свет, но не знает, каков он. Но — и пусть на прелестных губках ваших играет насмешливая

улыбка, я с уверенностью считаю, и все во мне: печень, легкие, почки — с уверенностью считают, что негоже милую, хоть и бедную женушку бросать ради немилой, но богатой супруги. Разве же я не прав? И я даже не о женитьбе говорю: от нее отделяют меня двести миль. А потому остается мне написать вам, драгоценная моя кузина, что каймакам принимал нас с большим радушием и большим почетом. Почти два часа он беседовал с господином нашим, потом подарил ему прекрасного коня, а когда собрался прощаться с ним, жена его послала князю несколько красивых платков. Очень бывает полезна дружба таких людей: будь я так близко к Загону*, как наш каймакам к визирству, то я был бы уже на околице Загона. Мы совсем не знаем еще, зачем приехали сюда, но боюсь, как бы планы наши не вылетели в трубу, потому как турки с радостью готовы мириться с тем, что их бьют. Но дальше нам отсюда, милая кузина, идти некуда, остается уповать на волю Божию: он привел нас сюда, пускай же ведет и дальше.

Но поверите ли, как трудно мне привыкать к этой стране. Правда, турки нас любят, мы ни в чем не испытываем нужды, никому из нас от них никакой обиды. Но — тяжело тут чужестранцу, потому как ни знакомств, ни друзей он завести не может. Нация эта ненависти к христианину не питает, но смотрит на него сверху вниз. Тут не приходится ждать, чтобы кто-нибудь позвал тебя к себе в гости, домой; да и сам я не то чтобы этого так уж сильно хотел. Да и зачем? Ну, угостят тебя трубкой с табаком, чашечкой кофе, потом два-три слова — и долгое молчание. А принесли лампаду, стало быть, пора убираться восвояси.

Правда, можно, пожалуй, спросить у хозяина, как, дескать, ваши детки, но не дай Бог спросить, как поживает жена: этого я никому не советую, потому как выпроводят тебя палками. О хозяйке и вспоминать не положено, будто женщин на свете вообще нет*. За какие же такие коврижки будет человек желать дружбы с турком? Разве что ради выгоды. Правда, незнание языка тоже может стать причиной неприязни: не станешь же ты открывать душу тому, с кем не можешь поговорить, поделиться мыслями. Я по сей день, любезная моя кузина, очень-очень мало знаю по-турецки. Бог весть, как оно будет дальше, но кажется мне, что и дальше вряд ли буду я знать больше тех двух или трех слов, которые знаю сейчас. Коли не о чем нам говорить с турками, а тем паче с турчанками, то не вижу я резона, чтобы становиться в этом языке больше ученым, чем в сей момент. Посудите сами, милая кузина, много ли нужно ума, чтобы выучить и запомнить три слова? Мы здесь все еще пришельцы и чужаки; когда я лучше узнаю здешнюю жизнь и город, то и напишу больше. А вас, дорогая кузиночка, попрошу: любите этого чужака. Лень надо отбросить, а бумагу не надо жалеть.

5. Дринаполь, 29 novembris 1717.

Милая моя, драгоценная кузина, как же вам везет, что вы сейчас не рядом со мной: будь вы рядом, ах как крепко я бы вас обнял, так крепко, так крепко! и сказал бы вам спасибо за то, что вы благосклонно относитесь к моим письмам и с радостью их читаете. Я буду вам писать столько писем и они будут такие длинные, что вы умоляюще сложите ручки и будете

меня упрашивать, чтобы я не писал столько. Потому как для меня, ей-богу, нет большего счастья, чем писать вам. Ах, нет, вру: читать письма ваши, милая моя кузина, счастье еще большее. Никто другой не смог бы писать такие дивные письма, какие пишете вы. Почему-то кажется мне, что другим это и не дано. Одним словом, драгоценная моя, давайте-ка не щадить друг друга, а писать и писать непрестанно. Уж коли так разбросало нас с вами, то давайте, насколько это в силах наших, отомстим ему и, если по-иному нельзя, то хотя бы посредством писем будем друг с другом беседовать. Глядишь, в конце концов это надоест времени и оно опять нас с вами соединит. Но поскольку вряд ли это произойдет так быстро, как я бы желал, то давайте пока писать и опять писать.

А сейчас напишу то, что достойно внимания вашего: сегодня великий визирь вернулся из похода и торжественно вступил в город. Каймакам и другие сановники, кои тут оказались, каждый со своей свитой, вышли ему навстречу. Могу сказать, милая кузина, что визирь здесь — настоящий бог земной: в других странах короля не встречают с такой помпой и с такими церемониями, как тут встречали визиря. Но ах! вся эта роскошь, все это сияние — не подобны ли они королевскому великолепию в какой-нибудь комедии*? Комедия, ведь она длится два-три часа, на этом и кончается королевство. Вот и визирь: въехал в город с великой помпой, а завтра, может, посадят его на крестьянскую телегу и шестеро слуг вывезут его прочь из города. И случиться это может очень легко. Пожалуй, он и сам это знает, потому как каймакам — султанов зять, и жена его, без сомнения,

больше хотела бы быть женой визиря, чем женой каймакама. Я в этом уверен столь же твердо, как если бы она сама мне это сказала. Пока же этот печальный день не наступил, с чистой совестью могу написать вам, что визирь, хоть видел я его лишь издалека, мужчина видный, крепкий, ладный, и тому не следует удивляться, потому как в доме отца своего ему приходилось управляться с волами, и вообще сын мясника должен быть сильным. Отсюда вы, милая кузина, можете судить, что происходит он из семьи мясника, мясником был и отец его, и сам он какое-то время изучал эту науку. Могут ли процветать дела в империи, если отдать ее в руки мясника? Правда, кажется мне, мяснику больше подходит быть полководцем, коли уж он каждодневно занимается кровопролитием, — чем какому-нибудь дровосеку. И тут я смеюсь каждый раз, когда мне это приходит в голову.

Дело в том, что при дворе султана был дровосек один, по-турецки — балтачи*. Понравился он султану, потому что очень уж ловко дрова колот; дал он ему какой-то чин при дворе, потом выше, выше — и стал наш дровосек великим визирем*. Но, к несчастью, сделал его султан визирем как раз в такое время, когда требовался умный человек, чтобы доверить ему войну с царем московским. Одним словом, стал балтаджи визирем, и послали его против московского царя, который стоял лагерем на реке Прут и оказался в окружении*, так что впору было ему со всем своим лагерем сдаваться, и он сдался бы, будь балтачи поумнее. Царь уже видел, что не миновать ему плена, но тут царице пришло в голову послать визирю подарки, — может, они с ним договорятся. На другой

день посылают они ему богатые подарки, заключают мир — и московский царь вместе со своим войском избегает пленения. Тем временем прибывает шведский король, приходит к визирю и говорит ему: вот, царь у тебя в руках, завтра можешь взять его в плен, если хочешь. А визирь отвечает: коли возьму я царя в плен, кто тогда о его стране позаботится? Судите сами, милая кузина, как разгневался шведский король, услышав такой ответ. Но спрошу я вас: разве ответ этот не был достоин дровосека? Но думаю, наш мясник все же умней того лесоруба, и выяснится это из того, как он будет вести наши дела. Я же, любезная кузина, желаю, чтобы здоровье ваше было в самом лучшем виде. А если бы вы знали, как я вас люблю, то писали бы мне письма подлиннее.

6. Дринаполь, 10 decembris 1717.

Золотая моя кузиночка, мы все еще здесь, здесь будем и дальше, но убей меня Бог, если я знаю, что мы здесь делаем. Мы пока не умираем от скуки, но сильно к этому близки, потому как прибыли мы сюда не для того, чтобы время зря проводить да охотиться в здешних бескрайних полях, а чтобы конец положить нашему изгнанию. Но надежда очень-очень начинает в нас остывать. Дело в том, что стоят здесь холода, живем мы в холодных домах, но как-нибудь хватило бы в душе тепла, чтобы не дать замерзнуть надежде, — когда бы имели мы дело с другой нацией. Но нет на свете ничего, что остужало бы душу сильнее, чем иметь дело с турком. Конечно, он тебе пообещает что хочешь, но дожждаться, пока выполнит обещание, нет никакого терпения: только слышишь:

Constantinopolban Gróf P... E.....
 irat levele M... E.....

Callipoliban, Febr. 1777. 10. Brno

Edes néniem hála legyen a Jézusnak, mi ide
 érkeztem, ma jelenéséem, francia orvászabotpe
 dig 13 évi em-bremek meg, a fejedelműnknek jelen
 nek hála jó egészségre volni, hogy ke a közönségben
 ismét a hármán felle venni de reméljük hogy itt a
 jövőre átvé a úri, edes néniem mi jó a főtől a
 járnai, látva két meg fi. jeter is meg ijedel volt
 mielőtt arányon a fapadotak aléban, két mi bűnös
 job. hogy ne félünk amidőn a közönség ottan
 egy habos fordult egyik oldalánál, amióttára
 mine a erőtől meg kezek, némelykor arányon a ke
 zeket mentünk el, némelykor pedig ottan meg vőly
 len estünk, hogy már csak az vartuk hogy el vőly
 om ottan a az a vic kezek, de meg is ottan erőt
 a csak arányon hogy főtől nem arányon, mine, bűn
 csak vőly, elly a hogy itt vőlynek egyik jobban, most a ton
 kerem is meg beteges a erőt, nem csak a főtől, is é
 a a bűnös meg rára, el főtől, is job vőlynek a
 en az itélre, de a közönségben a a főtől a vőly, rege-

Автограф письма К. Микеша

завтра, завтра, и это завтра растягивается на полгода, а до тех пор ничего, кроме «завтра», из него не вытянешь. Вот и остается жить надеждой*. Его султанство, узнав, что господин наш носит французский камзол, тайно велел сшить теплый кафтан и сегодня прислал его сюда. Кафтан этот таков, что подкладка в нем стоит дороже самого кафтана. Но тут, как говорится, смотреть полагается, не каков подарок, а кем подарен. Дело в том, милая моя кузина, что подарки дарят многие, но мало кто знает, как дарить и что делать, чтобы подарок был правильным. Можно ли считать правильным, если визирь подарит князю цветы, кружку или стеклянный кувшин? Подарки в этой стране — обычное дело; таков здесь обычай — но хорош ли он, пристоеен ли? Давайте не будем больше о подарках.

Но, золотая моя кузиночка, если бы было мне о чем писать, я бы еще не заканчивал письмо, потому как, клянусь вашим сердечком, писать вам письмо — самая для меня большая радость. А сегодня у меня особенная охота разговаривать с вами. Лучше я буду писать всякую чепуху, только бы не заканчивать письмо так быстро. Но о чем же писать: о палочных наказаниях? Это едва ли можно считать подарком. Но зато какая же большая честь, если сам султан поколотит кого-нибудь палкой; достаточно сказать, что султан побил палкой своего зятя. Надо думать, тот чем-то не угодил жене своей. Впрочем, причину такой болезненной почести мы знать не можем, потому что подобные дела происходят только в гареме, то есть в женском доме. А туда нормальному мужчине входа нет. О палочном наказании мы узнали от

одного нашего соотечественника, чья жена состоит в услужении, в чине прачки, у супруги каймакама. Муж ее – венгр, раб каймакама, чин же у него при дворе каймакама – дровокол. Свой человек, он везде свой. Дровокол этот, из патриотизма, часто нас навещает – и развлекает нас рассказами о том, что происходит в разных тайных местах. Ну, скажите, скажите, любезная кузина, нет у меня, что ли, других дел, кроме как писать такую вот чепуху? Но как быть, когда главное наше дело – валяться без дела; а коли и было бы у меня какое-то дело, я бы бросил его ради того, чтобы писать вам. Потому как, милая моя кузина, разве кто-нибудь любит вас так, как я? Но к этому добавил бы я еще два фунта любви, знай я, что вы должным образом заботитесь о своем драгоценном здоровье. А вы меня любите?

7. Дринаполь, 17 decembris 1717.

Сегодня, милая кузина, визирь передал нашему господину, что будет рад видеть его у себя. Но поскольку все мы – пешие, только у господина нашего есть три коня, то каждому из нас прислали по верховой лошади, и мы с пышной турецкой церемонией отправились к визирю. Но посудите, милая кузина, как я испугался, когда, чуть подъехали мы к дому визиря, собравшийся народ во всю глотку стал вопить что-то, вроде как: держи вора! Я уж только смотрел, когда нас схватят под белые руки. Но испуг скоро прошел, потому что визирь принял князя радушно и усадил рядом с собой. Я потом спросил, что означал этот крик? Мне сказали, таков обычай: поднимать крик, когда визирь дает аудиенцию какому-нибудь

гостю. Слава Магомету! Слава непобедимому султану! Слава могучему визирю! Видите, дорогая кузина, каково это — не знать обычаев. В другой раз я уж не испугаюсь. Словом, господин наш два часа провел с мясником. О нем говорят, что ума у него больше, чем положено мяснику, и что он не только с топором, но и с делами государства управляется весьма ловко. Нам остается верить, коли говорит это такой умный человек, как наш князь, который уехал отсюда на коне визиря: тот ему коня подарил, таков здесь обычай. Знаю: когда поедем к султану, будет у нас еще один конь.

Я уже говорил, что визири — земные боги. Роскошь, богатство, двор у них — что у твоего короля. Часть их роскоши — в том, чтобы перед ними всегда стоял слуга, но когда они говорят о делах государственных, слугам это не положено слышать, а потому держат они глухонемых слуг. Те любой знак понимают так, как если бы им говорили словами; вот такие слуги находятся в доме, когда визирь беседует о секретных делах. Не правда ли, разумный обычай? Пожалуй, хорошо бы и у нас его ввести, чтоб не было столько сплетен и болтовни. Мне вот еще что пришло в голову: будь старухи у нас глухонемыми, девушки об этом вовсе бы не жалели. Зато я жалею, что в наших делах никакого продвижения вперед; боюсь, как бы мы не застряли тут навсегда. Дорогая кузина, горшку положено жить по воле горшечника, горшок не может сказать горшечнику, мол, зачем ты меня в Дринаполь послал? А мне бы больше хотелось быть горшком с капустой в Эрдее, чем кофейной чашкой на столике у султана.

Не мудро ли говорит турок, что Бог раскидал тут и там хлеб для людей, и каждый должен идти туда и быть там, покуда не съест предназначенный ему хлеб*. Наш хлеб брошен здесь, и мы должны есть его и не роптать, пока он не закончится, и не говорить, что, мол, лучше мамалыга в Эрдее, чем пшеничный хлеб в Турции. Драгоценная моя кузина, я, может, не без причины опасаюсь, что, коли Бог милостивый сохранит меня в теле несчастного изгнанника, то придется мне, может быть, еще целую гору хлеба съесть в этой стране, потому как, коли турка побьют, это вынудит его жить в мире и покое. Наш мясник, хоть визирь он хороший, но вояка — никакой. А и будь он хорошим воякой, султан на него смотрит косо, как и на каймакама, у которого ума хоть и много, но воевать он любит, как я — сутяжничать, и понимает в этом примерно столько же. Но то, что полагается ему знать, он знает, к тому же, как зять султана, своего добьется, а если добьется, то и мир установит. Если же будет мир, стало быть, сидеть и сидеть нам возле своего хлеба, и никуда нам отсюда не деться, пока весь его не съедем. Я же, пока хлеб мой не закончится, всегда буду любить вас. А вы меня? И за здоровьем своим следите, милая кузина, потому что нет ничего дороже здоровья.

8. Дринаполь, 4 januarii, 1718.

Прошу Бога, чтобы новый год вы хорошо и начали, и закончили. Желаю вам здоровья по крайней мере на два фунта больше, и чтобы любили вы меня по крайней мере на сто дирхемов сильнее. Милая кузиночка, хотя сердце мое, все его уголки,

складки, карманы полны горячей любви к вам, сам я — словно льда кусок. Что же мне, из-за этого вам не писать? В общем, заслужил я, чтобы вы, милая кузина, поблагодарили меня от всей души за то, что я, хоть и едва жив от холода, все же пишу вам. И спешу сообщить, что сегодня были мы в пресветлом дворе непобедимого султана*, где князь наш принят был с большой торжественностью. Сначала принял князя великий визирь, в зале Дивана. Перед князем поставлен был круглый столик с большим серебряным блюдом. Приносимые яства клали туда по очереди; ни ножа, ни вилки, ни скатерти, ни салфетки не было на столе. И перед визирем, и перед каймакамом стояло по отдельному столику, и на каждый столик одновременно клали одну и ту же еду. Спустя час, когда обед закончился, князя повели к султану. Никто из нас князя не сопровождал. Когда он предстал перед султаном, на него надели куний кафтан*. Пока князь был у султана, нам, каждому, тоже накиннули на спину по кафтану. Выйдя от султана, князь сел на коня, подаренного султаном. Мы все тоже сели верхом, так что князя к его дому провожали по крайней мере тридцать королей. Не смейтесь, кузиночка: коли бы вы видели нас в тех кафтанах, вы бы подумали, что свита князя состоит из толпы египетских фараонов, — только что мы были не такими черными. Милая кузина, не удивляйтесь, что все эти короли или фараоны страсть как озябли: сегодня тут стоит крепкий мороз. И еще знайте, что их величества из гостей возвращались голодными. Зато князь ехал на жеребце, которого султан подарил ему со всей упряжью,

и еще булаву и меч. Меня вы любите, дорогая кузина, если следите за своим драгоценным здоровьем, я же вас люблю, если вы здоровы.

9. Дринаполь, 15 februarii 1718.

Милая кузина, я на вас совсем не сержусь, я даже смеялся, читая жалобы ваши, что не можете вы писать чаще, потому что не с кем отправлять письма. Вы так старательно оправдываетесь и так умильно жалуетесь, что это само стоит десятка писем. Возможно, вам известно, что отсюда в Константинополь почта не ходит. А знаете, в чем причина? Причина в том, что прежде, когда султан еще жил здесь, вельможи даже за самой малой малостью посылали почту в Константинополь. Среди прочего один паша, прибыв сюда, обнаружил, что забыл в Константинополе свою любимую трубку, и тут же снарядил за ней почту. Султан, узнав об этом, издал указ, чтобы между этими двумя столицами почта больше не ходила. Видите, какой урон я терплю из-за какой-то трубки. Здесь мы ничего не упускаем предпринимать ради того, чтобы дела наши шли как можно лучше. Рез-эффенди* (канцлер) часто приходит к нам, мы тоже бываем инкогнито у каймакама, дай ему Бог благополучия! Но боюсь, дело кончится, как у тех гор, что, сойдясь, рождали мышь. Ибо то, что я однажды написал, могу написать еще хоть сто раз: зять султана, хоть его часто, по рассказам дроворуба, бьют палкой, все-таки рвется в визири, но к военному делу способен так же, как я — к сутяжничеству. Да я, пожалуй, даже больше в этом понимаю: разве дело стряпчего не в том, чтобы находить выгоду для себя, чтобы от каждой

стороны брать подарки и никому не служить? О, милая кузина, как он, этот каймакам, близок к чину визиря! Будь я так близок к женитьбе, пожалуй, оркестр уже играл бы танец невесты. При всем том обещаний сколько угодно, — да только и с ними мы остаемся на том же месте. Турок, если его побьют, поплачет — и смирится. Кроме того, почему-то — один Бог знает, почему — и во Франции подыгрывают немцу, француз лезет из кожи, чтобы помириться с немцем, и если это случится, мы не сможем даже исподлобья смотреть на Эрдей, а повернемся к нему спиной. О новостях писать не могу: тут такие холода, что новости все замерзли; заканчиваю, потому что старый джифит* уже стоит и ждет письмо; еще замерзнет тут на мою голову. Знать бы, из какого он колена; по бороде я бы сказал, что он из колена Завулонова*. Милая кузина, только глядите не простудитесь мне. Любите ли вы меня? О том, люблю ли я вас, нечего и спрашивать.

10. Дринаполь, 15 martii 1718.

Дорогая кузина, сегодня, если я правильно посчитал, ровно месяц, как я писал вам в последний раз. Но клянусь своей бородой (когда она вырастет), что, как только потеплеет, я буду писать чаще. Потому как, пускай сердце ваше из мрамора, все равно оно сжалилось бы надо мной, когда бы увидели вы, как я, или, вернее, как мы тут живем. Мой дом — это четыре каменные стены, в стене — оконный проем с деревянными ставнями, ветер в это окно входит и выходит без всяких помех. Если же я закрою его бумагой, мыши и крысы ее съедят на ужин. Мебель моя состоит из одной деревянной табуретки, постель

постелена на полу, обогревается дом горсткой углей в глиняном горшке. Но вы, кузина, читая это, не думайте, что я достоин жалости больше других: у десятерых нет ни деревянной табуретки, ни такой постели на полу, как у меня, ни ставен, и снег спокойно влетает в окно и падает им на подушку. Да и можно ли называть постелью брошенное на пол покрывало? В таких вот хоромах мы живем. Но человеку очень нужна надежда, нужна, как пища, и мы, ютясь в никудышном жилье, надеемся, что еще будем жить в хороших домах. Дождемся ли мы когда-нибудь этого? Зато мы дождались, что прибыл сюда испанский посол*, которого король испанский прислал к нашему князю с обещаниями, что во всем будет ему помогать. Сегодня утром он встретился с господином нашим, который принял его стоя и разговаривал с ним почти полчаса. Вы, кузиночка, знаете, что я люблю вас. И знаете, что должны заботиться о своем здоровье; должны также знать, что в холодном доме трудно долго писать.

11. Дринаполь, 22 aprilis 1718.

Уж и не пойму, откуда я пишу это письмо: из Ноева ковчега или из Дринаполя: тут такое половодье, что весь город стоит в воде. Одно хорошо: что погода ясная, а иначе можно было бы подумать, опять наступил всемирный потоп. Надо думать, снег на горах растаял, отчего и здешние реки вышли из берегов; речка, что текла перед нашим домом, так вздулась, что по улицам плавают лодки. И происходят такие вещи, которые бывают только во время потопа: еду из кухни пришлось доставлять верхом на коне. Слыхали

вы, кузина, такое? Даже римские императоры не посылали слуг на кухню с такой помпой. Разве что одному Аввакуму позволено было бы, не замочив ног, приносить себе еду*. Такая церемония доставки еды продолжалась, может, два дня. Но не думайте, кузина, что слуги не могли бы принести еду пешком: вода доставала им только до щиколоток. Да только им, слугам, больше нравилось ездить на кухню верхом. Но уж точно не нужен нам был тот великан, про которого говорят евреи, что если бы он во время всемирного потопа взошел на самую высокую гору, то вода доставала бы ему только до пояса, и великан этот все время шел рядом с ковчегом, словно пристяжная рядом с каретой*. А теперь можно писать и о новостях, потому что в доме моем стало теплее и новости оттаяли. Любовь же мою к вам никакой потоп не погасит*. А вы меня любите? Бережете ли свое здоровье?

12. Дринаполь, 27 aprilis 1718.

Милая моя кузина, вы меня плохо знаете, потому как, знай вы меня получше, вы не написали бы, что редко пишете мне оттого, что я-де редко пишу вам. Вы не боитесь моей мести? Знаете ли вы, что нет для меня большего наслаждения, чем мстить тому, кого я люблю. Если я на кого-то сержусь, я ему прощу, как только появится такая возможность; но тому, кого люблю, я должен отомстить. Это зовут сладкой мстью; мсть же тому, кого ты ненавидишь, — горькая мсть. Многие так не считают; но мы-то с вами считаем именно так и не жалеем об этом. Давайте же мстить друг другу и писать часто. Хотите знать новости? Желание ваше я не очень могу удовлетворить.

Французский посол Боннак* трудится здесь не над тем, чтобы война продолжалась, а чтобы скорее закончилась. Этого хочет немец, а турку просто воевать надоело. Что же нам-то делать меж ними? Какую музыку играют, под ту мы и танцуем. Позвали нас сюда — для войны, прибыли же мы — к миру. Можно ли желать чего-то иного, а не того, что угодно Богу? Должно нам следовать промыслу его, и следовать не как-то, а во всю прыть. Ибо Господь любит, чтобы человек бегом бежал выполнять его волю, не просто с готовностью, но с радостью. Так что не будем грустить, если дела складываются не так, как нам нравится; тот, кто предопределяет будущее наше, знает, как должны идти дела. Но вот если вы меня не любите, золотая моя кузина, то тут я буду очень-очень грустить. Вы же радуйтесь, потому как я вас люблю без памяти. Хорошо ли ваше здоровье, бережете ли вы его? Спокойной ночи, милая кузина!

13. Дринаполь, 9 maii 1718.

Иных Бог возвышает, других унижает, и каждый должен воздавать Ему хвалу за это. Милая моя кузина, сегодня тут кое-что случилось. Я давно уже говорил вам, какое это великое мирское счастье — спать с дочерью султана, и какое большое дело для мясника — потерять чин визиря. Сегодня наш каймакам поднялся до визирства, а бедный мясник оттуда рухнул. Сегодня султан прислал своего капиджи-баши* к визирю, чтобы тот вернул печать и покинул шатер свой, все оставив там. Бедняге все пришлось бросить, что у него было; в кафтане, который был на нем, его посадили на лошадь, и несколько чаусов* проводили

его из города. Сердце мое не могло не сжаться, когда он проехал под нашим окном в окружении примерно дюжины стражников. Надо полагать, его не убьют, а назначат куда-нибудь пашой. Но с какой высоты он упал? Если помнить, что был он мясником, то разница не так велика. Но если посмотреть, как высоко он был: где-то на уровне княжеского сословия, — тогда мы увидим, в какую бездну он рухнул. В таком состоянии мы только и можем понять, как повелитель всех людей, даже и королей, возносит кого-нибудь из праха, от сохи, с бойни, а спустя некоторое время низвергает его в прежнее состояние. И состояние это после падения куда тяжелее, чем до вознесения, ибо ты успел вкусить мирской славы. Милая кузина, долго еще я мог бы рассуждать о превратностях жизни человеческой, но не должен забывать, что пишу письмо, а не книгу.

Однако вернусь к новому визирю, который находится сейчас на вершине мирского блаженства: при всей удачливости судьба его будет такой же, как у предшественника, — если не хуже. Но пока что он — на гребне волны и плывет, пока вода его держит. Отбрав печать у бедняги мясника и лишив его всего состояния, султан вручил печать каймакаму, тем самым сделав его великим визирем. И, выйдя от султана, новый визирь торжественно направился в шатер низложенного визиря, где вступил во владение всем его имуществом. Неплохо, не правда ли, милая кузина, за каких-то полчаса разбогатеть на несколько сотен тысяч талеров. Должно быть, счастливчик почти наверняка был уверен, что достигнет такого почетного чина: во-первых, султан очень любит свою дочь, его

жену, в во-вторых, и его самого очень любит. Еще бы он после этого не лез из кожи! Он, правда, мясником не был, султан нашел его среди мелких писарей, приблизил, дочь свою за него отдал, каймакамом назначил. И вот он уже визирь, и зовут его Ибрагим-паша*. Хотел бы я знать, что он думает — если, конечно, думает — об изменениях, кои происходят в мире. Но думает ли, нет ли, он уже сидит высоко и будет там сидеть, пока можно. Вот и мы сидим тут — и будем сидеть, пока можно, потому что теперь, почти точно, войны ждать не приходится. Новый визирь, он, скорее всего, будет мир насаждать. Для него это — прямая выгода, потому что он человек не военный; ума он большого, но ума не военного.

Нам и сейчас много обещают, но все обещания рассеиваются дымом, и прекрасные утешения, что вот-вот двинемся мы маршем на родину, тают, как облака в небе. Что ж нам: отчаиваться? Только не это. Надеемся мы, милая кузина, на лучшее, уповаем на Бога и будем уповать, даже если почти наверняка будем знать, что того, чего мы ждем, Он не даст нам. Что и говорить, трудно без Загона; трудно 12 месяцев в году нести на плечах груз службы, почти или совсем никаких не имея видов на женитьбу. Все это — очень трудно, милая кузина, но на то мы и христиане, чтобы не терять надежду. Опять я забыл, что пишу письмо, а не книгу, и что совсем вам ни к чему мои проповеди. Но тот человек во мне, который проповедь эту читает, не может сегодня не думать о женщине; такой уж день сегодня: два человека оказались как бы на весах: один вверх взлетел, второй вниз опустился, а мы на земле остались. Как не думать об этом

проповеднику? Ведь все это потому, что, коли речь идет о женщине, нельзя игру прервать в середине и нельзя утомлять ее долгим письмом. Я говорил, что люблю мстить, но так и быть, пожалею вас и мстить перестану. Ах, знали бы вы, как я вас люблю! А вы меня? Берегите свое здоровье! Но свеча у меня вот-вот погаснет, да и сам я засыпаю.

14. Дринаполь, 6 июня 1718.

Мы все еще здесь, но не ведаем, что ждет нас: война или мир? Думаю, будут нас держать на цепи с помощью второго. Порта часто присылает рез-эффенди (канцлера) к нашему господину, а когда прибывает он к нам, и карманы его, и пазуха, и чалма — все полно обещаниями; но в том-то и дело, что обещаниями, а не делами. Очень нас обнадеживают, дескать, будет, будет война; таков турок: чем больше он говорит о войне, тем больше ему хочется мира. Но кто бы посмел тут думать о мире, когда вот, скажем, сегодня великий визирь с оружием, в перьях, словно Геракл на очередной подвиг, отправился с войском отсюда к Софии. Знает он, что не понадобится ему большое войско, — так оно и есть: мало солдат пошло с ним. Правда, и сам визирь, и ага янычаров двинулись в поход с большой помпой. Но это все — комедия, потому как они давно уже ставят на мир. И к Софии они идут лишь затем, чтобы быть ближе к месту, где послы собираются на переговоры о мире. Так что, милая моя кузиночка, не хочу ничего сказать, но точно пора нам повернуться спиной к Эрдею, к милому Волшебному краю* нашему, и покориться великому Божьему промыслу не только ныне, но и присно.

Подумайте сами, кузина: султан посылает во Францию, к нашему господину, своего капиджи-пашу с письмом, полным самыми прекрасными обещаниями. Вместе с пашой послала Порта вельможного Яноша Папай*. После этого мы, ясное дело, надеялись с боем вернуться на родину. Однако вышний промысел оказался иным: предназначение наше было в том, чтобы прибыть сюда для мирной жизни и в этой стране жить в изгнании. Но уж коли Господь лишил нас надежды на то, чтобы сражаться, то возблагодарим его за милость к нам с другой стороны. Потому как, увидев, в каком союзе находится сейчас француз с султаном, можно было догадаться, что князю нашему оставаться во Франции никак нельзя, и, не позови его султан, все равно ему пришлось бы покинуть Францию. С тех пор, как мы сюда прибыли, герцог Орлеанский, регент Франции*, корреспонденции с нашим князем не вел и на письма князя относительно союза с султаном не отвечал. Как бы нам оставалось поступить, не пожелай Господь нас сюда привести и не пошли за нами султан? Вероятно, пришлось бы нам приехать незваными, а тогда и приняли бы нас неприветливо. А так князь, господин наш, живет здесь в большом почете. Денег дают достаточно, во Франции за шесть лет не давали столько, сколько здесь на один год. Видите, кузина, как милостив Бог. Одной рукой закрыл нам дорогу в Эрдей, зато другой нас кормит. Так надо ли нам отчаиваться, милая кузина? Нет, надо уповать, уповать до тех пор, пока не увидим мы дорогую родину нашу, уповать, пока живы. А не доживем, пускай увидит

ее тот, кто доживет. Вы же, милая кузина, берегите свое здоровье. Может быть, вы меня любите; а уж я как вас люблю, в это и поверить нельзя.

15. Дринаполь. 12 julii 1718.

Сколь много бед причинил людям адамов грех*. Зимой, милая кузина, жаловался я, что зябну очень, трудно писать, а теперь жалуюсь, что тепло. Только не подумайте, милая моя, что во мне говорит изнеженность. Потому как и холод был великий, и жара навалилась такая же. Ежели зимой дома у меня был ледяной погреб, или, скорее, ледяная тюрьма, то теперь — раскаленная печь. Тюрьмой же я называю его потому, что не могу даже в окно выглянуть, ежели только лесенку не подставить: так высоко находится окно, под самым потолком, да и там его нельзя открыть, так оно сделано. Вы, конечно, знаете причину, почему окна тут делают так высоко, а я не знаю; думаю лишь: для того, чтобы ты не мог подсмотреть за соседкой, потому как турок не хочет, чтобы кто-нибудь смотрел на его жену. Верно говорят: Франция — рай для женщин и ад для лошадей, Турция же — рай для лошадей и ад для женщин. Словом, никакой мочи нет у меня оставаться в доме, да и снаружи зной едва выдержишь. Ни до стены, ни до стола не дотронешься, такие они горячие. Намедни же в поле была такая жара, будто мимо раскаленной печи едешь; проведешь там побольше времени — и падай из седла. Никаких других новостей пока что нет, да и эти новости страх какие горячие; но думаю, через короткое время придется мне сообщить вам новости похолодней, потому как подписание мира считается почти

Grinapoly. 12 July 1784.

Micaudok job' léle nyomorúsága okosra az emberétek
 az idem vötte. atélben éris ninon aron kelleres pap pane
 jalkodnom hogy igen hírdőz vagyon, is nehé irni, mass meg
 aron kel panafalkodnom hogy meley vagyon. az ne gondol-
 ha kél hogy kényesébböt völeghem. mert valamikor a nag' hi-
 dőz vöte, a meley hírdőz vöte, ha félben jég verem völe-
 háram, vagy is inkább apámban a falkodnom. most pedig jütö ke-
 menere, falkodnak pedig aris hírdőz, mert az abbakom ki nem né-
 kének vöte ha csak hajtójár nem márnék. ottan kélő vagyon
 a padláshoz, még azokos fém lehet ki nyírni, ugyvannak völeghet.
 kél pedig jüt tudga az okos hogy mien völeghet ottan magam az
 abbakom, én nem tudom, az az gondolom, hogy azis hogy a falkodni ap-
 panom ne lehetem meg léni mert azokos az falkodni hogy völeghet
 a falkodni névenek, jüt mondják az, hogy francia völeghet.
 az affonyok paradíszoma, is a lovak purgátoriuma, forók völeghet
 pedig alovak paradíszoma, is az affonyok purgátoriuma, elly a
 hogy nem lehet a hársamban marádom még kél is elly falkodni
 két az ember annyj hírdőz. a falk, vagy az affony. ha meg papap-
 pan az ember meleyégyen éven, aminap pedig a magón ottan
 meley falk jüt nének, valamire ha az égő kemence melle ^{völeghet} ~~völeghet~~
 na is, amannan is ha falkodni tartos völeghet. a kélőte völeghet
 a lovak.

Автограф письма К. Микеша

несомненным, и опасаясь, что я вас обниму там, где не хотел бы. Но все же не будем отчаиваться, Господу лучше знать, что нам нужно*. Ежели у вас там стоит такая же жара, умоляю вас, не болейте. Я об этом со страхом думаю. Но знайте, милая кузина: невозможно любить вас сильнее, чем люблю я. В другой раз напишу больше.

16. Дринаполь, 15 aug. 1718.

Это, милая моя кузина, будет последнее мое письмо из имперского города. Здесь мы уже съели весь хлеб, что нам полагался*, теперь двинемся дальше, но не вперед, а назад, и остановимся возле той груды хлеба, что ждет нас близ Константинополя. Потому как — чего боялись, в том по макушку и оказались. Кто выведет нас отсюда? Только Господь. За несколько дней до этого пришла к нам весть, что 21 июля великий визирь заключил с немцем мир на 24 года*. Если мне придется столько здесь сидеть, то прощай невестин танец. Увы, милая кузина, ежели до того времени душа моя останется в моем толстом теле, придется мне есть лишь турецкий хлеб из той самой груды, а поскольку будет мир, здесь нам никакого иного дела не останется. Завтра господина нашего отправляют в имперскую столицу. Мы уже собираемся, повозок дали нам достаточно, больше нам и не надо, сами посудите, милая: все пожитки мои я уложил на четвертой части маленькой повозки, а пожитки у меня еще не самые малые*, есть тут такие, кто и вдесятером не смогли заполнить одну повозку. Дали нам и верховых лошадей, потому как, хоть нас всего пятьдесят, но лошадей не больше пяти. Словом,

как я уже сказал, завтра отправляемся. Где мы будем жить, еще не знаю, только знаю, что отсюда увезут. С нами едет и господин Форгач*. Какая радость, что скоро я вас увижу, кузина!* Но здоровье ваше пускай будет хорошим, чтобы радость была еще больше. Написал бы я еще много всего, но когда собираешься в путь, много не напишешь. Господь вас храни, милая кузина, нас уже зовут к обеду.

17. Буюкдере*, 25 augusti 1718.

Слава Богу, вчера прибыли мы на место. Из Дринаполя выехали 16-го; в пути не случилось ничего такого, что нужно было бы упомянуть. Напишу лишь, что я много смеялся* над французами, которые были с нами. Потому как есть среди них такие, кто никогда не сидел на лошади, и уж как они сидели верхом и как ждали привала, было очень забавно смотреть. Вы, милая, слышали про войско Пентесилеи*, здесь, среди них, таких была целая армия. Словом, когда мы вчера сюда прибыли, то думали, что нас поселят во дворцах; но здесь, в селении, не нашли мы ни одного целого дома. Потому господина нашего принудили оставаться в поле близ города, в шатре, до тех пор, пока не будет другого распоряжения и нам не найдут места получше. Не надо было бы вам писать мне, что я нахожусь от вас всего в трех часах пути: я уж так и вижу, как вы переплываете этот прекрасный канал*. Не стоило писать и о том, что мы находимся на берегу канала, на расстоянии пушечного выстрела от выхода в Черное море. Но все это я пишу с радостью, потому как мы совсем близко друг от друга: вот сяду на какое-нибудь маленькое трехвесельное

суденышко и поплыву на обед в великий имперский город. А пока мы все будем жить в шатрах, пока не дадут места лучше. Здесь мы на зеленом лугу, но рядом какие-то старые разрушенные строения, в которых скорпионов — как блох. Не хотел бы я видеть таких гостей в своей постели. Сейчас я особенно не хотел бы умереть, иначе как я смогу обнять вас, милая кузина! Ведь покойник, он такой угрюмый, неприятный, он даже жену свою не обнимет. Я же еле терплю, чтобы увидеть вас, но это будет невозможно еще три или четыре месяца, или, точнее сказать, три или четыре дня. Ах, как будет мне грустно, если я не найду вас в добром здравии. В понедельник же ждите меня на обед, пускай будет и капуста*.

18. Буюкдере, 15 septembris, 1718.

Милая моя кузина, дважды выпало мне счастье увидеть вас, но я вас будто и не видел. Только заметил я, что когда я у вас, день пролетает быстро, как ласточка, а когда я здесь, то тащится, словно рак. Однако я готов с вами ссориться, потому как от вас два дня уже не было ни письмеца. Когда бы не наша лень, мы каждый день по два письма получали бы. Вы, милая, должны знать, что я ненасытен в чтении ваших писем. Коли хотите вы, чтобы у меня было хорошее настроение, пишите мне часто. Когда я читаю ваши письма, мне и скрипач не нужен, чтобы плясать, потому как я знаю, и другие считают так же, что хорошее письмо лучше всякого танца. Мы же здесь ждем, когда нас расквартируют, а пока обитаем в шатрах, как еврей*. Поскольку у французского посла Боннака есть поблизости дом, он часто сюда приезжает

вместе с женой. Но у нас он еще не был, он хочет, чтобы мы первые нанесли ему визит. Однако из этого ничего не выйдет, потому как наш господин знает правила, и нам не пристало ехать к нему первыми. Тут и с титулом имеется какое-то препятствие, и препятствие это препятствует, чтобы препятствие было устранено, так что по этой причине они друг с другом не встречаются*. Но поскольку у меня никаких препятствий ни со стороны первенства, ни со стороны титулов нет, то я часто у них бываю. Жена у посла — чистый мед; можно сказать, среди женщин она — как очень хорошая жемчужина среди прочих жемчужин. Ах! я и забыл, что ни в коем случае нельзя хвалить одну женщину перед другой женщиной, потому как это ей будет не по душе. А мне-то, мне разве по душе, когда меня в письме называют капустным горшком. Но я это как-нибудь снесу ради пользы дела. Как прекрасно, когда человек не сердится на свою кузину. Как ваше здоровье, заботитесь ли вы о нем? Любите ли меня с тех пор, как мы не виделись? А уж я тебя, милая кузина, люблю, как капусту*.

19. Еникёй*, 22 septembis 1718.

Вы уже знаете, милая, откуда шлю я сейчас свои письма. Могли вы также заметить, что изгнанники евреи из шатров в конце концов перебрались в дома. У нашего господина есть нормальное и удобное пристанище. Знаете вы также, милая, что живем мы на морском берегу, и до того на морском берегу, что к самому моему дому можно подойти по воде. Одно-го вы не знаете, милая: в чьем доме мы живем. Изда-ли кто-нибудь сказал бы, что это дом какого-нибудь

губернатора, хотя хозяин наш вовсе не губернатор. При всем том, может, его и стоило бы назвать губернатором, но только над лисами, потому что он скорняк, зато очень богатый. Скорняку великого визиря еще бы не быть богатым! Расквартировались мы сегодня, а имущества у нас столько, что каждый вселился на свое место за полчаса. В моем доме не путаются под ногами ни стул, ни стол. Хотя место для сиденья у меня есть, оно вроде маленького стула. Коли я захочу сесть, то сажусь на него, но использую его и по-другому: если захочу что-нибудь написать, то можно писать на нем. Хорошо, когда можно жить без всякой домашней обстановки. Так и должно быть у таких изгнанников, как мы, которые сегодня здесь, завтра там. Вот съедим хлеб, который здесь для нас предназначен, и переберемся в другое место. Коли в древности жили люди без всякой мебели, то почему не жить нам. Вон у евреев не было стульев, — и туркам нет в них необходимости. Видел я стул одного бывшего французского короля*, — у загонского судьи стул лучше, чем у того короля был. Да и зачем они мне, домашние вещи? Ведь корабль, который привез нас сюда, все еще ждет у архипелага*, — поскольку господин наш намерен вернуться во Францию (но в этом я — Фома*). Ожидаем мы приезда сюда господина Берчени* с женой, они поселятся по соседству с вами, милая, но не знаю, надолго ли. Короче, милая кузина, мы уже сидим здесь, возле своего хлеба. Один Господь знает, сколько это продлится и где еще посеян для нас хлеб. Ибо туда все равно ехать придется, как бы ты ни упирался, и придется тот хлеб собрать. Хотелось бы мне, чтобы и вам, милая, посеяли хотя

бы немножко хлеба здесь, рядом с нами: тогда бы надеялся я, что вы приедете навестить нас. Что за дивная картина: сидит дама на красивом разукрашенном кораблике, трое сильных турок ведут его, и летит он по пенным волнам, как стрела. Коли вы сюда не приедете, значит, сердце ваше холоднее камня. Хотя бы на несколько часов, милая кузина, потому как люблю я тебя, как капусту, ежели приедешь. Но о здоровье своем давайте заботиться.

20. Еникёй, 22 octobris 1718.

Милая, не смогу я успокоиться, пока не буду знать, благополучно ли прибыли вы домой. Едва вы отсюда отплыли, поднялся сильный ветер, и думаю, волны изрядно вас потрепали. Словом, с тех пор я в тревоге. А еще кажется мне, с тех пор хотя бы на одно письмецо должно было вас хватить, чтобы мое беспокойство немного утихло. Сколько больших рыб ни проплывало под моим окном, у каждой я спрашивал, не съели ли они мою кузину, но ни одна, проклятая, не ответила. Разум мой в растерянности, и останется в состоянии этом, пока я не услышу от вас что-нибудь определенное, моя милая.

Надеюсь, вам не пришлось пережить то, что пережил Иона*, и мне не придется посылать это письмо какой-нибудь рыбе, во чреве которой вы находитесь. Ведь тогда вы вряд ли сможете узнать, что мы вчера поскакали верхом на конях к константинопольским воротам, и там, в каком-то саду возле дороги, наш господин тайно хотел посмотреть на султана, который, прибыв из Дринаполя, с большой помпой вступил в город. Не знаю, описывать ли, кто ехал перед ним

и позади него: коли все это я стану описывать, вы, пожалуй, скажете: чего ради я обременяю вас всем этим; коли не стану, вы можете сказать, что я ленив. Чтобы не прослыть в ваших глазах ленивым, лучше опишу, а вы, моя милая, внимайте. По улицам с обеих сторон стояли в ряд янычары. Впереди с большой свитой ехал ассаш-паша*, за ним — чаусы*, эмиры*, улемы* (то есть священники, грамотеи), капиджи-паша, ага янычаров с мистанджи-пашой*, каймакам с капитан-пашой, потом главный визирь с муфтием, чаус-паша*, дальше — потомки Магомета со знаменем, султанские кони в упряжи, потом два верблюда в парадных пополах везли Коран, потом разукрашенная позолоченная карета, в которой находились одежда и оружие Магомета. После этого ехал сам султан на прекрасном коне, рядом — его сын, потом ехали парами ичогланы*, каждый десяток — в кафтанах из тафты разного цвета: первый десяток — в желтом, второй — в красном, третий — в зеленом, четвертый — в синем. Ичогланы при султанском дворе считаются вроде как прислуга. Видите, милая кузина, каких чудес я вчера насмотрелся. Но все это — вроде как дым, во всей этой роскоши султан вовсе не выглядит таким спокойным, как мы; но так оно и положено, чтобы он не был спокойным, пускай хоть в чем-то походит на нас в нашей убогой участи, пускай помнит, что он тоже человек. Так что роскоши этой, милая кузина, давайте не будем завидовать, потому как придет и для него день, когда он хлебнет несчастья и страданий. Тогда что ему вся эта роскошь! В нашем же низком положении больше надежды на лучшее. О, какая прекрасная вещь — христианство! Чем больше

роскоши вижу я у турок, тем больше радуюсь своей принадлежности к нашей матери-церкви; ведь у них, у турок, не может быть той надежды, которая у нас не только есть, но и должна быть. Коли поеду в Перу*, там буду проповедовать еще больше, а пока желаю здоровья. Милая кузина, люблю тебя даже чуть-чуть больше, чем капусту.

21. Еникёй, 16 decembris 1718.

Что это происходит с нами, милая кузина, отчего так получилось, что мы уже целый месяц не пишем друг другу? Возможно ль, чтобы мы, находясь так близко друг от друга, не писали? Может, в том и причина, что мы живем близко и видим друг друга часто*. Ах, зачем я сказал: часто? Прости меня, милая кузиночка, разве можно говорить: часто, — коли виделись мы четыре раза за целый месяц? Если б я видел вас даже четыре раза в день, глаза мои не пресытились бы этим зрелищем. Ваше легкое коротенькое письмецо я получил. Чем реже пишешь, тем длиннее должны быть письма. Вы же делаете наоборот. Когда ваши письма короткие, для меня это смерть. Когда я знаю, что вы в добром здравии, я не собираюсь вас щадить: пишите длинные письма, будто барщину отрабатываете. Ну, ладно, я не сержусь, я рад получать и короткие письма, как вот это, из коего вижу я, что господин Берчени прибыл вчера со всеми чадами и домочадцами. Этому я рад, потому как знаю, вы станете проводить время у госпожи, жены его, и не будете теперь в Пере одинокой. С людьми господина Берчени я хорошо знаком. Не знаком только с женщинами и девицами. Но для этого времени много не

требуется. Знаю, господин Берчени приедет в гости к нашему князю, потом и я буду ездить к нему; место, чтобы остановиться у них на день-другой, всегда найдется. Мне вот и самому стыдно, что я написал такое короткое письмо, но, хоть оно и коротенькое, надо его отослать, а стыд — ладно, потерплю. Но — здоровье, милая кузина! Знаете ли, милая, как долго я могу вас любить? До тех пор, пока могу курить.

22. Еникёй, 28 decembris 1718.

Я так и думал, что госпожа Берчени не понравится вам. Воистину можно сказать: вельможная дама. Многие носят звание женщины, но не каждая этого имени заслуживает, и таких надо звать женщинами, а то и просто бабами. (Не стану ничего говорить против женщин вообще!) Правда, с госпожой Берчени вам все же проводить время сподручнее, чем с греческими керацами*. От нее самой радости и веселья немного, потому как ближе к зиме и на дереве листья начинают желтеть, но говорить о развлечениях она любит очень, особенно обо всем, что относится к весне. Вы пишете, милая, на лице женщины и в пожилом возрасте видно, что в юности она была красавицей и что теперь ее можно сравнить с красивой зимой. Но кто не посмеется, услышав, что вам не дает покоя вопрос, почему у нашей госпожи нос черный, а щеки белые? Эту историю я вам расскажу. Все это от того, что она, уже будучи замужем, переболела оспой. Вы, конечно, знаете, что женщин господского сословия лечат не так, как простых. И часто они выигрывают от этого, как у нас говорят, от жилетки рукава. Едва она заболела, собрали к ней целую армию

докторов, один одно предлагал, другой другое, чтобы оспа не оставила следов, а красота осталась. Один из них предложил позолотить щеки. Его послушались и покрыли ее тонкими листьями из золота, сделав из нее живую статую. Когда это было сделано, какое-то время ей нужно было так оставаться, но после этого все равно пришлось золото снимать, потому как с позолоченными щеками, сами представьте, никуда не пойдешь; румяные щеки все-таки нравятся больше, чем золотые. Но оказалось, что снять золото очень трудно. Водой смыть его было нельзя, и пришлось отковыривать золото понемногу, концом иголки. Со щек его кое-как сняли, но на носу оно присохло сильнее, потому и работа стала труднее. В конце концов убрали и оттуда, да только нос стал черным. Поэтому не советую я никому покрывать лицо золотом. Вот вы уже знаете, милая, почему у нашей госпожи нос черный, но того не знаете, что завтра великий визирь хочет встретиться с князем, причем наедине.

Этот визирь до сих пор относился к нам очень по-дружески, и господа наши, которые живут здесь в изгнании, ни в чем не могли пожаловаться на него. Все, за что он берется, получается, потому как изменения тут происходят легко; а уж коли подарок преподнесешь, то и визирь повернется туда, куда попросишь*. Мы, однако, не в том положении, чтобы давать; наоборот, мы все время ждем от них чего-то. А кто более могуч, тот и более силен, тот может деньгами склонить к чему-то турецких вельмож. Они же смотрят на нас как на людей, которые всегда готовы просить, а давать — *nes nominetur invobis**. Нас здесь довольно много, Порта денег дает достаточно, едим

мы досыта, но вот наряднее не становимся, ни я, ни другие. У нашего же господина натура такая, что он не даст, коли не попросишь. За все годы, что я ему служу, я никогда ничего не просил, милая кузина, и уж и не стану просить. Это и не приличествует эрдейскому дворянину, он скорее будет нуждаться, чем просить. Мой долг в том, чтобы верно служить, остальное — воля Бога. Для эрдейского дворянина нет большего позора, чем сказать, что он служит из корысти. А слышали вы, милая, что тут у нас, очень скоро, одна девица станет мужней женой? Не знаю, когда наступит этот счастливый день, но знаю, что очень хотелось бы, чтобы моя свадьба была так же близка, как у той красной девицы. Я вас люблю, но только при том условии, что вы позаботитесь о своем здоровье.

23. Еникёй, 2 januarii 1719.

Знаю, милая кузина, вы не питаете сомнений, что, не напиши я этого на бумаге, все равно я вам желаю много-много новогодних дней. Длинные, неделями сочиняемые и заучиваемые пожелания оставим чужим людям и проповедникам. А я не могу вам пожелать ничего лучше и дороже, чем Божию святую милость и доброе здоровье. Какой толк в длинном поздравлении! Оно и не приличествует христианам. Даже Иаков* не давал своим двенадцати сыновьям благословений больше, чем нынче дают одному человеку; притом, коли все эти благословения и осуществятся, из них ведь не построишь ни амбара, ни подвала, и не появится ни обильных стад, ни плодородных полей. Хотя произносятся они с таким видом, что можно подумать, будто вся пашня у тебя сплошь

салом выстелена. Но и этого мало: благословение детей продолжается тоже не меньше часа, и нет такой матери, которая не хотела бы, как говорится в тех пожеланиях, увидеть детей своих детей, а потом детей тех детей, и каждый из всех детей должен жить столько, сколько Мафусаил*. Милая кузина, все это — не христианские пожелания. В Ветхом Завете они были хороши, потому как в те времена евреи благословение видели в плодородии земли своей, вот Бог и желал им земельного благословения. А истинно христианское благословение касается благ душевных, и истинный христианин должен не о плодородной земле мечтать, а о милости в сердце, чтобы не земля его, а сердце приносило плоды обильные*. Я хорошо знаю, что я от такого обычая не откажусь; кто хочет, пускай отказывается, кто не хочет, пускай ему следует, об этом я не беспокоюсь. Мы же, милая кузина, не будем следовать таким школьным обычаям, но будем следовать обычаям христианским, которые согласны с придворными обычаями*. При дворе же нашем даже подагра становится обычаем. Вот и наш князь лишь вчера ездил верхом, ходил пешком, а сегодня может только сидеть. И неправда, что подагра ищет богатых: ведь будь так, она и не посмотрела бы на нашего господина*. Мы же тогда вообще бы ее не боялись, а боялись бы лишь, что мы с вами не будем любить друг друга. Но разве такое может когда-нибудь произойти? Милая кузина, коли я в каждом письме своем и не пишу, что люблю вас, вы должны это и так знать. Давайте двенадцать раз в году повторять это обещание, этого будет вполне достаточно. Ибо в каждом письме писать: люблю вас, люблю

вас, — будет слишком много, и в конце концов мы так к этому привыкнем, что сами не будем чувствовать, что пишем. Дороже то, что реже. Но не во всем, потому как для меня было бы дороже, когда бы вы чаще мне писали. Надеюсь, в этом году мы не будем так ленивы, и желаю, чтобы вы прожили этот год и со мной, и с другими в согласии с милостью Божьей. Не будь здесь так холодно, я бы написал больше, но дом мой стоит над самым морем, а оттуда не идет ко мне никакого тепла. Будем же беречь здоровье!

24. Еникёй, 24 januarii 1719.

Милая кузина, заметили вы вчера, как радовалась госпожа Берчени, когда князь ее навестил? Чем только она ни готова была его потчевать, от счастья не знала, что и делать, я уж ждал, что она начнет плясать перед ним. Не смейтесь, милая, потому как годы годами, а она с радостью попрыгала бы. Правда, в такие времена и в таком положении, как у нас, и танец не танец, а одно горе. Правда, рядом с этой женщиной и два почтенных мужа сплясали бы безо всяких, и за себя, и за дам. Вы хотите, чтобы я сказал, милая, какого мнения я о тех дамах и девицах, которые окружают госпожу? Женщин полагается или хвалить, или молчать, а уж благородному человеку говорить о них плохое тем более не приличествует. Как же мне поступить, чтобы и вам угодить? Что ж, сделаю так, будто произношу я свой приговор, сидя в кресле судьи так что слушайте меня со вниманием. Начну с полковничихи*. Красивая она была женщина, особенно когда я увидел ее в первый раз, в детстве. Муж ее был тогда комендантом в Гёргене. Госпожу Кайдачи* же

за красоту никто никогда не хвалил, лишь за доброту. Вот почему я каждый раз уверяю ее, какая она ужасно красивая, но она, то ли по этой причине, то ли по другой, вечно жалуется. Маленькую Жужи* красотой наделили скупно, но человек она хороший, порядочный и сплошная доброта. Невеста Талабы* и должна быть красавицей.

Ну, вот я и встаю со своего судейского кресла, а вы, милая, сами смотрите, какой приговор я вынес; но высказывать приговор о женщинах — этого права, думаю, вы у мужчин не отнимете; склонность эта рождается вместе с ними, и женщинам нужно терпеливо относиться к подобному. Зато против того, какой приговор выносят о мужчинах женщины, никому возражать не позволено, и приговор этот нельзя выставлять на другой суд, но, склонив голову и колени, с ним нужно смиряться. Коли бы законодатели дали женщинам возможность участвовать в законотворчестве, то и законы, благодаря их проницательному зрению, были бы куда более разумными. У евреев была одна женщина-судья*, — был ли у них судья лучше ее? Ведь коли бы в судейском кресле сидели женщины, то, мне так кажется, не требовалось бы столько стряпчих да ходатаев, потому как ты сам бы с радостью в суд пошел, рассказать о своей беде. А там, услышав из уст красивого и милостивого судьи толкование закона, никто бы и возражать не подумал; а коли бы ты даже проиграл тяжбу, то стерпел бы это куда легче. Мне же очень трудно терпеть, что вы редко мне пишете, и должен я вынести приговор о вашей нерадивости. Вы, милая, имеете дело с таким судьей, что крохотным письмецом рассеяли бы

всю его суровость. А я бы и больше написал обо всех этих важных вещах, но не стану, чтобы скорее от вас получить ответ.

25. Еникёй, 16 aprilis 1719.

Ужасно, милая кузина, как давно мы не писали друг другу. В чем же причина этого? Ни в чем ином, кроме того, что мы видимся чуть ли не каждые три дня. Видеть вас и писать вам — большая разница. Если бы я всегда мог навещать вас так часто, как с некоторого времени, то, честное слово, меня не надо было бы жалеть. Но не все коту масленица. Уже целая неделя, как мы не улыбались друг другу, и время это кажется мне куда длиннее, чем заячий хвост. А что с этим поделаешь (как говорят словаки). С одной стороны, я об этом не сожалею, потому как не досаждаю вам, хотя у вас и постель лучше, и еды больше, и смех веселее, чем тут. Чтобы гость не надоел, он не должен оставаться в гостях надолго. Но скажу еще более важную причину: она в том, что погода стоит плохая, в такое время плавать по морю дело не слишком здоровое: коли лодка перевернется, то прощай здоровье и все прочее. Я же в море такой храбрый, что стоит лодке чуть-чуть накрениться, я уж думаю, что буду ужинать у рыб. Вы, милая, скажете, что я достаточно плавал по морю. Я же вам на это отвечу: могу похвастаться разве что тем, что каждый раз очень робел и что не представляю более плачевной участи, чем жить в царстве рыб бессловесных. Вчера мы были на празднике у султана. Невозможно вам описать, что там было. Но мы веселились всего лишь как тот возница, который, целый день до позднего вечера сидя

на облучке, вечером хвастается тем, как здорово он покатался.

Сегодня рано утром великий визирь прислал к князю чаус-пашу, который передал ему приглашение быть на празднике, который визирь устраивает для султана. Князь сел на коня, чаус-паша остановил нас на большом холме на краю луга возле Константинополя: оттуда нам нужно было смотреть на бал. На лугу было разбито много больших шатров, как для султана, так и для других вельмож. Веселье же заключалось в том, что турки гоняли лошадей, стреляли по цели из ружей и маленьких пушечек, а перед султаном состязались борцы. Но все это еще не был настоящий праздник, конец был лучше начала, потому как визирь дал обед султану и всему его двору, и нужно было подносить дары и султану, и его придворным. Не знаю, что дарили другим, а султану визирь подарил трех или четырех цветущих девиц, которые должны были быть очень красивыми и богато украшенными. Потом подарили всякие вещи, украшенные драгоценными камнями, дорогую конскую упряжь, прекрасных коней. (Милая кузина, как здорово быть султаном!) И такое должно состояться каждый год в тот же день. Мы же конца всего этого не дождались, потому как сидеть с утра верхом, не двигаясь и без еды, а на остальное только смотреть издали — не самая большая радость. Поэтому князь провел там только полчаса и, не видя ничего, достойного веселья, к обеду уехал назад, и мы за ним. Но после этого надо было известить визиря, что мы очень веселились и что это было настоящее царское веселье. Хотя мы еле дождались, когда уедем оттуда. Милая кузина, как

часто приходится говорить такое, во что сам не веришь. И поверьте мне, что вас бы я не отдал за все подарки визиря и даже за подаренных дев, но с тем условием, что вы меня будете любить и заботиться о своем здоровье.

26. Еникёй, 26 маји 1719.

Что правда, то правда, вчера изрядно мы перепугались, да и нам досталось несчастий. Во время обеда посуда вдруг принялась плясать на столе, нас тоже зашатало, и тут мы замечаем: а ведь это — землетрясение. Люди здешние говорят, что такого сильного тут еще не бывало. К моему дому вода подходит совсем близко, там всегда ее по колено, но когда началось землетрясение, дно обнажилось, вода вернулась лишь к вечеру. Кто в море был, те хорошо это почувствовали. За час до землетрясения мы видели, что визирь поехал к Черному морю развлекаться, но как только началось землетрясение, он тут же спешно вернулся и заторопился проведать султана. В Константинополе рухнуло много лавок и домов. А тут еще от вас, милая, никаких вестей, я тревожусь, как бы не услышать что-нибудь плохое о вас. Госпожу Берчени, вы ведь знаете, надо вести под руки с большой помпой, когда она идет из дома в другой дом. Но вчера она не стала дожидаться, когда ее возьмут под белы руки, а вскочила и побежала в сад, и вместо гофмейстера ей был испуг. Вчера после обеда муж ее отправился с визитом к жене французского посла, в Перу, и госпожа Берчени весьма сокрушалась, не зная, не случилось ли что с мужем или детьми. А потому пообещала лодочникам два или три золотых, чтобы они отвезли

слугу, которого она хотела послать к мужу. Но лодочники боялись выходить в море и не вышли бы даже за десять золотых. Когда их спросили о причине, они ответили: когда землетрясение, то земля под водой может провалиться, а с водой и судно туда уйдет. Мог бы ли кто-нибудь из семи мудрецов* ответить умнее? Милая кузиночка, объявитесь как можно скорее, потому как до тех пор мне не до смеха.

27. Еникёй, 18 junii 1719.

Милая моя кузина, очень-очень нужно вам узнать одну новость, чтобы блохи вас не кусали. Дело вот в чем: два грегорианских* князя, которых сородичи прогнали из страны, приехали просить помощи у султана. Тот дал им помощь, и вельможные князья явились, чтобы отсюда, с султановой помощью, отплыть через Черное море на родину. Остановились их сиятельства в жалкой корчме. Челяди у них достаточно, но одета она не лучше наших цыган. Но не думайте, милая, что у их сиятельств нет денег: как только деньги кончатся, они продают двоих-троих своих дворовых; так что по мере того как деньги расходуются, и дворня сокращается. Сегодня в десять часов они явились с визитом к нашему князю, пришли в сопровождении кучи своих придворных, но те выглядели такими оборванцами, чисто как последние слуги. Не знаю даже, как они носят имя князей: ей-богу, мне больше нравятся брашовские судьи*, чем эти князья. Дело в том, что георгианцы прежде были воинами, но нынче стали нищими, живут они в греческой вере*; от нас там тоже есть миссионеры. Женщины же там обычно очень красивы.

Намедни вы, милая, написали, что уже понимаете по-французски. Вы очень правильно делаете, что учите чужой язык. Если бы наши земляки все старались учить детей чужим языкам! Но о таких делах они думают так мало, что даже не принуждают дочерей учиться писать и читать, вроде как у тех и охоты нет к этому. А ведь благородной девице обладать этими двумя умениями не только приличествует, но и необходимо*. Кроме прочего, это необходимо и для религии, чтобы читать правильные книги. Но разве не требуется благородной даме в отсутствие мужа обо всем писать ему и читать его письма. Нельзя же все время держать при себе человека, чтобы диктовать ему письма; а коли и будет такой человек, то муж ведь желает писать своей жене не только про то, как лук уродился и сколько вина отдать церкви, но и про всякое другое, высказывать ей свои мысли о любви к ней, чтобы жена могла их прочесть и написать ответ. А поскольку она не умеет, то пишет ему, будто чужому. Если посмотреть, какие письма пишет муж своей жене и что пишет приказчику, нам покажется, что ему все равно, кому писать, и нет меж ними никакой разницы. Я уж не говорю о том, сколько случается всякого такого, о чем человек с радостью написал бы своей жене, иной раз и необходимо было бы написать, но он этого не делает, потому как жена не умеет читать, а он не хочет, чтобы другой это узнал. На это иные самонадеянные, но наделенные коротким умом матери говорят, мол, ни к чему дочери владеть письмом, а то она будет писать любовникам. О, какие умные слова! Будто письмо — причина дурного, а не в письме выражается дурное. Запретные дела случаются не тогда, когда люди пишут друг другу, а когда встречаются друг с другом и когда им

нет нужды в письме. Неважно, умеет твоя рука писать, не умеет ли, — сердце идет своим путем. Мне кажется, что я пишу вам, милая кузина, не только потому, что умею писать, но и потому, что чувствую такую охоту. Не умей я писать, при самой первой возможности все высказал бы вам в словах. Так что я делаю вывод: матери поступают неразумно, когда растят своих дочерей в невежестве относительно религиозных предметов, а тех, за кого они их отдают, неизбежно обрекают на страдания из-за невежества жен. Сколь ни красив алмаз, но коли он плохо обработан, его невысоко оценят.

На все это, милая кузина, вы скажете, дескать, я еще не женат, а уже хочу учить женщин. Не хочу, милая моя кузина, не хочу. Я знаю, что вы думаете об этом так же, как я. Пускай каждый поступает как знает, вольному воля, а мне Господь пусть даст такую жену, которая умеет читать и писать, а если не умеет, то он постарается ее научить, если даже ума у нее в голове не больше, чем у кошки. Милая кузиночка, любите ли вы меня хотя бы так, как кошка — мышку? И в добром ли вы находитесь здравии? Когда мы увидимся? Сегодня, пожалуй, нет, потому как уже одиннадцать часов и мне пора ложиться. Но когда я ложусь, мне кажется, будто я купаюсь, потому что волны морские бьются у самого моего дома, часто мне кажется, будто вода плещет прямо в постели моей.

28. Еникёй, 16 julii 1719.

Верно сказано, милая моя кузина: нет такой хорошей компании, которая со временем не распалась бы. Господин Берчени, который прибыл сюда с женой и со всеми чадами и домочадцами, останется

здесь, пока им не приготовят жилье в Тарабии*. Тарабия от нас по суше в полчаса ходьбы, по воде же — четверть часа. О том, что так получилось, я, думая о вас, очень сожалею; знаю, вы часто пускаетесь в плавание по морю, отправляясь к нам на морских скакунах*. Коли госпожа Берчени живет близко от нас, вы могли приезжать к ней, а стало быть, больше проводить времени и у нас, а так вам придется опять плыть по морю, когда вы захотите приехать к нам в гости. Пациенция*, милая кузина: кто сильнее, тот и главней. Наверное, вы хорошо знаете, чей посол* потребовал, чтобы Берчени убрался из Перы; пока он туда не переселится, та персона не хочет жить с ним в одном городе. Теперь же мы все должны быть едины, ибо все мы изгнанники, кроме двоих*, и должны ждать здесь, куда направит нас небесный зов из облака, как евреев в пустыне. Будет чудо, если нас тоже отсюда не прогонят. Я бы об этом сожалел лишь потому, что мы с вами тогда окажемся еще дальше друг от друга; а вообще-то мы все хотели бы, чтобы нас отсюда увезли, потому как мы здесь живем в большой тесноте, и случись пожар, нам некуда будет бежать, разве что прыгать в море. Я бы при этом попал как кур во щи, потому как плавать я не умею.

Милая кузина, каждый человек должен покориться воле Божией, особенно изгнанник, а уж тем более тот, кто изгнанник в Турции. Потому как нигде не происходит изменения так быстро, как здесь, и здесь никто не может быть ни в чем уверенным, разве что в том, что жизнь его висит на волоске. Коли установлен мир, то на что нам надеяться? Мы здесь имеем дело с таким двором, где министры меняются

каждый день, и коли ты сегодня что-то начал, то завтра нужно начинать все с начала; коли же не начинаешь дело не с подарка, то и начинать не стоит. Нынешний визирь хорошо относится к венграм, но успеха нам с ним не добиться, потому как, не умея сражаться, он старается избежать войны любой ценой и готов пойти на что угодно, лишь бы не слышать о сражении. У него на это еще и та причина, что, когда идет война, визирей смещают даже за самую малую неудачу. В мирное же время он может делать свои дела спокойно. Но кто может пообещать, что доброе его к нам отношение будет постоянным? Если его склад мыслей изменится, чего нам от него ждать? Одно скажу, его безбородый помощник (придворный капитан) уже относится к нам с большей враждебностью, чем раньше. А поскольку нам во всех делах нужно обращаться к визирю и приходиться к нему с поклоном, то попасть к нему можно только через капитана; и коли нас опередят те, кто сильнее нас и желают нам зла, то дела наши плохи. Похвально в визире то, что в делах, которые касаются других стран, он часто просит совета у нашего князя; эти советы он принимает и следует им, так как убедился в большом уме нашего господина. Но я все время думаю только о том, что завтра или послезавтра найдется кто-нибудь, кто изменит его склад мыслей. Человек ли это будет? Конечно, человек, и он сможет на него повлиять; здешние люди скорее на это способны, чем в другом месте. Но, милая кузина, стоит ли вглядываться в будущее? Оставим будущее Господу. Мне надо думать о том лишь, когда я увижу вас, когда мы улыбнемся друг другу, когда сможем

поесть капусты? Ах, я уже не смею говорить о капусте, потому что намедни вы назвали меня капустным горшком, только потому, что я люблю вас, как капусту. А вы? О здоровье ничего не будем писать?

29. Еникёй, 9 augusti 1719.

Ей-богу, стыдно мне, милая кузина, что я должен рассказывать вам, что происходит в столице. Не сиди мы вечно дома, знали бы больше новостей. Хоть это и редко, но когда вы пишете мне о каких-то новостях, вам можно верить. Но как возможно такое, что вы, будучи там, от меня узнаете, когда состоится прием императорского посла, который недавно к вам прибыл. В конце концов вы, пожалуй, от меня будете узнавать, когда там у вас идет дождь? Пускай надо мной будут смеяться, но я подчиняюсь и могу написать, что это уже произошло; но вы ведь, пожалуй, не знаете и того, в какой форме это произошло. Напишу, так и быть. Вы, конечно, как Отче наш, знаете, что обычно, когда султан дает аудиенцию какому-нибудь послу, то сначала для него устраивают обед, а потом визирь ведет его к султану. Но на сей раз вышло не так, потому как у турок сейчас рамазан, это-то вы должны знать. Должны знать и то, что рамазан у них — то же самое, что у нас Великий пост, и продолжается он целый месяц. Известно вам и то, что они в это время до захода солнца не едят, не пьют ни капли воды, даже не курят, что им труднее всего. Более того, есть такая сладость, которую им нельзя в это время днем пробовать, как бы им этого ни хотелось. Подумайте, милая, что это за сладость! Зато ночью — можно. Так что, по причине рамазана, сегодня в два часа утра посла

повели в Порту, там приняли, как гостя, а в пять часов повели на аудиенцию к султану. Из всего этого вы можете видеть, что аудиенция сегодня состоялась. Это вы уже знаете, милая, не только от меня, но, наверно, и от десятерых других. Я уже жду, что завтра вы станете спрашивать у меня, можно ли вам поесть или поспать. Я же знаю, что уже бы поспал, потому как настроение у меня мрачное. Но все равно я вас немножко люблю и желаю вам доброй ночи.

30. Бейкоз*, 16 augusti 1719.

Видите, милая, пишу я вам из Азии; будь я в Америке, я бы вам и из Миссисипии писал. Так что смотрите на нас уже как на азиатских венгров. Словом, милая кузина, мы уже пять дней живем здесь в шатрах. Город, что возле нас, и раньше звали, и теперь зовут Бейкоз, и находится он в знаменитой Вифинии*. Знаете ли вы, милая, какими знатными были во времена Рима вифинские цари? Но думаю я не об этом, а думаю я о том, что нахожусь не в Харомсеке*. Но разве Господь был бы там добрее ко мне, чем здесь? Нет, доброта его одинакова всюду; коли Господу угодно, чтобы ты был здесь, то будь здесь и гуляй по этому зеленому лугу. Что верно, то верно, милая кузина, находимся мы в красивейшем месте, шатры наши выстроились в ряд на морском берегу. Этот великолепный канал* мы видим из конца в конец, и до нас ясно доносится гул Черного моря. Мимо нас в Черное море идут огромные парусные суда. Такого канала нет, пожалуй, в целом свете: берега его на всем протяжении друг от друга не далее пушечного выстрела, — пять миль, и на каждом из двух концов — большое море. Где еще найдешь такой канал? Суть в том, что если

бы владела этой страной другая нация, то сотворила бы чудо из этого канала: на обоих берегах построили бы города, прекрасные замки, дворцы. Дело в том, что здесь, на краю Европы, городов много, но в других местах их звали бы просто деревнями. Среди прочих — Еникёй, где живем мы; городишко очень скверный, а другие и того хуже. Со стороны Азии же почти везде — пустыня. Дома, стоящие на берегу, где живет султан, это что угодно, только не дома султана. Какая жалость — такие красивые и уединенные места оставлять пустынными, но я, конечно, строить тут ничего не буду, пускай их. Нигде, милая кузина, не увидишь столько рыбы, как в этом канале; рыбаки вытаскивают за один раз несколько тысяч. Сколько тысяч расходуется в султанской столице, и сколько сотен тысяч сушат только в Еникее? А как много в нем морских свиной!* Не хотел бы я врать, да и нужды в том нет, но все-таки скажу, что однажды среди прочего видел я их по крайней мере тысячу, словно по воде огромное стадо свиной прогнали. Что правда, то правда, милая кузина, живем мы здесь хорошо, гуляем по зеленому лугу, князь послал за своими конями, значит, часто будет ездить на охоту. Одно я уже заметил: здесь, в Азии, я люблю вас так же, как и в Европе; но вы должны писать мне часто, и письма должны быть хоть немного длиннее, и еще должны заботиться о здоровье, особенно нынче. Потому как, говорят, там у вас нынче чума*.

31. Бейкоз, 7 octobris 1719.

Милая кузина, не появишься на небе радуга*, мы точно уже сбежали бы отсюда в горы, потому как вчера был такой ливень, что нас почти совсем затопило.

Откуда было нам знать, что, когда идут большие дожди, вода с гор стекает как раз там, где мы разбили свой лагерь. Но теперь-то мы это узнали: вода вдруг залила нашу кухню, и нам пришлось бегом догонять кухонную посуду. Во время дождя я не был в своем шатре, лишь потом пошел посмотреть, все ли там в порядке. И, смейтесь или не смейтесь, но как раз через мой шатер тек ручей по колено глубиной. Счастье еще, что моя кровать была все же немного выше, так что ручей бежал под ней. Как бы там ни было, потоп продолжался только до вечера, потом для воды провели другое русло. Но дождь все не собирается утихать; коли будет лить еще два дня, думаю, мы покинем Азию. Да и пора уже нам подумать о квартирах, потому как Черное море показывает нам самую черную свою сторону.

Милая кузина, представьте только, что было на медни с господином Форгачем. Не знаю, по случаю какого праздника хотел он отправиться отсюда к господину Берчени, чтобы принять причастие. Утром, готовя душу к таинству, приказывает он слуге, чтобы тот нашел лодку, которая перевезет его на другой берег, к господину Берчени. Господин Форгач долго бродил по берегу, дожидаясь слугу, потом, устав от множества всяких мыслей, забыл, для чего он собрался ехать. И, чтобы время шло быстрее, закурил трубку, а когда трубку уже почти искурил, тут и пришла лодка, и господин Форгач, собравшись сесть в лодку, заметил, что у него трубка во рту. Расхохотался он и вернулся в свой шатер. Мы тоже смеялись над ним целый день. Знаю, вы тоже посмеетесь над его набожной любовью к трубке, потому как с ним

всегда случаются такие смехотворные случаи. Намедни князь говорил о том, с каким благоговением надо относиться к святому причастию и что в таких случаях нельзя думать ни о чем другом. Форгач слушал, слушал — и вдруг засмеялся, сказав, что ему невозможно представить такого, чтобы не приходили в голову всякие смехотворные вещи. Например, недавно он собирался принять причастие, а когда к нему подошел священник, в голову ему пришла мысль, какая прекрасная попона вышла бы из казулы, что на священнике. Таких смехотворных мыслей и у нас бывает достаточно; мысли эти плохи, коли мы им отводим большое место. Я же вас люблю, и эта мысль очень хорошая. Берегите здоровье, милая, это тоже очень хорошая мысль.

32. Еникёй, 10 octobris 1719.

Дивны дела твои, Господи: вчера я обедал в Азии, а ужинал в Европе. Перенесся же сюда я не по воздуху, а по воде. Из этого вы можете понять, милая, что мы вернулись на прежнее место, а вылазка в шатры закончена. Правда, бежали мы сюда не от неприятеля, а от нескончаемого дождя, отогнать который не было никакой возможности, хоть и были с нами два генерала*. Здесь ежедневные развлечения будут состоять в том, что или господин Берчени приедет к нам, или мы поедем к нему. Не обойдется и без охоты, но не обойдется и без того, чтобы Порта охотилась на нас. Потому как у немецких послов* главная забота, как бы нам навредить; мы же ни в малой степени немцу не вредим, и не знаю, чего так старается немец преследовать бедных изгнанников венгров,

которые здесь, на морском берегу, только и делают, что курят да вздыхают. Как вы считаете, милая кузина, читают ли эти безбожники Евангелие? Думают ли о том, что им придется смежить глаза на несколько сотен лет? Тогда не перед императорским судом придется им отвечать, не по мирскому закону будет вынесен приговор, но по Святому Евангелию, которое даже цезарям велит прощать врагов своих и за зло платить добром. Высший суд не принимает *allegatio**, перед земными владыками ставит не законы страны, но истины Евангелия. Тогда напрасно земной владыка станет доказывать, мол, мне министры мои советовали преследовать изгнанников венгров в их несчастной доле, *politica ratio** толкала к тому, чтобы довести их до такого состояния, чтоб они в будущем никому не могли вредить. На подобные доводы будет один ответ: а не надо было стараться отнять у них хлеб, который я дал им в чужой стране, после того как ты отнял у них все их достояние; ради *politika ratio* не следует, во избежание неопределенного будущего зла, доставлять ближним твоим определенное зло. Если бы и другие так думали, мы бы жили в мире и покое. Может, они так и думают иногда, но подобные мысли у них проходят насквозь, как *purgatio**. Вы, милая кузина, может, не знаете, но мы теперь намереваемся вернуться во Францию, и коли бы это зависело только от нас, мы бы отправились прямо сегодня. Но от нас зависит только намерение, а возможность зависит от других: князь наш, питая такое намерение, отправил французскому двору уже несколько писем, но прямого ответа до сих пор не получил. Двор ни отвергает, ни одобряет однозначно наше возвращение

туда, из чего понятно, что он не желает нашего возвращения. *Inimicus homo hoc facit**. Те, кто здесь против нас, они и там стояли у нас на пути. Герцог Орлеанский, который правит Францией, поскольку король еще не готов к этому, всегда выражал дружеские чувства к нашему господину; мать же его, которая происходит из одного дома с нашей княгиней, любила его, как сына, до самой смерти. Но родство и дружба между князьями — как стебель камыша: если твои дела идут хорошо, то и родство, и дружба крепки, если же плохо и ты нуждаешься в их помощи, они говорят: *nescio vos**. Для нас это уже свершилось, поскольку герцог Орлеанский не принял от нашего господина ни одного письма; после стольких прекрасных обещаний не помог он нам в этой стране, Османской Порте, даже в самой малой мелочи. Такова она, дружба князей; так, без всякой надежды, могут обращаться к ним за помощью все, кто им не нужен, с человеком они обходятся, как с лимоном, который, выжав из него сок, выбрасывают прочь; напившись из источника, мы поворачиваемся к нему спиной. В нас теперь нет нужды, прошлое забыто, и, имея в руках власть, о будущем они не думают. Как вы сказали, милая, славное дело — оседлать удачу. Суть в том, что такое седло не вечно, но пока оно есть, на нем сидеть приятно. А еще, милая кузина, нельзя менять свои обещания. Благородная кровь, она то, что обещает, выполнит. Будь вы, кузина, из Венгрии, я бы испытывал опасения, но поскольку вы из Эрдея, там слово благородной дамы так же незыблемо, как горы в окрестностях Брашшо*, покрытые вечным снегом. Сдержите же ваше обещание и три

или четыре месяца зимы проведите здесь, с венгерскими дамами. Правда, вы одна будете из Эрдея, но одна эрдейская женщина разве не стоит больше, чем десять венгерских? Роза — прекраснее, чем чертополох, солнце — ярче луны. Когда в Венгрии случится затмение солнца, отвезите туда хоть одну женщину из Эрдея, и красота ее обеспечит достаточно света. Это не комплимент, а чистая правда. Коли Господь сотворил их более красивыми, чем всех других, то что можно тут поделаться? Ничего не поделаться и против того, что я ложусь спать, потому как уже одиннадцать часов. Пускай лягу я и не на ложе удачи, а просто чтобы выспаться, — здоровье дороже. После этого я буду думать только о том, когда вы, милая кузина, сюда прибудете, но прибыть нужно со всеми домочадцами.

33. Еникёй, 2 martii 1720.

Ну вот, милая кузина, возьму-ка я перо, почищу заплесневевшую чернильницу: пора за работу, разослать почту, вспомнить новости. Сегодня уже восемь дней, как, прозимовав здесь зиму, вы покинули нас, как святой Павел влахов*, и возвернулись в столицу, место своего постоянного пребывания. Но и там вы не должны поощрять свою лень, а писать. Я же пошлю вам через морские волны такую весть, от которой зазвенит в обоих ваших ушках; хорошо, что у вас только два ушка, а не больше. Но сперва напишу весть красивую и ароматную, а потом напишу громкую.

Вчера ага янычаров со всеми церемониями прислал нашему господину подарок; состоял подарок из множества прекрасных цветов и разных фруктов. Знаю

наперед, что вы на это скажете. Скажете вы, что это был не приличествующий подарок. Посылать цветы приличествует женщине; пришли ага янычаров этот подарок женщине, я бы его похвалил; но когда военачальник посылает цветы князю, я никак не могу считать это приличествующим. Если вы, милая, станете спорить, я отвечу, что в другой стране это было бы просто смешно. Но вы же знаете, милая, что здесь нельзя посылать подарки женщинам, и уж совсем смертельный грех, коли женщина пошлет подарок мужчине, пускай он состоит всего из одной розы. Правда, хоть такой подарок нам, может, и не нравится, и мы считаем его подарком, приличествующим для женщины, но нужно помнить, что таков здесь обычай. А то, что в стране обычай, то и прилично. В Англии, коли женщины идут в корчму, их никто за это не осудит, потому как — таков обычай. На окраинах Испании женщины носят на груди маленького поросенка, в других местах — щенков. Во Франции или в ином месте дама господского сословия садится в карету и до вечера ездит, куда хочет. А здесь жена турка по полгода не выходит из дома. В Польше попы в ризнице ставят крепкое вино в святую воду, чтобы оно остывало, пока они служат мессу. У нас позволено ли такое? Зато у нас дама господского сословия постыдится курить, а здесь все курят. В Китае скорее всего выйдет замуж девица, у которой такие длинные уши, что достают до плеч. У нас же от такой девицы женихи разбегутся. Здесь берут еду пальцами, у нас же — ножом и вилкой. Считать ли хорошим обычай, что благородные татарки просверливают себе нос и вставляют в него большие серебряные кольца, как серьги? Так что нужно сначала знать, какие обычаи приняты в стране, чтобы судить о них. Может, вы,

милая, не знаете даже такого обычая: коли какой-нибудь турок прогуляет два четверга, то жена может пожаловаться на него судье. Так что давайте скажем: ага янычар мог послать цветы, потому как здесь это в обычае. Но, милая кузина, теперь приготовьте ваши ушки к плохой новости. Правда, новость эту можно было предвидеть и раньше, но все-таки с полной уверенностью ждать ее было нельзя. Наши доброжелатели так хорошо поработали против нас, что, кажется, добились своего, и теперь турки собираются нас отсюда прогнать, словно мы для них обуза. Сегодня утром великий визирь вызвал к себе Ференца Хорвата* и велел ему передать князю: Порта собирается найти венграм место лучше и удобнее, чем Еникёй. Наш господин как настоящий христианский князь принял эту новость без возмущения, не считая ее таким уж тяжким ударом*. Он мог бы сказать вслед за Давидом: *usque quo exaltabitur inimicus meus super me**? — и пусть краснеют те, кто радуется несчастьям моим*. Но, следуя учению Христа, он попросил благословения для преследователей своих, а перемену эту приписал не Порте, а тому послу, который стремится ущемить нас. Коли Господь с нами, то кто против нас? Я еще не знаю, куда хотят нас переселить. Но отъезд наш произойдет не так скоро, и об отъезде этом я весьма сожалею, потому что мы окажемся дальше друг от друга. Обо всем при первой же возможности сообщу вам. И с тем желаю доброго здоровья. Аминь.

34. Еникёй, 25 martii 1720.

Сегодня утром князь наш осматривал колонну Помпея, которая стоит в горловине Черного моря, на вершине большой скалы. Эта скала — маленький

островок. Высадившись из лодки, мы немного поднялись вверх, но до самой колонны не добрались, потому как склон очень крутой, и надо было прыгать с камня на камень; капустный горшок же не умеет прыгать легко, как дикая коза. Узнать, какой высоты была колонна раньше, нам не удалось, поскольку она расколота на два или три куска. Тот кусок, который еще стоит на скале, вряд ли выше двух с половиной шингов*; смотреть на нем нечего, можно только подивиться его древности, коли правда это, что поставил колонну Помпей*. Конечно, так все говорят, и все зовут ее колонной Помпея, но никаких письменных доказательств тому нет. Что правда, то правда, знаменитый римлянин много раз бывал на этой земле, но неизвестно, он ли поставил колонну. Может, это заслуга какого-нибудь греческого царя, или ее воздвигли еще до царей. А коли и Помпей его поставил, то какое мне до этого дело? Я готов поверить, что поставил именно он, лишь бы меня не послали к нему расспросить об этом. Одно знаю, Помпей не заплатит мне за шарф, который я потерял там, среди камней.

Теперь я уже знаю, куда нас переселят. Говорят, город неплохой, и недалеко отсюда, название его — Родошто*, а больше мы ничего о нем не слышали. Но я знаю, туда уже посланы люди, которые займут жилье для всех изгнанников венгров, и переберемся мы отсюда к середине следующего месяца. Так что давайте проведем это короткое время не напрасно, будем чаще видеться друг с другом и побольше смеяться. Вы не бойтесь, милая, что теперь я буду навещать вас реже, и не опасайтесь, что из-за сборов

я к вам не стану приезжать, потому что пожитков у меня столько, что за полчаса все можно сложить. Как прекрасно, когда все твое имущество — только постель, сундучок и стол! Видите, милая, все это не доставляет большой заботы. Когда же у тебя много всего, то забот куда больше. Что поделаешь, если у меня ничего нет. Здесь по крайней мере десятеро таких, кому и половины этого времени хватит для сборов. Милая кузина, у тех, кто служит изгнаннику князю, может ли быть что-нибудь свое? Конечно, у нас, у двоих-троих, кто все время сопровождает его, пожитков могло бы быть и побольше, но тут я лучше промолчу, потому что нет таких. Эрдейская кровь велит служить за честь, а не за корысть, а коли за это платят неблагодарностью, мы на это не смотрим. В недавнем письме, видя такое, вы, милая, написали латинские слова: *experto crede Roberto**; правда, я тоже могу сказать это другим. Но давайте бросим подобные мысли, лучше давайте радоваться тому, что послезавтра мы еще вместе будем обедать и ужинать, а тревогами и заботами пускай упиваются те, кто их любит, так ведь, милая кузина? С тем остаюсь, милая, привязанный к вам (цепью, веревкой, шнурком, бечевкой и всем, чем только можно) ваш верный слуга.

35. Еникёй, 16 aprilis 1720.

Бейте, барабаны, трубите, трубы! Мы готовы в дорогу, милая кузина. Галера, на которой поплывет наш господин, уже здесь; суда, на которых повезут имущество и людей князя, тоже загружены. Господину Берчени определили целое большое судно. Уже вся компания отплыла, только мы пока остались на

месте; господин Форгач с нами, и, кроме нескольких людей из челяди, мы будем с князем втроем или вчетвером. И в семь утра мы тоже усядемся в тот большой водяной экипаж. Вчера же князь встретился с визирем наедине, и тот, прощаясь, выразил князю большую дружбу и даже подарил ему прекрасное турецкое ружье, и расстались они очень сердечно. Но вы представьте, милая, какие разговоры вел с князем турок. Князь во время беседы сказал визирю, что Родошто, наверно, это очень далеко и что он хотел бы быть поближе к Порте. На что визирь ответил: пускай немного далековато, но место хорошее, и не думай, что ты будешь так уж далеко, потому как расстояние тут такое, что коли здесь сварить рисовую кашу, то туда можно доставить ее горячей. Вот и судите сами, милая, как выражаются эти турки! Словом, мы сейчас отправляемся, мне только остается запечатать это письмо. Больше сейчас не могу писать, как прибудем на место, я обо всем доложу вам, милая кузина, а пока пусть Бог позаботится, чтобы вы были здоровы и чтобы я вас увидел как можно скорее. Вас же прошу об одном: пишите мне как можно чаще, а я писать не поленюсь. Полатети*, милая кузина, и берегите свое здоровье. А мы отправляемся, уже семь часов.

36. Родошто, 24 aprilis 1720.

Милая кузина, если бы я и не сообщил, что мы прибыли на место, вы поймете это, увидев, откуда послано мое письмо. Одним словом, Господь благополучно доставил всех нас сюда. А как только сюда прибыл господин Берчени, он сразу сделал из названия города анаграмму, и получилось у него вот что:

Ostorod*. Весьма подходит к нам, изгнанникам. Словом, об этом много еще можно рассуждать, но оставим это на другой раз. А теперь, как я обещал, опишу вам, как все было. Начну с того, что из Еникёя мы отправились 16-го. Галера уже ждала князя, что весьма польстило ему: султан послал ему отдельное судно. Да и галера была из больших, поскольку на ней насчитывалось двадцать шесть пар весел, на каждом весле сидело где по четыре, где по три человека, так что двигали галеру двести двадцать гребцов; кроме того, в ней было сто вооруженных солдат (или гайдуков). Одним словом, на галере было нас всего около четырех сотен, командовал галерой паша. С нами при князе находился султанский капиджи-паша, а кроме того, один чорбаджи*. В семь часов, когда князь сел на галеру, в честь его прозвучал выстрел из пушки, потом подняли якоря, и галера отплыла. Миновав дворец султана, мы вышли под встречный ветер. Пришлось повернуть к островам, которые называют Принцевы острова. Господин Форгач, заметив, что это не в сторону Родошто, и не зная причины, почему мы плывем не туда, сразу перепугался и стал говорить князю, что Порта нас обманула и везут нас не в Родошто, а в Никомедию*, где умер Тёкёли*. Напрасно князь пытался подбодрить его, говорил, что, это, наверно, из-за ветра, или другие причины, а того, что везут нас в Никомедию, он не опасается, он не дал Порте повода, чтоб его куда-то везли против воли. Но все было бесполезно, он и сам, по всей вероятности, подумал, что нас везут в Никомедию, и думал так до тех пор, пока мы не достигли островов. Там, высадившись в 11 часов на берег, мы пообедали, а потом

прибыл и господин Берчени. На другой день ветер дул уже в нужном направлении, и вечером, в шесть часов, мы отплыли в сторону Родошто. Попутный ветер дул всю ночь, были подняты паруса, и не надо было грести. На третий день, в восемь часов утра, мы вошли в Гераклеийский порт* и бросили якоря. Капиджи-паша поехал вперед в Родошто, чтобы распорядиться насчет квартир, а нам пока нужно было оставаться здесь. Двадцать первого капиджи-паша сообщил князю, что квартиры готовы; сегодня, в пять утра, мы отправились и в одиннадцать часов прибыли в Родошто. Князь высадился с галеры, лошади ждали на берегу, и офицеры с большой помпой проводили князя к его жилью. Милая кухня, немалый это почет — плыть на галере; порядок там блюдет даже в самых мелких вещах, и все в полном молчании. Когда двести человек одним рывком толкают судно вперед, уж можете мне поверить, оно и в самом деле движется вперед. И все пятьдесят два весла опускаются в воду в один и тот же миг. Длина одного весла — почти десять метров. Очень интересно стоять и смотреть на это. Но как подумаешь, что эти бедные рабы почти все христиане и что им до самой смерти придется сидеть на этом месте, — просто сердце сжимается. К тому же гребля — работа очень тяжелая, кто не видел, тому трудно представить. Тебе кажется, что у гребца сейчас руки вывихнет, так его тянет весло. Конечно, еды им дают вдоволь, но одежда у них — просто тряпье. Наши-то все-таки гребли в рубашках, потому как там князь был, и по этой же причине с ними обращались не слишком жестоко, а вообще они работают без рубахи, и побои сыплются на них за

всякую мелочь, они сами это говорили, бедные. Когда им отдадут какой-нибудь приказ, то просто свистят, потому как они сами знают, что нужно, и сразу берутся за дело. Их скамьи расположены с двух сторон, как в церкви; в середине — проход, по которому беспрерывно ходят туда и сюда надсмотрщики, наблюдая, все ли поднимают весло как должно, не разговаривают ли друг с другом. Каждый должен оставаться на своем месте, к которому они прикованы цепью, а когда прекращают грести, то сидят там же, и на том же месте должны спать. И вообще им никогда нельзя вставать со своего места, а когда они гребут, то слышится только звон, это цепи их гремят. На это вы, милая, скажете, что бедным рабам невозможно не мечтать о свободе. При всем том все же есть и такие, кто привык к такой убогой жизни. Я поговорил с двумя рабами, венграми, они двадцать лет беспрерывно работают на галере, спросил их, можно ли найти какой-нибудь способ освободиться. Они ответили: а зачем нам теперь возвращаться в Венгрию? Жена, дети наши, наверно, уже умерли; а здесь нам есть на что жить, на галере еду дают, мы уже привыкли к этой жизни. Да уж, не ждал я от них такого ответа, да я бы на их месте по-другому думал. На галере нашей гребцы были всяких наций: венгры, немцы, французы, поляки, москали. В Ноевом ковчеге не было столько наций, про зверей я не говорю.

Короче говоря, теперь все венгры изгнанники находятся здесь; у каждого довольно просторное жилье, я со своим слугой получил целый дом одного богатого армянина; и при каждом доме есть небольшой сад. Как только армяне услышали, что мы будем жить

среди них — потому как нелишне знать, что в городе этом живут четыре нации: турки, евреи, греки и армяне, мы живем в домах армян, — они тут же пошли к кади (то есть к турецкому судье), сказав ему, мол, слышали: венгры — такие коварные, насильничают над женщинами и девицами даже на улице. Гашпар Папай*, который как раз оказался в то время у кади, весь покраснелся и сказал: кади, пускай армяне не опасаются за своих жен, никакой обиды им от венгров не будет; но если их куры придут к нашим петухам, то я ни за что не отвечаю. Кади расхохотался и сказал Папай: аферим, мадьяр, аферим* («хорошо сказано»). Мы над этим долго смеялись, посмейтесь и вы, милая. Короче говоря, мы на месте. Даже в изгнании нам приходится прятаться подальше. Господь пускай заплатит тому, кто стал этому причиной. Что с нами будет, как будет, в этом мы полагаемся на волю Божью, он привел нас сюда, он о нас и позаботится. А кто хотел нам навредить, то их намерения Господь обернул нам на пользу, потому как хоть я еще не знаю ни город, ни окрестности, но могу сказать, что мы должны быть благодарны Господу за то, что он привел нас сюда. потому что живем мы тут куда просторней, чем в том убогом Еникее; все наши квартиры находятся на окраине города, один шаг, и ты уже в поле. Но о крае, где мы живем, при первой возможности напишу больше, а теперь кажется мне, что я достаточно написал, и в одиннадцать часов пора мне ложиться. Потому как, удивительное дело, всем, и даже женщинам, здесь надо вечером ложиться спать, как в других местах. Но прежде чем я положу перо, попрошу вас, милая, пускай ваша любовь ко

мне не остывает, и не забывайте заботиться о здоровье. Отсюда каждый день туда, к вам, идут корабли, и вы можете отдать письмо любому моряку. Доброй вам ночи, милая кузина.

37. Родошто, 28 мајі 1720.

Вот мы живем здесь уже как добрые хозяева, с домом и очагом, и Родошто я уже люблю, но люблю так, что не забываю родной Загон. Кроме шуток, милая кузина, мы здесь находимся в очень красивых и просторных местах. Город довольно большой и довольно красивый, лежит он на пустынном и просторном морском берегу. Конечно, мы здесь как раз на краю Европы; отсюда до Константинополя верхом можно легко добраться за два дня, по морю же — за один. Конечно, князю нашему нигде не дали бы жилья лучше. Куда здесь ни пойдешь, везде зеленые поля, но не пустынные, поскольку землю здесь хорошо возделывают. Поля вокруг деревень не пусты, и земли этого города такие обработанные, словно с любовью обработанный сад. С особенным удовольствием смотрю я на пашни, виноградники, множество садов и огородов. Здесь на склонах гор столько виноградников, сколько где-нибудь хватило бы на целый комитат*; и обрабатывают их очень старательно, фруктовые деревья в них выглядят так, словно это сады. Виноград здесь не подпирают кольями, как у нас, и потому плети свисают вниз, а виноградные гроздья закрыты листьями, да и земля находится в тени; это важное дело на такой жаркой земле, где летом дождей бывает очень мало, — земля остается влажной, и виноградная лоза не высыхает. Здесь много огородов, и по

здешнему обычаю их хорошо обрабатывают, но с нашими их сравнить нельзя. Хлопка же нигде не выращивают столько, как здесь, и торговля хлопком идет очень оживленная. Хлопок, я думаю, мог бы расти и в нашем комитате Торда, в нашей гористой земле тепла ему хватило бы. Женщины здесь целый год заняты только тем, что сеют хлопок, собирают, продают или же прядут. Сеют его в мае, собирают в октябре; конечно, с хлопком много труда, но поскольку у женщин другой работы по хозяйству нет, они с этим управляют.

Про город могу сказать: в этих краях его можно назвать красивым; он не столько широкий, сколько длинный. Но какими бы ни были здесь дома, красивыми они не кажутся, потому как смотрят они не на улицу: жители, особенно турки, не хотят, чтобы их жены выглядывали в окно. Что за прекрасная вещь — ревность! Рынок в городе — большой, на рынке много птицы, фруктов, огородных овощей, и все дешево, а пока мы здесь не появились, было еще дешевле. Но если мы и вызвали небольшую дороговизну, то при этом вызвали и тишину. Потому как жители сами говорят: пока нас не было здесь, где мы сейчас, по улицам женщины и девицы даже днем боялись ходить, а вечером каждого, кто оказывался снаружи, хватали, и сами можете представить, милая, какими их отпускали, и случались даже убийства. А творили это янычары, греки и армяне. Но сейчас не слышно даже о самых малых злодействах, вечером люди могут гулять по улицам, ничего не боясь. Конечно, нас и самих много, но коли случится хоть самое малое нарушение, тридцать янычар, которые находятся у наших

ворот*, проучат всякого, кто задумал какое-нибудь злодейство. Так что нет места более спокойного, чем то, где мы живем; вечерами мы не видим ни чужих янычар, ни греков, хотя в хорошую погоду до одиннадцати часов находимся снаружи. Словом, мы уже теперь, только приехав, оказались полезными городу, а что будет потом! Жаль только, господин Берчени от нас далеко; он-то об этом не жалеет, потому как мы реже бываем у него, так что меньше у него и расходов. Но что делать, он хоть и далеко, надо же к нему навещиваться, чтобы проводить время; даже женщины не любят этого, но что они могут сделать. Конечно, это не для них неудобство, а для нас, потому как хочешь не хочешь, надо к ним ходить, словно на барщину. Я уже достаточно говорил о городе и об окрестностях, надо рассказать и об обычаях, о том, как мы проводим время. Уж точно, даже в монастыре нет такого строгого распорядка, как в доме князя. А порядки здесь такие. Утром, в половине шестого, раздается барабанный бой, слугам надо вставать и к шести часам быть готовыми. В шесть часов снова бьют в барабан, тогда князь одевается, затем идет в часовню и слушает мессу; после мессы идет в трапезную, там мы пьем кофе и курим. Когда часы показывают три четверти восьмого, барабан бьет первый раз на мессу, в восемь часов — во второй раз, и через короткое время — в третий раз. Тогда князь идет на мессу, после мессы — в свой дом, а все идут куда хотят. В половине двенадцатого барабан зовет на обед, в двенадцать мы садимся за стол и устраиваем расправу над курами. В половине третьего князь один идет в часовню и остается там до трех часов. Когда часы бьют три

четверти пятого, барабан первый раз бьет к вечерней молитве, в пять часов — второй раз, а через короткое время — третий раз. Тогда князь идет в часовню, а после этого все расходятся. На ужин барабан созывает в половину седьмого. Ужин продолжается недолго, в восемь князь раздевается, но чаще всего еще не ложится, а утром, если и одевается в шесть часов, зато после полуночи встает в два часа*. Однако не думайте, милая, что тут бывают хотя бы самые малые изменения: даже если бы князь был болен, все равно распорядок сохраняется таким же. Вставать в половине шестого — дело нелегкое, но я не пропускаю ни одного дня, для того, чтобы угодить ему и присутствовать, когда он одевается. В мои обязанности входит также присматривать за слугами*. Вот таков наш монастырский распорядок.

Что же касается развлечений и времяпрепровождения, то тут много всего, и каждый следует своим наклонностям. Князь дважды в неделю садится на коня, и мы до вечера охотимся, потому как здесь очень много куропаток и зайцев, рыжих куропаток больше, чем серых. Когда же князь не едет на охоту, то проводит время за письменным столом. Мы бы проводили время и лучше, если б можно было, потому как нельзя вечно гулять, бродить в полях, со здешними жителями же беседовать невозможно. Здесь никто не может прийти в чужой дом, особенно это касается армян, которые еще больше берегут своих жен, чем турки. Я еще ни разу не видел свою соседку, хотя по десять раз в день прохожу мимо их ворот, и если она оказывается в воротах, то убегает от меня, как от дьявола, и закрывает ворота. Этим я не

сильно озабочен, потому как армянские женщины — такие, как цыганки. Отсюда вы можете судить, милая, что никакого знакомства с местными жителями завязать невозможно, но мы ничего не теряем из-за этого, потому что здесь кто скорняк, кто портной, а людей высокого сословия, к кому можно было бы пойти, нет. Есть турецкие господа, но навещать турка — дело скучное: одно — то, что по-турецки я не говорю, второе — то, что если ты идешь к ним, то сначала по *ülle**, потом тебе дают трубку табака, потом джезву кофе, хозяин произносит шесть или семь слов, потом хоть десять часов будет молчать, коли у тебя хватит терпения. К беседе, к любезному разговору они совсем не расположены. Так что все наши развлечения заключаются в том, что мы идем к господину Берчени или на обед, или на ужин, а там немножко шутим с маленькой Жужи, потому как при госпоже приходится держать себя в руках, как комподской дворянке; она любит говорить только о былых временах, о том, какие балы бывали в ее девичестве. Вы же хорошо знаете, милая, что мне до этого никакого дела. У меня такой характер, я могу слушать человека хоть три часа, не сказав ни слова, но потом спросите меня, о чем шла речь, я ни одного слова не вспомню. Так и мы с госпожой Берчени: два часа я помалкиваю, а когда она смеется, я тоже смеюсь, но часто не знаю, над чем. Ей кажется, я слушаю ее с большим вниманием, но я, коли хочу провести время, размышляя о стародавних делах, то лучше буду читать историю Александра Великого, она тоже достаточно старая.

Из всего этого вы можете видеть, милая, в каком городе нас поселили, какие здесь жители, какие

окрестности, к каким обычаям мы должны приравниваться. Но я вам еще не сказал, милая, о том, каков у меня обычай: а обычай у меня таков, что в десять часов я ложусь, закрываю глаза и не открываю их до половины шестого утра. Этот прекрасный обычай я соблюдаю и зимой, и летом. Вот почему это письмо такое длинное: уже десять часов. Так что давайте-ка спать, милая кузина. Но не забывайте заботиться о здоровье, коли хотите, чтобы я писал часто. В другой раз напишу больше или меньше. Вот только забыл сообщить вам, что опять беспокоит господина нашего проклятая подагра.

38. Родошто, 23 augusti 1720.

Чтобы даже мизинчик у вас не болел, надо, милая, вам узнать, что мы на четыре дня уезжали из Родошто и ездили за четыре мили пить кислую воду. Но сначала должен я вам написать, для чего мы пили эту воду. Недалеко отсюда есть одно место с большой лужей, ширина и длина которого — метров тридцать. В это время года те, у кого есть какие-нибудь болезни, купаются в той грязи; люди приезжают сюда на телегах за сорок, пятьдесят миль с женами, детьми. Вокруг лужи можно всегда видеть двадцать или тридцать телег, и в той грязи женщины, мужчины, дети лежат, подобно свиньям. А когда вылезают из грязи, представьте, милая, как они выглядят: сплошь плотная черная грязь, которую надо счищать силой. Не знаю, откуда здешние жители взяли, но они считают, что грязь очень полезна. Я, правда, не видел, чтобы она кому-нибудь помогла. Я и сам вошел в ту поганую грязь вместе со всеми, не потому, что это было

нужно, а чтобы можно было сказать, что я тоже валялся в грязи. Летом в этой грязи очень любят отдыхать буйволы. Но греческие попы, чтобы получить несколько полтур, говорят, что грязь нужно сначала освятить, а иначе она не будет полезна. Но и это еще не все: выйдя из этой мерзкой грязи, по традиции и по заповеди Гиппократата, ты должен идти к кислой воде и три дня пить ее, сколько можешь, если хочешь стать чистым, как кристалл.

Вот и мы, желая следовать старинному обычаю народа этой земли, направились туда и нашли там не меньше двух сотен мужчин, женщин и детей. А поскольку греческие попы не пропустят ни единого случая, чтоб получить хоть несколько полтур*, то эту воду надо было освятить, потому как без этого она не принесет пользы. Вода вытекает из скалы, она не выглядит чистой, но народ, еще больше ее замутив, пьет ее грязной. Мы тоже на следующий день, как приехали, стали ее пить; большой котел, полный воды, висел над костром, потому что пить ее полагается теплой, и у нас было много, кто ее пил. Но что это за вода, милая кузина: точно как та грязь, потому как если та отвратительна, то эта ужасна. Мы сначала думали, это такая же кислая вода, как у нас, но когда попробовали, невозможно было проглотить даже каплю, потому как это чистая соль, да и то самого скверного вкуса. При всем том мало-помалу, глядя друг на друга, каждый из нас за три дня выпил ее двенадцать эйтелей*, некоторые больше, и кто выпьет больше всех, того сильнее пучит. Воду эту надо пить до обеда, и все время потом ходить или бегать, иначе не поможет. Господин Форгач, так как не мог делать

ни то, ни другое, сел на лошадь и, погоняя ее, трясясь в седле несколько часов. Спешился он, только когда почувствовал, что вода начинает действовать. Можете поверить, милая, мы много смеялись над ним. Уж не знаю, как поможет нам эта освященная кислая вода; коли не поможет, мне все равно, потому как здоровье у меня и без того отменное. Но я знаю, что двум больным она не помогла: одному стало хуже, а второй при смерти. Есть ли такое лекарство, чтобы любую болезнь могло вылечить? Но такое, которое вредит, точно есть. Против смерти нет травы в саду*. Наш же господин проводил время только на охоте и смеялся, что мы все ходим по гостям. Милая кузина, желаю, чтобы господь дал вам доброе здоровье, и остаюсь ваш самый малый субботний слуга*.

39. Родошто, 18 novembris 1720.

Письма ваши, любезные, но очень коротенькие, я получил с радостью. Милая кузина, почему вы хотите лишать меня такого удовольствия, которое вам даже денег не стоит? Сидя в теплом доме, написать письмо — не ахти какое трудное дело, а для меня читать письма ваши — счастье даже в доме холодном. Слегка пристыдить вас не вредно; надеюсь, к другому разу вы исправите свою оплошность. Мы здесь живем очень тихо, один Господь знает, надолго ли это, потому как заранее знать невозможно, куда и когда мы отсюда уедем. Недавно Порта заключила с императором мир на двадцать или на двадцать четыре года; так что на пути нашем в Эрдей встали двадцать четыре каменные стены, теперь и думать о возвращении невозможно. И видно, в другие стороны нам тоже

закрыты пути: по тому, как нынче идут дела в Европе, мы не видим ни самой малой надежды на освобождение, и все надежды приходится убрать в сундук*.

На чужбине долго я скитался, бедный,
а теперь надежды я лишен последней.

Однако, милая кузина, одно утешение у нас все же осталось:

Коль теперь нам в жизни нечего страшиться,
значит, что угодно может нам присниться.

Словом, даже когда нет надежды, остается надеяться на Господа, ибо в Его руке власть над сердцами. Когда мы видим, что все в Европе складывается не в пользу нашего освобождения, то и этим ведает Он, а Он ведь должен заботиться не только о нас, но и о других тоже. Нам хочется, чтобы все шло в согласии с нашими желаниями, чтобы завтра мы могли перепрыгнуть упомянутые выше каменные стены. Но не тут-то было! Потому как ни на Порту, ни на француза нам полагаться нельзя, немец примирился с турком и напал на испанцев. Герцог Орлеанский, французский регент, который по натуре своей должен был бы быть с испанцами, поскольку они какие-никакие, а родня, действует наоборот: заключает альянс с императором и начинает воевать против испанцев. Вместе с императором отбирает у испанцев обе Сицилии*, и война тут же прекращается. Герцог Орлеанский выдвигает условие мира: одну из дочерей испанского короля выдать за короля французского,

которому не больше шести или семи лет. Ее в любой момент пошлют во Францию, чтобы она воспитывалась там, а первый и второй сыновья испанского короля пусть возьмут в жены дочерей герцога Орлеанского и этих двух дочерей пошлют в Испанию. Если император, француз, испанец и англичанин заключат союз друг с другом, кто посмеет поднять на них руку? И от кого тогда можно ждать хоть какого-то утешения бедным изгнанникам венграм? Не вижу никого, кроме француза. Но можно сказать и так, что он неблагодарно обращается с нашим господином, который и теперь просит, чтобы его пустили во Францию. Герцог Орлеанский же не только не разрешает этого, он даже не отвечает на его письма и не хочет, чтобы имя нашего князя произносили перед ним, ссылаясь на союз с султаном. Таковы они, дружба и родство владык. Герцог, пока мы были во Франции, всегда выказывал нашему князю большую дружбу; да и родство меж ними есть, поскольку его мать и наша княгиня происходят из одной семьи. Но владыки считают, что ты мне друг и родственник, когда ты мне нужен или когда я тебе не нужен.

Вы на это скажете, милая: а христианство? Что ж, выходит, Евангелие — оно только для простого народа? Конечно, его всем нужно соблюдать, но, как видно, владыкам вроде бы стыдно на него равняться. Из всего этого мы видим, что надеяться нам остается только на Господа, и терпеливо принимать мир, и ожидать Его распоряжения относительно нас. Кто насылает холод, тот дает и теплый ментик*; кто привел нас сюда, тот нас и выведет. Так что будем уповать и ждать, и Он нас не бросит. Князь наш точно

уповает, а кроме того, каждую неделю дважды ездит охотиться. Охоту мы не пропустили бы, даже если бы шел не дождь, а иглы падали с неба. Надо ли писать вам, милая, что молодой барич Берчени* приехал сюда еще в сентябре, вы это уже давно знаете, но следует написать, зачем он сюда приехал. Французский король разрешил ему собрать венгерский полк, и приехал он для того, чтобы вербовать венгерских солдат в Молдавии и Валахии. За здоровьем же давайте будем следить, милая кузина, с тем остаюсь всегда ваш (не с конской головой, а сам-конь) секей*.

40. Родошто, 1 januarii 1721.

Полатети! Видишь, милая кузина, я уже могу сказать по-гречески «добрый день». А знаете ли вы, какой день сегодня? Знаете ли вы, милая, что сегодня я должен писать вам поздравительное письмо? И я, преклонив колени, желаю, милая кузина, от всего сердца, чтобы Господь дал вам душевное и телесное благословение, то есть чтобы наполнил ваше сердце благостью и дал вам доброе здоровье. Правда же, мы люди добрые, любезная кузина, мы друг друга приветствуем пускай двумя словами, но уж эти два слова произносим от всего сердца. Нам этого и достаточно, большего мы не желаем, не то что госпожа Берчени, которая хотела бы, чтобы всякое пожелание продолжалось не меньше двух часов; она к этому привыкла, я же ей не потворствовал, и мое приветствие состояло из десяти слов. А сколько мы смеялись над приветствием госпожи Кайдачи: встав на колени, она поздравляет господина Берчени, мол, желаю много-много новогодних дней, а этот

нынешний Новый год Господь да не позволит вам провести здесь, а только на родине, так что господин Берчени не проживет этот год, коли не попадет на родину. А возможности для этого я не вижу. Не знаю, принято ли у нас в этот день дарить друг другу подарки, — во Франции это очень важный обычай. Там король, вельможа, бедняк, замужняя женщина, девица — словом, все вручают подарки друг другу, а коли не могут ничего подарить, то хотя бы булавку. От вас же, милая, я не желаю никакого подарка, кроме одного: чтобы вы в этом году любили меня так же, как в прошлом. А от меня вы даже и не желайте, чтобы я любил вас сильнее, потому как если я буду любить вас хотя бы на полграмма сильнее, то это будет больше, чем родственная любовь. Вот видите, милая, как я вас люблю. А люблю я вас, любезная кузина, как капусту. Но в этом году надо очень-очень заботиться о здоровье.

41. Родошто, 9 septembris 1721*.

Что и говорить, прекрасная вещь — неблагодарность! Уже на несколько писем я не получаю ответа, однако же жалуетесь вы, вот ведь как. Это я должен призывать на вашу голову громы и молнии, а вы в это время пишете мне такое обиженное, сердитое письмо, что искры сыплют, когда я его читаю. Распыхтелся наш Гермán, полный требует карман*. Давайте-ка не будем ссориться, милая кузина, забудьте плохое, и я постараюсь забыть. Но не могу не написать о том, что я думаю, — даже если рискую снова раздуть тот милый гнев, потому как для меня чистая радость читать ваши разгневанные письма.

Вы как-то так умеете жаловаться и упрекать меня, что я не могу вас не любить за это еще сильнее, если, конечно, такое возможно. Любезная кузина, вы давно уже знаете, что молодой Берчени уплыл отсюда на корабле еще в июле. И увез с собой около трех сотен солдат, половина из них — венгры, а другая — бог весть каких наций; пожалуй, они сами не могут этого сказать. Суть в том, что у него уже есть полк, а у кого есть полк, тот уже поднялся на первую ступеньку ведущей вверх лестницы, особенно среди чужих.

Уехал и молодой Эстерхази*, чей отец* уже несколько месяцев находится у нас; я скажу, что находится он тут с женой, другие говорят, что не с женой. Наши священники говорят, что у господина Эстерхази брак таков, как у той самаритянки, которой Христос сказал: приведи сюда мужа своего. Женщина призналась, что у нее нет мужа, потому что тот, с кем она тогда жила, не был ей настоящим мужем*. Вот и священники говорят, что у господина Эстерхази та, с кем он живет, не настоящая жена. Парой слов скажу вам, милая, в чем тут дело. Господин Эстерхази прибыл в эту страну с другими господами из Польши, и с его женой была одна польская девица, которую он выдал замуж за слугу одного словацкого дворянина. Жена его умерла, и он, сильно тоскуя по той полячке, насильно или по-хорошему, не знаю, но сманил ее от мужа, а потом, обвенчавшись с ней перед священниками, забрал ее себе, и с тех пор они живут, как муж с женой. Наши священники как развод, так и женитьбу считают противными церковному закону. Попам

виднее, они в этом разбираются лучше, чем я. Я не стану копать, хорош ли, не хорош ли этот брак, мне достаточно проводить у них время, а остальное их забота. Жена довольно красива, с очень хорошей фигурой, молодая, любит веселиться; нам, в нашем скучном Родошто, такие нужны. Я уже несколько раз плясал с ней польский танец, она немного знает по-венгерски. Можно сказать о ней, что женщина она человечная, и мне не скучно, когда я с ней.

А еще сообщаю вам, что господин Форгач нас оставил: не знаю, наскучило ему здешнее жильё или не смог он жить в одном городе с господином Берчени. И то, и другое могло стать причиной его отъезда. Жить он хочет в Польше. Мне кажется, более приличествовало бы ему страдать вместе со всеми здесь, поскольку никаких ущемлений ему не было. Но каждый судит по своему уму. В прошлом месяце опять мы были на кислых водах; вижу, мы туда то и дело ездим на несколько дней; да я не против, хоть так проходит время. Правда, князь ради времяпрепровождения гостил у одного турецкому саяновника, который просил князя приехать к нему, вроде там очень хорошие места для охоты, и имение его в пяти милях отсюда. Но там мы провели только два дня, и все время нельзя было нос высунуть из шатра из-за дождей. Я нигде не видел, чтобы рыбу ловили буйволами, только там. Возле дома есть озеро, туда загнали десятка два буйволов, чтобы те замутили воду, и люди доставали рыбу из ила руками, бедные твари не могли плавать в грязной воде, — такова турецкая рыбалка. Обо всем, что здесь случается, я вам буду сообщать, милая, только

вы не сердитесь и заботьтесь о здоровье. Написал бы я и побольше, но как раз бьет барабан к обеду, и корабельщик тоже отправляется обедать. Потому остаюсь и буду вам, милая, самый добрый и дорогой ваш родственник.

42. Родошто, 20 novembris 1721.

Кажется, милая кузина, после того как прожил я в этом городе чуть не два года, надо бы написать о его жителях и обычаях побольше; все равно писать больше не о чем. Однажды я уже написал, что в городе живут четыре нации: греки, армяне, турки, евреи, — и что тут идет большая торговля, как по земле, так и по морю; иной раз в город приезжает триста телег, и бывает это часто, а осенью почти каждый день. То, что привозят на телегах, грузят на суда и везут в Константинополь. По морю тоже сюда приходит много кораблей, которые везут много всего. О жителях могу сказать, что турок здесь больше всего и держатся они тихо, едят самую лучшую пищу, а от христиан живут отдельно, потому что здесь каждая нация живет в своей части города. Город один, но состоит из четырех частей, и они не смешиваются друг с другом, и когда случается чума, редко случается, что она захватывает все четыре нации; иногда она только среди турок, а в других местах ее нет, иногда только среди евреев, среди греков или только среди армян.

У всех четырех наций — один судья, он — турок; судьей он может быть только три года, иногда его смещают и раньше. Но у каждой нации есть и свои судьи, которые занимаются делами, до того как

их передают кади (то есть турецкому судье). Кади здесь быстро становится богатым, хотя сам он тоже покупает судейство за большие деньги; приговор, который он выносит, должен быть выполнен, пускай он даже несправедлив. Например, если в городе поймают вора, то ему выносят такой приговор, чтобы не повесить, коли он заплатит судье, а если не заплатит, то будь уверен, шею ему сделают подлиннее*. Однако ни виселицы, ни палача тут нет, преступника вешают на рынке перед любой лавкой хоть на гвозде, а янычар кого поймает на улице: армянина, еврея, грека, тот и должен быть палачом. Кади здесь надо платить за все: собирается ли кто-то что-нибудь строить, за освобождение, за похороны, за свадьбу, за все платят; даже чтобы собирать хлопок и виноград — плати, чтобы продать свое вино — тоже плати, если начинаешь новую бочку — плати, и новое вино нельзя продавать, пока не заплатишь. Если кади придет в голову, он возьмет и закроет все корчмы, и тогда надо платить, чтобы открыть их, одним словом, платить нужно почти за все. Вы скажете, милая, что тут набирается на многие тысячи. Конечно, обходится это дорого, но не так дорого, как похороны и свадьбы; кто дает пять польтур, кто десять, кто целый талер, если может; хочешь разрешение на сбор винограда или на продажу вина, плати, причем соответственно тому, много или мало у тебя виноградников и вина. Но при всем том нельзя сказать, что турок угнетает жителей: коли ты отдал, сколько надо, после этого можешь жить спокойно. Даже спокойнее, чем у нас. Но греки, милая кузина, что за надменный народ!

Когда бы с ними так не обращались, чужой человек не мог бы жить среди них, и мы бы тут не могли оставаться, не бойся они турок. Больше всего они боятся наказания палками, потому как за самую малую провинность кади назначает сто ударов палками по пяткам, даже если у провинившегося денег — тысячи. Но и тут надо платить, чтобы бедняге не назначили две сотни.

Греки живут куда лучше, чем наши армяне, у которых нас поселили; но трудятся они не так много, как армяне. И не так богаты. Это и неудивительно, потому как у армян очень плохая пища. В этом месяце они забивают буйволов, из их мяса делают колбасу, и всю ночь мы повсюду слышим стук, так что спать не можем. Колбасу они сушат и целый год питаются ею. Армянские женщины, когда идут в город, надевают на себя черные балахоны, и они очень трудолюбивы. За дочерьми они не дают, кроме смены одежды, ничего, ни денег, ни прочего. После свадьбы армянин неделю или две вместе с женой ничего не ест; причину этого я не знаю, но спят они вместе. Свадьбы у них играют в определенное время, больше всего их в этом месяце, когда созрело новое вино и закончено приготовление колбасы. Как о городе, так и о свадьбах я сочинил вирши, не знаю, посылать их или нет; так и быть, вам могу послать, а чужому кому не пошлю, потому что не могу считать эти вирши хорошими. Здесь есть как греческий, так и армянский архиерей; о евреях же, что говорить, евреи здесь такие же, как везде. Так что вот эти мои вирши, читайте их, милая, со вниманием.

Возле моря, возле моря
мы живем в тоске и горе.
Часто пенными волнами
море дыбится пред нами.
Рыбы в глубине играют,
чайки весело летают.
Мы ж на берегу живем,
горько плачем, слезы льем.
Редко видим, как встает
солнышко из темных вод.
В городе людей не густо,
и вокруг довольно пусто.
Чтоб добраться до столицы,
надо целый день тащиться.
Город так себе на вид:
среди зелени стоит,
виноградниками он
отовсюду окружен.
Всю страну окинешь взором —
не найдешь красивей город.
Но зато яств жирных, сладких
тут имеется в достатке.
Много всяческих товаров
ты увидишь на базарах.
Их привозят корабли
с разных краешков земли.
Аэр очень здесь изменчив,
как нрав турка, переменчив.
Зимним утром замерзаешь,
в полдень — окна открываешь.
Летом зной палит нещадно,
вечером — совсем прохладно.

Словом, благодать кругом,
если есть хороший дом.
Зимний холод, дождь и ветер —
проклинаешь все на свете.
Так что, право, нет причины
жить у турок без кручины.
Вот в других краях весну
люди ждут, как мать родну.
Мы же тут весны боимся
и мечтать о ней страшимся.
Почему — ты поняла бы,
если с нами пожила бы.
С теплым ветром, знаем мы,
можно ожидать чумы.
Словом, теплых дней приход
омрачит вам целый год.
Летом солнце все сжигает,
зелени не оставляет.
Лучше всех, пожалуй, осень,
осень легче мы выносим.
Но ни фрукты, ни вино
здесь не слаще все равно.
Если встретить баб случится,
не забудь перекреститься.
Это вам, ей-ей, не бредни:
бабы тут страшнее ведьмы.
Носят черный балахон,
что закрыт со всех сторон.
В холоде ли, на жаре ли
лишь для глаз открыты щели.
Дома же — другое дело:
хоть и там закрыто тело,

платье может быть нарядно,
и украшено изрядно.
Свадьбы у армян и греков —
не для наших человеков.
Скрипки там визжат и воют —
не для нас они с тобою.
Струн на них всего лишь две —
стон и скрежет в голове.
Можно лишь на них сыграть
песню, две — никак не пять.
Под венец ведут армяне
девку в церковь, со свечами.
Там жених невесту ждет —
то-то рад честной народ!
А на завтра молодую,
нацепив ей, словно сбрую,
покрывало на макушку,
под руки ведут подружки,
с ней заходят в каждый дом.
Пусть идет она с трудом,
и в одежде плотной жарко,
но зато дают подарки.
Впереди жених идет,
саблю наголо несет.
Обойдя всех, кого можно,
молодую осторожно
к жениху приводят в дом.
Тут веселье — дым столбом.
Всю неделю свадьба длится.
Лишь жених не веселится,
у него тоскливый вид:
только воду может пить,

яства пробовать не может,
и жены нет вроде тоже.
Но зато дают деньжат.
Если парень не богат,
пир полезен для мошны:
денежки — всегда нужны.
Вот живем мы тут, и с нами —
турок, грек, еврей, армяне.
Вместе мы, но как на грех
вера — разная у всех.
Каждый в своей вере тверд
и обычай свой блюдет.
Не захочешь долго жить,
год за годом проводить
там, где трижды за неделю
праздник свой для каждой веры.
Потому-то этот край,
он для нас совсем не рай:
здесь проводим зимы, лета
без надежды, без просвета.
Ведь изгнаннику нужна
только родина одна.

Коли ж Господу мы служим,
то и здесь живем, не тужим.
Турки нас не выгоняют
и почти не притесняют.
Здесь для нищего земля —
та же, что для короля.
Боже, на чужбине нам
помоги, Твоим рабам!

Любезная кузина, вирши эти я сочинил только для вас*, потому как знаю, что вы их строго не осудите, а коли попадут в другие руки, то мне — все равно. Кому не нравится, пусть напишет лучше. Я на горе Парнас* никогда не был. И заботит меня только одно: чтобы письмо это застало вас, милая, в добром здравии. Милая кузина, любите ли вы еще меня? Полатети!

43. Родошто, 16 aprilis 1722.

Славная вещь — неблагодарность и нерадивость: уже на несколько писем я не получаю ответа. Что тому причина: больны ли вы, сердитесь ли? Мы не должны вести себя подобно плохим супругам, которые поворачиваются друг к другу спиной, когда в дурном настроении. Милая кузина, сейчас нельзя на меня сердиться, потому как мы сейчас в горечи и слезах, а на таких людей сердиться нельзя, надо лить слезы с ними вместе; но не подумайте, что я от вас требую этого, лучше я сам поплачу вместо вас. Причина же нашей печали в том, что вчера получили мы известие о смерти княгини нашей, которая умерла в Париже 18 февраля в возрасте 43 лет. Конечно, князь очень горюет, но от самой большой скорби он избавлен, потому как здоровье княгини давно его тревожило. Конечно, вместе они жили совсем немного, но обязанность по отношению к жене он всегда чувствовал и заботиться о ней считал своим долгом, хотя и понапрасну. Бедной княгине приходилось терпеть бедность и убожество. Милая кузина, не утешение ли это для бедного человека, когда он видит, что люди из великих княжеских домов тоже терпят нужду

и что Бог обращается с ними так же, как с бедняками, и если богатые вынуждены страдать, то и бедняку легче терпеть страдания. Ведь ежели бы бедняки всегда видели князей и других господ в счастье и радости, разве не подумали бы они, что Божье провидение не может совладать с ними и сделать их участь более трудной? Один из семи мудрецов, Солон, пришел ко двору царя Креза, тот принял его с большим почетом, показал ему свои сокровища и сказал: видишь, какой я богатый и счастливый. Но не услышал от философа никакого восторга, что царю было весьма неприятно: он-то думал, философ будет его превозносить, а он покажет тому еще больше сокровищ. Однако Солон на это сказал царю: *nemo ante mortem beatus*, никто не счастлив до смерти. И хотя царю это не понравилось, ему пришлось промолчать. А со временем ему вспомнилось, как Кир*, утратив свои богатства и царства, сам попал в рабство, был осужден на смерть, — вот тут царю и пришли в голову слова Солона. Коли уж я заговорил про историю, то приведу еще два коротких примера, чтобы вы видели, что мы тоже не лыком шиты. Осирис, самый знаменитый египетский царь*, победивший пять или шесть других царей и державший их в рабстве; когда он ехал куда-нибудь, то вез за собой повозку с ними и кормил их под своим столом. Однажды, когда в одной из поездок за ним везли повозку с плененными царями, один из шести все время смотрел на колеса. Осирис, сидя в своей колеснице, заметил это и спросил у него, почему он смотрит на колеса. Пленник царь ответил ему: я смотрю, как та часть колеса, которая находится вверху, потом оказывается внизу, а которая внизу, поднимается

наверх. Египетский царь, поразмыслив над этим ответом, тут же освободил царей и с почетом отпустил каждого в свою страну. Пускай вам даже и надоело, но я приведу еще один пример, потому как не всегда у меня такое хорошее настроение, чтобы обращаться к истории. Один самосский царь* — имя его мне не приходит в голову, — который никогда не знавал даже самой малой печали или беды, однажды сам захотел причинить себе неприятность, чтобы узнать, как это — горевать о чем-то, как другие. Для этого, сняв с пальца свой любимый перстень, он бросил его в море. Грустно ему стало из-за перстня, но на другой день на стол ему кладут большую рыбу, в глотке которой он находит свой перстень. Со временем царь этот впал в большую печаль: он заметил, что после хорошей погоды обычно идет дождь, но эту неприятность мы должны принимать с покорностью, потому как она ниспослана нам свыше, а не мы сами причиняем ее себе. Милая кузина, больше не буду рассказывать про историю; скажу только, что нам не следует впадать в отчаяние, Господь может нас утешить точно так же, как повергает могучих владык в грусть и тоску.

Но есть у нас и другие плохие вести: здесь очень начинает гулять чума, и говорят, она разгулялась больше, чем надо. Так что за здоровьем, милая кузина, за здоровьем сейчас надо очень следить, никогда еще не было в этом большей нужды, чем теперь. Я буду пребывать в непрестанной тревоге за вас, потому как это совсем не шутка. У Берчени уже умерли двое или трое слуг, за ними ушел и иезуит, который был у них в семье достойным попом. Сам он вместе с женой переезжает жить к нам, словно здесь, у нас, спокойнее, но я не против:

так маленькая Жужи будет ближе. На это вы скажете: ах! и как, мол, в такие времена, когда вокруг чума, можно думать о подобном! Милая кузина, пока мы живы, свою натуру мы носим в себе и ребро свое должны любить*, хотим этого или нет. Милая кузина, которая из ребра моего, следите за тем, чтобы ребро было здоровым и его не забрали в цеметерий*. Так что не стоит никуда ходить, сидите лучше дома, и будем надеяться, милостивый Господь сохранит нас. Аминь.

44. Буюкалли*, 24 junii 1722.

Милая кузина, погодите смеяться. Посмотрите, откуда я пишу, и вы поймете, что это что-то значит. А значит это, что нам пришлось прибыть сюда, за три мили от Родошто, покинув город из-за чумы. Вот уже два дня мы живем здесь в шатрах возле какой-то убогой деревни. Господин Берчени со всеми домочадцами разместился в деревне: убогая хижина, двор, хлев, вроде хутора. В городе же чума свирепствует; бывают дни, когда по полторы сотни хоронят. Среди нас никто еще не умер; правда, двое слуг заразились, но выздоровели. При всем том в городе мы не могли дальше оставаться, так что уже два дня живем здесь. Конечно, места тут красивые, но страшная болезнь испортила нам все настроение, и смеяться нет никакой охоты. Дело в том, что болезнь эта в самом деле мерзкая: утром ты здоров, к вечеру заболел, а на третий день тебя хоронят. Очень я боюсь за вас, милая, потому как знаю, чума и у вас ходит. Но если уж мы попали под ее руку, то надо держаться на плаву, пока можно, и надеяться на Господа, он нас не оставит. Надо терпеть и нести свой крест. Изгнанникам венграм даже в изгнании приходится скрываться, чтобы

хоть в чем-то быть похожими на скрывающегося сына Божьего. А что будет с нами после, один Бог знает. Господина Эстерхази с нами нет, он с женой перебрался в шатер на луга близ Родошто. Больше писать не могу, потому как и письмо не в охоту, когда ты в таком состоянии. Господь нас храни, а вы, милая, берегите жизнь и здоровье. Не упущу случая, чтобы даже в такой скорби не посмешить вас, потому что и мы много над этим смеялись. Я вам писал, что господин Берчени с женой приехали к нам еще до чумы, и когда они уже жили у нас, у старой госпожи в паху появился какой-то прыщик, и она сразу подумала, что это, наверно, чума. Но никому об этом не сказала, даже женщинам. Лекарство просить тоже не посмела, но вечером, ложась спать, эта добрая набожная женщина смазывала прыщик святой водой, которая стояла возле ее постели, и мазала до тех пор, пока тот не рассосался, и все это проделывала она в большой тайне. И мужу об этом рассказала, только когда прыщик пропал. Словом, она сама уверила себя, что это была чума. Над ее богобоязненным лечением и князь, и все мы долго смеялись. Немножко посмейтесь и вы. И храни тебя Бог, милая кузина.

Чуть не забыл написать, что одеты мы в соответствии с нашим душевным состоянием: все мы сейчас в черном — в трауре по княгине. Но в том положении, в каком мы находимся, траур точно нам подходит, хоть бы мы и не носили его из-за чьей-то смерти.

45. Буюкалли, 12 augusti 1722.

Не удивляйтесь, милая, что за прошедшее время я ни разу не написал вам: мы в таком удрученном состоянии, что и не знаю, смогу ли я описать это.

В минувшем месяце тот, кто готовил десерты и варил кофе князю, утром сварил кофе, после обеда слег, а на третий день умер от чумы. Жил он от меня в тридцати шагах. Кроме того, два сына нашего повара быстро ушли за ним следом. Так что сами судите, милая, какое у нас настроение. Страх, пожалуй, даже сильнее проклятой болезни, поскольку ты живешь и не знаешь, в какой момент случится с тобой самое страшное. Вечером ляжешь здоровым, а утром проснешься больным. Слава Богу, на здоровье у меня нет причин жаловаться, но поскольку разговоры тут идут только о чуме, мысли о ней так перевернули нашу жизнь, что мне все время кажется, будто я уже болен. Такие мысли, будь они даже чистая фантазия, вынуждают к тому, что ты не можешь избавиться от тревоги и беспокойства. Сколько раз я ложился спать, не надеясь застать рассвет. И не потому, что на самом деле чувствовал какое-то ухудшение, но потому, что тревожное настроение вызывало во мне подобные мысли. Не думайте, милая, что я один такой: все мы здесь в похожем состоянии, а коли так, то вряд ли вы подумаете, что мы проводим время в увеселениях. Я и сам не могу усидеть в своем шатре хотя бы полчаса, но выхожу и убиваю время, бродя туда-сюда по полям, потому как ничем другим заниматься нет никакой возможности. Смех у нас — такая редкость, что ежели так будет продолжаться долго, мы вообще забудем, что это такое, и будем удивляться, услышав, как смеются другие. Я вот подумал: а попади мы в какое-нибудь такое место, где люди все время смеются. Читал я про один древний город, жители которого все время смеялись, ни слова не могли произнести без

громкого смеха*. Когда господа советники решали в совете какой-нибудь важный вопрос, каждый высказывал свое мнение с громким смехом. Словом, они никогда и заговорить не могли о каком-нибудь деле, не встретив эту тему громким смехом. Даже о смерти отца, матери, жены и дитяти они сообщали друг другу хохоча. Не хотел бы я жить в таком городе; но отсюда, от нас, хорошо было бы хоть на месяц уехать в какой-нибудь такой город. Правда, я думаю, даже там, наверно, мы не смогли бы весело смеяться, потому как нам даже и улыбнуться трудно.

А какую процессию видели мы тут намереди; ей-богу, видя такое, трудно удержаться от слез. Причиной тому* стал один прискорбный случай. Господин Эстерхази, приезжая сюда на все праздники, в последний раз пришел преклонить колени пред ликом Божиим, прослушал мессу, пообедал, а к вечеру сел на коня и вернулся туда, где они с женой жили в шатре на лугу. Он еще сразу после обеда почувствовал сильную головную боль, но мы не обратили внимания, не подумали, что это опасно; на самом же деле это был признак чумы, и на третий день мы слышали, что он умер. Весть об этом принесла нам его жена, которая, увидев мужа мертвым и не зная, что с ним делать, в помраченном состоянии духа взяла одного слугу и дочь, оставила тело мужа дома и пешком пришла сюда, за две мили, к нам. Когда мы увидели эту горькую процессию, мы не могли не пролить слезы, скорбя вместе с бедной женщиной. Князь послал ее обратно и сделал распоряжения насчет похорон ее мужа. После всего этого могло ли быть у нас хотя бы на минутку хорошее настроение? Мы должны

до самой смерти помнить эти горькие дни — так же, как я никогда не забуду и всегда буду вспоминать, какое время мы пережили здесь. Но прежде чем закончу это письмо, не могу не написать вам, милая, про пожар, который сильно нас напугал, хотя жили мы все еще в шатрах: намедни слуги подожгли дом, сделанный из полотна. Не знаю, как это случилось, но они оставили рядом с ним горящую свечу, и шатер в мгновение ока запылал ярким пламенем. Жил в нем Шибрик*, и он едва успел выскочить оттуда, пожитки его тоже быстро вытащили; но должен сказать вам, что более красивого пожара вряд ли кто-нибудь видел, потому как шатер украшен был разноцветной материей и огонь получился разноцветным. Пожар не продолжался и четверти часа, но за это короткое время сгорело много ценного, потому как такой шатер стоит по крайней мере две тысячи талеров. Милая кузина, давайте с вами тратить деньги на каменные дворцы, а не на полотняные замки. Желаю, чтобы Бог уберег вас от таких переживаний.

46. Родошто, 11 octobris, 1722.

Слава Господу, чума покинула наш город, вчера утром мы тоже оставили наш лагерь и вернулись сюда. Найдем ли мы в себе достаточно слов и чувств, дабы в должной мере возблагодарить Господа за то, что он поддержал нас в такой напасти, особенно среди стольких слуг, которые не умеют уберечь себя так, как люди более умные. Можете представить, милая, с какой радостью мы вернулись сюда, с радостью, какую испытываешь, избавившись от огромной опасности. Нам одним ведомо, какие тоскливые дни мы провели там,

ибо словами описать этого нельзя, и чем ужаснее были страдания наши, тем большую благодарность должны мы испытывать к Господу, который так заботился о нас, избавив нас от духовного убожества, кое не легче и не меньше, чем сама чума. Но, пожалуй, можно сказать, она тяжелей любых телесных страданий, потому как тело может находиться в цветущем, в самом хорошем состоянии, но ежели разум не весел и не спокоен, оно сразу уподобляется ему. Вот почему мы видели многих людей, чей внешний вид был вполне хорошим, и все же они выглядели угрюмыми, потому как разум их был в беде. И наоборот, видели мы таких, кто хоть и страдал, потому как дела у них шли неважно, но разум их был в порядке и они были веселы и доброжелательны. Так что беспокойствие разума куда тяжелее, чем телесное изнурение, а один час скорби и тревоги куда труднее целого дня тяжелой работы, скажем, землекопов. И завершу я тем, что всегда следует просить помощи у Господа. Дух ли наш неспокоен, плоть ли измождена, обращаться мы должны к Нему, только Он может дать покой и облегчение. Чума здесь сильно проредила население, люди не помнят другой такой эпидемии, как нынешняя. Но, слава Богу, беда миновала, и мы все еще здесь. Вот бы еще письма ваши получать почаще, милая. Господь вас храни, любезная кузина, смеяться нам пока рано.

47. Родошто, 15 aprilis 1723.

Милая кузина, экая забывчивость на меня напала: забыл я вам написать о кончине бедного Ференца Хорвата*. Уже два месяца, как он покинул нас навеки. Вы-то об этом давно знаете, знаете и то, что мы потеряли очень хорошего человека, который и в своем возрасте,

шестидесяти девяти лет, был очень бодр и всегда в хорошем настроении; не было среди нас никого веселее его. Какое великое это дело – хороший характер! Стоит ли удивляться, что он успел позабыть свою родину: кто сорок три года провел на чужбине, забудет, где он родился. Но боюсь, как бы здесь не было новых похорон, как бы не закрыла навеки глаза госпожа, коя, должно быть, была юной во времена праотца Авраама; такой возраст, шестьдесят девять лет, никого не красит, и женщине в таком возрасте нет нужды прятать себе лицо, чтобы не вызывать лишних мыслей. Из всего этого вы можете понять, что речь идет о госпоже Берчени, которая на глазах худеет и как бы тает. Вы знаете, милая, что у нее и в этом возрасте лицо всегда было румяным, а сейчас совсем побледнело, и вы сами можете заметить, что скоро настанет пора сенокоса. До сих пор самая любимая ее тема была возвращение на родину, но теперь она считает, что скорее увидит царство небесное, чем Венгрию. Конечно, первое лучше, чем второе, – но разве плохо было бы в царство небесное попасть из Венгрии? Одним словом, судя по тому, в каком состоянии находится эта госпожа, я полагаю, она в любой час может обрести нашу вечную родину. Кого мы дадим после этого господину Берчени? Подумайте об этом, милая, а пока пишите какие-нибудь новости, потому как здесь мы ничего не знаем.

48. Родошто, 26 aprilis 1723.

Милая кузина, сколько бы ни жил человек, как бы весело ни проводил дни свои, конец один – смерть. Вот и бедная госпожа Берчени закончила свой земной путь; болела она уже много дней, но

страдала не столько от боли, сколько от утраты охоты к жизни, а потому и угасла, как свеча. Вчера, часа в три пополудни, мы заметили, что она вот-вот перестанет дышать. Ее спрашивали, что она скажет нам напоследок, господин наш стоял возле ее одра и отвечал на все вопросы, она хотела еще что-то сказать князю, и уже начала было говорить, но, прошептав одно или два слова, тихо ушла из этого мира. Мы едва заметили ее уход. Бедняжка так мечтала увидеть свою земную родину, но Господь унес ее на родину вечную. Кажется мне, милая кузина, спустя шестьдесят девять лет после рождения своего она могла уже подумать и о небесной, святой родине. Думая об этой благородной женщине, надо вспомнить, что была она очень набожной и имела хороший нрав; еще можно сказать, что она всегда жила достойно, о нищете знала только понаслышке, да по-иному и быть не могло. Особенно когда она была замужем за Драшковичем и за Эрдеди, но и с третьим мужем всегда жила ни в чем не нуждаясь, даже здесь, в изгнании. Сегодня положили бедняжку в гроб; полагаю, отсюда ее повезут в Константинополь к иезуитам; я слышал, что вы, милая, будете на похоронах. Знаю, вы ждете, чтобы я написал, в каком состоянии был ее муж в эти скорбные часы. Пока она болела, он очень-очень старался ей угодить, а когда она была при смерти, так случилось, что он спал; будить его не стали: ни к чему бедняге переживать. Проснувшись и узнав, что жены уже нет в этом мире, он, конечно, немного поплакал. Мы думали, он разразится рыданиями, но он держался куда спокойнее, чем мы ожидали, и при всей своей скорби думал о сундуках. Таков мир! Не собирается

ли он снова жениться? Здесь других невест нет, только Жужи и две вдовы. Насчет Жужи и другие имеют планы*, но ведь кто богаче, тот и сильнее. Пока достаточно, потому как о грустных вещах не стоит писать длинные письма.

49. Родошто, 22 augusti 1723.

Грешен, грешен, очень грешен*, милая кузина: уже на несколько писем я вам не ответил. Читая последнее ваше письмо, я понял, что вы настоящая пророчица. Но кажется мне, что не стоило бы вам насмехаться над теми, кому и без того горько, не стоило бы напоминать, мол, птичку-то другой съел. Будь у меня в сундуке столько добра, как у других, может быть, и птица бы никуда от меня не улетела. Но, как это и бывает, бедняк птицу поймал, а богатый — съел*. Словом, предсказание ваше, похоже, сбывается; хоть нам скоро шестьдесят, а баранинку мы любим. Все уже почти уверены, а мне совсем ясно, потому как мне пришлось узнать эту тайну, — что Жужи в любой момент может стать новой госпожой Берчени. В какой-то мере я не жалею: за добрый свой нрав она этого заслуживает, и в этой стране ей все равно невозможно было бы выбрать что-нибудь получше. Но вы сами посудите, милая, каковы они, эти девицы! Я точно знаю, что в замужестве этом она никакой частью своего сердца не будет участвовать; а о том, что и телом не будет, вы и сами знаете. Но зато зазвенит в наших ушах титул графини, и мы едва ждем, чтобы выкрикнуть свое одобрение. Оставляю вам, милая, возможность самой высказать сентенцию, что девицы, мол, все таковы. Правда, будущего

молодожена (или, скорее, как бы это сказать: старожена, что ли?) подагра сейчас не мучает, и ради Жужи он даже чаще стал мыться, потому как вы ведь знаете, милая, что при жизни старой госпожи он хорошо ежели раз в месяц мылся. Но теперь мы стали следить за собой куда как старательней. Прекрасная вещь — любовь, как она омолаживает человека! Вдруг мы еще сможем сбросить с себя лет двадцать. Слыхали вы, милая, про календарь стариков*, женившихся на молодой? Слыхали, как они заботятся о своем здоровье, как следят, в какое время и в какие дни нужно спать вместе с женой, а когда отдельно? Мы с Жужи много смеялись, потому как я составил для нее один такой календарь, а она сказала, что таких календарей не любит. Не могу удержаться, чтобы не описать вам, милая, календарь старого человека. Календарь этот мало что показывает, он лишь учит тому, каким образом надо следить за жизнью и здоровьем; в других календарях отмечены счастливые и несчастливые дни, а здесь — такие, в которые можно спать с женой и в которые — спать отдельно. Например, в Великий пост и в постные дни перед праздниками — отдельно, в пятницу, субботу — отдельно, в четыре канторских* дня — отдельно; три шатровых праздника*, каждый из которых сопровождается октавой*, все это отдельно. В апостольские праздники* — отдельно; в дни евангелистов* — отдельно; в дни своих патронов* до восьмого дня — отдельно; кроме того, зимой, коли идет снег — отдельно; а коли погода ясная, тогда, может, вместе; с наступлением весны, ежели насморк или горло болит, отдельно до конца мая; летом и так с потом выходит достаточно жидкости,

а потому — отдельно; осенью, пожалуй, вместе до тех пор, пока не начнутся туманы, а уж в туманное время — отдельно; дожди зарядят — отдельно; когда часто гром гремит, отдельно; ежели желудок что-нибудь не совсем переварил, восемь дней отдельно; кроме того, когда происходит затмение солнца, до восьми дней отдельно; когда затмение луны — тогда двенадцать дней отдельно. Вот вам, милая кузина, календарь старых людей. Не знаю, что скажете вы, а Жужи говорит, сжечь надо этот календарь, потому как слишком уж часто тут — отдельно. Я же вас люблю и в туман, и в дождь, а потому остаюсь вашим слугой. Заботимся ли мы о здоровье?

50. Родошто, 15 octobris 1723.

Ну, где эти музыканты, пускай уже затягивают говяжьёю песню*, пускай играют танец невесты! В общем, вы уже догадались, кузина, что у нас тут нынче свадьба-женитьба. То есть женитьба есть, а свадьбы не будет, гости просто выпьют глоток вина. Может, и для невесты это будет не самый лучший день. Словом, сегодня господин Берчени сочетался браком с Жужи, в присутствии двух или трех свидетелей, да и то тайно*. Можете судить, милая, какая это радость для Жужи: она ведь наверняка заслужила титул графини, и остается только дивиться милости Господней, который даже в чужом краю берет сирот под свою защиту. Милая кузина, к этому я могу добавить лишь: хорошо живется тем, у кого достаточно имущества в сундуках. Ведь господин Берчени женился не потому, что никак не мог без этого, а потому, что в состоянии был это сделать; знаю я кое-кого, да и вы

кое-кого знаете, кому жениться куда нужнее, чем господину Берчени, но — non habet rescuniam*; деньги ведь не только на паломничество требуются, но и на невестин танец. А что, кузина, вы со мной, наверно, согласитесь, хороший закон установил Ликург в Лакедемоне*: по этому закону ты мог с девицей прожить какое-то пробное время, год или два, и ежели вы с ней не сойдетесь, то брак ваш считается несостоявшимся, и каждый может искать себе другую пару. Но зачем искать такой обычай у древних, ежели мы и здесь его можем найти: мужчина берет женщину или девицу, идет с ней к турецкому судье и говорит, мол, эту женщину я беру на год или на два, а когда время пройдет, я должен заплатить ей столько-то денег. Судья дает им бумагу, и после этого они могут свободно жить вместе. Но судье положено принести подарок, иначе дело не состоится. Хотел бы я знать, что сказали бы на это наши эрдейские женщины? Держу пари, что многие сказали бы: placet*; но может быть, даже мужчины ничего бы не потеряли, войди такой закон в обычай*. Знаю, что Жужи, которая сегодня стала мадам Берчени, будет вам писать, и она наверняка напишет о более секретных вещах, чем я. Но вот что я у вас спрошу, милая: в чем различие между святостью выдерживания пенитенции* и святостью брака? Жду от вас ответа на этот вопрос и, желая вам крепкого и хорошего здоровья, остаюсь* ...

51. Родошто, 19 decembris 1723.

Милая кузина, уже на несколько писем я не получил от вас никакого ответа. Вы, наверно, упрекнете меня в том же; однако у меня-то причина есть: целый

месяц господин наш чувствовал себя плохо и не мог встать на ноги из-за подагры. На это вы мне можете возразить: ведь у меня-то в пальцах никакой подагры не было, и писать я вполне мог. Я же вам отвечу, что тяжелой подагрой страдали и сердце мое, и разум мой. Молодую* я не видел с тех самых пор, а увидел только сегодня. Да и сегодня бы не увидел, ежели бы не пришлось пойти туда с князем. При всем том должен честно признаться, обязанность эта приятна была моему страдающему сердцу, а когда мне сердито попеняли, что я столько времени не показывал носа, для меня это было как лекарство. Только вот беда, милая кузина: такое лекарство причиняет еще большую боль. Какое же лекарство тогда искать? Пожалуй, самое лучшее — обойтись без всякого лекарства, но это большое искусство. При всем том, будь я в полном здравии, то должен был бы сказать, что все готов сделать ради того, кто дает мне силы жить. А живем мы так, будто жили здесь всегда и всегда будем жить, до самой смерти. Я уж не удивляюсь, когда слышу от других, что человек может забыть свою родину; я бы, пожалуй, и сам забыл, не получи я на медни письмо от матушки своей, коя пишет: коли захотел бы я вернуться домой, к ней, она бы уж постаралась добиться помилования*, — ведь господин мой жить будет не вечно, а что я буду делать в чужой стране после его смерти. Пускай все это может осуществиться, я же в любом случае вижу лишь неуверенность в своей судьбе. Но как здесь, так и в любом другом месте должны мы покориться воле Господа. И думать не так, как какие-нибудь безбожники, которые считают, будто Господь, сотворив мир, оставил

его на произвол судьбы, мол, пускай себе существует, как может, а до всяких мелочей ему дела нет. Это вроде того, как часовщик, сделав часы, заведет их и затем отвернется: пускай-де ходят, как им заблагорассудится*. Но не следует так думать христианину, ибо Евангелие учит, что Господу столько же дела до бедняка, сколько и до короля, и что любой наш поступок совершается по воле Божьей. Ежели бы мы считали по-другому, то пришлось бы нам думать, что нет никакого потустороннего мира и что мир этот был создан только ради для важных господ, ради богачей, а люди низкого сословия, бедняки, существуют в мире только для них, подобно тому как мелкие рыбы в воде — для больших рыб, а неразумные животные — для того, чтобы тащить на себе груз. Не дай нам Бог впасть в такое неверие, следуя за теми, кто христианин только по имени. Ибо я верю, что Господь заботится обо мне так же, как о любом короле, за моей жизнью, за моей судьбой следит точно так же, как за жизнью и судьбой самого богатого человека. Что говорить, в земной жизни богатым лучше, но поскольку мы христиане, то должны говорить: пусть воля Божия будет с нами*... Ну вот, я и не заметил, как, начав письмо с разговора о молодой, закончил проповедью. Но, милая кузина, немножко божественных мыслей не повредят, и вы сами видите, милая, что я возлагаю на волю Божью то, что со мной еще ни разу не случилось, а с господином Берчени — уже трижды. Скажу лишь, что я — как та Эзопова лиса, которая, не сумев дотянуться до винограда, утешила себя, решив, что он еще зелен*; вот и я говорю, что, должно быть, просто не пришло еще мое время. Однако время уже

пришло для того, чтобы вы мне писали и заботились о своем здоровье. Чуть не забыл у вас спросить одну вещь. Скажите, милая, в чем разница между святостью выдерживания пенитенции и святостью брака. Эту вещь я, может быть, уже писал вам, но сейчас не могу вспомнить. А поскольку начал я это письмо словами о молодоженах, то спрошу еще раз. Вспомнились мне еще вирши о молодоженах, но это к Жужи точно не относится. При всем том напишу все-таки, раз уж больше не о чем писать.

Ах, милашка Ката, ежели б весною
не была со мной ты строгою такою,
крепко подружались бы мы тогда с тобою,
и не стал рабом бы я твоим, не скрою.
Ах, мой милый, это хорошо я знала,
дула я на кашу, чтоб не обжигала,
прежде обожглась я, но умнее стала,
заново с тобой обжечься не желала.

Доброй ночи, милая кузина, больше писать не буду, так что, может быть, в этом году вы не получите от меня писем.

52. Родошто, 18 februarii 1724.

Милая кузина, уже на несколько писем я не получал от вас ответа. Знаю, что вы мои письма тоже получаете редко и с опозданием, потому как корабли нынче из-за сильных ветров ходят редко. Последнее письмо вы написали мне двадцать лет назад; ладно, не стану врать: двадцать дней назад. Не знаю, где его носило столько времени по морям. Вы пишете, милая, что пора бы уже

мне вас навестить. Я бы тоже этого хотел, но ежели и меня будет двадцать дней носить по морю, то меня доставят к вам мертвым, и вы велите сварить меня с капустой. В море проводил я и больше времени, но на хороших судах*; на те, что здесь, жалко смотреть. Так что ненадолго откажитесь, милая, от этого требования; любите меня, даже когда не видите. Довольствуйтесь моими письмами. Вы пишете, что не помните, когда я задавал вам этот вопрос, и просите дать объяснение. Я смеялся, читая, как вы сами это объяснили, потому как вы считаете: брак лучше, чем покаяние. Оно конечно, сейчас это кажется более приятным, но не каждый мужчина и не каждая женщина согласятся с этим. Не дожидаясь, пока кто-нибудь объяснит это лучше, я сам скажу, в чем разница между святостью пенитенции и святостью брака: разница в том, что святость первого следует начать с раскаяния, с угрызения, зато конец ее обращается в радость; святость же второго начинается с радости, а заканчивается горечью и печалью. Кому это объяснение не нравится, пусть объяснит по-другому. Милая кузина, хоть я и не знаю ту девицу, о которой вы пишете, но полюбил ее: ведь вот на какие испытания она обрекла себя ради матери своей, а доброе сердце заслуживает любви. Но таких девиц с благородным сердцем мы найдем и среди язычников. Среди прочего, случилось во времена древних римлян: совет в Риме приговорил одну женщину к смерти, но решил убить ее таким образом, чтобы она умерла от голода. Поэтому ее бросили в тюрьму и не давали ей ни еды, ни питья, никто с ней не мог разговаривать, к ней допускали только ее дочь, но и ту каждый раз старательно обыскивали, не несет ли она своей матери пищу. Начальник тюрьмы,

видя, что женщина и через две недели выглядит здоровой, отправился в совет и там сообщил, что женщина и спустя столько времени без еды выглядит живой и здоровой. Совет, обсудив это, приказал начальнику тюрьмы следить за виновной еще тщательнее и обыскивать дочь еще старательнее. Начальник тюрьмы выполнил это, но женщина даже спустя пятьдесят дней и не думала умирать от голода. Начальник тюрьмы очень удивился и задумался, как это возможно. Однажды он решил подглядеть, что делает дочь, когда находится у матери. Он нашел место, откуда тайно можно видеть, что происходит в темнице. На другой день дочь заключенной женщины в обычный час пришла к матери, начальник тюрьмы спрятался в своем тайном месте — и тогда он понял, почему женщина прожила столько времени: дочь каждый день кормила ее своим молоком. Начальник тюрьмы рассказал в совете, что женщина сосет грудь дочери и что происходит это каждый день. Совет был так поражен, что воздал хвалу дочери, а мать отпустил и одарил героических женщин из городской казны*. Эта самоотверженная женщина заслуживает любви и уважения даже сейчас, спустя две тысячи лет. Но таких примеров еще больше находим мы у мужчин. Уж простите, милая, что я это сказал. А потому не буду пока писать больше, а пожелаю вам доброго здоровья и остаюсь вашим слугой.

53. Родошто, 28 junii 1724.

Очень рад я тому, что вы начинаете вставать после долгой болезни и что здоровье хочет опять с вами подружиться. Милая кузина, если здоровье с вами помирится, не стоит его больше испытывать: надо

ему угодать и чаще его обнимать, чтобы оно служило вам по крайней мере еще лет тридцать. Никакой необходимости не было просить прощения за то, что вы столько времени не писали. Когда что-то случается не по нашей воле, но по каким-то другим обстоятельствам, то прощать нужно и должно. Пожалуй, излишне было писать, с какой радостью я прочитал долгожданное письмо ваше. Я даже скажу вам, на сей раз, спасибо, что вы не ответили на два или три моих письма, потому как это было бы для вас затруднительно.

Тому же, что вы так горячо защищаете женщин*, я рад, потому как из этого я делаю вывод, что вы уже в добром здравии. Я не утверждал, что добросердечных женщин нет, я лишь сказал, что они — редкость, а среди мужчин людей с благородным сердцем встречается больше. Некий неаполитанский король пришел в дом к королеве и увидел, что она плетет шнурок; король спросил, зачем ей шнурок. Плету я его для того, ответила королева, чтобы тебя им задушить. Король счел это шуткой, но на другой день шутка возьми да и обернись правдой: он в самом деле был задушен*. Милая кузина, давайте подобное не будем приписывать добросердечным женщинам, лучше оставим это диким зверям. Добросердечных людей же можно найти не только в низком сословии, но и даже среди князей; правда, редко. Один португальский король, дон Антонио*, видя, как долго и безуспешно тянется война с Фердинандом и Изабеллой, как тают его сокровища и его армия, решил отправиться во Францию, чтобы попросить помощи у тамошнего короля. Когда он прибыл ко двору

короля Людовика XI, его встретили по-королевски, а Людовик пообещал ему всяческую помощь. Через некоторое время, увидев, что дальше обещаний дело не идет, дон Антонио повторил свою просьбу. Людовик, не желая ни огорчить гостя, ни сказать ему правду, ответил ему, что причина такого запаздывания — война с герцогом Бургундским. Дон Антонио, опять оставшись с пустыми обещаниями, снова напомнил о себе. Тогда Людовик дал ясный ответ, признавшись, что ждать от него ничего не стоит, помощь, которую он обещал, он оказать не может. Этот удручающий ответ поверг португальского короля в отчаяние, и он, считая возвращение домой с таким результатом позором для себя, решил, что терять ему нечего, а раз так, то отправится он по свету, куда глаза глядят, и сложит где-нибудь голову. Но прежде чем уехать из Франции, он написал два письма: одно сыну, который в его отсутствие правил страной, а другое — французскому королю. Это второе письмо он отдал одному рыцарю, чтобы тот доставил его королю, когда дон Антонио будет уже далеко. После этого он тайно направился в сторону Рима. Сын португальского короля, получив письмо, собрал вельмож и прочитал им письмо отца, который жаловался на неблагоприятный поворот дел и говорил, что, лишенный всякой помощи, он никого в этом не винит, но считает, что Господь наказывает его за грехи, а ежели он вернется на родину, Господь обрушит свой гнев и на народ Португалии. Чтобы не подвергать народ свой таким бедствиям, дон Антонио покинет страну и поедет в Рим, а оттуда — и Иерусалим, где намерен провести свою жизнь в монастыре и молить Бога о милости к народу. Он просит страну

лишь о том, чтобы она признала его сына королем и принесла ему присягу. Письмо это очень огорчило молодого принца и весь Государственный совет, но, не желая противиться воле короля, Совет тут же короновал молодого принца. Тем временем король Людовик тоже прочитал посланное ему письмо, сердце его прониклось жалостью, и он тут же послал людей, чтобы они догнали дона Антонио, помогли ему вернуться в страну и занять свой трон. Дон Антонио получил эту весть и сильно загрустил, понимая, что отказаться от королевского скипетра легко, куда труднее получить его обратно. При всем том, не желая перечить Людовику, он все-таки направился в Португалию, но направился туда с большой болью сердечной, предвидя, что, скорее всего, ему придется вступить в противоборство с сыном, которому он передал свою корону и который не согласится так просто вернуть ее. Такие мысли одолевали его в дороге, и, прибыв в первый же португальский город, он с изумлением увидел, что новый король со всем двором ждет его там и, упав к его ногам, предлагает ему корону, умоляя лишь, чтобы он не лишил его своей отцовской любви. Хотя молодого короля короновали всего лишь двумя неделями раньше, он, как только услышал о возвращении отца своего, тут же поспешил ему навстречу. Дон Антонио, изумляясь поступку сына, из сыновней любви так быстро согласившегося вернуть корону, подумал, что не может быть большей благодарности по отношению к сыну, чем совсем передать ему трон, которого тот заслуживает. Между отцом и сыном начался полный благородных чувств спор, который вызвал у присутствующих

растроганные слезы: сын умолял отца снова воссесть на трон, отец же просил сына, чтобы тот не сходил с трона. Оба приводили убедительные и мудрые доводы, стараясь убедить друг друга в своей правоте, и спор этот был во славу как победителя, так и побежденного. В конце концов отец, убежденный просьбами и слезами сына, согласился занять королевский трон и с большой помпой вернулся в Лиссабон. Народ ликовал, восторженно приветствуя и отца, и сына. Милая кузина, если эта история вам не понравится, напишите что-нибудь получше, мне же нравится, потому я ее здесь и изложил. А еще мне нравится, что живу я не в шатре, потому как господин наш уже два дня как уехал и живет в шатре, меня же оставили присматривать за домом. Знаю, вы, милая, на это скажете: вот и оставайтесь дома, потому как вы не придворный. Ладно, пускай будет так, я и вправду с большей радостью провожу время здесь и проводил бы еще с большей радостью, ежели бы вы писали мне письма подлиннее, потому как те, что вы пишете, короче заячьего хвоста. Любите ли вы меня, милая, заботитесь ли о своем здоровье? Я тут замолкаю, потому как спать хочется.

54. Родошто, 19 julii 1724.

Милая кузина, будь у меня рот на замке, все равно я не мог бы не расхохотаться, читая ваши возмущенные слова о том, что ежели вы были бы женой сына того португальского короля, вы бы ему не позволили вернуть корону. Уж простите меня, королева, но я бы не назвал его поступок простодушным, но очень даже высоко нравственным. Такие примеры

чем реже, тем похвальнее. Вон нынешний испанский король — не отдал ли он корону сыну, отказавшись от трона? Кто его хвалит, кто наоборот, но все-таки хвалят немногие, потому как сын его вскоре помер и отец снова стал королем*. А про одного римского императора мы читали*, что он, желая жить отшельником, передал корону своему сыну. Но не найдя покоя и удовлетворения, вернулся, чтобы корону у сына забрать. Собрав вельмож и войско, во главе их он пришел к трону сына, думая, что все обрадуются, а он в обстоятельной речи изложит свое намерение и покажет, что сын его императорской короны не достоин. Закончив речь, хотел он столкнуть с трона сына, которого все любили, — но тут все стали защищать молодого императора, особенно же войско, которое даже двинулось, грозя убить старого императора. Тот, видя, что дела пошли не так, как он думал, и даже жизнь его в опасности, поступил очень разумно, сделав вид, что пошутил. Он во весь голос закричал: «я только хотел узнать, любите ли вы моего сына, а так как, вижу, любите, то оставляю его вам». И, пристыженно слезши с трона, вернулся в свою пещеру. Португальский король вел себя куда похвальнее, чем этот император. Конечно, христианский король и должен быть более нравственным, чем язычник. Вы правильно говорите, милая, что никогда нельзя действовать поспешно: ежели ты собираешься что-то предпринять, надо попытаться угадать, чем дело кончится*. Ах, милая кузина, если бы и мы так делали, то не были бы сейчас изгнанниками. Однако бывают вещи, завершение которых в нашем представлении выглядит лучше, чем начало. Но разум

приносит понимание, что все надо начинать с умом, а завершение доверить мудрому Господу. Правда, мы такие жалкие твари, что ничего не умеем совершить правильно, ежели не придет помощь с неба, а то, что оттуда нам предназначено, мы должны выполнять в соответствии с высшей волей, и это всегда означает мудрость и славу Господню и обращается нам на пользу, если мы правильно ею пользуемся. Но и для этого нужна нам помощь. Вот чему учит нас яблоко Адама, который так безрассудно послушался совета жены своей. Но ах! кому не хотелось бы иметь такое прекрасное ребро! Милая кузина, вы уже знаете, что наш господин с какого-то времени все время живет в шатре, что для его здоровья лучше, чем жить в городе, хотя развлечений тут столько же. А ежели он вчера вернулся в город, то сделаем вид, будто вы этого не знаете. Но вы и без всяких напоминаний знаете, что я вас люблю, при условии, что вы следите за своим здоровьем.

55. Родошто, 18 augusti 1724.

Милая кузина, когда бы вы знали, в какой я грусти и тоске, сердце ваше сжалось бы и растаяло, как масло на огне, и мы бы пожарили на нем яичницу. Подумай сама, милая кузина: уже два дня господина нашего нет здесь, он поехал на охоту за девять миль отсюда и будет там недели две; меня он оставил здесь, чтобы я присматривал за домом и за челядью. Ты же, братец, сиди дома: двор, сарай, навоз, солома*. Пожалей меня, милая кузина, пожалей, не взяли меня на охоту, каждый день надо к Жужи ходить. Куропаток стрелять — это нет, с Жужей беседовать — это да. За что мне такое наказание! Хоть бы

оно продолжалось целый месяц. Но сколько бы оно ни продолжалось, я буду так тосковать, прямо умирать от радости. Намедни разговаривали мы с Жужей, как она чувствует себя в браке; она сказала, что полтора года назад и подумать не могла, что из нее будет графиня (хотя за свой хороший нрав она это заслужила). Словом, во время нашей беседы я рассказал ей, каким несчастным и неудачным было замужество одной женщины; расскажу и вам, чтобы время занять. Во Франции, у одного богатого городского судьи помощник был, писарь, и полюбил он девушку, попросил ее руки, назначили они день свадьбы. А там у них так заведено, что в день свадьбы обед и танцы продолжаются до вечера, вечером идут в церковь венчаться, а оттуда в постель. Одним словом, во время обеда писарь был веселый, счастливый, после обеда повел невесту танцевать, а невеста во время танца, от радости или как, взяла и пукнула. Ох как писарю стыдно стало! И маленькое происшествие это настолько остудило его любовь, что он перестал танцевать и сказал невесте: не станет он венчаться с ней, пускай выходит за кого хочет. Можете представить, милая, как печально встретила девушка эти слова; другие же только смеялись над незадачливым писарем. Одним словом, на другой день судья, узнав, почему расстроился брак, зовет к себе писаря и по-всякому объясняет ему неразумность его поступка: из-за такого пустяка, над которым можно только посмеяться, он разрушает свой брак. Видя, что писарь не хочет прийти в себя и отказывается жениться, судья закричал: раз ты отверг девушку, я сам о ней позабочусь, а ты уходи прочь из моего дома. Потом судья сказал отвергнутой невесте, что он сам на ней женится, если она пойдет за него. Девушка

посчитала это большим счастьем для себя и согласилась. Судья вскоре устроил свадьбу, но, поскольку был стар, прожил с женой недолго, оставив ей много денег и всякого добра. А молодая вдова уехала в Париж и там стала жить, как настоящая дама. Поскольку она была красива, ее полюбил и взял замуж один старый богатый генерал. Но и его через некоторое время взяли на тот свет, и он тоже оставил все свое имущество жене. Так что скоро она стала очень богатой великосветской дамой. Но удача на этом не кончилась: король Казимир, покинув польский трон, перебрался жить в Париж и там, увидев нашу удачливую женщину, полюбил ее и взял за себя, но с условием, что она будет его тайной женой. Женщину вовсе не беспокоило то, что ее не звали королевой, потому как на самом деле она была ею, пускай и тайно. Из всего этого, милая кузина, видим мы, какими удивительными путями ведет нас жизнь, пускай эти пути нам неведомы, и еще видим, что часто несчастье оборачивается счастьем, как это случилось с нашей тайной королевой. Ведь кто бы мог подумать, что та маленькая оплошность совсем даже не навредила ей. И не только не навредила, но и обернулась счастьем: ведь не случись с ней оплошности, она навсегда осталась бы в низком сословии, ветерок же этот вознес ее к вершинам счастья. Но при всем том не советую я девушкам подражать нашей удачливой даме и полагаться на ветер удачи, потому как истории этой, возможно, никогда и не было*. А что сказать о писаре? Я скажу, что он только такого ветра и заслужил. Кажется мне почему-то, этот пустой щеголь и свадьбу-то устроил только для того ветерка, да потом с ним и остался. Ежели подобный случай погасит в твоём сердце любовь, то ты заслуживаешь, чтобы

девушки ели побольше фасоли и редьки и окуривали бы тебя, будто копченый окорок. Знаю, что вы, кузина, такого же мнения о таких людях. Милая кузина, теперь я здесь хозяин, провожу время так, как получится, то похуже, то получше, то приятно, то неприятно, лишь бы оно как-то проходило, а я потихоньку бреду вместе с ним. Но все-таки не могу не сожалеть, что провожу его не так, как надо, и собираюсь стать совсем правильным лишь тогда, когда женюсь; правда, это вилами на воде писано, и надо бы мне сейчас быть правильным, чтобы тогда стать еще правильнее. Остается лишь сказать, милая кузина, что остаюсь вашим неправильным слугой.

56. Родошто, 15 septembris 1724.

Милая кузина, хоть вы в последнем письме ничего не пишете о здоровье, я вижу, кровь в ваших жилах течет бодро, потому как, читая ваше письмо, я много смеялся. Кто бы не радовался, читая ваши умные и ласковые письма, особенно когда вы в веселом настроении. Сержусь я иногда потому лишь, что письма ваши коротки, хотя длинных писем вы мне никогда не посылали; читать их я так рад, что иной раз пишу вам коротко только ради того, чтоб поскорей получить ответ. Почти каждый человек пишет письма, но не каждый умеет писать так, чтобы письмо понравилось. Есть люди, которые напишут, что хотят сказать, а получается сухо, бледно, безвкусно; другие же любую мелочь умеют описать так, придать ей такой вкус, что читать это — радость. Да простят меня ваши щечки, что я вынуждаю их краснеть, но мало женщин и мужчин умеет писать так хорошо, как пишете вы, милая. Письма ваши доставляют разуму моему такую же радость, как языку — хорошо

приготовленная и вкусная пища. Хотел сказать: капуста, но не посмел, чтоб вы не подумали, что я сравниваю с капустой ваши письма (только не сердитесь). А ежели бы я и сравнил их с капустой, что в том плохого? Но скажу все-таки, что хорошо написанное письмо — такая же радость для ума, как для глаз — приправленная укропом и сметаной капуста, которая издали кажется серебряной, и когда ты съедаешь серебристую корочку, под ней оказывается вкусная мякоть. Люди, знаю, могут сказать: мол, кто о чем, а этот — о капусте. Не удивляйтесь, милая, потому как я собираюсь написать о капусте большую книгу. В самом начале книги я упомяну, что те прославленные римляне, не знаю уж, по какой причине, выслали из города всех ученых докторов и двести лет лечили все болезни только капустой. Да разве не уместно тут вспомнить, что капуста — герб Эрдея*. И коли случится, что книга моя будет написана, я хочу, чтобы меня включили в число самых знаменитых авторов, потому как, ежели о золоте, серебре и других металлах, о редких травах пишут книги, то почему бы не написать и о капусте: ведь миска с капустой для голодного желудка куда желанней, чем сто фунтов меди. А коли уж я заговорил о желудке, то, может, продолжу эту тему еще немного. Нельзя же всегда говорить только о вещах больших, иногда и в канцеляриях не фигурируют вещи более необходимые, чем на кухне, так что сегодня, как я замечаю, я остаюсь на кухне и оттуда пишу вам. Тут мне пришло в голову, что в древние времена в Сицилии был один греческий город, который называли Сибарис*. Жители его были такими ценителями вкусной еды, что делали дорогие подарки поварам, которые придумывали новые блюда, и жили в такой изнеженности и роскоши,

что не терпели в своем городе никаких ремесленников, чья работа связана с шумом, и даже петухов не держали, чтобы те не будили их по утрам слишком рано. Можно ли представить, милая кузина, жизнь более изнеженную? Если бы эти жители пришли на обед к нашим монахам, разве бы они у них наелись? Конечно, есть монахи, которые могут досыта накормить, а есть и такие, у которых даже зубы у гостя остаются чистыми. Слышал я одну историю: какая-то женщина чего только ни ела, а зубы у нее остались, как были. Знаменитая Клеопатра однажды поспорила с Антонием, кто из них даст более пышный обед. Антоний сказал, что он устроит обед за триста или четыреста тысяч форинтов*. Клеопатра ответила: все это мелочи, у нее завтра будет обед на миллион. Антоний не поверил, что такое возможно. Но на другой день Клеопатра зовет Антония на обед. Снимает она одну серьгу из уха, кладет ее в уксус, жемчужина в нем растворяется, уксус царица выливает в пищу, съедает ее и говорит: видишь, Антоний, то, что я съела, стоит миллион*. Милая кузина, должны ли мы восторгаться царицей Клеопатрой? Восторгаться я восторгаюсь, хотя и не хвалю ее; но если бы она этого не сделала, мне не о чем было бы вам писать. Милая кузина, только не подумайте вот так же взять и съесть свои жемчужины, потому как мы, изгнанники, не можем себе такого позволить. Если бы царица была такой же изгнанницей, как вы, милая, то, может, и она не совершила бы такое дорогостоящее сумасбродство. Хотя, пускай это и сумасбродство, но слава этого сумасбродства не забывается уже восемнадцать столетий. Почти все в этом мире — сумасбродство, так чем сумасбродство, о котором я рассказал, хуже прочих. Александр Великий совершил куда большее

сумасбродство, когда решил покорить весь мир; при этом он потерял несколько миллионов людей, а через короткое время и сам умер, как простой нищий. Перед лицом смерти все люди равны. Но разве не было сумасбродством, когда тот римский градоначальник*, у которого за пределами города было несколько имений, и каждое из них было украшено по-разному, и в каждом была своя челядь, и в каждом каждый день готовили богатый обед и богатый ужин, так что в какое бы имение градоначальник не отправился, его ждали готовый двор и кухня. А что вы скажете, милая, о римском императоре Вителлии*, который приказал приготовить ему паштет из фазаньих языков, и паштет этот обошелся в пятьдесят или шестьдесят тысяч талеров. Разве это не сумасбродство? Или император Кай*, который стойло своего коня украсил так же роскошно, как свой дом, и назначил коню таких же придворных, как себе, и велел подавать коню золотой ячмень на золотом блюде, а иногда приглашал коня на обед, будто какого-нибудь царя. Разве же это не сумасбродство? Но не бойтесь, милая, не буду я вам больше писать о сумасбродствах, только чистую правду о том, как я вас всем сердцем люблю. Остаюсь...

57. Родошто, 19 novembris 1724.

Вот вы меня упрекаете, дескать, почему я не рассказываю, как мы тут время проводим. Все веселье у нас в том, что мы горько вздыхаем, а настроение такое радостное, что мы умереть готовы. А что вы, милая, хотите? Будь я лучше, я и время бы проводил лучше, господин наш подает нам добрый пример и в этом отношении, но я человек плохой и, боюсь, таким и останусь.

Разве что годы заставят меня поумнеть, хочу я того или нет. Правда, коли ты вынужден становиться умнее, то никакой собственной твоей заслуги в том нет; какая-то небольшая заслуга была бы, ежели ты мог бы вкусить запретного плода*. Но ты его вкусить и не пытаешься, даже сейчас, когда для этого вроде и не было бы больших препятствий. Правда, тут складывается так, что я, пускай на несколько дней, похоже, все-таки стану немного умнее: вчера приехал к нам архиепископ*, он проведет здесь несколько дней, и в это время мы будем глазеть на него, как комподская барыня на белку. А вы знаете, милая кузина, что за архиепископом пришлось посылать карету? Прежние архиепископы сильно этого не одобрили бы: в прежние времена, особенно в восточных странах*, архиепископы считали, что их дело — ходить пешком, разве что совсем старые ездили на осле или на муле. В греческой церкви всегда был такой обычай, потому как архиепископы происходили из простого сословия и не мечтали о каретах*. В Константинополе среди богатых патриархов, может, один только был, про которого говорили, что он держит двести лошадей. Но удивляться этому не стоит, потому как он, будучи младшим братом императора, привержен был скорее господским, чем епископским обычаям*. Известно, что у него была любимая кобыла; когда ей пришло время ожеребиться, он как раз проводил богослужение, но узнав от конюшего о событии, тут же переоделся, прервал службу и побежал на конюшню. Мы знаем, что император Константин* распорядился, чтобы губернаторы для епископов, которые отправлялись на Никейский собор*, снарядили повозки или другие средства для долгого пути*, потому как ехать надо далеко, старики туда

пешком не доберутся. Но из этого мы можем понять, что епископы у себя никаких средств передвижения не держали. Конечно, у александрийского патриарха, а патриархи александрийские уж как-нибудь не были нищими, хватило бы денег на карету и на лошадь, но все-таки мы видим, что знаменитый святой Афанасий* пешком обошел Фиванскую пустыню. Западные епископы куда раньше начали искать для себя удобные средства передвижения и завели лошадей, оставив ослов Христу и апостолам. Известно, что святой Мартин* сел на осла и на нем объехал свою епархию, но это было много раньше, когда состоятельные семьи не очень-то мечтали о епископстве. Но как только дети высоких сановников стали надевать епископские митры, им показалось неуместным трястись верхом на осле или на муле, ездили они по своим приходам на лошадях и в сопровождении большой свиты, так что бедные приходские священники даже вынуждены были однажды пожаловаться, мол, епископы являются к ним с толпой приспешников, которые все у них начисто подъедают. А еще я всегда смеюсь над жалобой папы римского святого Григория*, когда о ней вспоминаю: диакон, который ведал сицилийским имуществом, посылал папе мулов и ослов; папа же написал ему: ты прислал мне прекрасных ослов, но пускай они прекрасны, все равно они всего лишь ослы, ты пришли мне коня, чтобы я мог на нем ездить. Суть в том, что папа этот разбирался скорее в пении псалмов, чем в лошадях*. О другом святом папе, не помню, как его звали, мы читаем: направляясь в Константинополь, он высадился с корабля на берег, где-то около Фессалоник*, и там ему стали искать какое-нибудь средство, на котором он мог бы продолжить

свой путь по суше. У жены одного тамошнего дворянина была смиренная лошадь, на которой ездил только эта женщина. Женщина отдала свою лошадь папе, он добрался на ней до Константинополя, а оттуда послал лошадь обратно. Но лошадь больше не захотела возить на себе прежнюю хозяйку, и та, убедившись, что не может на нее сесть, отправила ее в Рим, в подарок папе. Милая кузина, конечно, мы и нынче считаем очень похвальным, что епископы в старину жили, причем по своей воле, так бедно, что жизнь их скорее походила на жизнь апостольскую. Но не надо думать, будто они были более бедными, чем нынче. И в старину было достаточно богатых епископов и бедных епископов; разница в том, что богатый епископ раньше старался выглядеть и вел себя, как бедный, сегодня же бедный сам по себе сильно отличается от богатого. Но давайте скажем, что в старину так нужно было, таков был обычай, сегодня же обычай другой, и богатый епископ нанес бы ущерб своему епископскому достоинству, ежели и во внешнем облике не вызывал бы к себе почтения и ходил бы в рубище. Что бы сказали нынче о толедском архиепископе в Испании, у которого годовой доход триста-четыре тысячи золотых, а он держит всего одного слугу, который варит на обед бобы, а сам архиепископ объезжает свою епархию на осле. Пускай так было в давние времена, но сейчас, поступай мы так же, люди, может, будут удивиться, но примеру нашему не последуют и несколько не станут уважать нас за это, а просто сочтут скрягами. Почему богатые епископства в Венгрии старались спрятать? Потому что не хотели бросаться в глаза туркам; а то и пришлось бы содержать еще какого-нибудь королевича. Что бы сказали люди, если бы увидели, как наш

эрдейский епископ едет на богослужение верхом на осле и в сопровождении всего лишь одного диакона; сказали бы: вот стыдоба-то. Следовать нужно принятым обычаям. Кто пытается ввести какой-нибудь новый обычай не из добрых намерений, тот за это заплатит, а ежели кто-то следует принятому обычаю, пускай по необходимости, но с хорошими намерениями, против того ничего нельзя сказать. Я знаю, что хорошие епископы содержат большой двор не из высокомерия, а потому, что таков обычай, и чтобы люди больше почитали епископское достоинство. Милая кузина, я замечаю, что пишу письмо и что мне не поручали писать об обычаях клира. Пишу я это только вам, чтобы проводить время, потому как о каких-то новостях сообщить не могу, пишу только то, что приходит в голову. Когда я пишу вам, милая, мне кажется, будто вы сидите тут, передо мной, и мы с вами беседуем*. А что до нашего патриарха, то он, в карете ли, пешком ли, все равно заслуживает почтения; здесь он пробудет несколько дней. Я же заканчиваю свое письмо, потому как, ежели оно будет еще длиннее, то вы, уставши, не прочтете и половину. Прошу вас, милая, накажите меня еще более длинным письмом, и давайте-ка следить за здоровьем.

58. Родошто, 13 decembris 1724.

Ты пишешь, милая кузина, что ежели бы я писал чаще, ты бы чаще получала мои письма. Конечно, это правда, но что писать? Написать ли, что я сержусь? А кто не рассердится, когда вы пишете, что, дескать, из вас уже получился бы настоящий священник, столько вы всего узнали из моего письма о церковных обычаях. Придет еще время, когда я за это вам отомщу. Нет,

а в самом деле, что за славные времена настали бы, ежели бы женщин возводили в священный чин: вот было бы славно, вот насмотрелись бы мы новых порядков. О, я заранее радуюсь тем временам, словно они уже пришли. Уже я вижу, как из Великого поста делают совсем маленький пост, а то и совсем вычеркнут его из календаря, зато настолько же масленицу: ежели сейчас масленица шесть недель, то будет тринадцать. Что за счастливое время настанет: седьмое священное таинство* тогда попадет на первое место, о, какое счастье! Развод тогда станет легким, и люди будут следить лишь за одной вещью, не так как сейчас, о, прекрасное время! А что уж тогда говорить об исповеди! Правда, я не могу высказать мнение, упразднят ее или нет. Однако, ежели хорошо подумать и вспомнить, что женщины хотят знать все, то можно предположить, что, наверное, ее все-таки оставят, только пенитенция будет короче, но, о, какой долгой будет сама исповедь! Потому как ты ведь можешь попасть в руки такой священной особы, которая, желая узнать всю подноготную, задаст тебе сто вопросов, захочет узнать даже мысли твои, — но зато покаяние назначит легкое. О, милая кузина, как хочу я дожидаться этого времени! Но, наверное, ждать мне придется очень долго, и до тех пор меня похоронят, а после этого мне все равно, будут женщины священниками или не будут*. Не знаю, поверят ли там, у вас, какая теплая погода здесь стоит, с теплыми дождями и частыми грозами. Хоть вы мне поверьте, милая, потому как я не лгу, даже летом не было гроз ни сильнее, ни чаще, чем сейчас. Еще хорошо, что очень-очень редко бьет молния. Знаю, слыхивали вы о самых разных и удивительных по силе молниях, но, пожалуй, не слышали ничего более удивительного,

чем то, что я читал; когда мне приходит это в голову, я не могу не смеяться. Посмейтесь и вы со мной. В Риме был французский посол, который однажды, во время сильной грозы, сидел с женой за столом, а окна были открыты, и молния влетела в дом, все испугались, но вреда никакого не случилось. Когда же молния прошла через дом, жена посла почувствовала тепло — угадайте, где? А поскольку она сидела за столом, то нельзя было даже руку сунуть под юбку, но после застолья она и сама расхохоталась, когда обнаружила, что молния ее опалила*. Представь сама, милая кузина, что она нащупала рукой. Кто бы на ее месте не засмеялся? А сейчас я вспомнил, что я ведь должен еще ответить вам на один вопрос — насчет того, почему мы едим мясо в пятницу, когда на этот день приходится Рождество? Не знаю для этого иной причины, кроме той, что обычай этот ввели англичане, потому как в Евангелии написано: слово стало плотью*, а со временем этот обычай переняли и в других местах. Вот французы во многих местах, начиная с Рождества и до дня Очищения Блаженной Девы*, дня освящения свечей, едят мясо по субботам, потому как в это время Блаженная Дева пребывает в постели с младенцем. Много времени прошло, милая кузина, с тех пор, как и мы пребываем в изгнании. Этот год мы почти целиком провели здесь, тут все понятно, но непонятно, проведем ли мы здесь год следующий. Как хорошо, что человек не ведает своего будущего: ежели бы ведал, то заранее впал бы в отчаяние, а не ведая, надеется он, что все повернется так, как ему хочется. Нет на свете танца дольше, чем монашеский танец*, и плясать его приходится до тех пор, пока музыка играет. Лишь бы Господь дал нам здоровья, и тогда пусть будет так,

как ему угодно, потому как очень это хорошее дело — здоровье. Так что берегите его, милая, и давайте-ка писать чаще.

59. Родошто, 16 januarii 1725.

В новом году давайте веселиться, а ежели удастся, давайте жениться*. Но вот это-то «ежели удастся» у нас отобрали и оставили нам одну возможность: думать о том, что нам удастся или не удастся. Но и это уже начинает наскучивать, потому как: что толку думать об этом! Женитьба для изгнанника — очень грустная женитьба. Да и на ком? На гречанках*? Нет уж, спасибо. Уж гречанки-то точно не заслуживают названия жены; они хороши лишь с утра до вечера сидеть на диване, ради порядка в доме они и пальцем не пошевелят, зато очень много думают про наряды, им на каждый большой праздник должен быть новый наряд, а ежели один праздник пропустят, то скажут мужу в глаза: не хочешь обеспечить мне новый наряд, так я найду такого, кто обеспечит. Муж подарит жене украшение с камнем ценной пятьдесят тысяч талеров, а жена и медным грошом не поможет мужу, ежели они впадут в нищету, она готова сухарями питаться, лишь бы не продать свое жемчужное ожерелье. Ежели дважды или трижды за день ее не переоденут, она умирает от скуки. Видя, в каких шелках и жемчугах она ходит, подумаешь, что каждая — по меньшей мере графиня, и стол у нее такой же пышный, как наряд, хотя на обед и на ужин готовит она сушеную рыбу или немного рисовой каши. Не нужны мне и француженки, потому как у них в головах только карты да песни. Испанки роскошествуют в нарядах так же, как гречанки, и больше всего заботятся, чтоб у них ножки были

маленькие, они готовы скорее показать все остальное, чем ноги. Вот ежели бы у них ножки были такие же маленькие, как у китаянок; там, когда девушку сватают за кого-то, жених первым делом спрашивает, какие у нее уши, потому как красивыми считаются самые большие уши, и велики ли у нее ноги: ежели ноги у нее больше, чем мой мизинец, то замуж ее ни за что не возьмут. Но этому вы, милая, не будете удивляться, когда узнаете, что в той стране девочке, как только ей исполнится полтора года, выворачивают обе ножки, и потом они такими вывернутыми и остаются, так что не очень-то может она бегать и прыгать. Конечно, ножки у нее останутся маленькими, зато всю жизнь она будет несчастной. И даже из дома не сможет выходить. Там считают, что у хромой женщины походка как раз такая, какая должна быть. Но я люблю другое. Мне, милая кузина, дайте эрдейскую жену, потому как не знаю я такой страны, где женщина больше заслуживала бы звания жены, чем в нашем волшебном краю.

Но в том положении, в каком мы живем, на это даже надеяться не приходится: всюду мир и тишина, нам же требуется мутная вода, чтобы ловить в ней рыбу. Нигде никаких войн, только у турок с персами, да и эта война тянется уже много лет; и нам положено желать, чтобы победили турки, потому как мы их хлеб едим. И нигде, кроме этой страны, так не помогают изгнанникам. Нация эта — вовсе не такая ужасная, как о ней говорят; не знаю иной нации, которая жила бы так спокойно, как эта, и нигде мы не могли бы жить так мирно, как здесь. Слава Господу, у нас еще не случилось никакого, даже самого малого несчастья; где бы мы ни встречали турок, везде они к нам приветливы, потому как турки любят

венгров больше всего. За все это мы не можем желать им ничего лучше, кроме как чтобы они когда-нибудь стали христианами. Аминь. А ежели бы мы имели дело с этими надменными греками, мы бы не смогли тут жить. Пусть они христиане, но нас ненавидят, хотя никакого, даже самого малого вреда им от нас нет: это они нам вредили бы, ежели бы могли, но вредить они нам не смеют, потому как за малейшую провинность им назначают сто ударов палкой, так что палка обеспечивает нам почет и уважение. Здесь смотрят не на то, какого ты сословия, богат ли, из старинного ли рода: все это тебя не спасет от того, чтобы поставить тебя перед судом и назначить тебе сто ударов, а то и двести. Кто еще мог бы ужиться с такой надменной нацией, которая унижает тебя до крайности! Я больше всего грущу здесь о том, что негде мне напечатать ваши письма, милая. Ежели бы это можно было сделать, как они того заслуживают, я бы ни о чем не тревожился, потому как знаю, что люди читали бы их с наслаждением*. Никого не следует хвалить в глаза, но на расстоянии в двадцать пять миль — можно, потому как ежели вы, милая, и ругаете меня, я этого не слышу, но зато хочу я слышать, что вы здоровы, и за здоровьем нужно следить, потому что здоровому еда, питье и все прочее очень даже приятны и полезны. Дай вам Господь спокойной ночи, хороших снов и утром проснуться веселой.

60. Родошто, 22 aprilis 1725.

Где он, где он, тот стрелок, что того волка убил, что ягненка уволок, что отец вчера купил*? Где он, где он, тот чудак, что нашел то письмецо, что я вам давно послал? Что я могу поделывать, милая кузина,

коли вы давно не получали моих писем? Ежели я их не писал, то и удивляться не стоит, что вы их не получали. А ежели писал, то куда они пропали? Да что об этом говорить, наши письма и в Вене могут оказаться, а ежели они пропали в море, то уж точно, рыбам после них не придется чистить зубы. Милая кузина, ежели одно-два наших письма пропадут, мы напишем вместо них двенадцать, не такой уж это большой труд, и нерадивости нашей он даже не поколеблет. Но что писать, ежели нет новостей? Разве что вот о чем: тут армянки сейчас по горло в заботах, потому как пора сеять хлопок. Давайте же писать о хлопке, потому как хлопок здесь — не какой-нибудь вздор, а от него очень даже большая польза, потому как нигде не растет хлопком больше, чем здесь, и торговля хлопком идет вовсю. У нас я не думаю, что он будет так уж хорошо расти, потому как он любит теплую землю. Но я все-таки удивляюсь, что в Венгрии его не пробовали выращивать, потому как есть там места, где он мог бы расти и принес бы стране большую пользу. По крайней мере деньги, которые за него платят, остались бы в стране.

Семена хлопком — величиной с горошину, только черные, и теперь как раз их начинают сеять. Вырастает хлопок в высоту не больше, чем на десять вершков*, но из одного стебля выходят три или четыре веточки, и на них, на каждой, висит по одному круглому плоду, который похож на маленький зеленый орех. Цветы же его — желтые, пока хлопок не созреет. Ежели плод открыть, в нем — что-то вроде клея, но когда он начинает созревать, из этого клея и появляется хлопок, и открывается коробочка сама

собой, чтобы вобрать в себя больше тепла. Когда же коробочка совсем раскроется, а будет это в сентябре, хлопок станет белым, коробочка же засыхает, — тогда хлопок с семенами и собирают. Семян в коробочке много, хлопок вынимают из коробочки, как комок спутанных нитей, семена от нитей трудно отделить, но у женщин здешних есть такие маленькие колесики, у которых две оси: одна железная, другая деревянная. Одна крутится в одну сторону, другая — в другую, так что когда хлопок пропускают между ними, он отделяется от семян и чистым падает в другую сторону, и его легко отделить от семян. Без такого приспособления, наверно, даже горсть хлопка нельзя было бы за день очистить, но с этим приспособлением даже мешок хлопка — пустяк. Вот уже и хлопок вам готов, только прядите, милая.

Да, знаю, милая кузина, хлопок у нас не растет. Но вы могли бы принести нашей стране и другую пользу, и тогда имя ваше было записано в истории Эрдея золотыми буквами. Ежели Господь когда-нибудь приведет вас домой, почему бы вам, милая, не иметь у себя столько шелка, чтобы его не нужно было покупать за деньги. И увидели бы это другие богатые женщины, и стали бы у вас учиться, а там мало-помалу пошел бы за вами и простой народ. Со временем этот обычай укоренился бы у нас, как в других странах, где он тоже начинался с малого. В стране, где мы с вами живем, один греческий император щедро одарил двух миссионеров — за то, что они в первый раз принесли из очень далекой страны личинки шелкопряда. Здесь они их вывели, вырастили, размножили и показали, как обращаться с шелкопрядом и с шелком. Будучи

людьми умными, они всему научились в той стране. Когда здесь этот обычай укоренился, его переняли итальянцы. От греков и итальянцев он потом перешел к испанцам и французам, и постепенно распространялся все дальше, и так пришла в страну выгода от торговли. Вот бы я посмеялся, милая, ежели б вы стали первой разводить шелкопрядов в Эрдее. А ежели кто-то начал бы такое дело, остальные бы за ним точно последовали. Начинать дело должен человек, который в нем разбирается, потому как оно кажется трудным лишь оттого, что с ним не умеют обращаться. Можно ли представить более приятное и полезное занятие для состоятельной женщины, чем наблюдать, с каким усердием работают на нее несколько тысяч гусениц. Но твари эти очень прожорливы: они, как только появятся на свет, сразу начинают есть. Самая любимая их пища — листья шелковицы. А белая и красная шелковица у нас растет почти везде и не требует больших усилий. Мне, однако, кажется, что и не надо жалеть усилий для таких работников, которые за листья дерева платят нам шелком. И скажу еще сразу, потому как в этом не сомневаюсь, что вы не знаете, как обращаться с этими работниками. Но поскольку у меня других дел нет, напишу вам, что я читал об этом, а вы потом заставляйте их работать, как сочтете нужным. Прежде всего нужно устроить для них чистый дом с хорошими окнами, куда попадает солнечный свет, и в дом этот не должны попадать ни мыши, ни другие мелкие вредители, и ветер не должен туда проникать. В середине дома на четырех стойках надо укрепить циновку вроде постели, или, ежели циновки нет, из мелких прутьев сплести

настил, как для сушки слив. Дом уже есть, теперь позаботимся о работниках. Яйца шелкопряда очень-очень мелкие, глазом их едва видно, и откладывают они их на бумагу; несколько сотен яичек, оставшись на бумаге, засыхают, и их кладут до весны в надежное место. Потом достаем ту бумагу и отдаем ее какой-нибудь толстой девице, чтобы она держала ее на груди, и через короткое время они от тепла оживают. Как только заметил, что они шевелятся, тут же на бумагу кладут молодые листочки, я уже сказал, какого дерева. Когда личинки немножко подрастут, их надо поместить на ту постель, о которой я говорил выше, и слегка прикрыть сверху теми же листьями; листья должны быть и под ними. Но особенно нужно следить за тем, чтобы у них была такая нянька, которая трудолюбива и разумна и любит своих воспитанников. Она каждый день в определенный час должна давать им свежих листьев, перед этим каждый раз очищая постель от нечистот и от старых листьев; когда это сделано, надо осторожно сыпать на них новые листья, поскольку этим существам ничто так не вредит, как грязь и сырость. И еще пускай нянька следит, чтобы не дать им мокрых листьев. В дождливую погоду собранные листья надо высушить, а ежели видишь, что вот-вот пойдет дождь, листья надо нарвать заранее. И нельзя держать гусениц впроголодь, потому как эти маленькие твари живут недолго, а потому не хотят терять время зря и постоянно едят. Ежели случится каким-то образом, что листьев, сорванных с дерева, нет, то можно дать им салата или капусты. Это они съедят, чтобы не умереть с голоду, но от такой пищи шелк будет не очень хорошим. Содержа

гусениц в чистоте и сытости, нянька должна заботиться, чтобы в хорошую погоду окна открыты были до вечера и дом был чистым, потому как чистота и хороший аэр для них очень полезны. Но давайте посмотрим, какие изменения с ними происходят.

Личинка, когда она вылупится из яйца, выглядит очень-очень маленькой и черной. Через несколько дней она начнет белеть, но шкурку эту она потом сбросит и, постепенно толстая, наденет другую, беловато-зеленоватую. Еще через несколько дней она полностью прекращает есть и дня на два засыпает. Потом принимается переворачиваться и беспокоиться, настолько, что от этих усилий краснеет; шкурка у нее покрывается морщинами, и она ее сбрасывает, чтобы одеться в третью шкурку. Неужто же трижды сменить одежду за месяц ей мало? Потом она опять начинает есть и принимает совсем другую форму, чем раньше. Хорошо питаюсь несколько дней, она снова впадает в глубокий сон; а пробудившись от него, надевает на себя новую рубашку, то есть новую кожу. Потом снова на какое-то время принимается насыщаться, но в конце концов и еда, и жизнь, и компания ей надоедают, и, желая отвлечься от всего этого, она начинает делать из шелка маленький домик, такой удивительной красоты, что слов не найти, чтобы его описать и чтобы восхищаться творцом. Милая кузина, а мне вот уже и писать надоело, а потому я прерываю работу наших маленьких отшельников. Напишу в другой раз. А вас я попрошу, милая, заботиться о своем здоровье, потому как я такой, каким был, и буду таким, каков я сейчас.

61. Родошто, 23 мајі 1725.

Милая кузина, простите, соврал я, то есть это перо мое соврало. Я написал: Родошто, хотя нахожусь не в городе, а около него — со вчерашнего дня мы снова в шатрах. Ежели бы меня спросили, я бы сказал, что лучше этот поход перенести на другое время, потому как в полотняном шатре хорошо лишь тогда, когда никак нельзя по-другому. Но приходится подчиняться воле господина нашего. Словом, поскольку дел здесь у меня мало, даже совсем нет, то я могу позволить себе проводить вас к нашей отшельнице*. Пойдемте к ней прямо сейчас и посмотрим, какую пещеру она себе устраивает, потому как со времени моего последнего письма времени у нее было предостаточно; а коли она успеет отгородиться от всех, то после этого она с нами вообще разговаривать не захочет. Кажется, в последнем моем письме я вам рассказывал, что тварь эта в конце концов сооружает себе маленький домик из шелка. Как только она собирается взяться за это, то сразу бросает еду и только ищет себе место, где можно строить. Поэтому для нее разбрасывают повсюду прутики, на стены подвешивают веточки, гусеница же, угнездившись на ветках, начинает выпускать шелк и пеленает им себя со всех сторон. Первый шелк не так хорош, как тот, который будет потом. Когда она запеленает себя полностью, со всем старанием, то этот свой домик выкладывает изнутри такой нежной и плотной пленкой, что никакой аэр туда не проникает. Закончив эту работу, гусеница засыпает и готовится к метаморфозе; тут мы и видим, как гусеница превращается в бабочку. На эту метаморфозу уходят две или три недели. Пока они

пройдут, нелишне будет вам узнать, что маленький этот домик по форме и по размеру станет примерно как голубиное яйцо. А шелк, который с него снимают, можно представить так, будто яйцо это обернуто шелком. Пленка, о которой я вам говорил, выглядит, как скорлупа этого яйца. По прошествии трех недель гусеница воскресает из мертвых, но в другой форме: проделав в домике небольшое окно, она вылетает оттуда в красивом белом одеянии и с крыльями. Свой предыдущий наряд она вместе с домиком оставляет няньке как награду за труды. Но поскольку, когда она проделывает в коконе отверстие, шелк приходит в негодность, то люди оставляют на развод только несколько коконов, остальные же помещают в тепло, чтобы гусеницы в них умерли и не воскресали, и тогда шелк остается как цельная нить. Гусеница делает свое дело не переставая, а потому весь кокон сделан как бы из одной нити, длина которой — девятьсот футов, а то и больше. И нить эта — еще и двойная, и обе нити в ней склеены вместе. Вот и подумайте, милая, какой тонкой должна быть та нить. Теперь я вернусь к тем коконам, которые были оставлены на развод. Выбравшись из своих домиков, они не улетают далеко. Самка — куда крупнее, чем самец. После того как они проведут друг с другом несколько дней на свободе, самку помещают на лист бумаги, словно роженицу в постель, и она откладывает на бумагу по крайней мере пятьсот яиц. Отсюда вы можете судить, милая, что на развод много бабочек оставлять не стоит, четыре или пять пар — достаточно для потомства. Итак, шелк у нас есть, но он тесно наплетен на кокон и склеен. Снять его — совсем особое мастерство,

но я и это сделаю, только чтобы угодить вам, милая. Прежде всего коконы те бросают в теплую воду, чтобы клей растворился. Затем несколькими прутьями воду принимают перемешивать, чтобы шелковая нить накрутилась на прутья. Но сплетают в одну только шесть нитей, и пока их совсем не смотают, коконы остаются в теплой воде. Вы, конечно, и так знаете, что шелк от своей природы желтоватый, но ежели его вымыть, он становится белым. Вы, милая, конечно, смеетесь, что я учу вас вещам, которые вам и без меня хорошо известны. Но поскольку вы сами этого пожелали, то я должен подчиниться. Одного вы, пожалуй, не знаете, милая: были люди, которые попробовали добиться, чтобы простая паутина была прочней, чем шелк, и чтобы ее можно было добывать так же, как шелк. Но это оказалось слишком дорого: ведь тогда несколько тысяч пауков надо кормить мясом, — и это дело бросили. А писал ли я вам, милая, о том, что в Египте несколько тысяч яиц засовывают в горячую печь и через двадцать дней вытаскивают оттуда столько же тысяч жареных цыплят? Правда, говорят, курятина при таком способе не очень вкусная. Теперь я уже понимаю, что писать я вам должен о делах, которыми занимается дома хозяйка, но тут я останавливаюсь, потому как совсем забыл, что нахожусь в лагере. Правда, лагерь у нас — вроде как у евреев в пустыне: здесь тоже не услышишь ружейного выстрела. Так что желаю вам, милая, доброй ночи, потому как здесь неприятеля опасаться не нужно, а опасаться надо только ухверток, которые могут в ухо заползти.

P.S. Вы знаете, милая, какой у нас распорядок, когда мы в городе. Вот и здесь мы живем по таким же

обычаям и правилам. Нет ничего лучше твердого порядка. Твердый порядок может поддерживать у себя дома и простой человек. Но в наших краях люди, даже господского сословия, не очень к этому склонны. Но правильно ли они поступают?

62. Родошто, 11 junii 1725

Довольно много смеялся я, милая кузина, прочитав вашу вежливую благодарность. Можно подумать, что я ее заслужил и научил вас чему-то новому. Но я должен ее принять, понимая, что ваши благодарности направлены лишь на то, чтобы я смелее открывал закрома своей учености. Иной раз совсем нелишне подбодрить человека, потому как много есть таких, кто стесняется высказывать свои мысли вслух, хотя мысли его часто могут быть лучше, чем у тех, кто эти мысли напрямик высказывает. Вы вот очень разумно мыслите, милая, когда хотите воспитывать сына и дочь так, как воспитывают своих детей там у вас, в Пере*, французы. Правда, там, милая кузина, вы видите в основном торговцев, а надо бы посмотреть, как воспитывает своих детей благородный человек. Суть в том, что у них есть свой король, и там расцветают всякие науки и ремесла. Еще суть в том, что счастье страны состоит в добром воспитании молодежи: ведь в юности она начинает усваивать воинское дело, науки и ремесла.

В нашей несчастной стране у юношей на это нет возможностей, хотя все это им очень бы пригодилось, как в любой нации. При всем том, кажется мне, юношей все-таки можно было бы воспитывать лучше, ежели бы отцы лучше об этом заботились. Правда,

многие из них сами невежественны, а слепому, как известно, трудно вести незрячего. Но когда бы они сами больше любили ученье, то и сыновей учили бы лучше, потому как хорошо воспитанный и обученный молодой человек и сына своего будет воспитывать так же. Давайте посмотрим, как воспитываются юноши у нас. Обычно, пока им не исполнится десять или одиннадцать лет, они из своей деревни никуда не уезжают, а ходят в деревенскую школу. За это время мальчик научится, конечно, читать, но вместе с чтением усвоит только мужицкие обычаи. Когда он не в школе, а дома, то дома не видит ничего иного, кроме того, что отец его семь дней в неделю пьян, не заботится о том, чтобы привить сыну благородные и христианские добрые нравы, оставляет его под присмотром прислуги, у которой юноша перенимает всякие дурные обычаи и дурную мораль, и те остаются в нем на всю жизнь. От того, что воспитывается среди мужиков, он даже не знает, дворянский ли он сын? Да и не узнает, пожалуй, никогда, разве что только оттуда, что крепостные зовут его барчуком. Двенадцати-или тринадцатилетним отсылают его в какой-нибудь коллегиум, откуда он выходит в возрасте двадцати четырех, двадцати пяти лет, в таком возрасте, в котором в других местах юноша уже хороший студент, хороший историк, знаком, насколько это требуется, с геометрией, географией, и уже хороший офицер. Ему можно доверять не только военные, но и государственные дела.

Но давайте торжественно привезем домой из коллегиума нашего двадцатипятилетнего студента и посмотрим, что он знает и умеет после стольких

лет обучения, может ли своими знаниями принести пользу стране или себе. Перво-наперво студент наш думает насчет того, чтоб у него был камзол нарядный да конь хороший. Спрятав несколько своих книг и философских учебников в каком-нибудь шкафу, ездит он из деревни в деревню, навещая родню. Там он с гордостью выпаливает несколько понятий из Аристотеля, но по-латыни говорить уже стыдится, чтобы дамы не посчитали его желторотым студентиком. Что же он делает в гостях? Самый разумный его разговор — про охоту, про лошадей. Ежели он сидит за столом, то считает большим позором не напиться: ведь ежели он станет отказываться, его опять же посчитают студентиком. После обеда он, в покоях у дам или у девиц, рассуждает о том, что прочел из Вергилия или Овидия. Но чтобы уж полностью забыть школу, он считает необходимым взять двух или трех девушек из прислуги в любовницы. Объехав таким образом родственников и несколькими хорошими выпивками промыв горло от школьной пыли и от латыни, он везет домой то, чему научился у родни. Чему же он там научился? Науку эту он вспоминает, когда к отцу его приезжают гости, потому как самая главная его забота — напоить отцовских гостей и получить на другой день похвалу отца. Так проводит он два или три года: на охоте, за выпивкой или в служении Венере; а то, что учил столько лет, он за короткое время почти напрочь забывает. Но что он учил столько лет? Да только латынь. Поскольку же ничего другого он не учил, то пользы от своего учения он дома не видит и в хозяйстве так же невежествен, как другие. Из физики он не знает даже того, что знают

его мельник или кузнец, потому как не в состоянии объяснить, почему кузнец все время spryskivaet водой раскаленные угли. После стольких лет учебы ему приходится даже спрашивать у своего приказчика, где находится его виноградник: к югу или к северу от дома. Спросим его, как он применит науку логики, ежели, женившись, не сумеет извлечь из нее никакой пользы в своем хозяйстве. Хоть и ездит он в Государственное собрание, но в делах страны ничего не понимает и в полном молчании должен слушать дебаты; вот ежели бы там спорили, как в школе, он тут же вскочил бы со стула и воскликнул: *nego majorem**! Но поскольку смысла текущих дебатов он не понимает, то должен давать один совет: отрубить голову. Он не только не знает, в чем польза для страны, он не знает даже, какие страны соседствуют с Эрдеем, не знает, куда впадает Марош: в Тису или в Дунай. А спросите его: где впадает? Это будет еще один нерешаемый вопрос.

Из всего этого видим мы, что восемь или девять лет такой учебы не приносят никакой пользы ни ему, ни стране. Потому как латинский язык мог бы быть ему полезным, ежели бы он читал книги о военном деле, об управлении государством и о других науках. А так наш философ спустя год-два станет таким же невежественным, как его отец, и ежели бы ему не нужно было писать указания приказчику, он, наверное, забыл бы грамоту. Не хочу из этого делать вывод, что от латыни никакой пользы, хочу лишь сказать, что для дворянина столько лет учить одну лишь латынь — это просто потеря времени: ведь вместе с латынью он мог бы осваивать и другие полезные науки.

А для крестьянского сына латынь и совсем бесполезна, и куда лучше было бы, как только он научится писать и читать, обучать его какому-нибудь ремеслу, поскольку пользу стране приносят ремесла и торговля. Знаю, в нашей стране другим наукам учиться невозможно, потому как нет для этого коллегумов, как в других странах, где молодой человек к двадцати пяти годам осваивает четыре или пять разных наук, а юноша из простых — два или три ремесла. Конечно, нельзя требовать от бедных жителей Эрдея невозможного, и я этого не требую. Но отцы все равно несут ответственность за то, что не учат своих сыновей с большим старанием, не внушают им прежде всего уважение к благородной морали, а наоборот, подают пример в пьянстве, распущенности и безделии. Ежели бы они побуждали своих сыновей пускай лишь к тому, чтобы переводить книги с латыни на венгерский, то и учение приносило бы пользу, поскольку нашлось бы много таких, кто способен делать подобное. И ежели ты переведешь в своей жизни только одну книгу, это уже будет польза и тебе, и другим, и ты увидишь плоды многих лет, потраченных на учебу. Вот только веселье, да охотничьи собаки, да питье до рассвета — все это не оставляет времени для таких занятий, не позволяет разуму заняться чем-нибудь полезным; а когда человек состарится, он не может даже дать другим добрый совет, потому как молодость свою провел без всякого толку. Невежественный советчик в стране — все равно что пустая бочка в подвале. Но, милая кузина, я уже корю себя: Господи, чем занята моя голова! И все-таки, как сын своей страны, я хотел бы, чтобы наука стала у нас столь же

обычна, как обычно сейчас невежество. Однако, какое бы длинное письмо ни писал я вам об этом, наши юноши нравов своих не изменяют, а отцы не оставят застольных привычек, усвоенных с детства. Вам же, милая, я советую учить своего сына таким наукам, которые могут принести пользу стране.

Но довольно я уже проповедовал насчет молодежи, а потому спущусь с кафедры; вы же, милая, поднимитесь туда, чтобы проповедовать насчет девиц, вам это подобает. Потому как о воспитании девиц надобно заботиться так же, как о воспитании юношей. Скажу больше: обучать девиц так же необходимо, как и мужчин; первое столь полезно стране, сколь и второе. Как это возможно? Не правда ли, милая кузина, хорошо воспитанная, получившая хорошее образование, умная девица, став взрослой женщиной, сможет и сына своего воспитать и выучить должным образом, а значит, подготовить его к служению своей стране? Таким образом, для страны полезно, когда девиц хорошо воспитывают и обучают. Древние римляне награждали матерей, кои воспитывали своих сыновей так, чтобы те могли и хотели служить родине. Об этом я больше не стану писать, да и вообще не писал бы, даже будь у меня сын, но сына у меня нет, и я об этом сожалею. Сожалею я и о том, что сегодня опять мы уезжаем жить в шатрах, хотя лишь совсем недавно вернулись в город. Здесь же мы вынуждены жариться под полотняным навесом, и солнце припекает нас, как костер припекает ноги нищему, который греет их у костра. Милая кузина, будем же следить за здоровьем, и произнесите за меня хотя бы одну молитву, потому как палатка моя так и кишит ухвертками.

63. Родошто, 7 septembris, 1725.

Милая кузина, вы наверняка удивляетесь, как это кисель может писать письма, — потому как в шатрах мы почти совсем раскисли. Лишь со вчерашнего дня я начинаю приходить в себя. Причина в том, что вчера вернулись мы в наш хоть и надоевший, но милый городок и теперь живем, как положено жить бедным изгнанникам: то в тоске, то в печали. Одно утешение: о нас заботится тот же Бог, который заботится о тех, кто остался на родине; их он оставил там, нас привел сюда, но все это свершила одна и та же рука. Один древний философ спросил у другого: что делает Господь на небесах? Тот ответил: кого-то он возносит, кого-то низвергает. Очень разумно сказал Солон* царю Крёзу*: *nemo ante mortem beatus**, ибо, на самом деле, кто же может с уверенностью назвать себя счастливым, как бы ни был он богат и удачлив! А ежели те, кто живет у себя дома, несчастливы, что тогда говорить о нас, бедных изгнанниках, можем ли считать себя счастливыми мы, чьи горькие вздохи насыщают печалью воздух этих краев?

А ежели вы, милая, читаете историю взятия Константинополя, то я скажу, что это — очень хорошее и полезное времяпрепровождение. Султан Магомет Второй*, который захватил Константинополь в середине пятнадцатого века, был великий полководец. О нем пишут также, что он знал несколько языков, на это среди турецких султанов большая редкость. Про то я сам читал, что он перенес свои галеры и большие корабли через гору Пера, это нынче было бы совершенно невозможно, да и тогда должно было быть делом невероятно трудным. Такое свершение

больше подходило бы древним римлянам, которые решали почти невозможные задачи, такие, о которых мы и сейчас слышим с удивлением. Нынешние турки не только не выполнили бы эту огромную работу, но им бы и в голову не пришло ее делать. Магомету же необходимо было решать подобные трудные задачи, потому как противником его был греческий император, который умело оборонял свой город и смог бы его защитить, ежели бы при ежедневных потерях у него появлялось бы много новых и новых воинов. Но в долгой осаде людей у него оставалось все меньше, и в конце концов император сам бросился в битву, сражаясь с турками на улицах, где его и убили*. Магомет же свой народ не жалел, а тех, кто во время осады обращался в бегство, он убивал собственноручно. Но увидев, что люди его упали духом и без всякой охоты идут на штурм, он объявил, что отдаст город на разграбление. Тогда все его многочисленное войско воодушевилось и, не ожидая приказа, кинулось вперед. Горожане, защищая жен и детей, держались до последнего. Вот почему пролилось так много крови при взятии города. Потом город был разрушен и разграблен, турки творили ужасные вещи. Город этот построил император Константин*, а отдал его туркам, вместе со своей жизнью, другой Константин, греческий. Но ежели вы интересуетесь историей взятия города, не могу не описать вам один невероятно жестокий поступок Магомета. Может быть, случай этот упоминает не каждый историк.

После взятия города к одному паше привели очень красивую греческую девушку, и паша, увидев ее красоту, подарил ее султану. Султан же так полюбил

девушку, что провел с нею целых три дня, никого не пуская к себе и не отдавая никаких приказов своим подданным. Визирь и другие паши встревожились; паши попросили визиря, чтобы он пошел к султану и сказал ему, что войско находится в растерянности и не знает, как понимать его поведение. Визирь пошел с этим к султану, и тот приказал созвать пашей. Паши собрались. Султан нарядил девушку, которую звали Эрини*, в самое красивое платье. Паши изумились красоте девушки, а султан спросил их: разве вы не можете понять, почему я провел с этой прекрасной девушкой три дня? Все закричали: очень даже можем понять. Султан сказал им: почему же вы возмутились, почему решили, что я забыл, кто я такой и зачем я здесь? Но сейчас я вам покажу, что пускай я люблю удовольствия, но могу и отказаться от них и докажу, что достоин вами командовать. И, достав саблю, на глазах у пашей отсек бедной, ни в чем не повинной девушке голову. И после этого сказал: тот, кто был тому причиной, мне заплатит. И паши заплатили: султан велел обезглавить тех, кто давал ему советы. Но ежели он и отомстил за бедную девушку, то это совсем не оправдывает того, что он сам стал ей палачом. Милая кузина, сердце мое так сжимается, когда я думаю о смерти несчастной, словно я ее хорошо знал. Этой жестокостью Магомет перечеркнул все свои великие деяния, потому как стать палачом невинного создания, которое он еще за несколько часов перед этим любил и которое лишил целомудрия, это невероятная жестокость! Натура человеческая содрогается от подобной жестокости, которую мы не можем вообразить даже у безмозглых тварей. Ведь не

возьми Магомет Константинополь, этот поступок не стал бы для него таким позором. Но довольно нам рассуждать об этом палаче, довольно оплакивать бедную девушку, лучше вы заботьтесь о своем здоровье, а еще вы должны очень-очень любить меня, потому как я этого заслуживаю. Правда ведь, милая кузина?

Чтобы закончить письмо тем же, чем я его начал, будем в нашем изгнании надеяться на Господа, и ежели мы и вздыхаем и жалуемся, то не будем отчаиваться, потому как есть много людей, которым живется еще хуже, чем нам. На это вы скажете, милая, что не такое уж это большое утешение, и какая польза для умирающего от голода в том, что в Коложваре* пекут вкусный хлеб. Это правда, но правда и то, что непрерывные требования лучшей жизни не нравятся Господу. Вздохи и стенания смягчают тоску, ибо:

Участи несчастных вздохи помогают,
Вытерпеть тоску и горе облегчают.
Дикие народы умно поступают,
Что рабам стенать и плакать позволяют.

Но вздохи-стенания будут не столь тяжки, да и пользы от них будет больше, ежели мы обратим их к Господу и только Его станем молить о помощи. Нет ничего легче, чем давать правильные советы. Я — как тот священник, который корил свою паству за грехи и всегда давал им хорошие советы. Однажды ему сказали, что вот другим-де он дает правильные советы, а сам им не следует. Он ответил: я ведь только для вас проповедую, а не для себя. Пожалуй, я могу сказать вам то же самое, вместе с пожеланием доброй ночи.

64. Родошто, 23 septembris 1725.

С князем нашим мы пришли навестить господина Берчени, который чувствует себя очень плохо и, может, какое-то время еще будет выносить свой недуг, но не настолько, чтобы полностью излечиться. У него из ног вытекает очень много воды, на что цирюльники* только головой качают, подозревая тяжелую гангрену, которая ежели вселится в человека, то целая компания цирюльников ее оттуда не прогонит. Сохрани нас, Господи, от такой беды, но уж ежели Господь послал ее нам, то мы должны следовать Иову*. Господь наслал на святых, которые любили его и служили ему, столько страданий, столько болезней, чтобы даже такой грешник, как я, увидел: ежели святые страдают, то я наверняка заслуживаю не меньше. Они терпели муки для того, чтобы быть примером для людей и чтобы очиститься лучше, чем золото в огне. Я же должен страдать для того, чтобы даже против воли своей положить конец слабости своей и несовершенству*.

Милая кузина, какая хорошая вещь здоровье! Здоровью же чаще всего вредим мы сами. Почему мы видим среди монахов и рабочих людей столько здоровых стариков? Это очень легко объяснить: разум ни у монахов, ни у рабочих не претерпевает столько изменений и поворотов, его не терзают зависть, скупость, честолюбие. Ибо ничто так не сокращает жизнь, как эти пороки; суета же и терзания наносят ущерб разуму, а разум — здоровью. Но не будем говорить о разуме, а посмотрим, какой воздержанной жизнью живут монахи и рабочие, чья еда и питье — просты и умеренны. Почти во всякое время они

употребляют одинаковую пищу и питье, не отягощают желудок свой разнообразием блюд, а ежели в воскресенье или другой праздничный день какому-нибудь рабочему случится поесть или выпить больше, то от излишества его избавляют на другой день долгая работа и потение. Но мы удивляемся, видя среди господ стариков, и не удивляемся, когда видим среди них больных. Есть ли для здоровья враг страшнее, чем жадность, неумеренность и безделье, и укорачивает ли жизнь что-либо быстрее, чем пьянство? Ведь разнообразные кислые и сладкие блюда, охлаждающие и разогревающие напитки, — какую музыку они устраивают в желудке! И всем этим мы наполняем себя доверху, а потом не только не облегчаем переваривание, скажем, прогулкой, но еще и усугубляем его двумя часами дневного сна. А что делает с человеком ужасное питание, когда желудок тонет не в обильной воде, а в обилии вина и не способен переварить все то, чем его нагрузили. Все это создает в теле нашем разные вредные жидкости, сгущает кровь и вызывает многочисленные недуги. Поэтому говорится в одной притче, что человек роет себе могилу собственными зубами.

Одним словом, не думаю, что бедный господин Берчени выздоровеет. Потому так грустна сейчас бедняжка Жужи; я бы и рад ее утешить, но она только печально улыбается. По-другому и быть не может, столько ей приходится выносить. Недаром считается, что хорошая жена видна только тогда, когда муж ее болен. Милая кузина, берегите здоровье, потому как это дело хорошее. Остаюсь вашим слугой, аминь.

65. Родошто, 4 oktobris 1725.

Сегодня я пишу вам только потому, что случай представился, и ежели я его упущу, знаю, будут меня стыдить и постараются отомстить, потому как женщины — существа мстительные, кто в одном, кто в другом. Чтобы избежать вашего ужасного гнева, милая, лучше напишу. Но что писать? Клянусь своей бородой, не знаю. Мы здесь живем в такой тишине (ежели не считать господина Берчени), как души на Елисейских полях*, где даже по вере Магомета души находятся в блаженном покое и только любят несканно красивыми девами, которые до того сладки, что ежели какая-нибудь из них плюнет в море, то море тут же утратит соленый вкус и станет сладким. Турки верят, что там живут совсем другие женщины, не такие, как здесь, на земле. Так о чем же мне писать, милая кузина? Могу написать, что сегодня у нас большой праздник, потому как господин наш при крещении получил имя Ференц. Будь я попом, мне надо было бы писать житие святого Франциска*. Но я не хочу уподобляться попу, у которого все проповеди были только про исповедь, потому как больше он ничему не смог научиться и в каждый праздник говорил одно и то же. Однажды просят его произнести проповедь в день святого Иосифа*; проповедь он начинает так: братья мои, сегодня день святого Иосифа, а святой Иосиф был плотником, а так как он был плотником, то делал и кабины для исповеди, а потому давайте поговорим об исповеди. Одним словом, нет необходимости мне писать о жизни святого Франциска, об этом вам может рассказать любой монах-францисканец. Мы знаем, что Франциск прожил

жизнь ангельскую. Но знаем мы и то, что он сильно разозлился бы на того глупого монаха, который спустя много времени после его смерти сравнил бы его в своих писаниях с Христом, говоря, что и в рождении, и в жизни, и в страданиях, и в смерти своей он подобен был Искупителю, и что тому, кто умрет в рясе францисканца, не нужно будет нести наказание за грехи, и что святой Франциск раз в год спускается в чистилище и освобождает оттуда францисканцев, которые там случайно оказались. Такие писания мы тоже не находим достойными похвалы, а уж тем более не нашел бы их таковыми блаженный святой.

Сейчас здесь собирают виноград, поэтому давайте говорить об урожае. Скажите мне, милая: в чем причина, что сбор винограда почти везде происходит в одно и то же время? Когда убирают хлеб, тут есть большие различия: жатва — где раньше, где позже. Был я в таком краю, где пшеницу жнут в мае, а виноград собирают в то же самое время, что у нас. На это многие отвечают, мол, древние римские императоры издали декрет, чтобы виноград собирали по всей империи в одно и то же время. Я могу допустить, что такой декрет был, но подчиняется ли виноград декретам? Не думаю. Тут, в этой стране, конечно, гораздо теплее, чем в Эрдее, и все-таки сбор винограда начинается почти в тот же день, что и там. Таким образом, можно ли сказать, что солнцу было приказано доводить виноград до зрелости везде в одно и то же время? Нет, так сказать нельзя, можно сказать лишь, что по декрету природы сбор винограда происходит почти везде одновременно. При всем том мне кажется, что в теплых краях, где зимы почти нет, собирать

виноград надо бы по крайней мере на месяц раньше, чем у нас. Но раньше его не собирают, и сбор винограда почти везде в Европе приходится на одно и то же время. Мы знаем, в Венгрии сбор винограда в Хедьалье* приходится на ноябрь, но это необычно даже для Хедьальи, а уж тем более для других краев. Пока вы думаете, милая, что на это ответить, я доведу до вашего сведения, что господин Берчени очень-очень готовится к переходу в другой мир. При всем том, ежели Господь захочет вылечить кого-то от смертельной болезни, он может его вылечить даже сусеными фигами*. Пока об этом достаточно, в другой раз скажу больше. А вы заботьтесь о здоровье, милая кузина. Как давно я не спрашивал, любите ли вы меня, потому как об этом забывать нельзя.

66. Родошто, 29 octobris 1725.

Сегодня навещали мы бедного господина Берчени, который находится в таком состоянии, в каком был Иов, только с той разницей, что лежит он в постели, а не в пепле*, потому как нет в его теле такой части, которая сохранила бы хоть немного здоровья, вода из его ног вылилась, а вошло в них гниение. Сердце сжимается, когда видишь, как срезают сгнившую плоть с его ног, и когда слышишь, как он кричит и стонет от боли. Кажется, будто вижу я былых мучеников в тисках страданий. Уж точно, даже не могу высказать вам, милая, как страшно это видеть. А какие муки испытывает тот, который это терпит! Но через мучения плоти выздоравливает душа. Милосердный Господь перенес чистилище в его ноги, желая спасти его от чистилища на том свете. А потому даже

малой надежды нет, что он останется жить, да и как это было бы возможно, ежели он и внутри, и снаружи начинает гнить. Завещание свое он уже сделал. Вы сами можете представить, в какой скорби пребывает бедная Жужи; но можно быть уверенным, что нищей она не останется. Поскольку письмо это — такое грустное, сейчас я не буду писать больше, потому как грустное письмо должно быть коротким.

Но чтобы не завершать письмо совсем грустно, закончу его маленькой историей, которая произошла в действительности. У одного богатого человека была молодая и красивая жена, и он подозревал ее в легкомыслии, хотя ничего определенного на этот счет у него не было. Чтобы проверить свои подозрения, он приносит жене стакан воды и говорит, что она должна это выпить. Бедная женщина, дрожа, принимается пить, а когда выпивает до половины, муж забирает у нее стакан и сам допивает воду, говоря: мне надо идти следом за тобой. Женщина, услышав это, в испуге думает, что выпила яд; испуг ее был так велик, что она сразу почувствовала себя больной и ее стало рвать. Она тут же посылает за священником и собирает родственников. Когда все они собрались вокруг ее постели, женщина при всех исповедовалась священнику и, закончив исповедь, сказала, что исповедовалась она затем, чтобы после ее смерти муж не подозревал ее ни в чем и уверился в ее невиновности. Муж подходит к ее постели, обнимает жену и громко говорит ей, мол, не бойся, потому как в воде не было никакого яда, что он только хотел проверить, оправданно ли его подозрение. Все, кто был в доме и скорбел над больной, услышав это, вытерли глаза

и возрадовались. Бедная женщина, не чувствуя в себе никакой болезни и поверив, что ее не отравили, постепенно преодолевает страх и встает с постели. Остальные видят это, скорбь переходит в радость, они садятся за ужин и до рассвета пьют и веселятся. Что вы, милая, на это скажете? Подозрительность — большой недуг, но лечить его таким способом я не советую никому, потому как кто знает, вдруг женщина при первой же возможности захочет отомстить за подобное испытание. Оставляю на ваше суждение, хорошо поступил муж или нет, и желаю вам доброй ночи.

67. Родошто, 6 novembris 1725.

Милая кузина, здесь у нас сейчас — плач, стон и рыдания. Бедняжка Жужи осталась вдовой, у госпожи Кайдачи из глаз текут настоящие ручьи, так она убивается. И на то есть все причины, потому как бедный господин Берчени, положив конец своему изгнанию, сегодня в два часа ночи покинул нас. До самой смерти он был в сознании и ушел из этого мира достойным христианина образом. Он уже получил награду за все свои страдания, и нет нужды его жалеть, а жалеть надо тех, кого он оставил тут, в чужой стране, сиротами. Но наш небесный хозяин, который никогда не умрет, позаботится и об оставшихся. Наш князь всегда был рядом с господином Берчени, всегда выказывал ему свою дружбу. Что это такое, — наш мир, и почему мы так за него держимся? Ведь начало нашей жизни — сплошные страдания, середина — тревога, конец — боль и скорбь. Господин Берчени при жизни своей, конечно, страдал, но и был причастен

ко многим мирским благам. Да, умер он в изгнании, но не в нищете. Так что нас остается все меньше, уже достаточно похоронено бедных изгнанников в этой земле. Что будет дальше, зависит от Отца небесного, я же скажу, что мир этот не заслуживает, чтобы мы за него держались: ведь в каких удовольствиях мы ни купались бы, все равно придется этот мир покинуть, хочешь или не хочешь.

Радости былые — это только вздохи,
Радости сегодня — только счастья крохи,
Будущее счастье — лишь мираж далекий...
Нет тебе отрады, путник одинокий*.

Я уже говорил вам, милая, что грустное письмо не должно быть длинным. Это письмо — достаточно грустное, потому как говорится в нем о смерти, так что лучше его поскорее закончить. Знаете, милая, каким большим курильщиком был бедный господин Берчени, курил он до самой смерти, и даже за два часа до кончины выкурил трубку, а потом умер. А вас, милая, храни Господь! Аминь.

68. Родошто, 12 novembris 1725.

Надо ли удивляться, милая кузина, что бедный господин Берчени умер? Конечно, всем нам предстоит когда-нибудь умереть, но у него причин для этого было больше, чем у многих других. Сделали вскрытие, и представьте, не было в нем целой ни малейшей частички, внутренние органы все сгнили. Не знаю даже, почему тело его не увезли в Константинополь: то ли слишком дорого, то ли не дали разрешения. Но

знаю, что похоронили его в маленькой греческой часовне. Открыли завещание: Жужи он оставил тысячу золотых и украшения; оставил что-то и слугам, даже нам какие-то вещи, мне — камышовую трость своей умершей жены. Но смотреть ведь нужно не на подарок, а на то, кто его подарил и как. Несколько сундуков с пожитками, одежду, серебряные и золотые вещи он завещал своему сыну*, и все они вместе могут обрадовать какую-нибудь женщину. Каждый из нас думал, что наличных денег у него — больше, чем надо, но после его кончины мы увидели, что ошибались. При всем том у нашего генерала добра было больше, чем у древних римских генералов.

Вот, скажем, среди римских генералов был консул Регул*, который со ста сорока тысячами солдат отправился в Африку сражаться против карфагенян. Он там сражается, а жена пишет ему из Рима, что у них беда с хозяйством. Тогда Регул посылает Римскому совету письмо и просит прислать ему на замену другого военачальника, который продолжит воевать, а он, Регул, должен срочно вернуться домой и привести в порядок дела. Потому как его управляющий умер, люди, которые работали на его землях, ушли и забрали с собой плуги и прочие инструменты для обработки земли, и ежели он не сможет исправить положение, то на что тогда будут жить его жена и дети? Давайте посмотрим, что у него было за хозяйство. Оказывается, всего-то владел он хутором и семью пашнями. Милая кузина, как бы посмеялись сейчас над генералом, который командовал ста сорока тысячами солдат и жалуется, что у него украли несколько плугов и что ежели он не распашет семь полей, то

семья его умрет с голоду. И давайте подивимся тем счастливым временам, когда такой полководец, будучи совсем бедным, думал только о богатстве родины и когда такие большие люди, перед которыми цари падали на колени, жили землепашеством. Увидим мы и других военачальников, которых оторвали от сохи, чтобы дать им под начальство сто тысяч человек*, и к которым цари приходили с просьбой о помощи, но те, закончив сражение, возвращались к пахоте. Потому как у древних римлян не было других доходов, кроме того, что они получали от землепашества. Тот, кого ставили во главе войска, оставлял свой хутор и шел сражаться, а цари и князья стояли перед ним с большим почтением. Спустя год, когда военный долг был выполнен, ему нужно было возвращаться в Рим, чтобы вернуть свой высокий ранг и отдать сокровища, которые он завоевал в сражениях. Всё до последнего гроша он должен был внести в казну города. И после этого славный генерал, перед которым, всего несколько месяцев назад, дрожали царства и большие города, которому посылали много сотен золотых крон, который с триумфом вернулся в Рим, а перед ним вели на цепи побежденных царей, — генерал этот, одевшись в простую одежду, возвращается на свой хутор и живет там на горохе и чечевице, а также пашет, сам или нанимая батраков, свои небогатые пашни. И такие люди с течением времени покорили для Римской империи почти весь мир. Называть ли те времена счастливыми? Я считаю, да. Счастливыми были времена, когда большие господа искали только пользы для родины и когда люди жили простой жизнью. Так же, как можно

назвать счастливым и душой, и телом того, кто мало желает и малым удовлетворяется. Но я замечаю, что начал я письмо в Родошто, а улетел к древним римлянам. Пора мне лететь обратно, потому как те былые обычаи я вернуть не могу и нынешних генералов не могу поставить к сохе. А потому возвращаюсь к Жужи и скажу вам, что знаю кое-кого*, кто хотел бы, чтобы Жужи сняла траур; правда, она отказывается. Причина мне неведома, хотя известно, что они с юных лет любили друг друга. Оттого ли это, что она не хочет отказываться от титула графини, или оттого, что у ее ухажера не очень-то блестит в сундуке золото. Суть в том, что нет у нее к нему охоты, хотя любовь есть. Поскольку мы христиане, скажем так: кому Господь не предуготовил чего-то, тот этого и не будет иметь. Какие новости там, у вас, потому как отсюда я все время шлю только грустные вести. Хорошо ли ваше здоровье?

69. Родошто, 7 decembris 1725.

Начал я писать это письмо, но клянусь усами, не знаю, что писать, и ежели пишу, то пишу лишь для того, чтобы получить от вас ответ. Писать ли о том, что вдовьи слезы здесь льются рекой и что рыданиям не видно конца? Но со временем и это прекратится, потому как беспощадное время все сотрет, все заставит забыть. Писать вам об этом, милая, небольшая радость, но надо же что-то писать. Так что напишу, что здесь сейчас пахут и сеют, у нас же дома давно и отпахались, и отсеялись, ежели, конечно, кто-нибудь не возьмется пахать снег. Намедни читал я, что надо делать, чтобы увеличить урожай пшеницы.

Когда вы, милая, займетесь хозяйством, обязательно испробуйте это. Например, возьмите меру пшеницы и сварите ее, залив большим количеством воды. Пока она варится, насыпьте в чан четыре меры пшеницы; когда же пшеница хорошо проварится, слейте с нее воду и, пока она горячая, добавьте к пшенице в чан и хорошо укройте ее. На второй или третий день, когда увидите, что пшеница начинает разбухать, впитав в себя воду, пошлите в поле людей, пусть они посеют ее в хорошей земле, но как можно реже, потому как на одном стебле пшеницы должно появиться три или четыре веточки, и на каждой ветке будет по колосу, и таким образом у вас вырастет в четыре раза больше пшеницы, чем обычно. Это я читал, а правда или нет, не знаю. Но кто не верит, пусть сам испробует, дело не трудное, и ежели это правда, то он не пожалеет о своих усилиях.

Но какую новость услышал я как раз в это мгновение! В это невозможно поверить, ежели не знаешь точно. Вы, милая, там, среди французов, скорее могли это услышать, но слышали или не слышали, я напишу, что французский король пятого septembris обвенчался и взял в жены дочь короля Станислава*. Кто мог бы подумать, что такой могущественный король возьмет дочь бедного изгнанника, короля только по названию, и вернет назад дочь такого великого короля, как испанский, которую он собирался перед этим взять в жены. Вот таковы дела, в которых ясно видна удивительная забота и могущество Господа, который с сердцами королей делает все, что захочет, будто они из воска. Теперь французская королева, после Блаженной Девы, тоже может сказать, что увидела она

покорность своей слуги и вознесла тех, кто был внизу, а тех, кто вверху, низвергла в прах*, потому как недостаточно же только льстить себе тем, что вот, и она может стать французской королевой. Ежели бы отец ее находился в Польше, то обязательно это сказал бы, но, находясь в изгнании, всеми оставленный и лишенный надежды, что воссядет на трон Августа, он должен с восторгом покориться велению Божьему, потому как такой поворот выше человеческого разума: *ludit in humanis**, перед Богом короли и князья — все равно что дети, чья мощь и чье величие — всего лишь детские игрушки. Склонимся же, милая кузина, перед любым велением Бога, и будем надеяться, что и на нас распространится милость Его, потому как он милостив и всемогущ. А против софийского папского архиепископа греческие епископы и священники высказали Порте много лживых обвинений*, и великий визирь послал распоряжение, чтобы были схвачены и архиепископ, и его клир и привезены в Константинополь. Узнав об этом, архиепископ бежал, но троих или четверых его священников заковали в цепи и привезли в Константинополь. Архиепископ же тайно прибыл сюда и находился недалеко от них. Знаю, наш князь собирается освободить этих бедных священников, которые попробовали уже и палок. Так страдают наши бедные священники за веру, но не только здесь, а по всему миру, находясь среди самых жестоких наций. Кто может сказать, сколько иезуитов и монахов съедено в Африке и в Америке дикарями, которые весьма любят человеческое мясо. Но с монахов им радости мало: убив одного капуцина, хотели они сделать из него хороший обед, но, изжарив его,

мясо его нашли очень жестким и тощим. С тех пор за монашеской плотью они не гонятся. А вот что было с одним бедным иезуитом: по своему обычаю, ездил он из деревни в деревню, чтобы кого-нибудь обратиться в праведную веру, и выехал из большого леса и направился к деревне. Дикари увидели, что к ним приближается огромный человек в черном, с большой шляпой на голове, и что передвигается он на четырех ногах, — и в ужасе разбежались, потому как они никогда до тех пор не видели лошади и подумали, что лошадь и человек — это одно и то же. Иезуит, поняв это, спешился, и дикари постепенно вернулись к нему. А мы можем сказать: воистину, только наши священники следуют по-настоящему примеру апостолов. Хотя я тоже во всем мог бы следовать им, однако последую лишь в том, что они ночью спали. Вот и я пойду ложиться спать, так что доброй ночи, милая кузина.

70. Родошто, 16 januarii 1726.

Письмо ваше, которое слаще меда, я получил с большим удовольствием. Милая кузина, ежели бы кто-нибудь чужой прочитал ваше письмо, он не поверил бы, что мы родственники, и подумал бы, что между нами есть нечто большее, чем родство, потому как обычно письма родственников пишутся более холодными чернилами. А ежели мы друг друга любим, то к этому нас принуждает как родство, так и сердечная склонность, но скажу больше,

Ежели вас бы любил я еще сильнее немного,
То, что кузина вы мне, я бы тут же забыл, ей-богу.

Но признаемся, милая кузина: мы люди хорошие, хоть и любим друг друга. Наша любовь не доставляет нам никаких неприятностей: мы и спим хорошо, и едим хорошо, и сердце не причиняет нам никаких беспокойств; сердца наши чисты, прохладны и не томятся, как копченое мясо на вертеле. И не будем уподобляться тем, чьи сердца поджариваемы на огне или на решетке, а потому давно должны были бы стать пеплом, ежели правда то, что говорят*. Можно ли желать узнать от меня что-нибудь такое, что вы там, на месте, не знаете лучше? Об армянской свадьбе я уже писал, ее я хорошо знаю, потому как живем мы среди армян; но спрашивать меня, с какими церемониями отдает замуж свою дочь турецкий султан, просто смешно. Однако все же напишу; не для того, чтобы вас учить, а чтобы показать, с какой готовностью я выполняю ваши просьбы.

Ежели турецкий султан хочет выдать дочь или родственницу за какого-нибудь визиря или пашу, то для заключения брачного договора не требуется ни священник, ни другое какой-нибудь официальное лицо: для этого достаточно воли султана. Ежели султан собирается отдать дочь великому визирю или другому вельможе, он просто им об этом сообщает, и тем (ежели они женаты) нужно избавиться от всех своих жен, а также купить для дочери султана много подарков и много рабынь. Когда султан решил, что пора и свадьбу играть, он зовет жениха к себе и правой рукой дает ему палицу и письмо. Жених прячет письмо себе на грудь и сразу отправляется к дочери султана, которую до тех пор никогда не видел. Дочь султана ждет его в одиночестве, сидя на диване; жених,

войдя, трижды преклоняет перед ней колени, затем сообщает ей о своей большой любви к ней и о том, с какой великой радостью он принимает милость султана. Дочь султана, не дожидаясь, когда он закончит свою речь, и словно очень гневаясь на него, вскакивает с дивана и тянется за кинжалом, чтобы вонзить ему в сердце. Кинжал, или длинный нож, женщинам нельзя носить; только женщинам из семьи султана. Жених же спешно вынимает из-за пазухи письмо султана и подает его девушке, у которой гнев проходит и сменяется радостью; взяв письмо, она целует его и читает, а увидев в нем волю султана, говорит жениху: да будет так, как желает султан. Тогда жених целует краешек ее платья и выходит. На другой день он должен послать девушке много подарков, а ее торжественно уводят в дом мужа. Часто бывает так, что она с ним не живет и месяца, потому как ее решают отдать другому паше, особенно ежели у молодой есть какие-нибудь жалобы на мужа и ей угождают не так, как она хотела бы.

Цветок прекрасный надо поливать,
Чтоб не пришлось ему хиреть и высыхать.

Милая кузина, турецкий брак я считаю нелепым: друг друга жених с невестой до свадьбы не видят, а когда увидят, то уже изменить ничего нельзя. Часто жених думает, что ложится в постель с красавицей, а на другой день увидит ее — и придет в ужас. Но законы турецкие к мужчинам в этом отношении благосклонны: ежели муж разочаруется в жене, то закон позволяет ему начать все сначала, потому как он, ежели захочет и ежели

достаточно состоятелен, может держать несколько жен. Кроме того, рабынь, сколько захочет, и против этого законные жены не протестуют, им важно, чтобы и им что-нибудь доставалось, а ежели хозяин пропустит исполнение своего долга три пятницы, жена имеет право подать жалобу в суд. Положим, муж и в дальнейшем не намерен выполнять свой долг, — тогда женщина может с ним развестись. Такие примеры, правда, редки, но закон это позволяет. Когда же мужчина разведется с женой, а потом снова захочет ее взять замуж, то и это возможно, закон это разрешает. И вот, что еще интересно: женщине, ежели она хочет вернуться к прежнему мужу, позволено, с согласия нынешнего мужа, провести ночь с прежним, чтобы проверить, устраивает ли он ее. Станный это закон, и я не понимаю, зачем его придумали, им виднее; но я ломаю голову не над этим, а над тем, чтобы вы были здоровы. Как раз сейчас пришла мне в голову хорошая мысль: почему женщины здесь так закрывают и прячут себя от чужих глаз? Может, для того, чтобы вызвать к себе еще больше интереса, потому как —

Чем безнадежнее ты уповаешь на что-то,
Чем безуспешней стучишься и рвешься в ворота,
Чем изнурительней путь и труднее работа, —
Тем горячей вожделенье, тем пуще охота.

Прошу вас, милая кузина, позвольте мне на этом остановиться, потому как зимой невозможно писать длинное письмо, очень уж холодно, а летом — очень жарко. Уже одиннадцать часов, и перо мое тоже хочет спать.

71. Родошто, 13 martii, 1726.

Ваше письмо, милая, написанное пером, окунутым в мед, я получил вчера. А перед этим получил от вас сразу два письма, и, кажется мне, ежели только это мне не приснилось, что я на них уже ответил. В одном вы можете быть уверены, милая: ежели я не писал, то вы и не могли получить ответа. О, как легко мы прощаем друг другу грехи! При всем том не обольщайтесь, милая. Плохому примеру не нужно следовать, не нужно и мстить. То есть вы, наверное, в наказание требуете от меня такого, что мне и раз в двадцать лет не придет в голову. Вам же как-то пришло в голову спрашивать у меня, кто такие были храмовники и почему их уничтожили? Мне больше по душе полчаса смеяться с Жужи, чем десять часов писать о храмовниках. При всем том — кто не подчинится вам? Я точно подчинюсь, и ежели бы совсем не умел писать, то и тогда бы написал. Милая кузина, напишу о них только то, что слышал и читал. Правда же, большего вы от меня не желаете? Ордена мальтийских рыцарей* и храмовников* были основаны в Иерусалиме. Мальтийские рыцари — орден более ранний. Некий француз по имени Жерар в 1112 году построил в Иерусалиме большой госпиталь для путешественников и для паломников; госпиталю дали имя святого Иоанна Крестителя и принимали туда всех, кто по доброй воле готов был заботиться о больных и паломниках. Но поскольку все они почти все без исключения были воинами, Жерар распорядился, чтобы часть их оставалась в госпитале, а другая часть сражалась против сарацинов, и выдвинул правило, чтобы они обязались подчиняться приказам, жить

в безбрачии и до конца жизни сражаться против неверных. Этот рыцарский или монашеский орден скоро приумножился, и их стали называть рыцарями иерусалимского госпиталя Святого Иоанна. Они должны были носить черную рясу, а на груди был нашит восьмиконечный белый крест. Когда сарацины отобрали у христиан Святую землю, рыцарям тоже пришлось уйти оттуда, и они поселились на острове Родос. Но спустя некоторое время могучий турецкий султан* не захотел терпеть этих рыцарей по соседству, он осадил остров и, хотя и с большим трудом, захватил его. А тем рыцарям, которые остались в живых, разрешил покинуть остров; рыцари эти поселились на острове Мальта. Тогда их и стали называть мальтийскими рыцарями.

Орден храмовников появился в Иерусалиме в 1118 году. Восемь или девять французских дворян, собравшись перед иерусалимским патриархом, дали обет послушания и безбрачия и поклялись в том, что все имущество и сами жизни свои обратят на службу и помощь паломникам, направлявшимся на Святую землю. Таким образом, все они были и монахами, и воинами. Когда их стало много, Бодуэн*, иерусалимский король, отвел им место для жилья рядом с храмом, и поэтому их называли храмовниками. Папа Гонорий II попросил св. Бернарда Клервоского написать для них устав, с тех пор они должны были носить белую рясу; а папа Евгений III* в 1146 году приказал им носить на груди красный восьмиконечный крест. Рыцари эти должны были каждый день слушать мессу, мясо им позволялось есть только трижды в неделю, лошадей они могли держать не

более трех. Охота была им запрещена, как и птицеводство. Одежда только цветом отличалась от мирской одежды. Храмовники совершили много выдающихся военных подвигов. Они весьма прославились во времена иерусалимских королей и, вместе с громкой славой, собрали очень много добра и сокровищ во всех частях Европы. Но после утраты Святой земли безделье и богатство развратили их, они погрузились в разного рода излишества, прежде всего в пьянство. Потому-то у французов есть пословица: пьет, как храмовник.

Неожиданная опасность для всего ордена возникла в лице двух храмовников, которые, будучи изгнанными из братства, пришли к французскому королю и выдвинули то ли ложные, то ли правдивые (сейчас этого нельзя знать доподлинно) обвинения против ордена. Главное обвинение заключалось в том, что, как они утверждали, от каждого рыцаря, принимаемого в орден, требовалось отречься от Христа и плюнуть на крест; кроме того, хотя они воздерживались от женского пола, в их среде царили всякие непотребства. Король, рассердившись на орден и по этой, и по другим причинам, сообщил все это папе. Но видя, что папа не спешит принять решение, тайно отдал приказ, чтобы в определенный день всех храмовников в стране схватили. Папа был очень недоволен действиями короля; но, созвав к себе около семидесяти храмовников, с удивлением узнал, в чем их обвиняют. Папа тут же отдал распоряжение епископам во всех странах, чтобы они тщательно расследовали это дело; те, изучив обвинение, повсюду обнаружили одни и те же грехи. Тогда папа созвал собор во Франции, во Вьене*, и все отцы церкви пришли к выводу, что орден

надо распустить, а имущество отобрать. Короли повсюду ревностно взялись за дело, и повсюду, едва ли не в один день, орден лишился своих богатств, а храмовников почти всех перебили. Таким образом, этот богатый и могущественный орден едва ли не за один день был стерт с лица земли. Об этом я читал несколько книг. В некоторых написано, что с храмовниками поступили справедливо; другие считают, что не нужно было так жестоко с ними поступать, не нужно было смешивать ни в чем не повинных рыцарей с грешниками, и думают, что так много врагов у них оказалось из-за их богатства. Что говорить, плохо ли, хорошо ли, но память о них осталась только в книгах. Даже в Венгрии можно увидеть разрушенные храмы, которые когда-то принадлежали им. Но я не знаю, почему венгры называют их красными монахами, потому как они монахами не были и одежда у них не была красной: это был военный орден. Но — пускай себе, мне не важно, как их называют. Словом, я послушался вас и изложил кратко их историю, как вы мне велели, а большего, милая, вы не можете от меня желать. Но вот что я хотел бы знать: были ли у них места обитания в Эрдее? Я думаю, не было. Больше я писать об этом не буду, потому как надоело. Напишу только, что здесь сегодня случилось землетрясение; будь я словаком, я бы сказал, что земля встряхнулась. Милая кузина, доброй ночи, и, как поется в песне, ежели ты любишь меня, то я люблю очень тебя.

72. Родошто, 12 aprilis 1726.

Милая кузина, писать мне нечего, и ежели я пишу, то для того лишь, чтобы показать вам: я написал бы, ежели было бы что, и чтобы вы не называли

меня ленивым. Вчера получил я ваше письмо, полное благодарностей и похвал; хорошо, что вы не хвалите меня в глаза, потому как я бы упал в обморок от смущения. Вот уж не думал, что вы так будете благодарить меня за красных монахов; но это хорошо: в другой раз буду писать смелее, а немного смелости освежит мой разум.

У древних римлян военачальника, который проиграл битву, не только не покрывали позором, но даже хвалили и утешали, давая ему возможность отомстить неприятелю. Потому как не может же быть такого, чтобы человек всегда выходил победителем и всегда говорил только умные слова; каждому человеку полезно испытать и поражение. Какие великие поражения бывали у самых великих императоров! Император Феодосий Великий* за какое-то пустяшное дело велел казнить в Фессалониках две или три тысячи человек. Конечно, он об этом сожалел после, но мертвые от этого не воскресли. Что говорить, одно удовольствие — видеть, как этот великий император раскаивался в содеянном. Когда он собрался пойти в церковь на богослужение, святой Амвросий, архиепископ Медиоланский*, остановил его в дверях церкви и не пустил внутрь, сказав: на твоих руках еще не высохла кровь невинных, а ты хочешь идти к святому причастию. Ежели ты следовал царю Давиду в грехах, то следуй ему и в раскаянии. Император, погрузившись в скорбь, пал на ступени храма и попросил архиепископа назначить ему покаяние, и тот на шесть месяцев отлучил его от церкви. И это — прекрасный пример, как для епископа, так и для императора.

А император Константин Великий — не казнил ли он своего сына за то, что того безвинно обвинили,

будто он любит свою мачеху; император лишь тогда узнал о безвинности сына, когда поправить дело было уже нельзя. Но в этом ему не захотел следовать царь Селевк; да и другие отцы, наверно, не стали бы следовать. Потому как у этого старика царя была очень красивая жена, и он ее очень любил. И был у него сын от предыдущей жены, которую он любил даже после ее смерти. Сын его, впад в любовь к своей мачехе и понимая греховность своей любви и препятствия, которые перед ним стоят, долгое время не позволял своему чувству выйти наружу. Но со временем любовь победила, и он занедужил. Доктора не могли понять причину его недуга, но один из них, долго занимаясь его болезнью, установил, что причина — в любви. Но не зная, в кого тот влюблен, стал выпрашивать молодого царевича, однако тот хранил тайну в сердце, и болезнь его только усугублялась. Доктор же, наблюдая за юношей, когда разные женщины и девицы приходили его навестить, долго не мог ничего заметить. Ему не оставалось ничего другого, кроме как заподозрить царицу, о которой он сначала и думать не хотел. По обычаю, царь пришел проведать сына вместе с царицей; доктор тоже был у постели больного и сосредоточил все свое внимание, чтобы заметить что-нибудь. Как только царица вошла к больному, того стало бросать то в жар, то в холод, он то желтел, то белел. Доктор, видя это, уверился, что юноша любит царицу. Но, чтобы убедиться в этом, он подождал, пока царица пришла навестить пасынка три или четыре раза, — и каждый раз с больным происходили такие же изменения. Тогда врач сказал юноше, что он знает причину его болезни, и попросил больше не скрывать, что он любит царицу. Юноша испугался, услышав это, но доктор пообещал

ему, что поможет ему всем, чем можно. Юноша соглашается, хотя ни на что не надеется. Доктор идет к царю и говорит, чтобы тот попросился с сыном, потому как любовь скоро убьет его, а любовь его такова, что царь ничем ему не поможет. Царь, опечаленный, говорит доктору: ступай, скажи моему сыну, кого бы он ни любил, я все для него сделаю, лишь он был жив. Доктор на это говорит: а ежели он любит царицу? Царь, очень любя сына, отвечает: ежели он любит царицу, я отдам ее ему, пусть только не умирает. Доктор бегом возвращается к юноше и рассказывает ему о разговоре с царем. Юноша встает с постели, радостный, и падает к ногам отца. Зовут царицу, и царь ей говорит, отчего болен его сын, и просит ее спасти жизнь пасынку, то есть он позволяет ей пойти к нему. Царица недолго отказывалась, и на другой день царь отдал сыну и жену, и царство*. Это очень редкий пример. И христиане теперь, конечно, не последовали бы его примеру. А пускай бы и можно было — какой отец согласится на подобное. Правда, был такой случай: испанский король Филипп II посватал своему сыну девушку, а когда увидел ее взял себе. Милая кузина, желаю вам доброго здоровья, я тот, кто был, и буду тем, кто есть.

73. Родошто, 24 мајі 1726.

Со вчерашнего дня мы опять в лагере. Живем в шатрах, на обычном месте, в окрестностях города. Насчет какого-либо неприятеля не думаю, что надо его опасаться, поскольку между нами примерно триста миль, а потому спать мы можем спокойно, боимся только ухверток да комаров. Милая кузина, хотелось бы знать, как ваше здоровье,

как рука и пальцы, потому как целый месяц писать письмо — большой труд, и я сожалею, что вы так утомляетесь из-за меня и так напрягаете свое здоровье. При всем том не стоит брать пример с той барыни, которая никогда не читала книг: ведь ежели ты переворачиваешь листок, это вызывает ветер, а от ветра бывает насморк. Это можно назвать изнеженностью, но вы, милая, простите меня, что я считаю вас неженкой, и не сердитесь, потому как я, забыв про родство, могу и отомстить, и тогда будет вздохов не счесть. Милая кузина, мы здесь, можно сказать, прозябаем, не живем, а мыкаемся, как бедные изгнанники, и проводим время, как можем. Для князя нашего какое-никакое, а развлечение, что мы живем в чистом поле, потому как скуки здесь выше головы, и наш бедный князь остался лишь с несколькими своими людьми. Ко вдове Жужи я хожу часто, она готовится уезжать в Польшу, и ежели она здесь не останется, это не от меня зависит. Знал я одного человека, который, женившись на пожилой, говаривал: ежели ты спишь с пожилой девушкой, это такое же благодеяние, как милостыня нищему. Но ежели даже она не останется, дружба наша не нарушится, верность сохранится, насколько возможно. Я говорю — насколько возможно, потому как любой, даже самый большой костер гаснет, ежели в него не подбрасывать хвороста. Но я не согласен с Форгачем, что преданность — это удел собак. Не будет новостью, ежели я скажу, что брак — в руках Господа, и ежели он полностью доверяет его нам, это неправильно; причина неудачных браков — в том, что он не присутствовал на свадьбе.

Я пригрозил Жужи, что ежели она уедет, то мы не будем крестить.

Вот, милая кузина, о каком неудачном браке читал я намерении; ежели вы это слышали, я все равно напишу, потому как другого дела у меня сейчас нет. Правда, случилось это в Италии. У одной вдовы был сын, и она его очень любила. Была у женщины служанка, и юноша, полюбив служанку, долго пытался склонить ее к покорности. В конце концов девушка сообщает об этом хозяйке, которая, похвалив ее за нравственное поведение, говорит ей: иди и скажи моему сыну, что ты уступаешь его просьбам, но пусть он к тебе придет ночью. Девушка передает это юноше, который слушает ее с большой радостью. После ужина вдова говорит девушке: ты ложись в мою постель, а я займу твое место; сын мой придет, думая, что это ты, и тут я его проучу. Так и сделали; женщина ложится в постель служанки и ждет сына, но, не дождавшись, засыпает. Юноша идет туда и, не проверив, спит ли его возлюбленная или нет, пытается воспользоваться случаем. Женщина, однако, просыпается, но чтобы не устраивать шум и не повергать сына в отчаяние, сдерживает себя и спокойно ждет, пока дело закончится. Когда все свершилось, юноша уходит, женщина же, печальная, идет в свою постель, ничего не сказав служанке. На другой день женщина всеми способами пытается помешать сыну поговорить со служанкой и начинает готовить сына, чтобы послать его в другую страну. Ей удается быстро это уладить; она сильно печалится по сыну, но печаль ее становится еще больше, когда она обнаруживает, что забеременела. Вдова все же находит способ, чтобы скрыть свое положение, а когда пришел срок родить, она отдала родившуюся

девочку богатому крестьянину, чтобы он воспитал ее. Девочке исполняется тринадцать лет, мать словно бы совсем забыла о ней. Сын же ее, вернувшись в это время с чужбины, поселяется как раз в той деревне, где воспитывали девочку. Однажды, увидев ее, он смертельно в нее влюбляется и сразу приходит свататься. Крестьянин, видя, что это человек богатый, отдает ее ему, тем более, что девочка давно уже находится только на его попечении. Юноша везет жену домой, мать сердится, что он без ее согласия женился на простой девушке. Но через некоторое время мир в семье восстанавливается. Женщина, видя, что сын ее женат, решает привезти дочь под видом служанки домой. Но как же она изумлена, когда узнает, что сын ее женился на ее дочке. Женщина рассказывает об этом другим, все считают это делом беспримерным, но оставляют семью в покое. Так что тот молодой человек, милая кузина, в одном лице взял замуж сразу троих: свою дочь, свою младшую сестру и жену*. Это случилось на самом деле, но ежели случилось, то зачем мне понадобилось это вам написать? Да просто надо же чем-то занять время, и я занимаю его тем, что пишу, а вы, милая, тем, что читаете. Потому как жизнь без всякого дела — очень трудная вещь.

Софийский архиепископ, который несколько дней назад прибыл к нам, через несколько дней уезжает в Рагузу, потому как, хотя он и достаточно трудился над тем, чтобы вернуться, но выполнить это не смог, а этим виноградарям только лишь бы вернуться на родину, бросить же господский виноградник им ничего не стоит. Вот и я закончу свое письмо, но прежде должен узнать, хорошо ли ваше здоровье, любят ли меня, пишут ли мне?

74. Родошто, 16 junii 1726.

Пожалей меня, пожалей, милая кузина, я собрался тебе писать, но не знаю, что. Да и какие новости могу я сообщить отсюда, из шатра? Никаких новых людей мы никогда здесь не видим. Никакие вести к нам не приходят, один день похож на другой. Правда, один теплее и ветреннее, чем другой, потому как бояться дождя летом тут не приходится. Одним словом, в конце концов, может быть, мы всем откажемся от домов и будем жить в шатрах. На краю Персии есть такая нация, которая живет в пустыне, в шатрах, как у нас цыгане. Правда, цыгане все воры, а этих зовут курдами. На окраине Египта тоже живут в шатрах сарацины со всеми своими семьями. Но поскольку у этих все богатство состоит только из прекрасных лошадей, деньги они вынимают из чужих кошельков, а сами они, их жены и дети ходят голыми, ежели, конечно, не прикроются чужой одеждой. Поэтому, как только увидят какого-нибудь путника в добротной одежде, подходят и говорят: ты отдавай эту одежду, она нужна твоему отцу; имеют в виду они себя. Или же, ежели находят у другого какую-нибудь хорошую вещь, то говорят: это нужно твоей матери, а потому давай сюда; под этим они имеют в виду свою жену. Так что бедняга путник должен одевать какого-то незнакомого отца и незнакомую мать. Но мы, милая кузина, не следуем их примеру, хотя и живем в шатрах, а следуем скорее патриархам, которые своими полотняными дворцами показали, что человек в этом мире — только паломник, чужак, прохожий. Конечно, эти святые паломники скитаются по земле богатыми, мы

же остаемся на одном месте, но бедными. Но для меня это подходит: не надо ночью вставать, чтобы накормить скотину. Милая кузина, будь у меня пастушка, может быть, я и любил бы такую пастушескую жизнь. Потому как праведные пастухи жили тихой жизнью. Огромная пустыня, поля — все принадлежало им, шатры свои они разбивали, где хотели, и жили в них до тех пор, пока скот их находил корм. Конечно, питьем они не были избалованы, в той стране дождь шел редко, воды было мало, потому и говорится в Писании так много о колодцах. С тем, чтобы строить дворцы и богато украшать их, у них забот не было. Не знали они и надоедливых судов, не мешалось у них под ногами множество судей, приказчиков, ключников. Не думали они о том, что зиму нужно проводить в таком-то доме, летом или осенью ходить в такой-то одежде; не нужны были им ни кареты, ни даже телеги. Они могли выбирать среди множества полей и лугов то, что им понравится, и строить свои полотняные города каждый день на новом месте. К месту они не были привязаны, как мы. С самого детства они привычны были к простой пище. Одевались в простую одежду, особенно мужчины, потому как женщины и тогда были женщинами, как сейчас, то есть и тогда любили украшения, и любили, чтобы им дарили золотые браслеты и серьги. Сейчас мы бы только посмеялись, увидев пастушью жену, у которой в ушах блестят золотые серьги. В нынешние времена я бы этого не рекомендовал делать. Одним словом, не знали они многих и многих трудностей, которые обычны у нас и которые мы уже и бедой не считаем, потому как

привыкли. Главное, что жизнь у этих пастухов была праведной и безгрешной, и Господь не хотел, чтобы они, живя в городах, перемешивались с другими нациями. Но мне кажется, что такая жизнь — это жизнь бродяг и бездельников. Пример тут — те, кто и нынче живет в шатрах, ест чужой хлеб и одевается в чужую одежду. Какая польза от такой нации другим нациям человеческим; такая жизнь — только безделье и невежество; конечно, жизнь у них — беззаботная, но пустая, и дом у них — пустыня. А ведь какая радость для хозяина видеть посаженные им фруктовые деревья и виноградники и за свои труды получать вознаграждение от природы. Из всего этого, милая, вы можете видеть, что жизнь в шатре — это не для меня. И все-таки такую жизнь терпеть можно, к нам даже петушиное пение доносится из города. Но ежели это будет продолжаться долго, то сильно надоест, потому как жариться на солнце без необходимости я большой радостью не считаю. В Европе сейчас царит мир, все живут в домах, только мы в шатрах. А вдруг какая-нибудь страна захочет последовать нашему примеру? Посудите, милая, как станут проклинать нас каменщики и плотники. Но бояться этого не нужно, потому как люди не захотят расстаться со своими виноградниками. Хлеб же можно есть так же, как в городах, тут ущерба не было бы. Знаете ли вы, милая, что делают сарацинские женщины? Там нельзя сделать печь в земле, потому как кругом один песок, и нельзя печь погачи, потому как нет дров; но они держат большие казаны, в них разжигают огонь из сухих стеблей, снаружи налепляют тесто и так пекут себе погачи. То, что у нас называют «ногой

нищего», нельзя ли испечь так же? Но простите, милая, больше не могу писать, потому как очень припекает солнце. Поэтому, смиренно заканчивая письмо, остаюсь тот, кем был вчера.

75. Родошто, 28 julii 1726.

Не могу пожаловаться, письма ваши, милая кузина, мне приходят, но иные — такие короткие, что едва начнешь читать, уже конец. Бывают такие письма, что хотелось бы, чтобы они состояли из двух слов, потому как скучные очень. Но ваши письма, милая, такие хорошие и вкусные, что я готов съесть даже бумагу, на которой они написаны. А знаете, отчего? Оттого, что мы любим друг друга, а письмо, полученное от милой, — и само милое. Но еще и оттого, что вы хорошо умеете описывать свои мысли, и даже незначительную вещь умеете так украсить, что она кажется значительной и нравится. Другие даже большую или полезную вещь делают безвкусной, и читаешь их без всякой охоты. Признаюсь, милая кузина, ежели бы ты была такой, как многие другие, я бы и бумагу не покупал для писем. Потому как я терпеть не могу, видя, как иные женщины пишут своим мужьям или родственникам так, словно судье или епископу. Ежели они сами и ласковые, то в письме стараются делать вид, будто для ласкового и шутливого письма совсем не требуется ума. Хотел бы я показать таким женщинам ваши письма. Они могли бы научиться по ним, что такое письмо, написанное с расположением и умом. О своих письмах я не говорю, потому как вы к ним уже привыкли. Вы находите их хорошими. Другого я и не желаю.

После того как я послал вам последнее письмо, мы вернулись в город, потому как погода наступила скверная и потрепала наши полотняные дома. Но вчера другой неприятель прогнал нас в лагерь, неприятель, перед которым отступило бы войско самого Дария. Ах, милая кузина, что за ужасная болезнь эта чума: сегодня ты здоров, завтра можешь умереть, состояние не для того, чтобы веселиться. Не знаю, кто принес к нам эту болезнь, но лучше бы остался он там, откуда пришел. Потому как есть много таких болезней, которые только со временем затрагивают другие страны. Например, считается, что оспу привезли в Европу сарацины. Болезнь эту в Америке тамошние дикари знают лишь с тех пор, как к ним стали ездить европейцы, а случилось это недавно. Ну, а та мерзкая болезнь, милая кузина, которую мы называем французской болезнью и которая, слава нашим здоровым жителям Эрдея, нам неведома, она в других, далеко лежащих краях неизвестна. В Испании же эта болезнь настолько обычна, что какая-нибудь богатая женщина считает пустяковым делом рассказать всем, что эта болезнь есть у нее; это вроде как у нас сказать, что у тебя болит голова. Но зачем нам говорить о болезнях; поговорим лучше о другом. Правда, в том, что я хочу сказать, для меня тоже мало радости, потому как вдовушка наша, Жужи, все-таки собирается уезжать, и когда я вижу, как она складывает в сундуки пожитки, мне словно нож вонзают в сердце. Знаю, вас, милая, это не тревожит, такой уж у вас жестокий характер, но хоть немного пожалейте меня, пускай вы мне и не сочувствуете. Я уговариваю ее остаться, думаю, что,

может, сердце подсказывает ей то же, но разум ее я не могу себе подчинить. Потому как глаза ее привыкли видеть полные сундуки, у мужа же ее кошелек был куда толще, чем у меня. Меня она хоть и привлекает, но смотрит в будущее. Ежели она опасается за тысячу золотых, ей оставленных, чтобы не израсходовать их слишком быстро, то она знает, что я ничего не могу тут поделывать. Она видит, что мое благополучие, вся моя жизнь построены на песке, поэтому просит совета не у сердца, а у разума. Что я могу ей сказать против этого? Ведь известно, что разум дает нам советы лучшие, чем сердце, потому как сердце видит только настоящее, разум же думает о будущем. В нашем нынешнем состоянии же о будущем надо очень много думать, а нам, изгнанникам, больше, чем другим, владеющим добром, которое у них отнимет только смерть. Так что я ничего не могу возразить против планов Жужи; как говорит французская пословица, каждый должен знать, что варится у него в котелке. В моем котелке не варится никакой надежды на возвращение домой, как же я могу желать, чтобы кто-то, кроме своих несчастий, взял на себя еще и мои. До сих пор я еще не опробовал ту пословицу, что, дескать, возьми меня замуж, бедняк, будем бедняками вдвоем. Кому такое нравится, пусть ей следует, я не возражаю, но и другие пусть не возражают, ежели я ей не следую. Милая кузина, позволь мне закончить это письмо, потому как тут стоит такая жара, что я боюсь, как бы солнце не спалило мой шатер. В доме же прохладней, так что вы можете написать мне более длинное письмо. Милая кузина, давайте беречь ваше драгоценное здоровье.

76. Родошто, 17 septembris 1726.

Милая кузина, прости меня, я уже десять лет тебе не писал или не мог писать; то есть прости за то, что не писал, хотя мог бы. Объясни, милая кузина, почему я не писал: сам я не могу этого объяснить. Возможностей было достаточно, занятость не мешала, мешало безделье, когда я только валялся и курил. Но, честно признаться, причина только в том, что я все откладывал и откладывал. А причина того, что откладывал, — лень. Когда откладываешь дело на завтра, это плохо. Завтра приходит, но охоты сделать дело с ним приходит не желает. Сколько вреда в таком откладывании, и сколько остается несделанных дел! Вот и я только говорю себе: напишу завтра, напишу завтра, но все не пишу, а время идет. И чего я этим добился? Того лишь, что пришлось мне за свою лень получить ругательное письмо. Но поскольку я это заслужил, то молчу. Кто осознал свой грех, тот легче переносит и наказание. Одним словом, в минувшем месяце, со всеми его днями и неделями, только лень не позволяла мне написать. Ежели будет мне позволено перед судом вашим искать себе оправдание, я скажу лишь, что тут стояла ужасная жара. Но — достаточно ли такого оправдания? Вот так же один поп. очень толстый, просил короля, чтобы тот не заставлял его вести летом богослужение, потому как он, сильно потея, испортит свое облачение.

Но, милая моя непреклонная судья, на этот, нынешний, месяц у меня есть оправдание получше, то есть, скорее, прохладнее, потому как в начале месяца я думал, что из меня будет холодная закуска; но такие мысли приходили мне всего лишь трижды или

четырежды, да и то раз в три дня. Но здесь даже в самый зной все дрожат в ознобе, потому как всех трясет лихорадка. Больше всего мы сочувствуем нашему господину, которого терзает малярия. Со мной он даже простился сегодня. Правда, из-за этого пришлось нам со вчерашнего дня оставить полотняные шатры и переселиться в город. Из многих слуг часто едва находится один, кто в состоянии прислуживать князю. Даже повара рядом с пылающим очагом, готовя еду, дрожат, словно от холода. Но слава Богу, эти приступы неопасны и непродолжительны. Нашего бедного князя мучает уже не столько лихорадка, сколько большая слабость, но мы надеемся, что Бог его исцелит. При всем том он держится более по-христиански, чем мы, и по его поведению видно, что, когда Господь призовет его из этого мира к себе, он уйдет с радостью. Он и завещание уже составил, но пускай Господь хранит его в этом мире как можно дольше. Кузиночка, а знаешь ли ты, чем я-то вылечился? Помогло мне одно эрдейское лекарство. Когда я об этом рассказываю, все смеются, особенно князь. Лекарство это – капустный суп. Ежели он помогает, зачем мне искать дорогие индийские лекарства.

Но теперь я опасаясь другой простуды, которая будет сильнее первой и которую не вылечишь и бочкой капустного супа, потому как через три или четыре дня Жужи отправляется в Польшу. Увижу я ее когда-нибудь или нет, один Бог знает. Хорошо, что люди от тоски не умирают, иначе меня через четыре дня пришлось бы хоронить. Такого и сама Жужи не хотела бы. Ведь после этого кто будет ей писать? А кому она будет писать после этого?

Такие вопросы заставляют меня вспомнить того визиря, который так прижал знаменитого москальского царя в 1711 году возле Прута*, что тот едва не сгинул там со всем своим лагерем. А шведский король, узнав об этом, идет к визирю и говорит ему: вот, в твоих руках царь с женой и со всем своим лагерем, ты можешь их всех или зарубить, или увести в рабство в Константинополь. Визирь на это отвечает: ежели я возьму царя в рабство, кто тогда будет заботиться о его стране? Услышав такой ответ, шведский король отругал визиря и ушел из его шатра. Одним словом, милая кузиночка, я всем сердцем жалею, что приходится расставаться с Жужи. Ежели бы она захотела, могла бы остаться здесь. То есть этого, видно, не хочет Господь. Все должно идти по Божьему повелению, а мы должны с этим смириться.

Ты пишешь, милая кузиночка, что за человек этот француз, который недавно приехал к нам, — потому как он изрядный лжец. Этот полковник был у москальского царя, но там с ним не захотели иметь дело, потому как он ни с кем не мог договориться. Он хочет людям внушить, что все знает и все видит; я же считаю: ежели он скажет двадцать слов, то девятнадцать из них — вранье. Здесь он успел некоторым внушить, что умеет делать золото. Думаю, он, судя по всему, задержится у нас надолго, потому как таких разговорчивых, велеречивых проходимцев здесь очень любят. Его имя — Вигуру*. Милая кузина, доброй ночи! Бона сера!

77. Родошто, 4 decembris 1726.

Полатети! Кузиночка, приветствую тебя спустя два года, потому как прошло уже два месяца, как я отсюда исчез. Нельзя же вечно сидеть на одном месте, движение

полезно для здоровья, да и от лени нужно иногда убежать. Ты ошибаешься, ежели думаешь, что я развлекался: я был в деревне, на сборе винограда. Самая большая моя радость была в том, что я там раньше никогда не был и провел там без больших неприятностей два месяца. Один месяц я смотрел, как собирают виноград, и еще месяц много ходил, потому как здесь осень — лучшая часть года, а сбор винограда — самая грустная часть веселья. Не так, как у нас, где ты видишь на сборе винограда много мужчин и женщин. Богатые дамы, девицы выезжают туда, обедают и развлекаются. И своим присутствием и участием в сборе урожая делают вино еще слаще. Здесь же хозяин виноградника нанимает двух-трех человек, те собирают виноград и в корзинах уносят домой, а там каждый у своего дома давит и процеживает виноград в полной тишине. Раз уж речь зашла о винограде, скажу: в окрестностях Константинополя ты можешь увидеть лозу такой толщины, как сливовое дерево, и ягоды на ней — большие, как сливы. Но я удивлялся не величине ягод, а тому, что на некоторых ветках виноград совсем зрелый, на других — не больше крыжовника, третьи только начинают цвести. Просто чудеса: на одной лозе можно видеть сразу три стадии, и так с весны до зимы. Об этом я, может, уже писал вам, но не могу вспомнить, когда. Но точно не писал о том, что у одного греческого епископа видел розмарин такой величины, как наша ива. Ничего подобного не найдешь у нас в Загоне, но мы без этого спокойно обходимся. Зато здесь нет ни слив, ни елей. Зато нашел я здесь, милая кузина, несколько твоих писем, в которых полно жестоких насмешек; но легко шутить над тем, у кого сердце на месте.

Нет на свете горя горше расставанья,
с задушевным другом долгого прощанья.
Не прогнать ту горечь ни вином, ни песней,
Не забыть улыбку, коей нет чудесней*.

Люди говорят, для неизлечимых вещей нет лучшего лекарства, чем забвение. Хоть это и трудно, но время помогает справиться с тоской. Да и разум дает силы для терпения. Я сам такого не испытал, но верьте, милая: и любовь со временем может стать затхлой, как сало. Затхлым его делает разлука. При всем том нет ничего прекраснее верной дружбы.

Один молодой дворянин во Франции был обручен с барышней; не знаю, как уж это случилось, но юношу захватили в плен морские разбойники, увезли в Африку и там продали в рабство. Несколько лет о нем ничего не было слышно. Девушке многие предлагали руку и сердце, но она, любя своего жениха, хотела сохранить ему верность. Спустя много времени какие-то люди, освободившиеся из рабства, принесли весть, что юноша все еще находится в рабстве в таком-то месте у такого-то турка. Девушка, услышав это, договорилась с одной подругой, они переоделись в мужскую одежду, и девушка повезла из дома столько денег, сколько, как она думала, нужно было для выкупа. Она пересекла море, прибыла в Африку и нашла своего жениха, который сильно удивился этому. Потом они стали торговаться с турком о выкупе, но денег, которые привезла девица, было недостаточно; они стали втроем обсуждать, что делать: или девице, или жениху надо было ехать за деньгами. Жених говорил, что нет другого способа, кроме как девушке вернуться за деньгами, а там, может быть, родственники найдут возможность его

освободить. Девушка на это не согласилась, сказав: ежели я вернусь, то ничего не смогу для тебя сделать, родители будут следить за мной и никуда больше не отпустят; лучше мы с подругой останемся вместо тебя в рабстве, а ты поезжай и добудь деньги, которых не хватает для выкупа. Молодой человек ни за что не хотел соглашаться, говоря, что не может оставить ее в рабстве. Главная причина в том, что ежели турок догадается, что они с подругой не мужчины, то и за большие деньги не отпустит их и навсегда оставит в рабстве. Девица на это ответила: ступай, сделай так, как мы решили, а ежели твой хозяин и вправду догадается, кто мы такие, то у моего отца найдется достаточно денег, чтобы меня выкупить. Молодой человек так и сделал и оставил двух девушек вместо себя. Прибыв во Францию, он скоро раздобыл денег и вернулся к хозяину, который, пока его не было, догадался, что вместо него в рабстве остались две женщины, потому как девушка не могла ничего сделать, кроме как открыть турку правду. Турок, будучи растроган такой верностью, отпустил всех троих, они сели на корабль и счастливо приплыли на родину, и вскоре была сыграна свадьба. Наверное, милая кузина, люди, которые живут под землей, тоже справляют свадьбы и танцуют, потому как позавчера было под нами большое землетрясение: мы даже подумали, что весь город поместили на большую телегу и куда-то долго ее везли. Среди всех землетрясений остаюсь вашим слугой, милая кузина.

78. Родошто, 8 januarii 1727.

Милая кузина, очень-очень сожалею, что вы опередили меня с новогодними родственными и дружескими приветствиями и поздравлениями: я должен

был сделать это первым. И давайте не будем гордиться тем, что ваше опережение — определенный признак того, что вы чаще думаете обо мне и о моей нежной любви: допустить такого я не могу ни в коем случае. Ежели можно было бы как-то измерять любовь, то уверен: моя любовь весила бы больше вашей на сто фунтов. При всем том и вы, милая, заслуживаете похвалы, и я. Рыбы морские в том мне порукой, что раньше я не мог написать, потому как на море дули такие сильные ветры, что только рыбам и можно было плавать в море, а не людям. Я бы им, рыбам, и отдал мое письмо, но вы ведь живете на горе, они же не любят карабкаться на гору*. Что же касается ваших пожеланий, то я вам желаю того же, но вдвое больше, а кроме того, много-много сил, чтобы писать письма. Позавчера я, как обычно, приводил в порядок ваши письма, которые получал в начале каждого года. Что же до моих писем, то, ежели вы последуете моему совету, их надо сжечь или найти им какое-нибудь другое применение, мне все равно. Милая кузина, много ли ты получила подарков в первый день года? Не знаю, откуда взяли этот обычай французы, думаю, от древних римлян, потому как те дарили друг другу подарки в начале года, который был в первый день марта; обычай хоть и языческий, но приятный, особенно для того, кто подарки получает. У христиан сохранилось много языческих обычаев, и даже в христианской церкви видим мы такие обычаи, которые были оставлены прежними папами или епископами. Такой обычай — зажигать в церквах лампы и свечи; нет сомнений, поначалу это делали из необходимости, потому как в давние времена

христианам приходилось приносить жертву в подвалах и тайных местах. Позже это сохранили как ритуал, — ведь свечи зажигали и перед древними царями, а когда древнеримский военачальник направлялся куда-нибудь, перед ним несли горящие факелы или огонь; рядом с усопшими царями и богатыми людьми также горели лампы. Еще и сейчас находят древние склепы, где рядом с гробом горит лампада; как могла гореть лампада столько столетий, этого сейчас никто не знает; но известно: как только такой лампы коснется свежий аэр, лампада гаснет. Масленица, которую мы празднуем с таким благоговением, тоже перенята у язычников. А вот откуда мы взяли водяной понедельник*, скажите мне, милая? Или вот еще: во Франции, в некоторых департаментах, был обычай: ежели на земле какого-нибудь вельможи хозяйствовал дворянин, которого называли вассалом, то, когда этот дворянин женился, то первым с невестой ложился помещик*, но только в камзоле и в сапогах, и ему можно было положить на постель только одну ногу и только на короткое время. Теперь этот обычай уже забыли, но помещику в день свадьбы посылают окорок. Ну, а это что за обычай: когда дворянин едет охотиться в угодыя другого, то, сколько бы перепелов или зайцев он ни застрелил, их нужно отнести в дом помещика и там приготовить так, как условлено в договоре, ежели даже хозяина нет дома, а иначе охотник утратит все свое имущество. Знал я одного дворянина, который за подобную промашку несколько лет судился. Ах, милая кузина, может, когда-то я уже писал об этом, только не могу вспомнить; но знаю, и об этом еще не писал, что вчера у князя нашего была

небольшая простуда. Надоело мне писать о всяких обычаях. Мой же обычай в том, что в десять часов я ложусь, а на другой день до половины шестого не открываю глаз. Сейчас уже десять, потому как я поздно взялся за письмо, и хороший обычай нарушать не стоит. А потому остаюсь покорный, послушный ваш слуга. Первое письмо, написанное в новом году, следует заканчивать как можно торжественнее.

79. Родошто, 15 martii 1727.

Кузиночка, письма твои я получил с большой радостью и нежностью, Только ты умеешь писать такими медовыми чернилами, больше никто. Да никто и не мог бы следовать примеру моей кузиночки, потому как в одном только нашем мизинчике ума больше, чем у других во всех костях. Мы тут живем тихо, проводим время, тянем время, как можем, всякое веселье обходит нас стороной. Да и зачем веселью дружить с изгнанниками, когда оно может найти других. У нас остаются только вздохи. Я уже столько вздыхал, что, кажется, другой аэр и не вдыхаю, всегда только тот, который весь состоит из моих вздохов. Коли Господу так угодно, пускай так и будет. Ты пишешь, кузина, чтобы я ответил на какие-то твои вопросы, и, чтобы провести время, задашь мне много вопросов. Что за трудные задачи ты передо мною ставишь. Будь Константинополь безлюдной пустыней, я бы не спорил, но ты каждый день встречаешь там умных, знающих людей, — зачем же мне-то задавать эти вопросы? Да еще требовать, чтобы я не сердился. Да я и не смею сердиться, лучше подчинюсь и, пускай плохо, но отвечу. Эти глубокомысленные вопросы,

если я правильно помню, таковы: всегда ли римский папа был главнее, чем константинопольский патриарх? Когда начинался Великий пост и надо ли было отслужить три мессы в ночь на Рождество, и с каких пор звучит в храмах орган? Я уж не удивляюсь, что ты задаешь эти вопросы мне: наверняка для того только, чтобы мне досадить. Но удивляюсь, откуда ты эти вопросы взяла.

Словом, мой ответ на первый вопрос короткий: по моему мнению, александрийский патриарх более ранний, чем константинопольский, и потому он должен был сообщать остальным патриархам, когда начинается Великий пост и когда справлять Пасху. И это он должен был сообщать им после Крещения, чтобы в восточных краях епископы в одно и то же время начинали пост и в одно и то же время справляли Пасху. Тогда не было столько календарей, как теперь. Но со временем императоры, особенно греческие, живя в Константинополе, поднимали своего патриарха все выше и выше, настолько, что назначали александрийским патриархом того, кого хотел патриарх константинопольский. Но и при всех этих возвышениях константинопольским патриархам долгое время и в голову не приходило считать себя подобными римским папам, как мы это видим на иных соборах, где папские послы всегда сидели на первых местах. Но со временем константинопольские патриархи по причине своего большого богатства стали такими важными и могущественными, что начали считать себя не ниже пап, но подобными им, и в конце концов богатство и власть так возвысили их, что один из них стал носить туфли такого цвета, какие

позволялось носить только императорам. И император против этого не смел ничего сказать, потому как ежели бы сказал, то на другой день вылетел бы с трона; указать на это посмел бы только римский папа. Но надменный патриарх не внял указанию и предпочел поссориться с папой и отделиться от западной церкви, лишь бы не снимать императорские туфли. Начал этот разрыв Керуларий*, а последующие его поддержали. Несколько раз собирались они вернуться к единству, но так и не вернулись, потому как по-настоящему не хотели этого. Когда у греческих императоров была нужда в поддержке папы, они соглашались на все, особенно когда турки стали подходить к Константинополю. Тогда сам император отправился к папе вместе со своим патриархом, и там они обещали все, что от них хотели, но, вернувшись и увидев, что помощи, о которой они думали, от папы ждать не приходится, император и патриарху разрешил не сдерживать обещания. Это точно, милая кузина, что римский епископ как в восточной, так и в западной церкви всегда был первым. Это яснее всего видно по соборам, куда патриархи приезжали с тремя или четырьмя сотнями епископов.

Второй твой вопрос: когда был учрежден Великий пост? Считают, что Великий пост учредили апостолы. Но ежели он и возник в сто тридцатом году*, как многие полагают, то и тогда установили его такие ученики, которые могли знать апостолов. Третий вопрос: когда возник обычай проводить в Рождественскую ночь три мессы? Нет сомнения, число месс сначала не было установлено так определенно, как нынче. Мы читаем о святых папах, епископах, которые от многократного

проведения месс часто так уставали, что им вынуждены были помогать другие. У греков в день бывает только одна месса, и то лишь в праздничные дни; ежели присутствуют даже сразу десять епископов и все десять произносят по одной мессе, то один ведет богослужение, остальные же за ним повторяют. Некоторые не считают нужным искать в книгах объяснение, почему в рождественскую ночь произносят три мессы, но просто утверждают с большой набожностью, что священник должен провести в течение года триста шестьдесят пять богослужений. Поскольку в Страстную пятницу и Страстную субботу не каждый может провести мессу, то и остаются две мессы, вот их и произносят в ночь на Рождество. Такова настоящая причина или нет, не я решаю, я лишь отвечаю на ваш вопрос: обычно считают, что этот порядок установили в сто сороковом году; это довольно старинный обычай. Четвертый вопрос: когда стал звучать в церкви орган? Ответ на это таков: один греческий император послал в подарок французскому королю орган; это был первый орган в Европе. Когда это было, я не помню, но пишут, что органную музыку начали слушать в церквях в шестьсот пятьдесят восьмом году. Как мог послать орган греческий император, не знаю, поскольку в их церквях никакой музыки нет. Ну, милая кузина, будет ли еще вопрос? Теперь, когда я разогрелся, хотелось бы, чтобы было вопросов еще фунта два. При всем том давай покончим с вопросами, не будем начинать все сначала. Лучше следи за здоровьем, потому как слишком много вопросов могут ему повредить. И, милая кузиночка, пускай Келемен будет для тебя приятным*. Храни тебя Бог до самой смерти.

80. Родошто, 7 мајі 1727.

Кузиночка, письма твои, которые слаще медового пряника, я получил со слезами радости. Ей-богу, не стоило благодарить меня за ответы на твои вопросы: ведь само то, что ты принимаешь их от меня благосклонно, для меня выше всякой благодарности. Но благодарность побуждает к тому, чтобы я снова и снова отвечал на твои вопросы, что я от всего сердца и делаю, — конечно, так, как позволяет мой прокисший ум. Ведь если есть прокисший суп, почему не быть прокисшему уму; сколько угодно. Знаю, милая кузиночка, что по сложившемуся обычаю этот месяц мы проведем на берегу канала*. Вот если бы я мог быть там, потому как лучшего жилья не придумать, нет в Европе ничего похожего. Кто этого не видел, пусть представит себе широкое и длинное озеро, длиной 5 миль, один конец его впадает в Черное море, другой — в море Белое*. А какие прекрасные города можно построить на его берегах. Города и сейчас есть, но если бы жил там другой народ, все было бы по-другому. Как я любил смотреть на огромные корабли, проходящие перед моим окном, и на множество красивых мелких суденышек! А здесь я вижу только черных, страшных армянских женщин. Что же касается нас и нашего времяпрепровождения, то нам все равно, май ли, декабрь ли: мы сидим дома, зимой и летом одинаково. Не знаю монастырей, в которых так строго соблюдался бы устав, как у нас. Нет сомнения, если кто-нибудь из нас пошел бы в монахи, ему не пришлось бы проводить целый год в послушниках, потому как здесь все делают по часам и минутам. Есть у меня собачонка, и она знает порядок

так же, как я. Когда бьют в барабан на богослужение, она в мою сторону даже не смотрит, но как только позовут на обед, тут же вскакивает и бежит ко мне. Конечно, я тоже постарался, чтобы собака хорошо усвоила устав; она смотрит, куда я иду, когда выхожу из дома: если я к князю или в церковь, она не шевельнется, даже когда я ее и позвал бы, она уже знает, что в эти два места ей хода нет. Нет разумнее твари, чем собака; говорят еще про слона, что он умный, но его величества я еще не видел, зато видел такую собаку, которая знала карты и читала азбуку, как настоящий маленький школьник*.

Ах, милая кузиночка, я и забыл, что мне еще нужно идти на барщину, так что на вопросы твои я отвечу наскоро. Ты спрашиваешь, милая кузина, кто такие были рыцари крестоносцы? И второй вопрос: если звонить в колокола — это старинный обычай, почему ты не слышишь там у себя колокольный звон и почему не видишь турок в каретах, и почему у нас не кладут в рот освященный хлеб, как во Франции, если это тоже старинный обычай? На первый вопрос я отвечу лишь то, что читал. Святой землей до десятого столетия владели сарацины или иногда мамлюки, все они были магометанской веры. Правитель сарацин жил в городе Дамаске, и называли его калифом. Мамлюки жили в Египте; но кто бы ни владел Святой землей, христиане туда отправлялись каждый год, хотя и с большим страхом. На охрану города Иерусалима и паломников был поставлен в четырнадцатом веке Мальтийский орден и храмовники. Этих двух орденов указанным двум неприятелям мало было бы даже на один обед, ежели бы эти ордена не получали иногда

какую-то помощь; но помощь была очень мала и давалась ненадолго. В это время появился во Франции один монах, который с одобрения папы пошел проповедовать в города и веси, зовя всех в поход на Святую землю. Оттуда он отправился в Германию, и проповеди его были такими действенными, что можно было подумать, в этих странах останутся только женщины, а мужчины все уйдут в поход; даже из князей, из вельмож очень многие надели на себя крест: тем, кто хотел идти в поход, не знаю, на какое плечо, но нужно было нашить холщовый крест. Простого народа тоже было без счета, они тоже стали крестоносцами. Удивляться этому не нужно, потому как дело это было новое, а человек всегда интересуется новым; кроме того, очень их вдохновили многие духовные обещания, да и земная выгода заставляла их надевать крест, потому как крестоносцам давались большие привилегии: как только ты надевал крест, тебя нельзя было отдать под суд, пока ты не возвратишься и не снимешь крест. Не требовалось и долги отдавать, их тоже можно было забыть на какое-то время. Жену и слуг крестоносца тоже никто не смел притеснять ни по какой причине. Так что не стоит удивляться, что войска у крестоносцев всегда было больше, чем нужно. Вот такими были те, кого в самый первый раз назвали крестовым войском. Какой король или князь их возглавлял, мне не вспоминается*. Одним словом, весь этот народ с шумом и громом прибыл по морю на Святую землю; потребовалось немало времени, пока он столкнулся с неприятелем. Нехватка еды выявилась очень быстро. Болезни и голод скосили половину войска, и пришлось крестоносцам,

проведя там немного времени, без всякой пользы возвращаться домой. Такие сборы крестового войска и походы на Святую землю происходили несколько раз, и всегда неудачно. В конце концов даже женщины надели на себя крест, кто с благими намерениями, кто хотел участвовать в этом духовном и земном добром деле вместе с любимым; дошло до того, что в лагерях крестоносцев женщин было чуть ли не больше, чем мужчин. Те, кто об этом пишут, считают, что, по всей видимости, более распущенного войска не было никогда, и не стоит удивляться, что Господь ни разу не благословил крестовый поход; а ежели за полтора или два столетия они не принесли никакой пользы, то сколько же сотен тысяч людей умерло на Святой земле! Самый многочисленный крестовый поход отправился на Святую землю под предводительством короля Андраша*, который возглавлял также французских и немецких крестоносцев. Всем им приходилось идти через греческие владения, греческие императоры же, которые не любили стольких чужаков, старались, чтобы и половина их не увидела Иерусалима; так чаще всего и случалось. Для этого они посылали в лагерь крестоносцев много муки, с греческим коварством смешивая муку с негашеной известью, и пока в лагерях это заметили, много тысяч людей умерло. Так что опять лишь половина войска прибыла на Святую землю; половину же уничтожили болезни и неприятель. А те немногие, кто уцелел, вынуждены были идти назад, и даже из них только немногие увидели родину, еще меньше — свой дом. Но и после стольких несчастий и опасностей сыновья, забыв о том, что случилось с отцами, собирали новое

войско, и находилось достаточно, кто шел в него. Кажется, в последний раз большое войско двинулось на Святую землю во главе с французским королем Людовиком Святым*; после этого паломнический пыл в людях начал остывать. Этого славного короля тоже побили, а его самого в Александрии захватили в рабство; король потерял там двух братьев, но себя и тех, кто попал в рабство вместе с ним, он вскоре сумел выкупить. Папы и короли, увидев в конце концов, что от крестовых походов мало толку, перестали собирать такие походы, и в Европе о них забыли. Милая кузина, пускай я коротко написал, но, кажется мне, вы увидите, кто и когда были эти крестоносцы. Мог бы я написать и короче, мог бы написать только: были они и нет их, но так было бы слишком коротко. Нельзя было и длиннее, потому что я пишу письмо, а не историю.

Скоро отвечу и на другие вопросы, а сейчас барабан зовет на обед, а после обеда отправляется судно, которое повезет вам мое письмо. Колокольный звон в церквях — обычай старинный, звонить в колокола стали еще в начале пятого века. Карета же в вашем городе встречается очень редко, этому не надо удивляться, потому что турок в карете — птица редкая; турок не любит ездить в карете, ему нужен конь. А повозок, которые похожи на клетку, вы видите достаточно, но сидят в них женщины. Даже у других наций карета распространилась не так давно. Французский король Кловис*, когда взял в жены святую Клотильду, привез ее домой на телеге, запряженной четверкой волов, и приданого с ней дали всего двадцать тысяч форинтов. Другой французский король, Хенрикус

Квартус*, это дело уже не столь давнее, оправдывался перед одним вельможей: он потому не может к нему приехать, что жена его взяла карету и укатила по своим делам. Милая кузина, почему не едят у нас в церкви освященный хлеб, как во Франции? Потому, что это у нас не в обычае. Они тоже смеются над тем, что у нас в церкви освящают баранину. А освящение хлеба — обычай старинный, потому что начался еще в четвертом веке. Я же, заканчивая это письмо в восемнадцатом веке, перед обедом, сейчас пойду и выпью за ваше здоровье, о котором, милая кузина, очень заботься и не ешь много черешни. Полатети!

81. Родошто, 14 junii 1727.

Кузина, вчера мы здесь крестили одного осла-еврея. Три дня назад пришел к нам тайно этот *asinus** и попросил князя, чтобы его окрестили, потому как хочет он быть христианином. Два дня священники были с ним все время, готовили к крещению. Вчера окрестили, крестным отцом был князь, который даже прослезился от радости. Еврей вел себя хорошо, крещение прошло по всем правилам. И вчера еврей говорит князю: он теперь христианин, не может жить среди своих, не может заниматься торговлей, а потому просит князя, чтобы тот помог ему какими-то деньгами. Князь от всей души дает ему сто талеров. Сегодня утром ищут еврея, а его нигде нет; спрашивают о нем повсюду, а люди говорят: он с другими евреями сел на судно и уплыл в Константинополь. Вот так обманул нас, то есть скорее себя, этот осел-еврей. Здесь есть люди, которые, узнав об этом, сказали, что он и в Смирне*, и в других местах проделывал такую

вещь. Потому он и вел себя правильно, ему не нужно было ничего объяснять, мы даже удивлялись. Словом, этот asinus уже несколько раз крещен. Я только хотел сказать, что нельзя верить евреям. Мне же ты точно можешь поверить, милая кузина, что я тебя люблю. Аминь.

82. Родошто, 17 junii 1727.

Дальше не могу откладывать, потому как будет жаль, если вы узнаете это от кого-нибудь другого. Словом, милая кузина, второй сын князя*, сбежав из Вены, поехал во Францию, а оттуда позавчера прибыл к нам. Можете сами судить, с какой радостью такой отец, как наш господин, встретил своего двадцатишестилетнего сына, которого никогда до сих пор не видел. Никто не может представить, какую любовь чувствуют отцы к сыновьям, — для этого надо быть отцом. Однако заметил я, что сын приветствовал отца не с той сердечной радостью, с какой должен сын приветствовать отца. Может, по природе своей сыновья не чувствуют такую большую любовь, какую чувствуют отцы; или же у одних эта любовь сильнее, чем у других. Хороший пример — сын короля Крёза, который, будучи немым, увидел, что враг хочет сзади сразить отца, и сделал над собой такое усилие, что смог крикнуть царю, чтобы тот оглянулся*. Про нашего герцога можно сказать, что юноша он красивый, умный и сообразительный, но лишь от природы, потому как никакая наука эти его свойства не развивала, хорошее воспитание не украсило. Это вроде красивой девицы, у которой, потому как воспитана она крестьянкой, ни в речи, ни в поведении нет изящества, а потому красота ее не будет такой ценной. Хорошая, тонкая

обработка и золото делает более ценным. Каким бы хорошим ни был разум, его нужно украшать воспитанием и обучением. Даже необработанный алмаз — таков, как простой камень, который называют галькой. У нашего герцога никакого воспитания не было, и там, где он был, очень постарались, чтобы он ничему не учился; я удивляюсь, что он вообще умеет писать, хоть и плохо. Отец, который сразу же все это увидел, очень огорчился, но что поделаешь, даже камыш, когда становится толще, гнется с трудом. Старший брат его еще обретается в Вене; о нем говорят довольно много хорошего, когда-нибудь мы его увидим, об этом тоже много говорили. Как я заметил, характер герцога — тихий, не вспыльчивый, но сына по-настоящему не узнаешь, пока он под крылом у отца, а узнаешь, когда он вылетит. Неизвестно, как он сумеет привыкнуть к нашей монашеской жизни, потому как здесь развлечений для молодежи — совсем никаких. Я знаю, отец хочет угодить ему, посылает на охоту, едет и сам с ним, хотя в последний год охотится редко, а раньше — дважды в неделю. Хотя здесь он может охотиться сколько нужно, лишь бы забыл обо всем прочем. Я же думаю, что как раз все прочее он любит больше, чем охоту, но здесь приходится плясать только монашеский танец, другой музыки не услышишь. Я же так этот танец выучил, что, ей-богу, мог бы быть учителем танцев. Будь здорова, милая кузина! Гость еще совсем свежий, так что потом напишу о нем больше.

83. Родошто, 19 julii 1727.

Кузиночка, сегодня князь дал аудиенцию евангельскому Симеону*; ну, ежели и не самому Симеону, то, во всяком случае, его младшему брату. Сегодня

у князя был армянский патриарх, у которого князь, закончив беседу и видя, что тот достиг известного возраста, спросил, сколько ему лет. Патриарх ответил: всего сто семь; однако он еще весьма крепок и здоров. Милая кузина, как прекрасно жить долго, особенно когда ты здоров, потому как больному радости в этом мало. Коли люди доживали бы до возраста прадедов, как это было бы хорошо! Прабабушка — дело более обычное, потому как женщины раньше выходят замуж. Коли девица выходит замуж тринадцатилетней, что совсем не редкость, то через год у нее может появиться дочь; через тринадцать лет она выдаст ее замуж, у той через год тоже будет дочь. Коли так пойдет дальше, то женщина сорока двух лет может стать прабабушкой. Не думаю, что ты с этим согласишься, но ничего не могу поделать. Ты и сама знаешь, что человек живет мало. Есть животные, которые живут куда дольше: орел, ворон, олень и другие; хотя точно мы этого не знаем. Намедни читал я, что Рауль, король Бургундии*, часто садился на свою столетнюю лошадь. Но удивительно то, что долго живут главным образом рабочие люди: нет сомнения, среди животных больше всех страдает и больше всех трудится человек. И все-таки — сколько мы видим старых рабочих!

Знаю, что мы не просто воздух сотрясаем, когда пишем что-нибудь эдакое, потому как ты пишешь, что герцог не такой..., и что молодой господин кое-что любит больше, чем охоту. На это я отвечаю: молодого господина мы знаем, потому и говорим так. Но если бы знали и герцога, то и говорили бы по-другому. Но, милая кузина, сильно нам наскучило жить здесь, и непривычно

нам каждый день ходить на богослужение и в постные дни не есть мясо. И с утра до вечера поглаживать только книгу*. Правда, мы ездим на охоту, но только для того, чтобы не торчать дома, и по полчаса что-нибудь ищем, а прочее — скука. Были бы здесь какие-нибудь куропатки в платочках или зайчихи в юбках, о, тогда бы мы стали завзятыми охотниками и готовы были бы хоть до вечера ничего не есть. Да вот беда: здесь запрещается даже смотреть на женщин, это здесь такой фрукт, который никогда не подают на стол. В конце концов здесь у нас сложится такой обычай, как у греческих монахов, живущих на горе Атос*, куда не только женщинам нельзя подниматься, но и где никаких животных женского рода нельзя держать, даже кур. Туда не пустили бы даже Еву, праматерь нашу. Здесь, правда, мы еще до таких строгих порядков не дожили, но до этого недалеко. Суть в том, что никто из нас не будет следовать Оригену*. Спроси, милая, у других, кто был этот Ориген, а я этого не знаю. И, кроме всего прочего, достаточно ты меня стыдишь, милая кузина, но я к этому уже привык, как москальские женщины к битью; они даже жалуются, что муж их не любит, если они ненадолго остаются небитыми*. Во всех странах — свои обычаи. Наши секейские женщины такого не признают, они желают иных доказательств мужней любви. Я же прежде всего желаю, чтобы ты берегла здоровье и писала о новостях. Остаюсь слугой милой кузины до самой смерти — но не далее того.

84. Родошто, 20 augusti 1727.

Сегодня, кузиночка, вернулись мы из знатного водного гостевания, потому как не мешает тебе знать, что в пяти милях от нас есть целебный источник,

а наш герцог находится в постоянном недомогании от скуки, потому как других болезней я у него не вижу, и отец повез его туда, чтобы он попил из источника и выздоровел, как жаждущий олень, который напился воды из холодного родника. Хотя, как я заметил, он скорее жаждет родника горячего, но, при характере его отца, такое лекарство он вряд ли получит. Одним словом, сначала ту воду пьют, а потом надо валяться в грязи. Может, когда-то я писал вам, как это полезно? Что говорить, природа дала очень ценное лекарство, думаю, что иерусалимская купальня была чище, даже когда ее ангел возмущал*, потому как тут — просто чистая грязь. Мне тоже пришлось забраться в нее вместе с князем; не знаю, что уж там произошло внутри, но знаю, что вышли мы из нее, как те животные, что едят желуди. Должно быть, есть от нее какая-то польза, поскольку народ в этих краях приезжает сюда с расстояния трех-четырёх дней езды. Там много женщин, девушек, которые обмазывают себя грязью и становятся похожими на пугало огородное. Словом, там можно видеть сразу двадцать Шароши и столько же Шарошине*. Из этой черной аптеки надо идти к воде; мы тоже были там и изрядно напоили нашего герцога. Но пить там нужно не стаканами, а кувшинами, так что тот, кто за три дня наполнит себе живот, выпив около сорока эйтелей*, тому уже не нужны снадобья Гиппократа. Конечно, герцог наш столько не выпил, но в таком лекарстве у него и необходимости нет, его недуг надо лечить монашеским танцем. Нет лучше лекарства, чем монашеский танец, потому как он полезен и для тела, для души. Иные историки, правда, говорят, что танец невесты — веселее. Вы

это знаете лучше, чем я. Ты пишешь, кузиночка, что у французской королевы все не было ребенка, а потом родились сразу две дочери. Для начала довольно щедро, только вот они больше хотели сына. Ну, горевать тут не стоит, эта добрая набожная королева получит разрешение и на сына, ибо нет никого несчастнее королевских дочерей: еще хорошо, ежели одну из шести выдадут замуж, остальным же придется жизнь прожить в каком-нибудь монастыре. Но обычно бывает так, что ежели в монастыре держат королевских дочерей, то недалеко от того монастыря находится два больших мужских монастыря, и в каждом монастыре распоряжается княгиня; она заботится о них, они целиком от нее зависят. Тот, кто основал эти монастыри, ясно, что старался угодить женщинам. Но что говорить, многие считают: ежели в какой-нибудь стране правит женщина, та страна всегда счастливее. В чем причина этого? Причина в том, что обычно женщины следуют советам мужчин, а короли, князья — советам женщин. Мы видим, Бог допустил, чтобы народом правила женщина, чтобы она отдавала приказы о войне, а не только творила правосудие*. Для государя эти две вещи — самое главное и самое важное. Посмотрим на Англию: королевы там всегда правили успешно. Великой королевой была у них Елизавета; быть бы ей еще более великой, ежели бы не омрачила она свое правление двумя злодеяниями. Во-первых, она убила безвинно свою невестку*, чьей самой большой провинностью была красота, и королева за это ее ненавидела. Елизавета дала обещание чуть ли не десяти государям, что выйдет за них; но никогда ни за одного не вышла, так девицей и умерла.

Но что самое смешное: она даже папе передала, что выйдет за него, если он ее возьмет. Вторая же вещь — то, что очень уж она вмешивалась в церковные, даже назначила себя главой церкви, а поскольку очень любила пышные церемонии, то сохранила пышное священническое облачение. Потому она и говорила часто, что кальвинистская церковь — это голая церковь. Из примеров разных времен мы видим, что женщины вполне годятся для того, чтобы править, но кафельница — не для их рук. Вы задаете мне вопрос, где начали чесать лошадей. Это, милая кузина, начали делать в Риме. А я у вас спрошу: когда в Париже повесили самую первую женщину? Но чтобы не заканчивать свое письмо повешением, я сообщу вам, что через несколько дней мы снова собираемся в путь и будем жить лагерем в трех милях отсюда. Нужно это для того, чтобы герцога нашего развлечь, хотя ему-то другое развлечение желательно*. Да и мне тоже. Доброго вам здоровья, милая кузина. Не знаю, когда напишу снова, как не знаю и того, когда получу ваше письмо. Всего этого я не знаю, знаю только, что никто не любит вас, как эго*.

85. Родошто, 8 novembris 1727.

Полатети! Милая кузина. Необходимо срочно вам сообщить, что письмо ваше, написанное так сердечно, я получил и прочитал тоже очень сердечно. Письмо немножко было очень уж короткое, но что тут поделаешь. Конечно, привыкнуть я к этому не могу, но подобное надо иной раз стараться не замечать и прощать вас, и надеяться, что в обычай это не войдет. Мы уже несколько дней как вернулись из лагеря, где многим

рыжим куропаткам пришлось распрощаться с жизнью, а бегающих туда-сюда зайцев мы всех взяли в плен. Но поскольку противник наш начинает уже заселяться на зимние квартиры, нам тоже пришлось возвратиться в свои. А ежели говорить правду, причина была в другом: нас загнал сюда дождь, который я уже несколько раз поблагодарил за доброту: ведь не будь его водяной мощи, мы, может, всю зиму провели бы в шатрах. Нужно, милая кузина, признать, пускай и со вздохом: жизнь наша, так же, как жизнь любого христианина, есть всего лишь паломничество, а наша жизнь — паломничество вдвойне, потому как даже ежели тем, кто живет на своей земле и в своем доме, приходится смотреть на себя как на паломника в этом мире, как на душу, изгнанную из вечного отечества своего, то мы, у которых ни пяди земли, ни места, которое мы могли бы считать своим, проводим это драгоценное время в пустых скитаниях и тратим его на тщету. Впустую потраченное время же никогда не вернется, оставив после себя лишь бесполезные и никому не нужные вздохи, которые мы каждый день расточаем, словно печальные призраки. Правда, мы все же могли бы быть счастливыми, ежели были бы примерами для других, но мы ими никогда не станем. Ведь сколько тысяч человек гибло и ежедневно гибнет в море, — и тем не менее в море ежедневно выходят многие и многие. Можно ли считать это примером для нас? Можно, конечно, но учимся ли мы на этом примере? Так же и другие: учиться учатся, но выводов не делают. В чем тут причина? Ни в чем ином, кроме непоседливости нашей и честолюбия. И половина из нас не думает о благе страны, но каждый во все горло кричит о свободе. Потому как бóльшая часть людей жаждет лишь

новизны и перемен, о будущем же не думает никто, да и тем, что есть хорошего в настоящем, не умеет ни пользоваться, ни ценить его. Мы лишь вздыхаем о неопределенном добре, которое наступит в будущем, но которое или невозможно достичь, или же это добро потому кажется добром, что оно не в нашей власти и порождено только беспокойством разума. Вот почему человек никогда не будет счастливым: ведь он никогда не ценит того, что есть, того, в чем он находится, не понимает, что есть вещи, которых невозможно достичь, а из-за неясности желаемого считает ясное сущее ничего не стоящим; беспокойный и честолюбивый разум постоянно внушает человеку: лучше там, где нас нет. Поэтому человек никогда не бывает доволен своей настоящей и четкой судьбой, которую назначил ему Господь, но жаждет неопределенного, и то, что у него есть, он не употребляет, но злоупотребляет. Никогда не следует доброму патриоту разжигать смуту и даже желать ее — ни по какому поводу. Господь ставит над нами владык; и добро, и зло мы должны смиренно принимать из Его рук. Добро — как благословение, зло — как наказание. Он один знает, долго ли должны мы терпеть горестную участь и когда ей наступит конец; сколько будет продолжаться ненастье и когда должно наступить вёдро. Некий хлебопашец дал богам обет, что станет приносить им больше жертв, ежели они будут выслушивать его просьбы и посылать дождь или солнечную погоду, когда он попросит, и пускай по его желанию приходит хорошая погода на его землю. Боги выполнили его просьбу: когда он просил дождь для своей пшеницы, шел дождь, когда просил вёдро, было вёдро. Но вышло так, что после жатвы у него оказалось гораздо меньше зерна, чем у других

землепашцев. Он вознегодовал, но боги ему ответили, мол, ты сам виноват, потому как не давал природе делать свое дело и захотел быть мудрее богов, которые знают, когда должен идти дождь и когда должно быть ведро. Религия учит нас, что Бог руководит странами и народами: поднимает одних и низвергает других, ставит над нами добрых или злых государей; такими примерами полно Священное Писание. Так что не следует, да и невозможно одному человеку вмешиваться во всеобщий порядок. Милая кузина, я часто посылаю вам проповеди, нет у меня других дел, я должен записывать свои, уже, может быть, бесполезные мысли, поскольку все мы тут — как упавший в воду человек, который до тех пор должен барахтаться, пока не ухватится за какую-нибудь ветку и не выберется на берег или погибнет, ибо ломать голову над тем, как и почему он упал в воду, — бесполезная трата времени. Пускай до сих пор все ветки в наших руках обламывались, потому как помощь мы просили не у Господа. Но можно, пожалуй, сказать и так, что Господь ради нескольких человек обычно не меняет своей воли, так что будем барахтаться, милая кузина, пока возможно. Жалею только, что цветы сейчас быстро превращаются в сухие стебли, сухими стеблями же не украсишь корсет. Для меня, который всю жизнь был изгнанником и в шестнадцать лет покинул свою родину, ясно одно: поисков свободы в моем разуме тогда не было, и ежели изгнание мое длится до сих пор, то, это точно, потому, что причина тут — слепая любовь к господину моему. Так можно сказать, ежели слушать природу, а ежели говорить по-христиански, то это — воля Божия, и нам следует лишь целовать бич, которым он бьет нас. Больше не могу ничего написать, у нас новостей никаких,

только скука великая, особенно зимой. При всем том прошу вас беречь свое здоровье, я же остаюсь тем же, кем был сегодня утром.

P.S. Первую женщину во Франции повесили в 1449 году. Но чтобы не завершать письмо мое повешением, опишу небольшую историю. Одного человека в Париже вели на виселицу. Когда его уже собрались вешать, поблизости случилось пройти некоему герцогу, который спешил к королю, и был этот герцог очень-очень большим шутником. Тот, которого собрались вешать, спрашивает: что это за господин там идет? Ему называют имя. Он тогда говорит, пускай его позовут, он скажет ему очень важную вещь. Герцога к нему подзывают, и тот, которого собрались вешать, говорит на ухо герцогу: видишь всех этих, которые здесь стоят, они меня так напугали, что я от страха наделал в штаны. Герцог чуть не расхохотался, но сдержался и сказал стражникам: этот человек сообщил мне огромную тайну, я сейчас сообщу ее королю, а вы пока подождите. Король уже знал, что для него всегда готова какая-нибудь достойная смеха история, и он, увидев герцога, спрашивает: ну, какие новости? Герцог рассказывает королю эту историю. Король очень над этим посмеялся и помиловал того, кого собрались вешать, а герцог сообщил об этом стражникам.

86. Родошто, 12 januarii 1728.

От всего сердца желаю милой кузиночке дивного и чудесного Нового года, а в нем — неизменного, постоянного, по-мужски крепкого здоровья. И хватит нам пожеланий, оставим другим причитания, которые и бесполезны, и чрезмерны. Лучшее пожелание — не

самое длинное, а короткое и искреннее. Кузиночка, как же мне не сердиться? Вы там каждый день встречаетесь со священниками, с монахами, которые могли бы ответить на все ваши вопросы, но нет, вы предпочитаете спрашивать у меня. Что ж, сяду в свое судейское кресло и буду отвечать оттуда. Ты спрашиваешь, милая кузина, почему англичане становятся на колени, когда их приводят к причастию. На это я отвечаю так: обычай этот они переняли от отцов своих, которые были папистами, поскольку у них тысячу лет процветала папистская религия. Генрих VIII*, который, разозлившись, ввел в стране кальвинизм, много писал против них, но гнев и любовь заставили его вывернуть мантию наизнанку. В 1552 году он вымел из страны священников и епископов, монахов разогнал, монастыри открыл и оставил пустыми, а монахинь, которым наскучила девственность, повыдавал замуж, церковное добро разделил среди господ, в епископства посадил кальвинистских епископов. А чтобы простой народ не возмутился полным изменением религии, церковное облачение у священников оставили прежним, как и внешние обряды, как в церквях — иконы и все прочее, даже алтари; миропомазание совершали с теми же молитвами и обрядами, что и прежде, и все ритуалы святой матери-церкви, которые исполняли прежние святые епископы, — тоже. На все это короля подвигла слепая любовь: полюбив дочь одного из своиз вельмож, Анну Болейн, он с радостью развелся бы с королевой, но так просто это нельзя было выполнить, потому что тогда он еще принадлежал к католической церкви. Разрешение на развод надо было испрашивать у самого папы, папа

же, не видя для этого достаточных причин, все откладывал разрешение. Короля же весьма торопили как любовь, так и Анна. Отец девушки тайно поменял ей религию, и девушка на это пошла. А раз уж так получилось, то и отец, и его дочь стали уговаривать короля, чтобы он отомстил папе за то, что тот не хочет дать разрешение; ты, мол, смени в стране религию, введи кальвинизм и сам стань главой новой церкви. Девушка уговаривала его так часто и настойчиво, что король уступил и взял ее в жены, королеву же отослал прочь и ввел в стране кальвинистскую религию. Папа, узнав об этих переменах, готов был, чтобы избежать большего зла, дать ему разрешение на развод, но было уже поздно: новая религия, вытеснив старую, уже господствовала в стране. Милая кузина, вот так, если говорить коротко, произошла в Англии смена религии, а многие старые обычаи сохранились. Но Божий промысел не оставил без наказания того, кто был причиной такой перемены: со временем король казнил Анну за какую-то провинность, а поскольку разрыв с матерью-церковью начался из-за женщины, то было ему наказание и от женщин. После Анны он женился еще на двух или трех женщинах, но каждую из них казнил. После такого знатного примера можно было бы, кузиночка, написать о любви к женщинам: вот, дескать, какими опасностями эта любовь чревата. Но мало кто принимает советы автора, который пишет, что женщин можно любить только в счастье, поскольку этих прекрасных созданий, сотворенных из ребра Адамова, мы любили, любим и будем любить всегда. Так что в этом смысле пример мой мало чему научит. Многие пишут, что самое первое убийство,

когда брат убил брата, произошло из-за женщины*. Каких только сражений не бывало, какие царства не разрушались из-за женщины! Конечно, не стоит следовать примеру того французского короля, который, решив взять в жены дочь датского короля и приехав к ней свататься, так полюбил девушку, что отказывался есть, пока с ней не обвенчался. Но как только обвенчался, в тот же час почувствовал к ней такую неприязнь, что никогда с ней не жил. Пожалуй, мало кто последует и примеру другого короля, который, любя женщин, стремился к тому, чтобы соблюдать все десять заповедей. Среди прочего он, любя одну женщину, но стараясь при этом и блюсти заповеди, и радоваться любви, нашел такой выход: когда он хотел спать с этой женщиной, то оставил спать в постели и ее мужа*. Вот такая случилась история, хотя люди считают, что в любви третий — лишний. Видишь, кузина: не будь пастуха, волк съел бы ягненка. Можно сказать, любовь — вещь хорошая, только нужно все-таки стремиться к тому, чего требует от нас Бог. Вот почему, милая кузина, ежели пьяницы не попадают в рай*, то и лозу виноградную вырубать не нужно. Все на свете хорошо, милая кузина: и женщины, и мужчины, и вино, и серебро, и золото, — надо лишь пользоваться ими в соответствии с тем, для чего они предназначены. Господь не создал ничего дурного, но мы, злоупотребляя его творениями, оборачиваем их во зло, и оно приносит нам вред; если вино вызывает недуг, кого следует винить: вино или винограда? Ни то, ни другого, но лишь самих себя. Ну вот, милая кузина, пришел конец и этой проповеди. Ложимся спать.

Доброй вам желаю ночи,
и в постели — блох не очень.
Пусть приснится сон прекрасный,
а рассвет пусть будет ясный.

Аминь.

87. Родошто, 19 februarii 1728.

Милая кузина, мы немножко посмеялись над твоим жалобным письмом, потому как у тебя и жалобы — такие милые. Ты пишешь, милая кузина, что константинопольский ветер скорее белит волосы, чем эрдейский. Это и понятно: там волосы белеют по своей природе, от времени, а здесь — и от времени, и от большой кручины. Один великий король говаривал, что борода его стала белой от ветра несчастий. Конечно, даже пять или шесть лет не выбелят волосы так, как всего лишь месяц тоски или горя. Как случилось с одним юношей, которого приговорили к смерти, и страх перед казнью всего за одну ночь так изменил его, что на другой день, когда его хотели вести на казнь, все поразились, что он выглядел, как старик, — такими белыми стали его волосы. И потому его помиловали. Бесполезно жаловаться на долгое изгнание, да и нехорошо это: ведь тем мы не сократим его, а сделаем еще труднее и дольше. Страдания куда тяжелей, ежели к ним добавляется душевное беспокойство; а ежели к страданиям добавлять жалобы, то Господь еще больше их продлевает, потому как, жалуясь, мы вроде бы недовольство высказываем Его волей. Сумей мы уверить себя, что изгнание Господь дал нам во благо, мы бы легче переносили его, а это именно так и есть, потому как Господь во

всем видит только наше благо. Но Его мудрый промысел наше благо видит не так, как видим его мы, ибо мы считаем добром лишь то, что отвечает нашим желаниям. По вере нашей мы должны считать, что изгнание и полезно, и необходимо*. А кроме того, ведь ежели бы Господь кого-нибудь из нас привел домой, тот человек лучше мог бы оценить родину и все, что с ней связано. Вот и блудному сыну, пока дом его был полон калачами и пирогами, и в голову не приходило думать о черном хлебе, но когда он вынужден был питаться желудями, то, забыв про калачи, мечтал о черном хлебе. Так что не будем жаловаться на изгнание, примем с открытым сердцем все, что дает нам Господь, и тогда изгнание станет для нас гораздо легче. Остаюсь и буду тот, кем был.

88. Родошто, 24 martii 1728.

Милая кузина, вчера были у нас плач и слезы. И все потому, что герцог Дёрдь вчера отплыл на французском корабле во Францию. Самый большой недостаток в нем я вижу в том, что он не говорит по-венгерски. Но это не его вина: воспитывали его немцы, которые даже «Отче наш» не позволяли ему по-венгерски выучить. Есть в нем, правда, немного от материнной натуры; со временем, может, это пройдет*. Вообще-то сердце у него доброе, и в какую бы он страну ни поехал, он может принести там большую пользу, потому как у него хорошая школа. Бедный наш господин, который очень любит своих детей, с трудом расстался с ним, но мы знаем, чему можно научиться в этой стране. Человеку нигде так не надоедает жить, как здесь, потому как он никаких

знакомств завести здесь не может, ни пойти в гости к кому-нибудь, и ежели не научится чем-нибудь себя занимать, будет постоянно находиться в тоске и скуке. Вот ежели бы каждый проводил время так, как наш князь! Но для этого требуется дар Божий. С утра и до обеда он занят чтением и письмом, после обеда же, ежели кто его увидел бы, сказал бы, что это какой-то мастеровой: он или сверлит, или строгает, или работает на токарном станке, его прекрасная борода часто полна стружкой, так что он и сам смеется над собой и так потеет, словно зарабатывает хлеб собственным трудом*. Все ему удивляются, а он смеется над теми, кто жалуется на скуку. Редко увидишь человека, милая кузина, который умеет проводить время так, чтобы, я бы так сказал, приноравливать время к себе. Сын же его, не умея проводить время с таким же успехом, хорошо сделал, что уехал. Пожелаем ему счастливого пути, чтобы он еще увидел когда-нибудь свою родину. А мы? И мы — тоже. А потому давайте жить здоровыми, чтобы это было угодно Богу.

89. Родошто, 3 octobris 1728.

Милая кузина, чтобы не забывать о том, что мы всего лишь паломники на этом свете, девятого числа минувшего месяца мы опять выехали из города и разбили лагерь, но лишь в трех милях от города, рядом с маленькой турецкой деревушкой. Нет на свете ничего более грустного, чем город или деревня, где живут одни турки, потому как в таком месте не увидишь на улице никого, ни турка, ни турчанки, ни даже детишек. Поневоле начинаешь думать, что деревня вся вымерла, но тут просто все сидят по своим домам,

особенно женщины, не так как у нас. Словом, время мы проводили тут, как могли, но у господина нашего ноги стали отекавать, и вчера вернулись мы в то сладкое и в то же время горькое место, где жили до сих пор. Одно знаю: вы не станете жаловаться, что письмо слишком уж длинное. Милая кузина, береги здоровье.

90. Родошто, 18 aprilis 1729.

Надо ли удивляться, если я скажу, что с большой радостью получил письмо ваше; чудо было бы, ежели бы я получил его без радости. Но как это получается, что мы еще ни разу друг на друга не рассердились? Ведь говорят, что в дружбе небольшая размолвка — это как немного соли в еде. При всем том, кузина, давайте-ка оставим всякие такие приправы и будем жить в согласии, потому как я люблю дружбу мирную, а дружба ворчливая — это для кошек.

Умеете ли вы, кузина, гадать по небесным знамениям? Потому как в третий день этого месяца после обеда в час дня видели мы здесь звезду, целых три часа она была хорошо видна. Вряд ли можно сказать, что наконец-то она загорелась, наша звезда, потому как о нас тут уже и звезды забыли. Чтобы у вас, милая, голова лишний раз не болела, необходимо вам знать, что здешний греческий архиепископ с большой помпой пришел навестить нашего господина, а с ним — четыре епископа. Но ежели они и ходят пешком, вы не думайте, что это от бедности: наш архиепископ мог бы и две упряжки держать, да и епископы тоже, но здесь, в турецкой империи, они не могут ездить в карете. Скажу больше: они должны

держаться так, словно они совсем нищие, потому как и без того их часто обируют как турецкий, так и греческий патриархи. Потому что архиепископом они ставят того, кто им больше заплатит; архиепископы же выбирают себе таких епископов, которые больше дают. Епископы же, чтобы иметь возможность платить архиепископу, посылают в деревни таких попов, которые больше обещают. Так что судите сами, милая, как много способов у епископов и священников вытягивать деньги из кошельков у бедных людей. Здесь и праздники, и даже посты — все приносит выгоду сельскому священнику; кроме того, в течение года происходит много всего, что дает доход служителям церкви. В воскресенье священник совершает службу в каком-нибудь самом дрянном облачении, какое у него только найдется; нельзя же у него, невежды, требовать, чтобы он еще и проповедь произнес. Да и откуда он мог научиться читать проповеди, и когда? Я был в доме у нескольких сельских священников, но не видел там ни одной книги, держат они у себя только какой-нибудь ветхий, рассыпающийся молитвенник, вот и вся их библиотека; да и когда ему учиться, ежели всю неделю нужно обрабатывать поле, чтобы накормить свою попадю и детишек, да еще и одеть их понаряднее. Одним словом, здесь пастыри не только пасут овец, но и получают с них выгоду, и ежели не снимут с них шкуру, то уж точно остригут наголо. Читал я об этом одну занятную историю, посмейтесь и вы со мной. Раввины пишут, что Корах восстал против Аарона вот по какой смешотворной причине: у одной бедной вдовы была овца, и вдова остригла ее, Аарон же отобрал у нее шерсть,

сказав, что «должно отдавать священнику <...> начатки от шерсти овец твоих», «*dabunt sacerdoti lanarum partem, ex ovium tonsione*» (Второзаконие 18, 4). Вдова обратилась к Кораху и попросила его: пускай он скажет Аарону, чтобы тот отдал ей шерсть. Но ничего не получила. Корах, чтобы утешить ее, дал ей четыре серебряных монеты, чтобы она купила на них столько шерсти, сколько состригла с овцы. Через некоторое время овца родила ягненка, но Аарон и его забрал, сказав, что закон велит отдавать перворожденного ягненка Господу: «Все, разверзающее ложесна у всякой плоти <...> приносят Господу» (Числа 18, 15). Бедная вдова, видя, что нет ей от ее единственной овечки никакой пользы и что держит она ее только для выгоды священников, решила зарезать овцу. Но Аарон, узнав об этом, пошел к ней и стал требовать у нее ту часть овцы, которая ему полагается по закону, а закон предписывает: «Вот что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или овец: должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок» (Второзаконие 18, 3). Бедная женщина, придя в отчаяние, сказала в гневе, пусть мясо моей овцы будет анафема* перед Господом. Услышав это, Аарон забрал всю овцу, сказав, что в Израиле любая анафема — в пользу священников*. Так что в любом случае ущерб терпит только бедная женщина. Милая кузина, доброй вам ночи!

91. Родошто, 5 oktobris 1730.

Где ты сейчас, милая кузина, почему уехала в Пафлагонию*? В Константинополе такие события, а тебя там нет. Как такое может быть? Как посмели

без твоего спроса сместить султана и посадить на его место нового? А ведь все именно так и случилось. Будь ты дома, все, наверно, произошло бы по-другому. Если коротко, дело было так. Ты, конечно, слышала, что великий визирь уже некоторое время находился в Скутари*, стоя там лагерем и имея намерение выступить против персов. У султана же там было много прекрасных мест для развлечения, и он тоже часто уезжал в Скутари. Вы ведь знаете, милая, Скутари от дворца султана по прямой, через море — на расстоянии оружейного выстрела. Случилось так, что два рядовых янычара, каждый из которых служил на морских судах, подняли бунт; имя одного — Мусли-баша, второго — Патрона*. Султана во дворце не было, не было в городе и великого визиря, и 28 сентября эти два янычара собрали на базаре своих товарищей числом около пятидесяти. Патрона разделил их на четыре отряда, каждому отряду дал по флагу, все они ходили по улицам города и кричали: кто истинный турок, пусть присоединяется к ним, они хотят только, чтобы сместили великого визиря. Они открыли темницы, прочесали город, закрыли лавки и к вечеру умножились еще не столько же. Самое удивительное то, что никто в городе не перечил им, хотя было в городе по крайней мере сорок тысяч янычар, было и конное войско, но никто не встал на сторону султана. 29-го на их сторону перешли почти все янычары, и стало их так много, что сопротивляться им было невозможно, хотя еще вчера могла бы их разогнать сотня солдат. Поставили они нового агу янычаров, и с ними оказалось много высоких офицеров. 30-го же султан, находясь в своем дворце с великим

визирем, с капитан-пашой, с тихаем*, с улемами (высшими священниками), созвал их всех к себе и спросил, в чем, считают они, причина мятежа. Те говорили каждый свое, и тогда султан позвал начальника канцелярии и, выбрав двух человек из духовного сословия, послал их к мятежникам, чтобы узнать, чего они хотят. Те ответили: султаном они довольны, но недовольны визирем, тихаем и муфтием, потому как те своими распрями подорвали империю, и хотя они не против султана, но требуют, чтобы этих троих сановников он отдал живыми в их руки. Записав все это и еще многое, они послали это султану. Султан снова потребовал, чтобы ему объяснили причину восстания. Один улем сказал, что виноваты великий визирь и тихай. Визирь понял, какая ему грозит опасность, и велел схватить тихая и капитана-пашу, а последнего велел задушить. Султан, видя требования восставших, старался защитить визиря, но ему это не удалось, поскольку из-за мятежа во дворце оставалось уже мало хлеба и воды. Тут к нему подступили улемы, говоря: если хочешь жить, выполни их желания, отдай им в руки визиря и тихая. Но муфтия мы им не отдадим, потому как отдать верховного муфтия в руки бунтовщиков — позор перед всем миром: за смерть одного, случившуюся двадцать семь лет назад, нас и сегодня Бог наказывает; лучше отправьте его на вечное изгнание. В конце концов улемы и дети султана уговорили его, чтобы он велел схватить визиря и тихая. Потом сообщили мятежникам, что визирь и тихай схвачены и скоро будут выданы им. Но муфтия они не отдадут, на смерть посылать его они не согласны. Ежели мятежники удовлетворятся теми

двумя, то их выдадут; ежели не удовлетворятся, то пусть сами выберут муфтия гяура (турки называют христиан гяурами, то есть неверными), потому как своего муфтия они не отдадут. С этим отправили послов к восставшим; но пока послов не было, бедный визирь был задушен*, а жалкий, мерзкий, никуда не годный тихай, видя, что его хотят задушить, от испуга сам умер. Убили они их потому, чтобы не отдавать живыми в руки мятежников. Когда послы вернулись, тела визиря, капитана-паши и тихая были положены на повозку и отправлены восставшим. Те капитана-пашу пожалели и отдали его тело матери, чтобы она похоронила его; тело же тихая бросили собакам. А тело визиря отправили обратно с тем, что визиря они требуют живым. Народ, видя это, встал на их сторону. Султан, увидев, что тело визиря вернули, задумался и, созвав улемов, сказал: бунтари и меня не хотят признавать султаном, своим господином, поэтому я, чтобы никому не было из-за меня никакого ущерба, по своей воле передаю трон сыну моего старшего брата, султану Махмуду*. Позовите его ко мне. С чистым сердцем перед всеми вами я поклонюсь ему, лишь бы прекратился этот мятеж и никому больше не грозила бы опасность. После этого привели туда Махмуда, и султан Ахмед, встав с трона, подошел к нему, обнял и посадил на трон. А потом первым поцеловал руку новому султану и заставил улемов тоже целовать ему руку. Потом сказал им: этот человек будет господином и султаном и мне, и всем вам, возлагаю судьбу его на Бога и на вашу совесть. Дайте слово, что ничего не будете делать против истины, если же совершите что-то дурное, то в день последнего суда ответите

за это перед Богом, за это же обязаны вы ответить передо мной как на этом, так и на том свете. После этого, повернувшись к султану Махмуду, дал ему много добрых советов и обратился к нему с такой мудрой речью, что все, кто был вокруг, слушали и плакали. В конце он сказал: отдали от себя визирей своих, чтобы твоя борода не оказалась полностью в их руках; детей своих я доверяю Богу и тебе, воспитывай их, корми их, как своих, заботься о них по-божески, и не забывай о том, что это власть ни для кого не является вечной. После того как все это произошло, на второй день нынешнего месяца, на рассвете, Махмуд стал султаном, а владычество Ахмеда прекратилось*. Какие великие перемены! Милая кузина, посмотрите: когда Господь захочет чего-то, то какими нехитрыми средствами он действует, — для того, чтобы и в самых простых средствах видно было его могущество. В такой великой империи — и кто сместил султана? Какие-то два простых янычара. Одного звали Патрона, и был он даже не турок, а арнаут*; всего за несколько дней до этого он торговал на рынке дынями. Второго звали Мусли, и был он в купальне банщик. О бедном же визире и говорить не буду, который здесь — все равно что где-нибудь в другом месте — король, как по богатству, так и по могуществу. Особенно этот наш визирь, который двенадцать лет занимал этот важный пост, а кроме того, был зятем султана, а теперь вот собаки сожрали его тело, хотя он при жизни воздвиг для себя место упокоения ценой в несколько тысяч талеров. Признаюсь вам, мы здесь сильно притихли, боясь, что и сюда придут беспорядки и смута, на ночь выставляли стражу; но все обошлось, все было

тихо, будто восстание нам лишь приснилось*. Этому не поверил бы тот, кто не знает, что турки и в смуте соблюдают порядок; ведь ущерб был совсем небольшим — по сравнению с тем, что могло бы быть. Кто мог бы подумать, что в такое время не творятся грабежи и убийства. Могли бы разграбить многие лавки, могли бы взять приступом султанскую казну. Но нет, даже склад, где нам обычно выдавали средства, был открыт как раньше.

Прежде чем я закончу это письмо, хорошо бы и вам знать, что в империи этой есть обычай: при смене султана месячное жалованье янычарам увеличивают на одну деньгу, а кроме того, каждому янычару выдается по пятнадцать талеров (бакшиш), то есть магарыч; в этот раз на магарыч из казны ушло пять тысяч кошельков. Знаете, милая, один кошелек — пятьсот талеров; нам и половины хватило бы с головой. Доброй ночи, милая кузина. Пускай вам приснится султан.

92. Родошто, 27 novembris 1730.

Милая кузина, комедия еще не закончилась: комедиантов ведь не отпускают без оплаты. Сегодня пришла весть: двадцать пятого дня сего месяца в Константинополе султан казнил смутьянов, и произошло это таким образом... Вы слушайте внимательно, милая, будто вы и сама — жена смутьяна, а потому я вам рассказываю, ничего не убавляя и не прибавляя. В конце последней части моего последнего письма вы могли собственными ушами увидеть, как наступил конец восстания и как новый султан захотел погасить огонь, раздутый янычаром по имени

Патрона. Огонь этот он, султан, вроде и погасил, но Патрона-то изнутри до самого сегодняшнего дня его постоянно раздувает. А поскольку требования его все время возрастают, то новый султан с новым великим визирем вынуждены эти требования удовлетворять, боясь, что он начнет новую смуту, потому как очень многие его поддерживают. Главный судья города (истамбул-эфенди), Ибрагим Дели всякими способами старается разбогатеть. В это дело он хочет вовлечь и Патрону: тем, кто собирается получить какой-нибудь пост, приходится платить много денег. Намедни Патрона вместе с агой серденгести (это такая дружина, которая в бою — например, при штурме — идет впереди, такие воины, которым даже не позволено думать о смерти) велел проводить себя к визирю. Привыкши получать от визиря все, чего хотел, он настолько осмелел, что по просьбе Ибрагима Дели вознамерился сделать одного мясника молдавским воеводой, потому как Ибрагим Дели получил от мясника много денег. Но визирь ответил ему, что не позволено давать кому-то большую власть без согласия султана. Этим он уклонился от просьбы, но, чтобы полностью заставить Патрону отказаться от его намерения, придумали использовать в качестве средства соратника Патроны, Мусли агу, который был тихаем у аги янычар. Этот Мусли ага — человек разумный, и ему объяснили, какое это неуместное дело — ставить мясника воеводой, и пускай он возьмется не допустить этого. Мусли так и поступил. Пойдя к Патроне, он сделал вид, будто он и сам очень хочет поставить того не очень умного мясника воеводой, но Патрона сам же понимает, что в этом деле

нужно действовать осмотрительно и хорошо было бы сходить сначала к касап баши (то есть к главе мясников), который пользуется здесь большим авторитетом и должен отвечать за всех мясников. Придя к нему, Мусли сказал: поскольку за пост молдавского воеводы обещают тысячу кошельков денег, хотим мы узнать, можешь ли ты поручиться за этого мясника, что он эти деньги заплатит, ежели поставят его воеводой. Главный мясник ответил, что он не поручится за того мясника, даже ежели речь шла бы всего о пятидесяти польтур. Тут Патрона весьма устыдился и послал неразумного, но честолюбивого мясника не в Молдову, а в темницу. Ибрагим Дели же, не будучи довольным ничем, каждый день подбивал Патрону на все большие и большие дела, а Патрона каждый день требовал от министров новых уступок, которые хотели бы дать какой-нибудь высокий пост ему самому, но он ни один не принял. Султан, не желая терпеть далее его высокомерия, вызвал в Константинополь Джаным Ходжу, чтобы сделать его каптан-пашой (каптан-паша — главный генерал флота), и нишшай-пашу, который должен сопровождать паломников, направляющихся в Мекку. Все они прибыли в Константинополь почти одновременно. Патрона, догадавшись, что последнего позвали для другой цели (так оно и было), собрал на совет своих сторонников, чтобы решить, как упредить намерения султана и помешать ему. С этой целью высшие должности они разделили между собой. Мусли они уговорили взять должность культихая, агу янычаров хотели поставить визирем, Патрону — каптан-пашой. Муфтия хотели сместить, равно как и европейского кадилескера* (верховного

судью). Словом, Патрона хотел всех сановников набрать из своих приверженцев, и ежели он этого добился бы, то перевернул бы всю империю. Султан, узнав об этом, сделал вид, будто ему пришла почта от вавилонского паши, который пишет-де, что персы и сарацины наносят ему большой урон, а потому все, кто считает себя истинным мусульманином, должны прийти к нему на помощь. После этого великий визирь созвал большой диван, чтобы провести совет со всеми улемами и военачальниками. Неразумный Патрона тоже пошел в диван вместе с Мусли и серденгестскими агами. Тогда позвали в диван гонца с письмом, которое было поддельным, и услышали от него много тревожных вестей. После этого визирь пообещал Патроне должность паши с тремя бунчуками*, а серденгестским агам — другие высокие должности, с тем условием, что они пойдут на помощь Вавилону. Но ни один из них не поддался на эту уловку, поскольку ни один не хотел покидать столицу. Визирь, видя, что в этот день ничего не получается добиться, сказал, что на следующий день должен собратся другой диван, перед лицом султана, а потому предупредил всех, чтобы они пришли рано утром. Все это задумано было для того, чтобы заманить смутьянов в ловушку. На другой день, то есть в двадцать пятый день месяца, все собрались во дворце султана. Во дворце было три двора, в каждом дворе сделали по дивану, чтобы разделить собравшихся на три части. В самом внутреннем дворе великий визирь держал диван с татарским ханом, муфтием, агой янычаров, Патроной и другими предводителями повстанцев. Во втором дворе Джаным Коша вел диван

с серденгесскими агами и со всеми, кто поддерживал Патрону. Третьим был нисский паша с разными военачальниками. Слуги султана же с бостанджи находились в каждом дворе, вооруженные, в тайных местах. Нашелся какой-то чорбаджи, который сердит был на Патрону, поскольку тот отобрал у него орду (то есть его полк). Этот чорбаджи предложил султану, что он выполнит его указания и с большим числом янычар, которые недовольны были Патроной, тайно войдет во дворец султана. Когда все собравшиеся заняли свои места в диванах, султан позвал к себе татарского хана и муфтия; тут сделан был выстрел из пушки, чтобы закрыли ворота. Сразу после этого чорбаджи вошел в диван, в котором находился великий визирь, снял кафтан и, оставшись в доспехах, набросился на Патрону, а те, кто был с ним, зарубили приверженцев Патроны. Подобным же образом сторонников Патроны перебили в двух других дворах, и в каждом дворе было большое кровопролитие; потом тела сложили на телеги, отвезли и сбросили в море. В этот день до полудня были вырезаны все повстанцы, и лишь с этого дня Махмуд мог считать себя настоящим султаном. Вот и я остаюсь вам, милая кузина, настоящим родственником и слугой.

93. Родошто, 25 martii 1731.

Милая кузина, напиши я, что пришедшее от вас намедни письмо получил без всякой радости, я бы соврал. А вы, милая, рады были получить мое? Надеюсь, что да. А я собираюсь писать вам про бунт; вот и в прошлом году я писал вам о большом мятеже, написал бы и теперь, если бы хотел. Причина только

в том, что вы сейчас не живете в Пере. Одним словом, намедни снова случился в Константинополе бунт, начали его арнауты, которые, объединившись с янычарами, собрали две или три тысячи человек, рассыпались по городу с благородным намерением, что разграбят двор султана, и выполнили бы свое намерение, если бы им не помешали. Султан, увидев, что находится в большой опасности, решил воспрепятствовать этому намерению и, проявив твердость по отношению к своим военачальникам, заставил их перебить многих мятежников, а остальных разогнать. Этот бунт приписывали дочери султана, жене бедного визиря Ибрагима: она, будучи женщиной смелой, хотела управлять империей, как делала это и при жизни визиря. Одним словом, оправданно или неоправданно, ее посчитали зачинщицей бунта и в наказание бросили в море к рыбам. Кажется мне, женщину такого высокого положения можно было бы убрать из этого мира и другим способом. Но поскольку случилось так, то что мы можем сделать? Хорошо ли ваше здоровье, милая кузина?

94. Родошто, 15 aprilis 1731.

Раньше надо было бы это сделать, давно надо было бы вам покинуть. А-то мне приходят в голову мысли, будто вас держит там какой-то магнит. За эти слова будет мне достойная плата, — ну, ничего, потерплю. Словом, письмо ваше я получил и благодарю, кланяясь до земли. Видя, что поведение ваше объясняется правильными причинами, объявляю вам полное мое прощение. Но, милая кузина, давайте лучше не буду я писать вам больше таких кровавых

и жестоких писем, как перед этим. А-то мне уже кажется, что в чернильнице моей не чернила, а кровь. Но не могу не написать вам еще об одной кровавой истории, и пускай она будет последняя. Да и эта история вспомнилась мне потому, что вы пишете, какие мстительные люди эти итальянцы. В Италии были у одного вельможи охотничьи угодья, где жили косули и олени. Вельможа сказал своим слугам: ежели кому-то из них случится убить в его угодьях косулю или оленя, то ему не поздоровится. Случилось однажды, что один из его слуг пошел в угодья с ружьем, чтобы пострелять птиц. Когда он хотел подстрелить одну птицу, сидящую на земле, то, к несчастью, попал в оленя, который лежал за кустом, и слуга не мог его видеть. Как только слуга обнаружил свою ошибку, он тут же сбежал. Господин, не зная причины бегства, оставил все как есть. Но через несколько дней, гуляя в своих угодьях, он наткнулся на мертвого оленя. И увидел, что олень застрелен. И тут же понял, что убил его тот самый слуга. Он стал писать всякие письма, не видели ли где-нибудь такого-то человека. Спустя долгое время ему сообщили, что его слуга каким-то образом попал в рабство и морские пираты увезли его в Африку. Итальянский вельможа пообещал большую сумму денег священникам, которые ездят в Африку выкупать рабов, и попросил выкупить его слугу, мол, он заплатит за это. Священники выкупают слугу и радостно посылают его к хозяину. Бедный слуга уже ничего не боится: ведь прошло уже несколько лет. А вельможа же, едва увидел парня, принялся допытываться, почему тот застрелил оленя. Парень стал оправдываться, но хозяин,

не удовлетворившись этим, ночью велел убить беднягу. Вот она, истинная итальянская натура. Я изрядно смеялся, милая кухня, да и как не смеяться, ведь писать нужно не только о печальных вещах, но и об итальянских мещанках, которые держатся так, будто каждая — эрдейская губернаторша. Конечно, даже губернаторши не умеют задирать нос так, как гречанки, потому как греки — по природе своей существа надменные, а гречанки — тем более. Ни одна из них не считает себя ниже другой — где там! Видишь их на улице — и прямо думаешь, что каждая — не иначе как графиня: такие они разряженные и так жеманно выступают; а придут домой — и садятся за обед, который стоит хорошо ежели три польтуры. Это заставляет меня вспомнить один случай: Каролус Квинтус*, будучи в Брюсселе, устроил там пышный пир. А две вельможные дамы не захотели принимать приглашение, потому как опасались: вдруг одну из них посадят на более почетное место, чем другую. Император, узнав об этом, подумал, что такие разногласия вызовут смущение среди гостей, а потому решил сам стать судьей в этом споре. Для этого он созвал свой двор и с соответствующими его рангу церемониями воссел на трон. Адвокаты двух женщин подошли к нему и стали громко браниться друг с другом: каждый доказывал первенство своего клиента. Видя, что у каждой из двух женщин есть основания претендовать на первенство и они одинаково этого требуют, император, не желая вызвать еще большей ссоры, вынес такой приговор: та из женщин, которая более влюбчива, может по праву требовать первенство для себя. На том совет и закончился, все сочли приговор

правильным. Обе женщины после этого уже не боролись за первенство, так как не хотели, чтобы их считали слишком любвеобильными. Что касается вас, милая, я не знаю, какой приговор был бы вынесен вам. Но неплохо было бы найти способ, чтобы распознавать любвеобильных женщин. Поскольку же речь идет о любви, которая сама по себе дело хорошее и дана нам природой, то есть, скорее, господином природы, у которого все, что Он делает, хорошо, только мы обходимся с ним плохо, — то я поставлю перед вами вот какой вопрос. Одна барышня заснула в лесу; там кто-то захотел ее похитить, и когда она защищалась, то получила смертельную рану. Поблизости как раз охотились три кавалера той барышни, они и нашли ее в плачевном состоянии. Первый кавалер сразу бросился за злодеем, который хотел ее похитить; второй от огорчения упал в обморок; третий стал ей помогать и перевязывать ее раны. Вопрос: который из трех любил барышню больше всех? Пока вы над этим думайте, а я заканчиваю свое письмо. Доброго здоровья, милая кузина.

95. Родошто, 1731, 20 septembris.

В письме, что я получил от тебя, милая кузина, перед этим, ты пишешь, что великого визиря сместили. Плачу новостью за новость: вчера от нас уехал с пышной церемонией новый визирь, которого ставят на визирство. Говорят, человек он хороший, хотя немного суровый, свидетельство чему он и показал по дороге сюда, повесив одного деревенского кади на двери его дома; можно думать, поступил он не совсем справедливо. Этого визиря зовут паша Осман

Топал, т.е. Осман Хромой, потому как он и вправду хромым, был ранен в сражении, но разум его не хромает, потому и зовут его многоумным, хотя в жизни своей он читал и писал мало, потому как не умеет ни читать, ни писать. Это уже третий визирь с тех пор, как сместили султана. Что за короткая у них власть! Короткая, но большая. Как я вижу, новый султан послушал султана смещенного, который советовал не позволять визирям властвовать долго. Хороший это совет или нет, решай сама. Ведь когда визирь хорош, не больше ли будет пользы для империи, ежели его оставить в должности подольше? Чем дольше он властвует, тем лучше научится править, освоив как внутренние, так и внешние дела государства, и успешнее сможет решать внешние дела с иностранными министрами. Но времени на это ему не дают, потому как смещают, едва он начнет немножко разбираться в делах. Иных сбрасывают так быстро, словно им приснилось, что они были визирями. Все это наносило бы империи большой ущерб, если бы не было в этом другого смысла: ведь хотя вместе с визирем смещают всех высоких сановников, но невысокие-то сановники никуда не деваются. Когда смещают начальника канцелярии, чиновники, секретари, писари остаются, и новый начальник канцелярии сразу узнает у них, какие дела нужно продолжать, и их продолжают. Подобным же образом новый казначей узнает от подчиненных, какой порядок следует соблюдать в казне. Таким образом, новые скоро становятся старыми, и со сменой чиновников дела и порядки не меняются. Дело империи, таким образом, продолжает идти, но мне кажется, ежели бы какого-нибудь

хорошего визиря оставили надолго, дела шли бы еще лучше. Но, что говорить, Паша Ибрагим долго был визирем, из-за этого и случилось последнее восстание, потому как пока визирь — визирь, у него в руках очень большая власть, и почти невозможно, чтобы визирь не злоупотреблял этой властью. А этому никто никогда не учится; просто бегут, словно собака на поводке. Следовало бы придумать для них какой-нибудь способ, чтобы их так быстро не смещали. Они тогда действовали бы так, как действовал Пилат. Как раз сейчас мне пришло в голову: на того самого Пилата пошла в Рим какая-то жалоба, и ему пришлось ехать из Иерусалима в Рим, чтобы там оправдываться перед императором. Пилат же забрал у солдат рубашку Христа, ту, которая без швов, и так случилось, что когда он предстал перед императором, эта рубашка как раз была на нем. Как только император увидел Пилата, он сразу встал со своего трона и обласкал его, потом отпустил. Император сам удивился своему поступку: мол, как это так, я же призвал Пилата затем, чтобы сослать его в изгнание; а вместо этого встал перед ним и обласкал его. В чем может быть причина этому? Но Пилат удивился даже еще больше, чем император, он тоже не мог понять причину. Тогда император снова призвал Пилата. Пилат снова идет к императору в той рубашке, в которой был на предыдущем приеме. Император еще больше удивлен, удивлен и Пилат. Ни один из них не знает, чем это объяснить. Через несколько дней император снова призывает Пилата, но Пилат в спешке, к своему несчастью, надел другую одежду, а рубашка без швов, которая спасла его дважды, осталась дома. И потому,

когда он пришел к императору, тот не только не встал перед ним, но сурово обратился к нему и сослал его в Галлию. Верьте или не верьте, как вам угодно. Я же остаюсь, кем был.

96. Родошто, 24 decembris 1731.

Уж и не смею желать вам, как обычно, счастливых рождественских праздников, потому как вы уже переняли другие обычаи. В чужих странах, особенно во Франции, поздравляют друг друга только с Новым годом, у нас же — со всеми тремя великими праздниками*. Какой обычай лучше, пускай решают грамотеи. Каждая страна пускай своих обычаев держится, это самое лучшее. Я бы свои соблюдал, ежели можно было бы, и сообщил бы вам какую-нибудь новость, ежели бы таковая была, но мы здесь живем так тихо и незаметно, что кажется, будто все кругом умерли, только мы еще живы. А ведь ежели хорошо подумать, то живут-то другие, а мы всего лишь прозябаем. Но что еще остается изгнанникам? Милая кузиночка, как мне ответить на ваше мудрое и разумное письмо? Я таких умных писем писать не способен, мой разум не рассекает аэр, как ваш, а просто ходит по земле*. Поэтому, с почтением откладывая все прочее, отвечу я лишь на одну вещь. Ты пишешь, кузина, что неверие, сомнение и черная зависть сопровождают нас в изгнании, словно они не могли остаться без нас на родине. Все это — правда, так оно и есть. Как правда и то, что турецкий султан не поставил их на довольствие, а они все-таки живы-здоровы. Как много наших мы уже здесь похоронили, но проклятая зависть все живет, и проклятое неравенство продолжает

процветать, нисколько не старея; думаю, они еще нас похоронят, ежели только милостивый Бог не заберет их к себе. Кажется, изгнанники должны были бы жить лучше, чем их соотечественники живут дома, но до сих пор я видел только обратное. Более того, чем меньше нас остается, тем скорее умножаются зависть и неравенство. Так было всегда, и, думаю я с грустью, так будет во веки веков (но тут я не скажу: аминь). Можно утверждать, что наш набожный господин всегда старался прогнать от нас этих недругов, но до сих пор это ему не удалось. Но как может он сделать то, чего не может сделать смерть? Ежели бы зависело от меня, я бы давно сжег их на костре! Чего они среди нас ищут? Мы тут все в одном положении, все бросили на произвол судьбы то, что имели. Здесь должности, богатство среди нас не распределяют, а распределяют только, поровну на всех, северный ветер да южный ветер. Различие только в том, что у одного — здоровье получше, зато другой может больше есть и пить, у третьего — ноги крепче, и он может больше гулять по морскому берегу. Ежели уж эти люди заслуживают зависти и осуждения, то отведем их на суд попа Яноша*, пускай он их рассудит. Но пока мы туда добираемся, я тут подумал: все это оттого, что изгнанникам ни в чем нет радости, а потому они легко пресыщаются изгнанием. Занятий у нас тут мало, все быстро надоедает, и ежели мы живем вместе, то надоедаем и сами себе. Когда изо дня в день видишь только физиономии друг друга, то ох как скоро надоедают эти физиономии, — в конце концов от скуки и начинаются упомянутые выше чертовы раздоры*. В истории находим мы немало

примеров того, как пагубно сомневаться в другом человеке*. Один такой пример показывает нам прекрасная языческая властительница, ее величество знаменитая Клеопатра. Вы знаете, милая, как любили они друг друга с Марком Антонием. После битвы при Акциуме* они бежали в Египет. Марк Антоний думал, что раз уж он такой несчастный, то теперь не будут его любить так, как раньше, потому как у несчастного и любовь несчастна. А потому он все время опасался, как бы Клеопатра не опоила его чем-нибудь, отправив на тот свет, чтобы потом найти себе кого-нибудь более удачливого. Клеопатра, увидев его настроение, устроила большой пир; у всех, кто сидел за столом, на голове были венки. Можете посудить, милая, какой прекрасный венок сплела Клеопатра для Марка Антония; но о том вы, наверно, уже не можете знать, что венок этот она осыпала ядовитым порошком. Словом, на пиру у каждого гостя на голове по обычаю был венок, царица же находилась в хорошем настроении, и старалась во всем угодить Марку Антонию; видя, что он начинает пьянеть не только от вина, но и от любви, и что достиг уже такого состояния, какомго ей хотелось, она сказала ему, что хочет опустить цветок из его венка в бокал с вином и что она так и поступит. Марк Антоний, услышав это и во всем подчиняясь воле царицы, тут же взял цветок из своего венка и опустил его в бокал — и хотел выпить его за здоровье Клеопатры. Но царица закрыла ему рот ладонью и удержала его, сказав: не пей это, Марк Антоний, и убедись, что не все можно сделать, даже ежели кто-нибудь очень чего-то хочет. Я, сказала она, эти цветы посыпала ядом. Так что суди сам: ежели

подозрения, которые ты питаешь в отношении меня, могут спасти тебя от гибели, то как могла бы я пойти на то, чтобы тебя потерять, и как могла бы я жить дальше без тебя. Но видя, что Марк Антоний слушает ее недоверчиво, царица велела привести из темницы раба, осужденного на смерть, и дала ему выпить вино из бокала, после чего раб тут же умер. Ежели лечить кого-то от подозрительности и от неверия таким образом, то лекарство будет слишком сильным. Но приведу еще один пример, теперь — о зависти. Французскому королю, который был пока еще неопытен в своем королевском ранге, придворные из лести говорили все время, сколько горя и обид терпели они от сановников предыдущего короля, поэтому хорошо было бы сейчас им отомстить. Уговаривали они короля до тех пор, пока он в конце концов не приказал, чтобы ему принесли список сановников, состоявших при дворе предыдущего короля. Вскоре ему такой список с большой радостью доставили. Взяв список в руки, король пометил имена многих сановников крестом, потом убрал список. Придворные, видя это, с большой радостью подумали: те, чьи имена помечены крестом, обречены. От радости они даже не стали ждать, что сделает с ними король, а заранее раструбили, как король поставил кресты возле таких-то и таких-то имен. Услышав это, многие из тех, чьи имена были отмечены в списке, испугались и тайно бежали в другие страны или спрятались. Король, узнав причину их исчезновения, произнес во всеуслышанье и ко всеобщему удивлению слова, которые заслуживают того, чтобы мы их запомнили: зачем вы бежали от моего двора? Вы разве не знали,

что крест означает награду, означает, что грехи ваши прощены. Затем приказал он, чтобы всех бежавших позвали вернуться, и когда они вернулись, он всех их оставил в прежней должности. И это было столь же прекрасное дело, сколь безобразной была зависть. Потому я и не стану больше говорить об этом. Скажу лишь, что здесь стоит теплая погода, в этом месяце я разводил огонь в печи всего раза два, не больше. Вас спросят, кто любит больше: тот ли, кто не простился со своим доброжелателем, или тот, кто уйдет, попрощавшись? С Божьим благословением встретить и проведи Новый год, милая кузина. Не знаю, не пожелать ли друг другу нового сердца, потому как от того, как сильно мы любим друг друга, сердца наши совсем обуглились. Но зачем перенимать нам этот обычай от язычников? Желая счастливого Нового года и счастливого пути, а благословение Божие или помощь даже и поминать не будем, только много удачи. Поскольку перед Богом нет удачи, то христианам не нужно его поминать. А пока я заканчиваю письмо, и воздадим благодарность Господу, что он поддержал нас в этом году. Остаюсь.

97. Родошто, 14 martii 1732.

С восторгом и радостью получил я, милая кузина, чудесное твое письмо, медом написанное. Давай скажем всему миру, что мы с тобой живем хорошо и от души любим друг друга. А то, что мы никогда не ссоримся, даже когда ссоримся, еще сильнее укрепляет дружбу между нами. Ежели бы я уже и весточку ждал от тебя перестал, вот тогда было бы уместно сердиться. Кто мог бы подумать, что Топала так

быстро сместят из визирей? Все его любили, и все его боялись. Правда, немцы, те, я думаю, рады этому, потому как немцев он терпеть не мог. Нам же, благослови его Господь, даже за такое малое время он сделал много хорошего. Если так пойдет, то за два-три года не останется ни одного турка, который не побывал бы в визирях. Исключение сделаю для графа Бонневалья*, пускай даже он тоже будет турок, потому как Господь не допустит, чтобы такой проходимец и тут вышел бы вперед. Ежели тот паша, про которого, хоть он и находится пока в Вавилоне, говорят, что его сделают визирем, когда он вернется, — это все-таки больше в порядке вещей; к тому же он сын доктора, а не цирюльника или дровокола, как уже бывало. Визирей здесь поднимают из праха, затем в прах же и возвращают. Расскажу об этом небольшую историю.

Здесь, когда находят таких бедных детей-сирот, которые неплохо выглядят, их забирают в виде налога, воспитывают в турецкой вере, а самых красивых из них держат при дворе султана. Одного из таких детишек, посчитав его не слишком удачным, не отдали ко двору султана, а отдали одному паше, который, хорошо отнесшись к ребенку, научил его всем наукам, которым только можно научить, и воспитал с большим тщанием. Юноша, которого мы будем называть Ибрагимом, учился успешно, да и вел себя достойно, настолько, что паша подумал: пожалуй, он поступит дальновидно, ежели отдаст его сыну султана, Сулейману, который после смерти отца своего был очень у всех на виду. Сулейман принял подарок весьма благосклонно, а поскольку Ибрагим был его ровесником, он сопровождал Сулеймана на все развлечения,

и Сулейман так его полюбил, что желал, чтобы прислуживал ему только Ибрагим. Тот, заметив это, решил воспользоваться таким случаем, но обратил свою удачу не во зло, а на то, чтобы делать благодеяния и помогать бедным. Сулейман, характер у которого был поистине царским, с радостью увидел в слуге своем благородное сердце и еще больше стал его уважать и любить. Самым главным свидетельством этого стало то, что, когда Сулейман воссел на султанский трон, он сделал Ибрагима капиджи пашой, а спустя некоторое время — агой янычар. Ибрагим, видя, как быстро продвигается его карьера, задумался, долго ли продлится его счастье. Часто приходила ему в голову судьба сановников в Порте, их быстрый взлет и жалкий конец. Грустные эти мысли настолько затуманили ему голову, что он утратил веселый нрав, который так нравился Сулейману. Заметив это, султан, любя его всей душой, стал спрашивать, в чем дело. Ибрагим выложил ему всю правду, сказав, что причина его печали — не что иное как мысль о том, что доброжелательность господина приведет к тому, что у него появится много завистников и врагов, которые, строя против него интриги, ввергнут его в ту же горькую участь, которая постигла уже многих и многих вельмож. И в конце концов он тоже умрет такой же страшной смертью, как те. Страх этот постоянно беспокоит его душу, а потому просит он султана, чтобы тот умерил свою доброту к нему и чтобы он, Ибрагим, мог вести свою жизнь в тишине и покое: ведь султан и в таком состоянии может показывать свою милость к нему, как и в то время, когда вознес его, слугу, в высокое положение. Сулейман, слушая

эти умные речи, сжалился над Ибрагимом и похвалил его доброе сердце, не желая упустить ничего, чем он мог бы его утешить. Он поклялся, что, пока Ибрагим будет жить, он, султан, никогда не сделает ему зла, какие бы для этого ни были причины.

Ибрагим, выслушав эти обещания и утешившись, стал служить султану еще с большим рвением. Сулейман же, чтобы еще убедительнее показать ему свое доверие, сделал его великим визирем. Позже Сулейман осуществил успешные походы в Венгрию, затем в Персию. Ибрагим участвовал во всех этих походах. Он стал таким могущественным и богатым и пользовался такой милостью султана, что все боялись его.

Мать султана и Роксолана, жена султана, видя это, стали сильно завидовать Ибрагиму, потому как обнаружили, что дела уже не в такой степени находятся в их руках, а находятся в руках визиря. Поэтому стали они искать способа, чтобы его погубить. Ибрагим, почувствовав это, понял, что беззаботная жизнь может дать Сулейману повод уступить материнской любви и жениным ласкам, а потому постарался отправить Сулеймана в новый поход против персов. Сулейману такой план весьма пришелся по душе: ни один властитель так не любил войны и не был в них так удачен, как он. При всем том он не сразу последовал совету Ибрагима, ибо как раз заключил договор с персидским царем. Но Ибрагим, желая добиться своего, придумал такой способ: позвал он из города Дамаска знаменитого астронома, чье имя было Мулей, про астронома этого говорили, что он хорошо умеет предвидеть будущее. У властителей, как

и у всех людей, есть свои слабости, и счастливее те люди, у кого их меньше всего. Сулейман пожелал видеть астролога, Ибрагим привел его к султану, но сначала обстоятельно поговорил с ним. Астролог предсказал: ежели султан начнет войну, то станет персидским царем. Честолюбие ослепило Сулеймана, и он, забыв про заключенный с персидским царем договор, двинулся в поход с войском из шестисот тысяч человек. Там он провел несколько лет, но поход его был неудачным, и вернулся он в Константинополь с четвертью своего войска и с великим гневом как на астронома, так и на своего визиря. Мать и жена султана, видя его гнев, тут же постарались объяснить неудачу похода предательством визиря и, собрав всех недоброжелателей бывшего любимца султана, уверили его в том, что визирь сговорился с персидским царем, получив от него большие деньги. Кроме того, вызвав в Порту из Вавилона тамошнего пашу, они тайно привели его к Сулейману, и паша много всего наговорил ему о коварстве визиря. В то же время мать и жена султана каким-то образом разузнали, что визирь состоит в оживленной переписке с Карлом V и с Фердинандом, нашли способ выкрасть часть этих писем и передать их султану. А султан, расценив все это как неблагодарность и предательство своего первого министра, решил его казнить. Но, вспомнив о своей давней клятве, собрал проповедников и священников, позвал даже самого муфтия, и изложил им все, рассказав и о своей клятве. Долго они размышляли, но ничего не могли решить; тогда один из священников сказал Сулейману: поскольку ты дал клятву, что при жизни своей не казнишь визиря, то

вели его задушить в то время, когда ты спишь, поскольку сон — это как бы смерть, так что ты не нарушишь свою клятву. Остальные поддержали этот совет. Сулейман позвал к себе визиря, оставил его на ужин, потом дал ему в руки письма, чтобы тот их прочитал вслух. Когда тот прочитал, он стал упрекать его в предательстве и неблагодарности, и, велев заключить под стражу, приказал задушить, пока он, султан, спит, что и было исполнено*. Так что спокойной ночи, милая кузина. Я тоже пошел спать, но перед этим отдам приказ, чтобы, пока я сплю, были убиты все мои блохи. Потому что очень их много.

98. Родошто, 4 martii 1733.

Милая кузина, короли, оказывается, смежают очи точно так же, как мы: как раз пришла весть, что 1-го februarii польский король Август* умер так же, как обычный человек: душа его покинула, а смерть в нем осталась. Упокой его, Господи, он был хороший король. Ежели он правил долго, то он этого заслужил, потому как, пожалуй, никогда ни один король не умел так пользоваться своей королевской властью, как он. Никогда у поляков не было короля, который дал бы им столько же веселья, столько же разных праздников, как он. О женщинах я уж и не говорю, те будут оплакивать его сто лет. При жизни его они даже не думали про рай — так он умел их развлекать и угождать им*. Словом, можно сказать, он был достоин королевского титула: умел и пользоваться своей властью, и обращать ее на мирские радости. Поначалу, правда, правление его было довольно тернистым, до тех пор, пока не побиили шведского короля*, однако после этого он

ухитрился снять для себя много плодов. Сколь много несказанно прекрасного последовало из обращения его в нашу веру!* После Мартина Лютера* корни и гнездо лютеранской религии находились в Саксонии. Продолжалось это двести лет; за все это время во дворцах саксонских электоров* не справляли священную службу; но теперь ее справляют как там, так и в других местах в стране. Так что обращение его в католицизм послужило великому прославлению Господа и великой пользе матери Церкви. Уже и сын его — папист*, и дети сына — паписты, через короткое время вся страна будет папистской. Он был большим доброжелателем нашему господину. Не может того быть, чтобы после стольких лет мира не увидели мы в Европе какой-никакой войны, потому как выборы короля в Польше тихо не проходят*. Сейчас в борьбе за королевский трон впереди двое: сын усопшего короля и Станислав. Первого поддерживают султан и московская царица*, второго — французский король, поскольку он живет с его дочерью, так что не может не помочь*. Пускай они себе грызутся. Я знаю, немало у них найдется и медных ходатаев*. Когда французский король пошел войной против императора*, чтобы отобрать земли, принадлежавшие его жене, Леопольд спросил у французского посла: в чем право его господина, ради которого он хочет пойти войной? Посол же ответил, он-де про такое не слышал, зато знает, что у его господина уже готовы двести тысяч ходатаев да адвокатов, они и ответят на этот вопрос. И тяжбу свою он таки выиграл. Милая кузина, как приятно идти в суд, когда у тебя столько адвокатов. И еще очень приятно, если ты, милая, здорова, особенно в пост*.

99. Родошто, 15 septembris 1733.

Мы тут сидим, наострив уши, ждем, с какой стороны станут мутить воду, чтобы и мы могли что-нибудь выловить*. Но у того, кто непутев, и счастье непутевое. Я посылаю отсюда какой-нибудь подарок, а ты в нем, кузина, находишь подвох. Хорошенькое дело — неблагодарность! Не зря говорят, кто живет с греками, должен сам стать греком*. Нет никого более неблагодарного, более надменного, чем греческие женщины: любят они только самих себя, да и любят-то греческой, а не благородной любовью. О любви к себе читал я намедни разговор двух женщин. Не знаю, описывать ли вам это или не стоит? Но так и быть, напишу, потому как больше писать мне нечего.

Сильвия — Юлианна*

Ю л и а н н а. Что случилось, милая Сильвия: ты гуляешь в саду так рано, и гуляешь одна, хотя обычно предпочитаешь большую компанию?

С и л ь в и я. Все мое время; бывает, что я люблю гулять с компанией, а бывает, когда мне приятно побыть одной. Вот в таком состоянии я была нынче утром, потому и послала за тобой.

Ю л и а н н а. Такая охота к одиноким прогулкам не связана ли с чем-либо необычным? Не повинно ли как-то сердце твое в одинокой этой прогулке?

С и л ь в и я. Не затем я звала тебя, чтобы скрытничать. Признаюсь, я в некоторой мере встревожена. Поверишь ли мне, прекрасная Юлианна: меня снедает ревность.

Ю л и а н н а. Хотя ревность — это недуг, и того, кто ревнует, жалеть надобно, я все же не могу не порадоваться тому, что тебе этот недуг знаком. Потому как, ежели ты говоришь, что тебя мучает ревность, то ты тем самым признаешься, что любишь кого-то. Я всегда желала, чтобы ты умом и рассудком привязалась к кому-то, кто достоин тебя.

С и л ь в и я. Ах, милая моя Юлианна, пожелания твои неосуществимы. Конечно, во мне живет ревность — но что с того! Я — ни в кого не влюблена, и нет во мне никакой склонности к любви.

Ю л и а н н а. Как так: тебя гложет ревность, а ты не влюблена?

С и л ь в и я. Да, это так. Ревность же я питаю к Теламону: он столь усердно тщится получить расположение Дианы, и я не выношу, что он ухаживает за ней, а не за мной, меня это огорчает. Однако Теламона я не люблю и любить никогда не буду.

Ю л и а н н а. Сколь удивительны мне твои речи! До сих пор я полагала, ревность порождается любовью, и ежели нам тяжело видеть, что кто-то предан другому, это от того, что мы его любим.

С и л ь в и я. Ах, как ты заблуждаешься, прекрасная Юлианна. Знай же, любви к самим себе достаточно, чтобы ощутить ревность и зависть — даже без любви к кому-либо другому.

Ю л и а н н а. Ежели ты чувствуешь любовь только к самой себе, то ревность твоя должна быть обращена на Диану, а не на Теламона: ведь его ты не любишь, и стало быть, тебе безразлично, к кому он пылает чувствами.

С и л ь в и я. Испытывать ревность к Диане? Такого я себе не могу даже представить. Она красива, умна, я это знаю и с этим не спорю. Однако как раз любовь к самой себе вызывает во мне гнев: как, Теламон обожает ее больше, чем меня! А ведь я не уступаю ей ни в красоте, ни в уме! Нет, я не смотрю на нее как на женщину, коя любит того же, кого люблю я, и недовольство, в коем я нахожусь, объясняется тем, что Теламон ухаживает за ней, а не за мной, то есть объясняется оно любовью к самой себе. Или, можно еще сказать, тем, что я уверена: не следует ставить кого-либо выше меня, и я, по крайней мере, заслуживаю равенства.

Ю л и а н н а. Признаюсь, любви к самой себе я никогда такой важности не придавала. Я полагала, это всего лишь внутреннее побуждение, кое заставляет нас высоко почитать себя и весьма мало уважать прочих. То есть я смотрела на него как на такой грех, коему мы должны сопротивляться всеми силами. Но я никогда не могла бы подумать, что душевная страсть эта способна причинить нам и тревогу, и ревность за то, к чему мы никакого отношения не имеем.

С и л ь в и я. Ах, прекрасная Юлианна, как же мало ты ценишь чувство, кое не имеет границ. Открою тебе: любовь к себе — это такая страсть, коя заставляет любить самих себя больше всего на свете. Но нужно признать также, что ей мы обязаны жаждой, чтобы нас любили другие, и стремлением все делать ради этого. Любовь к себе направляет все наши поступки. Во имя ее мы и любим кого-то, и ненавидим, во имя ее одаряем кого-то или не одаряем, мстим кому-то или кого-то прощаем. Одним словом, это такая

страсть, коя побуждает нас во всех поступках исходить только из самих себя.

Ю л и а н н а. Как так? А нежная дружба, кою я питаю к тебе, разве она не ради тебя, а всего лишь ради меня самой?

С и л ь в и я. Именно. Ежели в общении со мной ты не найдешь что-либо, приятное для тебя, ежели мои слова тебе не понравятся или мои привычки станут противоречить твоим, ты перестанешь любить меня и приходить ко мне. Подобное же могу сказать о себе, когда речь пойдет о моем к тебе отношении. Ежели бы ты была неприятна, бесполезна или скучна в моих глазах, о нашей дружбе не было бы речи. Не думаешь ли ты, что ежели кто-то всей душой привязывается к нам, то он делает это ради нас? Нет, Юлианна, нет. Делаем мы это только ради самих себя и ради удовольствия, кое находим в том, что другие любят нас. Вообще же в людях любовь к самим себе бывает даже сильнее, чем в нас с тобой, поскольку они желают, чтобы мы были им верны и любили только их, в то время как сами они мечутся от одной красавицы к другой и хотят нравиться всем женщинам сразу.

Ю л и а н н а. Но тем самым ты зачеркиваешь то прекрасное свойство, кое называется истинной дружбой; ты перечеркиваешь симпатию, ту таинственную тягу, коя так чудесно может связывать сердца. Ты сводишь к ничтожной малости самые прекрасные поступки: ведь ежели все происходит только из любви к себе, то в жизни не остается места для благодарности. Чувство долга, выходит, не более чем глупость. А хорошей морали ты приписываешь такую основу, коя сводит на нет ее чистоту и благородство.

С и л ь в и я. Нет же, ничего подобного. Более того, я считаю, что именно любовь к себе порождает все прекрасные свойства, укрепляет дружбу и подвигает нас свершать великие дела. Два человека, характеры, обычаи, воля коих отвечают друг другу, кои чувствует симпатию друг к другу, — побуждаемы любовью к самим себе, с одинаковым стремлением будут искать способ быть достойными друг друга. Любовь к себе заставляет нас делать только то, что похвально и славно. Знаменитые полководцы, покорявшие целые страны, разве смотрели в сражениях на других, а не на самих себя, и разве не любовь к самим себе заставляла их совершать подвиги? Словом, мы лишь ищем, в чем удовлетворить нашу любовь к самим себе: в славе, упорстве, верности, благодарности? И все сии способы нам доступны.

Ю л и а н н а. Не могу не согласиться с тобою: свершение великих дел возможно отчасти и по причине нашей любви к самим себе. Но возможно ли, что когда я неким великим свершением хочу угодить своему доброжелателю, о чем никто знать не может, — то делаю это я не потому, что чувствую в этом потребность, но чтобы удовлетворить любовь к самой себе?

С и л ь в и я. Милая моя Юлианна, пускай твое истинное намерение скрыто от мира, — но скрыто ли оно от тебя, свершающей великое дело? Разве, свершая благородный поступок свой, ты не чувствуешь в душе радость? И чувство это свойственно человеческой нации вообще, не исключая и тебя. И подумай: чувство это — не любовь ли к самой себе, которая иных заставляет таить то, что дано ему природой, иных же — выпячивать его?

Ю л и а н н а. Стало быть, тот, кому я оказала благодеяние, не должен чувствовать себя обязанным мне, поскольку я совершила то благодеяние только ради самой себя...

С и л ь в и я. Но то наслаждение, которое ты ощущала в благодеянии, разве мешает другому чувствовать наслаждение, принимая это благодеяние? В твоей доброй воле разве нет любви к самой себе, в твоей доброй воле и в тебе самой? Не заставляет ли это другого испытывать к тебе благодарность? Не говорит ли он себе, что будет самой неблагодарной тварью на свете, ежели не отблагодарит тебя за то, что ты для него сделала? Стало быть, любовь к себе противится неблагодарности, она как раз и делает людей благодарными.

Ю л и а н н а. Поскольку ты стала защитницей любви к себе и поскольку так разумно защищаешь это чувство, то потрудись же выслушать мои вопросы и ответить на них. Когда речь идет о тебе, которая и молода, и красива, и умна, я допускаю, что у тебя должно быть немного любви к себе. Но как ты докажешь мне, что это действует так же, когда речь идет о старости, о том, что безобразно?

С и л ь в и я. О, это действует еще гораздо сильнее, Потому как именно любовь к себе побуждает нас возмещать тот ущерб, который нанесла нам, сформировав нас, природа, или который причинен нам старением, — возмещать умом, или достойным и разумным поведением, или высокой нравственностью. Даже не обладая молодостью и красотой, не возвышают ли себя люди наукой, разумом, благотворительностью, щедростью? А то, что называют славой,

разве нельзя называть любовью к самим себе? Любовь к себе побуждает нас не только скрывать наши недостатки, но и стараться достичь совершенства в глазах других. Скажу больше: я не могу поверить, что в дурном человеке тоже есть любовь к себе: ведь доброжелательство, направленное на самих себя, проистекает лишь из того, что мы чувствуем в себе нечто хорошее. А ежели в человеке ничего хорошего нет, то откуда в нем взяться любви к себе?

Ю л и а н н а. Вот этого я и ждала. Как ты можешь доказать то, что говоришь, когда мы каждый день видим таких мужчин и женщин, в которых и в помине нет тех добрых качеств, кои ты хочешь в них увидеть? Однако ж они о себе самого лучшего мнения. Разве это — не любовь к себе?

С и л ь в и я. Нет, отнюдь. У мужчин — это лицемерие, у женщин — глупость. Цени любовь к себе и не путай ее с подобными недостатками. Ум — мать любви к себе, а ты приводишь в пример людей, у которых ума нет. Лишь при свете ума можем мы понять, хороши или плохи наши свойства; именно посредством любви к себе мы выдвигаем на первое место одно и утаиваем другое. Одним словом, милая Юлиана, еще раз скажу: все, в чем находим мы славу, честь и удовольствие, происходит только из любви к себе.

Ю л и а н н а. Если так, прекрасная Сильвия, то, по твоему убеждению, любовь к себе — основа всякой доброй нравственности?

С и л ь в и я. По крайней мере, она — опора ее, и она — способ ее распространения.

Ю л и а н н а. Милая Сильвия, ты меня вполне убедила, я перешла на твою сторону. Но куда девать

твою любовь к самой себе, если Теламон ухаживает за Дианой?

С и л ь в и я. Ежели моя любовь к себе перенесет его измену с трудом, то она же меня и утешит, помогая мне убедиться, что он недостоин моего хорошего отношения.

Милая кузина, что ты на это скажешь? Есть у тебя любовь к самой себе? Я не могу считать, что ее нет в эрдейских девицах и дамах, но про них можно утверждать еще и то, что они точно могут сказать: люблю тебя, как самоё себя. Ведь ежели они любят себя, то могут любить и других, потому как в них течет горячая кровь и бьется горячее сердце. А вот от гречанки, наверное, следовало бы приравнять к брани, ежели бы она сказала: люблю тебя, как самоё себя. Да и ежели она так скажет, ей не следует верить: апостол Павел говорит, что греки — лжецы*. Милая кузина, я люблю тебя так сильно, как самого себя, а самого себя — так, как хороший сон, а потому желаю доброй ночи.

100. Родошто, 4 decembris 1733.

Слышала ли ты новость, кузина, что сейчас в любой момент начнется большая война? А причина тебе известна?* В конце октября французский король послал немецкому императору очень дружелюбное сообщение, что объявляет ему войну. Причина этого — следующее. Когда Август, польский король, преставился, французский двор из кожи лез, чтобы поляки выбрали королем Станислава*. Когда француз узнал, что почти все паладины* склоняются к тому же, он послал Станислава в Польшу, и чуть ли не вся страна

на сейме выбрала его и провозгласила королем. Но в то же самое время несколько паладинов и несколько епископов, собравшись, выбрали королем сына Августа. А малое собрание это состоялось при поддержке императора и московской царицы. Поначалу казалось, что это ненадолго, но спустя некоторое время, когда московские войска собрались войти в Польшу, высшее сословие тоже изменило свое мнение и перешло на другую сторону, и чем больше войск входило в Польшу, тем больше поляков склонялось на сторону Августа. И все это было происками императора. Тогда французский двор разгневался и объявил войну обоим. Но поскольку Станислав не мог послать своего войска ни так легко, ни так быстро, как было желательно, то пришлось ему покинуть Варшаву и уступить место Августу. Вот почему мы очень ждем войны. В чем тут будет нам польза, один Господь знает. Мы же надеемся, все надеемся, и надеяться будем, пока не умрем. Итальянская притча говорит: кто надеждою живет, в госпитале тот помрет*. А ежели не в госпитале, то, наверно, здесь, в Родошто. Но где бы это ни случилось, однажды придется и нам сомкнуть очи. Пока же нужно заботиться о здоровье, милая кузина, и гнать тоску-кручину, и не позволять, чтобы грустные мысли и меланхолия туманили нам разум. Негоже уподобляться тому французскому господину, который, похоронив жену, в тот же вечер, когда ему накрыли ужин, отказался сесть за стол, потому как там не было его жены. Томясь ожиданием, зовет он повара: мол, доложи госпоже, что ужин на столе. Повар ему отвечает: госпожа не

может явиться, потому как похоронили ее. Лишь тогда француз пришел в себя. И каких только бед не бывает на этом свете.

101. Родошто, 15 februarii 1734.

Пора бы уже мне письмецо от тебя получить, милая кузина! Вот я в этом году тебе целых три письма послал*. Пишут, что Станислав зиму проводит в Данциге; посмотрим, что будет он делать весной. Французское и испанское войско быстро продвигается в сторону Италии, сардинский король тоже готовится. Не знаю, что думает император, но я за него думаю вот что: если он проиграет со Станиславом польский королевский трон, то может готовиться к тому, как бы самому не убраться из Италии. Сын испанского короля не удовлетворится двумя своими герцогскими титулами, отец может сделать его даже королем, время у него сейчас есть. А вот есть ли сейчас у нас время, чтобы чего-то ждать? Бедный наш господин делает все, что только можно сделать с помощью пера, и не упускает никакой возможности, чтобы написать куда-то. Потому что мы сейчас вроде того евангельского больного, который тридцать лет провел возле озера, ожидая, чтобы кто-нибудь его бросил в воду, пока не явился ангел и не прогнал его. Вот и мы ждем, чтобы кто-нибудь устроил какую-нибудь заваруху, потому что сами мы ничего сделать не можем. Уповаем на Господа, что пробьет однажды и наш час; ежели не сию минуту, то хоть потом.

Кто не рассмеялся бы, милая кузина, читая, как хорошо ты умеешь описывать, для чего невозможные эти французы: каждый француз хочет сразу любить

двух-трех девиц и столько же женщин. Так оно и есть. У двух дам, как водится, был один французский кавалер, который, посещая их, каждую пытался уверить, что любит только ее. Эти две женщины были подругами и друг другу поверили свои тайны и узнали, что этот француз говорит обеим. Сговорившись, они идут к французу и под всякими предложениями, словно шутя с ним, связывают его, спеленывают, как младенца, так что он может двигать только головой. Сделав это, они прислоняют его к стене, словно деревянного идола, и говорят ему всякие ласковые слова. После этого они идут в дом одной из дам и, наняв двух молодых людей, переносят туда своего запеленутого любовника. Там кормят его, как младенца, потом ложатся в постель, а любовника укладывают посередине, и там не упускают возможности всячески его унижить: ругают, стыдят, насмеваются, всю ночь не давая ему уснуть. Утром они дают ему обещание, что отпустят, пусть только он ведет себя порядочно. Француз на все согласен; женщины встают, одеваются и уходят из дома. Спустя долгое время в дом приходит старуха и развязывает его. Француз спрашивает, где дамы. Старуха говорит, что уже два часа, как они сели в кареты и уехали, каждая в свое имение. В другой раз напишу больше и лучше, но сейчас не могу написать ничего, кроме как то, что остаюсь ваш слуга.

102. Родошто, 18 februarii 1734.

Никогда еще мне так сильно не хотелось, милая кузина, написать тебе хорошее, умное и веселое письмо, и никогда еще не было у меня такого желания написать так, чтобы письмо было длинное-длинное.

Но боюсь, ни одно из этих намерений не сумею я выполнить так, чтобы письмо мое тебе понравилось, а потому лучше сразу и закончу это письмо, из которого ты только можешь узнать, что я еще жив и остаюсь тебе, золотая моя кузина, добрым другом и родственником.

P.S. Милая кузина, можно ли себе представить письмо лучше — пускай оно будет совсем короткое, — чем то, которое один прославленный генерал написал после сражения своей жене, сообщив: неприятель разбит, я немного устал, желаю моей любимой жене доброй ночи*.

103. Родошто, 15 martii 1734.

С разных сторон летят вести: везде готовятся к войне; немцы, французы, испанцы в большом количестве двигаются в сторону Италии. Можно подумать, там накрывают столы к невиданному застолью, — вот все туда и торопятся. Евгений* же направляется к Рейну; говорят, француз тоже посылает туда солдат тысяч сто. Эти-то, милая кузина, чего туда спешат? Может, рыбу собираются ловить? Король Станислав сидит в Данциге, а москали и саксы смотрят, как бы его там прижать. Вот музыка начнется тогда! А что из всего этого выйдет, один Господь знает. Почему-то кажется мне, что больше всех потеряет Станислав, ежели останется он без польского трона, а это очень даже может случиться, судя по тому, как идут дела. Но пускай даже и потеряет он трон: все-таки его дочь — французская королева. А вот в Италии — как устоит император против трех королей, каждый из которых норовит отобрать у него Сицилию и Неаполь

и посадить туда нового короля?.. Но какая нам-то из всего этого будет польза? Пожалуй, никакой, наш час еще не пробил*, нам пока остается плясать монашеский танец... Но чтобы не заканчивать письмо такими грустными мыслями, расскажу, милая, что пишет мне один мой добрый знакомый; я бы и письмо тебе переслал, да оно на французском*.

Ты хорошо знаешь, милый мой приятель, как велика была моя страсть к Юлианне; в какие только лабиринты она ни заводила меня. Мне было не более двадцати, когда я посвятил свою жизнь служению ей, и вот уже тридцать лет прошло в постоянных ссорах и перепалках с нею. Я любил ее, даже когда она стала совсем седой, как серая кошка, но все-таки даже такую я лишь с огромным трудом смог заполучить. Она и сейчас остается в моих глазах красивой старухой. Ах, как мы с ней вздыхаем, сожалея, что не поженились раньше! Но виновата она, а не я. Тебе ведь известно, она никогда не соглашалась выйти за меня, говоря, что, пока во рту у нее остается хоть один зуб, она не ответит мне согласием. Вот почему на своем обручальном кольце я велел выгравировать слова: на тридцать первую годовщину моей любви. Милая кузина, что ты скажешь об этой истории? Я же скажу: такой пример достоин удивления, но подражать ему не следует. Кузина, твое здоровье!

Я уже собрался запечатать это письмо, и тут мне вспомнился случай с дочерью Карла Великого*. Император так любил своих дочерей, что не хотел выдавать их замуж, чтобы они его не покинули. А что он выиграл? Выиграл он от жилетки рукава. Одна из его дочерей была в хороших отношениях с секретарем

отца; однажды вечером секретарь пришел навестить принцессу и провел у нее столько времени, что за это время выпало много снега. Простившись с принцессой, секретарь увидел снег — и испугался, что во дворе увидят его следы. Принцесса, заметив это, сказала: не бойся, я тебя перенесу через двор, чтобы люди не увидели, что прошел мужчина. И не только сказала, но и сделала: посадила секретаря себе на закорки и потащила его через двор. К их несчастью — или к счастью, — император в ту ночь не мог заснуть и, бродя по спальне, подошел к окну. Посуди сама, кузина, как он изумился, увидев свою дочь, которая шла через двор с таким грузом на спине. Но он ничего не сказал ей, а на другой день поговорил со своими советниками, и все вместе они устроили так, чтобы желанный груз навсегда остался у нашей принцессы.

104. Родошто, 12 aprilis 1734.

Премного, от всего сердца благодарю тебя, милая кузина, за рыбу*. Посылка сия заслуживает благодарности вдвойне. Во-первых, потому, что прислала мне ее кузиночка, во-вторых, потому, что сейчас великий пост, так что рыба нам кстати. Хорошая рыба здесь редкость, то ли потому, что рыба не любит эти места, то ли потому, что рыбаки наши — ослы. Соблюдать пост с рыбой довольно трудно, но яиц у нас хватает, и постимся мы с ними. Иногда мне кажется, что в желудке у меня цыплята бегают. Пожалуй, я не слишком совру, если скажу, что в день уходит у нас больше сотни яиц. Посчитай на весь пост и после четырех поставь три ноля, и увидишь, что число подходит к четырем тысячам, при этом я еще опускаю несколько

дней. А вот попади мы к столу императора Вителлия*, нам не пришлось бы есть одну лишь яичницу: о нем пишут, что однажды к его столу было подано две тысячи видов рыбы, и жареной, и вареной, в другом случае — семь тысяч блюд из птицы*. Все это кажется немыслимым изобилием, особенно для таких, как мы, кому и одно рыбное блюдо на столе в радость. Но ежели подумать, то для императора, который свое величие выказывал только на столе, хотя владел целым миром, оно, может, и понятно. Вот только кто-нибудь может ведь спросить: а существуют ли семь тысяч видов птиц? Ответить на это под силу разве что Ною. А мы пока будем есть себе яичницу. Да оно и не было бы очень уж похвально — наслаждаться столькими видами рыбы, особенно во время такого редкого поста, как нынешний: ты, пожалуй, никогда не слыхала, что Святой Георгий погиб именно в Великий пост*. За вино, кузина, тоже спасибо, хотя и не такое большое, как за рыбу, потому как вина у нас хватает, и не просто хватает — вино хорошее, как столовое очень даже годится. Его нельзя назвать изысканным, оно не дамское, но для желудка достаточно хорошее. А что еще нужно? Умеренное питье способствует нашему драгоценному здоровью. Считается, что за один обед достаточно выпить четыре рюмки: первую — за нас, вторую — за наших благодетелей, третью — за хорошее настроение, а четвертую — за наших врагов*. На нашей волшебной родине это правило не соблюдается.

Ты пишешь, кузина, что в прошлом моем письме ты нашла ошибки. Конечно, ты все ошибки можешь и увидеть, и исправить. Но, наверное, это не смертный грех, наверное, ошибся я лишь в том, что

забыл поставить где-то точку над *i*. Как раз мне пришла в голову одна история: нескольким молодым художникам предложили выиграть приз, а получит его тот из них, кто напишет самую красивую картину. Один и написал самую красивую картину, он и должен был получить подарок. Да вот беда: он изобразил тайную вечерю Христа, и, к несчастью, его угораздило нафаршировать пасхального агнца, который был перед апостолами, салом, евреи же сало не едят, так что подарок отдали другому. Ежели ты, кузина, нашла у меня такие ошибки, то, пожалуй, смертной казни я не заслуживаю. А того, о чем ты пишешь, я скажу с грустью, не могу сделать; но что тут поделаешь, я прощаю тебя за твою просьбу, прости и ты меня, что я ее не выполню*. Но я, желая тебе доброго здоровья, остаюсь.

105. Родошто, 16 junii 1734.

Только что пришла новость: москаль и сакс осадили Данциг, закрыли каждую тропинку, каждую лазейку, чтобы король Станислав не смог выпорхнуть на свободу. Легко стрелять по городу, легко его захватить, но очень трудно избежать, чтобы оттуда не сбежал король, которому это позарез требуется, потому как французские корабли не очень-то спешат к нему на помощь. А ежели крепость долго не получает помощи, то ее рано или поздно возьмут, тем более, что данцигский гарнизон никогда в такие игры не играл. Впрочем, Бог с ним, с Данцигом, там сейчас и без нас много шума и грома, направимся-ка лучше в Италию, посмотрим, как гостюют там собравшиеся разномастные войска.

Говорят, француз там занял уже две или три крепости, но что самое главное, даже в Медиолане* уже не кричат «бердо»*. Так что дела императора в Италии обстоят не так чтобы очень уж хорошо. А если испанский дом однажды начнет пускать корни в Италии, — как он уже начал, — то есть все основания опасаться, как бы гость не выгнал из дома хозяев. Сын испанского короля уже направился в Италию, чтобы получить три герцогства, доставшиеся его матери, но ежели ему повезет, он, пожалуй, еще восстановит и Сицилианское королевство. Но что бы они там ни делали, важно, чтобы и нам была капля какой-нибудь пользы. Только вот беда, ни глазами не слышу, ни ушами не вижу ничего, что позволяло бы на это надеяться в ближайшее время. Милая кузина, как прекрасно жить долго! В этом столетии прошло уже тридцать три года, но за такое короткое время произошло очень много событий. А чего мы только ни увидим, ежели проживем еще столько же! Понимаю я, кузиночка, когда ты мне присылаешь какое-нибудь письмецо, то в нем всегда жалобы, что я тебе редко пишу, но от жалобных этих слов мне одно удовольствие. Хотя люди ведь как говаривают:

Нет на белом свете большего страданья,
Чем из рук холодных принимать даянье.
То ли благо это, то ли наказанье?..
Сдерживаю в сердце слезное рыданье.

Милая кузина, хоть ты и жалуешься, но ты должна знать, что имеешь дело не с неблагодарным человеком, ничего такого не думай, но:

Дорогих подарков ты не делай другу:
Не простит такую он тебе услугу.

Но вот что я добавлю к этому, если даже придется мне за это потерять одно ухо:

Кто ведет учет своим благодеяньям,
Вряд ли он заслужит праведника званье.

Знаю, ты скажешь, что я, должно быть, хорошо нынче выпался, потому как после хорошего сна и стихи сочинять легче получается. А я, убрав на полку свои инструменты, которыми сочиняю стихи, остаюсь, милая кузина, всегда, etc.

106. Родошто, 27 julii 1734.

Кузина, невероятно важные события происходят в нашем несчастном мире. Мы тут себе тихо спим, а в других местах людей укладывают силой, обрекая на долгий-долгий сон. Ежели важные эти вещи обходят нас стороной, мы склоняемся перед деяниями Божьими и в отношении других людей. А теперь обратимся к Данцигу, где грохот пушек уже смолк, потому как город сдался москалям, которым должен выплатить несколько сотен тысяч форинтов, то же самое — и саксам, чтобы те не разорили город. Очень дорого заплатил Данциг за гостеприимство. Уж можно поверить, в другой раз не пожелают они брать

на постой таких гостей, из-за которых город и его окрестности были так разрушены, что и за двадцать лет не смогут привести в порядок*. Город же сдали после того, как оттуда выскользнул король Станислав, всего с двумя приближенными, причем подверг себя на большой риск, потому как москали искали его в каждой щели. Но было поздно, птичка вылетела из клетки, и отправился он во владения прусского короля, в Кенигсберг, где москалей можно не опасаться. Правда, покинув Польшу, лишился он и своего королевства. Но тот, кто более всех старался помешать Станиславу стать польским королем*, дорого заплатит за это, потому как притча гласит: не рой яму другому, сам в нее попадешь, — и это относится не только к таким, как мы, но и к императорам, в чем мы и удостоверимся, как только из Данцига перенесемся в Италию. Перенесемся туда и посмотрим, как там они гостят, и увидим, что перебили там много цесарок*, поскольку пишут, и в это можно верить, что испанец, француз и сардинец побили немца — в конце прошлого месяца было сражение под Пармой. Все это — приятные новости для сына испанского короля, который, в возрасте всего двадцати двух лет, весьма близок к получению короны. Хорошо скачет тот, кого Бог несет*, легко идут дела у того, кому помогает Господь. Возле Рейна же француз взял Филипсбург, Евгений со всем своим войском был там, чтобы с большей уверенностью засвидетельствовать взятие крепости. Французскому генералу, который руководил осадой, через короткое время попало в лоб пушечное ядро. Подумай сама, что оказалось крепче! Написал бы я тебе и про нас, если было бы что, но мы на все

это смотрим издали, потому как у бедняка и счастье бедное. Но утешаемся мы тем, что тот, кто вершит все эти великие дела, видит и нас и, когда придет время, о нас вспомнит. Люби меня, кузина, и будь здорова. Аминь.

107. Родошто, 12 oktobris 1734.

Князь наш послал кума Папай* в Порту; знаю я, вы там с ним много смеялись вместе. Ежели бы произошло то, за чем он туда поехал, мы бы скоро уплыли отсюда во Францию*. Прошло уже две или три недели, как французский посол передал нашему господину, что его старший сын, ни с кем не попрощавшись, без всякого шума покинул Вену и прибыл в Венецию*. В руках императора теперь не осталось ни одного Ракоци. Слышали мы еще, что сюда он пока не собирается, а направится в Рим, хотя отец очень его ждет. Мне кажется, сначала ему нужно было бы приехать сюда. Но что делать, отцовская любовь весомей и продолжительней, чем любовь сыновняя. В этом мы можем убедиться, даже глядя на тварей неразумных. Тварь неразумная, чем она меньше, тем сильнее любит мать, а с взрослением любовь в ней убывает; таков закон природы. Материнская любовь необходима как для размножения, так и для заботы о семье. С каким старанием кормит и охраняет курица своих цыплят, пока они сами не смогут добывать еду и оберегать себя от опасности. Ласточка носит корм птенцам до тех пор, пока те не научатся летать по аэру, а потом бросает их голодными, чтобы они покинули родительское гнездо и нашли себе кухню где-нибудь в другом месте. Ничего удивительного,

что они после этого не возвращаются домой и не думают больше о матери. Такова мудрость природы. Это же мы видим обычно и у людей, хотя совсем в другой форме. Ежели сын видит, что от родителей ему больше ждать нечего, он покидает родной дом так же легко, как птенец ласточки. Но у человека любовь к родителям должна сохраняться в сердце: во-первых, потому, что он тварь разумная, а во-вторых, так ему велено заповедями Божьими. Как же сыну испанского короля не любить родителей своих, ежели они устроили ему такое хорошее королевство, поскольку в минувшем месяце войско отца его снова побил немцев. Сражение произошло возле города Гуасталья. Можно уже считать, что император потерял в Италии две Сицилии*. Испанский король отнял у него Испанию, а сын его очень скоро заберет неаполитанскую корону и, ежели я правильно помню, спустя триста пятьдесят лет восстановит Неаполитанское королевство под властью Французского Дома. Так что, надо сказать, императору дорого обойдется корона, которую он отобрал у Станислава, и притча оказывается вполне правдивой*. А я заканчиваю письмо, потому как оно маленькое, а весть довольно большая, и корабельщик уже ждет*. Доброго здоровья!

108. Родошто, 14 decembris 1734.

Милая кузина, здесь выпало довольно много снега, что тут не слишком часто бывает. Можно сказать, снег иной раз выпадает здесь для того только, чтобы армяне могли ходить в гости. Ты, наверно, будешь смеяться, но это так и есть, потому как они выходят из дому и наполняют снегом большое блюдо, и снег

должен быть третьего или четвертого дня, тогда он и вкуснее, и плотнее, рассыпчатее. А потом это блюдо снега заливают виноградным вареньем. А знаешь ли ты, милая, что это такое? Виноград варят в больших котлах, пока он не станет густым, как пивные дрожжи. Потом процеживают, складывают в бочки, и он делается такого цвета и такой сладости, как медовое пиво. Приготовив это свалившееся с неба блюдо, ставят его посередине. Хозяин со всей семьей устраиваются вокруг, у каждого в руке по ложке, и они его ложками черпают, как сметану. Блюдо это едят все, даже грудные младенцы. Но не думай, кузина, что хозяйка каждый день потчует своих детей этим лакомством. Это было бы уже слишком, не каждый день праздник: готовит его хозяйка лишь тогда, когда хочет порадовать своих детей и чтобы все в доме были довольны и счастливы. А когда зима скупа и снега в городе нет, то семейный армянин поедет куда-нибудь хоть за милю, чтобы добыть снега и порадовать родных. Но нынче все как надо: и снега много, и месяц свадебный, только и слышишь, как они играют на своих двуструнных скрипках. Но есть у них странный обычай: когда сын приводит жену в дом, бедной невестке затыкают рот, как папа кардиналам, и ей нельзя говорить до тех пор, пока хозяйка не даст сыну на это разрешение. До того времени невестка в доме живет, как немая, разговаривать может только с мужем, больше ни с кем, а ежели хозяйка к ней обращается или что-то ей велит сделать, невестка должна только кивать. Такая немота продолжается иной раз шесть-семь лет; ежели хозяйке невестка понравится, она быстрее освобождает ее от немоты, а ежели не

понравится, та должна быть немой и десять лет, хотя живут они в одном доме. Объяснение такого обычая в том, что невестка не имеет права перечить домашним, а лишь молча покоряться свекрови. Ах, кузина, скажи: разве этот обычай не подошел бы и нам?.. Уже бы и хватит писать об армянах, да как же о них не писать, ежели мы живем среди них.

Отовсюду только и слышно, сколько городов и крепостей испанцы заняли в Италии; на будущий год, пожалуй, ничего не останется. Это напоминает мне, как Карл V занял в империи уж не знаю какой город. Но поскольку город сдался не сразу, то разгневался он на жителей и передал им, что пощадит только женщин, а мужчин всех велит казнить. А потому пускай все женщины и девицы уйдут из города. И позволяет он им взять с собой только то, что они смогут унести на себе. На другой день император и весь его лагерь с изумлением видят: каждая из женщин, которая выходит из крепости, несет на спине мужчину: женщины — мужей, девицы — родственников. Прибыв с этим грузом в лагерь, сказали они императору, что не нашли ничего дороже, чем мужья. Тогда император пощадил город*. Видишь, иногда и женщины способны сделать что-то хорошее. Доброго здоровья, милая кузина, дай Бог, чтобы встретили мы Новый год не только в прежней своей коже, но и с прежним здоровьем.

109. Родошто, 16 januarii 1735.

Ежели все наши дела будут идти столь же хорошо, как работа Яноша Папай в Порте, то они, дела наши, пойдут назад, а не вперед*. Порта не ответила

определенно, что не отпустит нашего господина во Францию, но что сейчас она этого не одобряет, не пришло-де еще время для этого. Но ведь неодобрение султана – все равно что приказ, так что из нашего отъезда ничего не выйдет. Кто этому помешал, один Господь знает*. Но мы должны верить, что Он всегда действует во благо нам, и то, что нас не отпускают, тоже должно обернуться нам во благо. Сейчас мы смотрим на это духовным зрением, но скоро увидим и зрением телесным: вдруг и мир заключат так же быстро, как быстро начали войну. Тогда что мы будем там делать? Примут ли нас в наше гнездо или не примут? Так что остается утешаться тем, что небесный Отец наш лучше нас знает, что для нас благо, и возблагодарим Его за то, что Он выслушивает наши просьбы, и благословим Его за то, что Он препятствует нашей воле. Господь привел нас сюда, к народу, который благоприятствует другим и обильно питает нас руками своими, и должны мы быть благодарны и рукам его. Что за прекрасная вещь, милая кузина, благодеяние! Никто и никогда из-за этого не обеднел, но много богатых домов рухнули из-за того, что не следовали велению быть щедрыми. Щедрость приносит в мир неоценимую пользу, но ежели даже польза эта и не видна (чего не может быть), то какую радость чувствует благородное сердце, когда оказывает кому-то благодеяние, помогает кому-то в беде. Присмотримся внимательно к себе, и мы увидим, что сердцу нашему это доставляет веселия больше, чем ежели бы ты плясал с утра до вечера. Не будем смущаться тем, что прекрасный пример щедрости подает нам император-язычник: вечером ему в голову пришла мысль,

что в этот день он не совершил ничего хорошего, и он сказал: нынешний день я потерял, ибо никому не сделал добра*. Намедни читал я, что на могиле одного щедрого человека написали следующее: что я потратил, то утратил, что имел, отдал другим, а что отдал другим, то сохранил навечно*. Но я не боюсь, кузина, что меня съедят мыши за скупость, как это случилось с одним польским королем*. Ну, а как наше здоровье? Давно я не получал от тебя писем, уже, поди, дня три. Полатети!

110. Родошто, 12 martii 1735.

Пожалуй, этот месяц я бы назвал скорее маем, такая стоит здесь прекрасная погода. Погода эта куда веселей, чем моя душа, потому как уже несколько дней не вижу я господина нашего в таком настроении, как прежде. Ежели он и скрывает что-то, все равно заметно, что гнетет его какая-то печаль. Хорошее расположение духа, свойственное ему от природы, теперь появляется все реже и словно бы через силу. Добавлю еще, что уже какое-то время крупное тело его быстро худеет, да и лицо сильно осунулось. Все это, милая кузина, очень меня тревожит: ежели причина тут — душевная тоска или какой-то недуг, или сразу то и другое, то надо ли удивляться, ведь чем ярче горит свеча, тем быстрее тает. Здесь сейчас находится важный священник иезуит, и господин наш проводит много времени с ним и с рабочими, которые строят для него дом и разбивают сад. Кроме надежды на Господа, утешаю себя лишь тем, что господин наш обладает очень сильной натурой и его пятьдесят девять лет должны даваться ему легко. Знаю,

утешение это строится на песке, и счастлив тот, кому не нужно бороться с болезнью: как ты ни силен, а перед болезнью не устоишь. Но положение наше таково, что в горестях приходится искать какую-то надежду, хотя, будь я хорошим христианином, этого и не стоило бы делать, ведь на все воля Божья. Но когда мы сильно любим кого-нибудь, то видимое заставляет нас забыть невидимое. Чтобы совсем уж не заканчивать письмо проповедью, напишу, что Абдулла, которого сейчас поставили агой янычар и который много лет был возле нас как чорбаджи*, на своем новом высоком посту соблюдает свои обязанности по отношению к господину нашему, вчера прислал прекрасного коня и с ним всякие персидские подарки. Милая кузина, ежели бы через несколько дней я мог написать тебе какую-нибудь хорошую новость, уж как бы я смеялся, потому как сейчас мне совсем не до смеха.

111. Родошто, 25 martii 1735.

Милая кузина, если прошлое письмо я писал с беспокойством на душе, то это пишу в полной тоске, потому как господина нашего вижу сейчас не в самом лучшем состоянии. Болезнь его проявилась с большой силой. Позавчера в восемь вечера он, как обычно, собрался раздеться ко сну, его тряс озноб; я был рядом, и он спросил меня, не мерзну ли я? Я ответил, что на дворе довольно тепло, так что я не мерзну. Он на это ответил, что сильно зябнет. Я сначала испугался было, но потом подумал, что сейчас, весной, в здоровье его должно наступить какое-то изменение. Господин наш раздевается и ложится, я ухожу к себе. Через некоторое время за мной приходят

и говорят, что его тошнит. Я говорю: может, он что-то такое съел, и желудок не выдержал. На другое утро, в шесть часов, когда он обычно одевается, я иду к нему, но, увидев его, чуть не падаю от испуга: лицо его, которое всегда было румяным, так пожелтело, будто выкрашено шафраном. Уже два дня он чувствует большую слабость, его непрестанно знобит, словно вся кровь его в грязь превратилась, так он весь пожелтел. Поскольку сегодня праздник*, он оделся и прослушал большую мессу, но неудивительно, что поел он очень мало. Боли он никакой не чувствует, только сильное изнеможение. Милая кузина, будем молить Бога, чтобы поддержал Он этого великого человека, которого даже враги его считают великим.

112. Родошто, 8 aprilis 1735.

То, чего мы боялись, произошло. Господь вверг нас в сиротство и забрал от нас нашего милостивого господина и отца, и случилось это сегодня в три часа утра. Поскольку нынче Страстная пятница, мы должны возносить слезные молитвы как небесным, так и земным отцам нашим. Господь приурочил кончину господина нашего к сегодняшнему дню для того, чтобы освятить жертву его, смерть его заслугами его, который сегодня умер ради нас. Судя по тому, какую жизнь он прожил и какой была его смерть, верю я, что сказано было ему: «ныне же будешь со Мною в раю»*. Прольем же обильно слезы наши, ибо туман скорби опустился на нас. Но давайте оплакивать не доброго отца нашего, потому как его после всех его страданий Господь вознес в небесное царство, где даст ему напиться из чаши радости и восторга, — нет,

оплакиваем мы самих себя, кого обрекли на сиротство. Невозможно описать, какой плач и какая скорбь владеют всеми нами, даже людьми самого низкого ранга. Посуди сама, если можешь, в каком состоянии пишу я это письмо; но поскольку знаю я, что ты очень хотела бы знать, как умер бедный господин наш, попробую как чернилами, так и слезами описать это, пускай тем самым увеличу и свою горечь.

Кажется, последнее письмо я написал тебе двадцать пятого дня минувшего месяца. В последующие дни бедный господин наш все больше слабел, но все делал по заведенному порядку, хотя и очень недолго; даже в таком состоянии до 1 апреля работал на токарном станке. В тот же день охватил его сильный озноб и еще больше лишил сил. На другой день ему стало получше. В вербное воскресенье из-за слабости не мог он пойти в церковь, а слушал мессу из дома. После мессы священник принес ему освященную ветку вербы, и он принял ее, стоя на коленях, и сказал, что, наверно, больше уж не придется ему принимать ветку. В понедельник стало ему получше, во вторник тоже, он даже табака пожелал и закурил. И все, глядя на него, удивлялись, что до самого смертного часа он ничего не пропустил из дел своих в доме и даже не позволил, чтобы из-за него что-нибудь пропустили. Каждый день в один и тот же час он одевался, обедал, ложился спать, хотя едва был в состоянии, но все-таки соблюдал распорядок, как прежде, когда был здоров. В среду к вечеру слабость его усилилась, и он только спал. Несколько раз я спрашивал его, как он себя чувствует, он же отвечал: хорошо, не чувствую никакой боли. В четверг, совсем близко к своему

последнему часу, он отяжелел, но с большим усердием принял причастие. Вечером, когда пришло время ложиться, он сам пошел в спальню, хотя его с двух сторон поддерживали за локти. Слова его было уже очень трудно разобрать. Ночью, к двенадцати часам, мы все были рядом с ним. Священник спросил его, хочет ли он собороваться? Бедняга кивнул, дескать, хочет. После обряда священник произнес напутствие и утешение, но он не смог ответить, хотя мы заметили, что он в себе. Еще мы видели, что когда с ним говорил священник, из глаз его текли слезы. В конце концов сегодня, в три часа утра, бедняга отдал душу Господу и уснул, поскольку умер он спокойно, как дитя. Мы смотрели на него, но уход его заметили лишь по тому, что глаза его открылись. Бедный господин наш оставил нас на этой чужой земле сиротами. И среди нас не прекращается горький плач. Да храни нас Бог.

113. Родошто, 16 aprilis 1735.

И вот, милая кузина, живем мы здесь и едим хлеб, смоченный слезами, и чувствуем себя, как стадо без пастыря. На другой день открыли завещание, и было оно зачитано. Все, что у него было, он оставил своей семье, мне — пять тысяч немецких форинтов, столько же — господину Шибрику, но эти деньги мы сможем получить во Франции*. Когда мы их получим, один Бог знает*. Отослали мы и письмо, адресованное визирю, в нем бедный наш господин просит не бросать нас в беде. Тело его на другой день вскрыли, внутренности положили в шкатулку и похоронили в греческой церкви. Само тело же цирюльники

обработали травами, потому как еще не знаем, когда сможем отвезти его в Константинополь. Цирюльники говорят, неудивительно, что он умер, потому как желудок и кровь у него были полны грязью, и грязь заполняла все его тело*. Мозг же его был здоров, и был он такой величины, как у двух человек, а ума у него было, как у двенадцати. Сердце свое он завещал послать во Францию. После Пасхи тело было выставлено в большом дворце, где три дня шло богослужение. Любому человеку дозволено было увидеть тело, пришли посмотреть на него и турки, целых тридцать человек, все они хорошо знали покойного, и многие из них не верили, что он умер, а говорили, что он тайно уехал, мы же вместо него хороним кого-то другого. Если бы это была правда! Вчера, после богослужения, тело положили в гроб и оставили во флигеле, где он останется до тех пор, пока можно будет отвезти его в Константинополь.

114. Родошто, 17 мајі 1735.

Обычно, милая кузина, по мере того как горе уходит в прошлое, тяжесть скорби становится легче; время постепенно все залечивает, ведь чем больше ты ударяешься от какого-то предмета, тем меньше он кажется. Но в этом случае все не так: кажется, горе от утраты господина нашего не уменьшается, а растет. Чем дальше, тем яснее мы видим, какого отца мы потеряли, какой пастырь нас покинул. Но у милостивого Господа ежели в одной руке бич, то в другой — утешение. Порта прислала к нам Ибрагима-эфенди, чтобы он посмотрел, как мы живем, и обсудил с господином Чаки* и остальными венграми, которые

здесь находятся, хотим ли мы, чтобы он привез сюда старшего сына нашего бедного господина. С этим все мы согласились. Затем поговорил он с господином Шибриком, гофмейстером нашего господина, на плечи которого легли заботы всего дома, на предмет содержания, который предоставила нам Порта, а это десять талеров на каждый день, чтобы их разделить между всеми венграми, которые служили князю. Ни господин Шибрик, ни я не согласились с тем, чтобы поделили только между нами, поскольку у господина нашего осталось много сторонних слуг, а им ничего не досталось, и распорядились мы так, чтобы все, кто хочет остаться, жили на эти деньги, пока не прибудет молодой князь. Милая кузина, до сих пор я только внутри был венгр или секей, а теперь уже и снаружи, потому как сегодня, спустя двадцать два года, я снял французский камзол*.

115. Родошто, 18 julii 1735.

Порта разрешила нам тайно доставить тело бедного господина нашего в Константинополь; найдя большой сундук, я велел поместить в него гроб, сундук погрузили на корабль, и четвертого числа с несколькими товарищами мы пустились в путь. Шестого числа прибыли мы в Константинополь, сундук, в котором находился гроб, я послал к иезуитам. Вынув гроб, они открыли его, чтобы увидеть тело. Могилу вырыли на том же месте, где была похоронена мать нашего господина; найдя там только ее череп, мы положили его в гроб сына и похоронили их вместе. Дивны дела твои, Господи! Пока мы находились в столице, великий визирь был смещен. Я тоже

отправился обратно и вчера прибыл сюда, на место скорби нашей, где все пробуждает печаль. Куда ни повернусь, везде вижу места, где жил или ходил, или разговаривал с нами господин наш. Теперь эти места вижу я опустевшими, и они наполняют сердце горечью. Покинутые добрым отцом нашим, омываем мы свое сиротство слезами! И словно горя этого мне не достаточно, приходится опасаться еще, что вся забота о доме ляжет на меня одного, поскольку болезнь господина Шибрика усугубляется с каждым днем. Я думаю о том, что, ежели он умрет, сколько забот свалится на меня, пока не прибудет молодой князь, чтобы провести с нами часы скорби. Заканчиваю это письмо, потому как, удрученный, удручаю и тебя. Грустные письма тем лучше, чем короче.

116. Родошто, 15 septembris 1735.

В плачевном этом положении как хотелось бы, милая кузиночка, получить от тебя письмецо со словами утешения! Ведь истинное утешение — то, которое исходит от любящего сердца, ибо здесь, ежели и утешает меня кто-то, то все это люди, которые в душе рады моей скорби, а то и хотят ее еще усугубить*. Но Господь, на которого мы все уповаем, не исполнит их желаний, но даст силу и смысл для несения того креста, который Он возложил на меня. Хотя нам дали свободу уехать отсюда, куда мы хотим, но до сих пор мало кто захотел воспользоваться этой свободой, все хотят дожидаться прибытия молодого князя. Бог знает, когда это случится! Прошел уже месяц, как послали за ним. А пока здесь никому не платят жалованье, но тем, у которых есть кошт, как до сих

пор, хватает и десяти талеров, которые дают на день. Большого никто и не ждет. На десять талеров можно содержать тридцать или даже сорок человек, но из них нельзя брать ни на жалованье, ни на одежду. У покойного господина нашего было шестьдесят талеров в день, он мог хорошо платить своим людям. И платил, потому как сейчас у кого было шестьсот, у кого четыреста, и у многих — двести талеров. А теперь из малого не дают и малости, во-первых, потому, что назначенных денег должно хватить на год, чтобы прокормиться, во-вторых, потому, что из них нужно платить еще и слугам, которые работают на кухне, в-третьих же, потому, что если кому-то дать, то остальные тоже будут просить и ворчать. Но так как никому ничего не дают, то для недовольства нет причин. Желаю доброго здоровья, милая кузина.

117. Родошто, 8 oktobris 1735.

Ежели заранее знаешь, что должен будешь нести крест, то кажется, будто нести его становится легче. И бедность терпеть легче, когда впадаешь в нее не сразу, а постепенно: вроде как бы привыкаешь. Милая кузина, Всемилостивый Господь взвалил на меня новый крест, который, как я предвидел заранее, и должен был достаться мне, но от этого я не нахожу, что он стал легче. Надеюсь, что тот, кто его на меня возложил, даст и силы его нести. Посуди сама, кузина, каков он, этот крест: нашего доброго господина Шибрика вчера пришлось похоронить, Господь взял его к себе после тяжелой и долгой болезни. С одной стороны, смерти его не следует печалиться, потому как Господь положил конец его страданиям, но с другой стороны, мне очень даже

есть о чем грустить, потому как все заботы и беды легли на меня, что совсем не безделица в том положении, в каком мы находимся. Беда у меня с двумя нациями, которые друг друга не любят*. Есть такие, кто не был мне подчинен, кто не привык от меня зависеть, кто считает, что теперь он свободен от всякой зависимости, кто думает, что новый князь скоро прибудет, а потому пока нет необходимости зависеть от кого-то. Они думают: чего ради они должны от меня зависеть? Да и то, я ведь и сам не знаю нового князя, не знаю и того, в каком положении окажусь, поскольку часто бывает: кого отец любил, того сын не выносит. Добавлю еще, что тому, от кого не ждут ни благодеяния, ни наказания, и подчиняться нет охоты, потому как людьми руководят или корысть, или страх, или — редко — любовь и честь. Тот же, кто стоит выше, не может льстить себе тем, чтобы все его любили просто так, ничего от него не ожидая, — вот как от меня. Конечно, всегда нужно стремиться к тому, чтобы те, кто ниже, скорее любили тебя, чем боялись, но нельзя обольщаться, и стоящий выше должен внушить себе, что каждому воздаст по заслугам и по рангу. И должен выполнять свои обязанности, не на людей глядя, но на Господа, и очень любить справедливость. Но ежели даже все это выполняет он хорошо, оставлять ли это без единого слова? Нет. Тем, кто находится в какой-то должности, всегда выносят пристрастный приговор, но тому, кто идет правильным путем, есть чем себя утешить. Утешай и ты меня, милая кузина, потому как я в этом сильно нуждаюсь; и одно из моих утешений будет, ежели я буду знать, что ты печешься о своем здоровье.

Сейчас только мне пришло в голову, что прощальное письмо, которое господин наш написал великому визирю, давно надо было мне тебе переслать. Никогда Порты с таким доверием не относилась к христианскому князю, как к нашему бедному господину; к его советам каждый прислушивался, каждый им следовал. Поверь, кузина, хорошие советы он умел давать.

Копия прощального предсмертного письма

Великому визирю Светлейшей Порты, Али-паше

Сияющий в высшей вельможной должности, украшенный великой мудростью первый визирь славной империи, милый сердечный друг мой, которого Господь одарил всеми благами!

Вне всяких сомнений, ты, визирь, милый друг мой, удивлен будешь, когда, получив это мое письмо, получишь и известие о моей смерти. Но поскольку в бренности человеческой смерть неизбежна, любовь к Господу побудила меня, чтобы я к ней приготовился и выразил великую благодарность непобедимому султану, дабы не покинуть мне этот мир, не попрощавшись. Думая об этом, еще будучи здоровым, распорядился я обо всем и главным людям двора моего приказал, чтобы, когда случится моя смерть, тут же известили они великого визиря, моего милого друга, и доставили ему письмо это. Пускай дойдут до его сердца последние слова его истинного друга, пускай покажет он милостивому государю моему, султану, последнее послание сердца моего, полного истинной благодарности. Всегда считал я проявлением

неисповедимой мудрости Божьей прибытие мое в эту светлую империю, а особенно те чувства, ведомый которыми, я прибыл сюда в такое время, когда дела империи, из-за неудачного хода войны, претерпевали большие изменения. Надежда моя на Господа внушила разуму моему, чтобы уповал я на светлую Порту, что она меня не оставит, и вот, в последний час своей жизни, могу сказать, что не обманулся я в этом, потому как светлая Порта относилась ко мне с почетом, кормила немногочисленных моих приверженцев и защищала от вражеских посягательств. Держа все это перед очами своими при жизни, не упрекая себя ни в чем, ухожу я из этого брэнного мира, ибо совесть не гнетет меня, что я кого-нибудь обидел в империи и что не способствовал бы процветанию светлой Порты всеми возможными для меня способами. В жизни часто было мне утешением, что министры Порты видели это мое искреннее намерение и относились ко мне с добрым сердцем, а потому жил я в тишине и спокойствии, готовясь к последнему часу, от которого мог ждать избавления от всех своих несчастий. Поскольку же закон мой приказывает любить прежде всего Бога, а также ближних своих, как самого себя, могу сказать: всех, кого Господь в этом мире доверил моему попечению, хотя они и служили мне, я любил, как детей своих, и, ведомый этим чувством, оставляю письменное распоряжение: все, что у меня было, я велю разделить между ними. Но не стыжусь, в стесненном своем положении, признаться: для достойного вознаграждения слуг моих, которых султан допустил служить мне и которые честно и прилежно мне служили, не смог я оставить ничего.

Имея это в виду, ежели бы перед непобедимым султаном я мог числить за собой какие-то заслуги, то попросил бы его, чтобы ко всем, кто сопровождал меня и служил мне, выказал он, ради меня, свою милость. А поскольку и сам я на протяжении стольких лет был для Порты скорее бременем, чем полезным помощником, то надеюсь я, что только милость султана поможет им, но прежде всего пускай окажет самые большие благодеяния переводчику моему, Ибрагиму*. И еще прошу я, именем Господа, пускай султан позволит, чтобы немногие преданные люди мои, как оставшиеся без пастыря овцы, выполняя письменное мое завещание, упокоили тело мое возле матери моей, без всяких светских церемоний, а также пускай даст им возможность, не препятствуя, перебраться в другие страны, а кто захочет, пускай останется в империи. После всего этого, желая всяких телесных и душевных благословений от Господа великому визирию и всей империи, завершает слова свои верный до смерти друг твой, ставший прахом,

Ф. Р.

118. Родошто, 15 novembris 1735.

Получив, кузина, несколько твоих писем, среди многих утешений радуюсь я больше всего тому, что ты здорова. Получил я утешительное письмо и от молодого князя, который дает мне много советов. Все это хорошо, только бы не вышло дымом. Ежели бы я его знал, то мог бы судить о нем и предполагал бы, чего ждать от него. Но кто знает, каков он по натуре? Отец его, правда, питал в его отношении большие надежды; только бы они оправдались. Я никаких

суждений о нем не выскажу; увидим, когда прибудет. С Божьей помощью намерен я передать в руки ему все добро, которое оставил отец, и, как только можно будет, по справедливости отчитаюсь перед ним обо всем. Не для того, чтобы ему угодить, но чтобы было на мне Божье благословение. Ежели те, кто рядом со мной, уже высказали и высказывают обо мне много несправедливых суждений, то что же они будут говорить обо мне позже, самому князю. Но я над этим только смеюсь, потому как скажут они неправду, а Господь помогает тем, кто идет прямым и честным путем, а ежели на них клеветают, так почему же им не помочь. Наверное, ты, кузина, тоже думаешь, что после бедного господина нашего осталось много добра. Многие обманываются, думая так же; самое дорогое из принадлежавшего ему — это столовое серебро, да и того немного, в нынешнем его положении его было достаточно, но где-нибудь в другом месте у какого-нибудь торговца серебра больше. В сундуке его добра очень мало, камней драгоценных у него совсем не было. Было у него два перстня с бриллиантом, но из них один он оставил мне. Упряжи — на двух лошадей, но домашней утвари достаточно, потому как ее он всегда собирал. Дорогую одежду или драгоценности он не покупал никогда, потому как не увлекался ею, а покупал только то, без чего нельзя прожить. Осталось двое карманных часов, одни он оставил бедному Шибрику, вторые мне. Из этого можешь видеть, кузина, что осталось после него дорогих вещей немного, потому как бедняга не мог же продать за драгоценности какой-нибудь стол или стул, который изготовил сам. А такого было много,

на такое он денег не жалел, пользы же из того, что он покупал, ни сыну, ни другим не будет, потому как никакой домашней утвари, какая бывает у других, у него не было. То, что было, было другое, стулья, столы так расшатались, что их хоть сразу выкидывай. Можешь сама судить, кузина, что столяр и слесарь заработали на нем больше, чем ювелиры. Одним словом, кузина, к нему не относится французская притча, которая говорит, что счастлив тот сын, чей отец попал в ад, потому как такой отец на неправомерные доходы оставляет сыну много богатств, а наш усопший господин праведными доходами скопил очень немного. В его сундуке нашел я шесть или семь золотых, а все богатство, когда он умер, состояло из пятисот талеров. Ты спросишь, куда он тратил свои деньги, поскольку на день ему полагалось то семьдесят, то шестьдесят талеров. Двумя словами отвечу: держал он при себе много людей и платил им большое жалованье и еще столько же тратил на строительство. Третья и самая полезная статья расхода была на богослужение и на церковь, но от этого ему и польза была. Нельзя было бы ему сказать то же самое, что было сказано французскому королю, который, желая одарить испанского посла, когда тот возвращался домой, сказал перед вельможами: посла этого я хотел бы одарить, но хочу дать ему что-то такое, чего у меня много, но пользы от чего мне нет. Один из вельмож, большой шутник, сказал королю: отдай ему свою часовню, на нее ты потратил много, но пользы тебе от нее никакой. Бедный же господин наш, это несомненно, много пользы получал от своей часовни. Но было у него много других расходов, которые были бесполезны. Пожалуй, бесполезно

было бы и если бы, я еще что-нибудь подобное написал, а потому, заканчивая письмо, остаюсь, милая кузина, твой утопающий в беде и грусти слуга.

119. Родошто, 18 januarii 1736.

Создатель, да будет благословенно святое имя Его, позволил нам дожить до этого года. Я встретил его в беде и печали; но ведь от того, кто взваливает на твои плечи крест, следует ждать и утешения. Получил я письмо от князя, он передает графу Бонневалю* все полномочия, чтобы тот, пока князь прибудет сюда, вел его дела и распоряжался его добром. Для меня это — большое облегчение: будет к кому посылать тех, кто жалуется. Бедный господин наш, ежели бы видел это, сокрушенно покачал бы головой: не понял бы он сына, который вручает свое имущество чужому человеку, а не тем, кто с детства служил отцу его. Но могу оправдать молодого князя тем, что слуг отцовских он не знает, Бонневаля же еще в Вене, до того как тот отрекся от христианской веры, знал еще генералом; в Порте тот, слава Богу, все меньше пользуется доверием. Господь так распорядился, чтобы те, кто хочет ему следовать, учились на своих ошибках. Ты пишешь, кузина, что вместо визиря, которого сместили в прошлом месяце, новым визирем стал Силиктар ага*. Таков мир! Можно, наверно, предположить, что он, новый визирь, более пригоден для войны, поскольку и четырех дней не прошло, как здесь, в городе, объявили войну с москалями. Пускай воюют, мне все равно, нам от этого ни вреда, ни пользы. Лишь бы Господь дал нам покой и сохранил разум наш. Аминь.

120. Родошто, 15 маји 1736.

Не думай, кузина, что мы тут умерли; я еще жив, потому как — ем и пишу*. Мертвые же, насколько мне ведомо, ни того, ни другого не делают. Тело наше насыщается каждый день, но разум наш на голодном пайке, не имея никакой радости. У всех тут — свои болячки, они тоже переживают, но я — вдвойне. Я чувствую свою боль, но должен видеть и боль всех других, хотя не могу им ничем помочь. Никогда я не был в таком положении, и не дай Бог, чтобы испытать его когда-нибудь снова. Нет у меня даже самого малого утешения, Господь Всемиловитый действительно оставил меня одного. Каждый день я вижу много досадного, но милость Божья позволяет мне не принимать все это близко к сердцу. Те, с кем я чаще всего нахожусь бок о бок, кто больше всего говорит мне добрых слов, кто выказывает мне самую большую дружбу, как раз те и хотят запятнать мою честь. Минута моего хорошего расположения духа — для них отрава, мрачное мое настроение — для них радость. Что ни день, они вновь и вновь плетут обвинения против меня. Причина, кузина, в том, что я не хочу раздать им княжеское добро. А ежели не раздаю, они думают, что я держу его для себя. И пускай говорят, лишь бы я шел правильным путем.

Война в Европе утихла. Польский король Август и неаполитанский король Дон Карлос отдали лотарингскому герцогу за Лотарингию — Тосканское герцогство, Лотарингию же француз отдал королю Станиславу, пускай владеет ею до конца жизни, так что каждый удовлетворился своей частью. Здесь, у турков, разгорается другая война, с москалями.

В Константинополе уже выставили бунчуки, это знак войны, и через месяц визирь двинется с войском на брань. Господь, который направляет все на свете, да принесет нам утешение.

121. Родошто, 15 augusti 1736.

На несколько писем моих я от тебя ответа не получил. И уже стал было уверять себя, милая кузина, что ты ушла с визирем в лагерь. Но ведь и оттуда можно было бы прислать ответ на мои письма. Здесь слышно, что визирь стоит лагерем у Дуная, москали же в Татарии охотятся на татар. Пускай хоть всех съедят, мне не жалко, жалко только, что здесь мы живем такой печальной жизнью. Увяли наши сердца и наши души, слышатся одни вздохи. Получил я от князя несколько писем, которыми немного утешил своих товарищей. Но утешения хватает на три дня, потом снова все начинают вздыхать. Мне приходится успокаивать и подбадривать каждого; самому мне утешение нужно больше, чем другим, однако меня утешает только Господь, Он дает силы нести мой крест. Приходится мне подавлять грусть в самом себе, бесполезно было бы делиться своими бедами с другими. Самое трудное, что должен я себя сдерживать и делать вид, будто чувствую себя лучше всех, хотя сердце мое — в отчаянии. В каждом письме князь пишет, что приедет, но его все нет и нет. Нужда растет, беды и жалобы множатся, а люди, не зная, кого винить, и постоянно видя меня, обращают жалобы ко мне. Я бы не жалел об этом, ежели бы мог им помочь. Куда нас направляет Господь, к тому мы и должны приспособляться.

Часто вспоминается мне предсказание бедного нашего господина. Однажды, когда я отчитывался ему

о покупках (потому как тем, что требовалось из одежды и домашней утвари, ведал я, и человек, который делал по моему распоряжению покупки, отчитывался передо мной, я же этот расчет показывал князю), и невредно будет сказать заранее, что у бедного был такой характер, что в расчеты он не вникал, не смотрел, за что отдано тридцать или сорок талеров, но ежели что-нибудь было куплено очень дешево, за десять или двенадцать польтур, или очень дорого, то в таких случаях он всегда искал подвох, — словом, в расчете зацепился он за что-то, стоившее несколько польтур, и стал сердито мне выговаривать, что тут дорого заплатили, не надо было так дорого покупать. Я, противу своего обычая, возразил, потому как мне показалось, что он усомнился во мне, и я сказал мрачно: ежели он во мне сомневается, то пусть прикажет другому, пусть другой занимается покупками. На это бедный ничего не отвечает, только отдает мне в руки расчет и отворачивается, как я того и заслужил. Я ухожу. На другой день он ничего мне не говорит, я же напрасно жду; еще день, он опять молчит. Мне стало тяжело, потому как я понял, что поступил глупо. На третий день я уже не могу терпеть, вхожу к нему в кабинет, кланяюсь ему, со слезами на глазах целую ему руку и прошу прощения. На это великий человек обнимает меня и говорит: прощаю тебя, часто будешь ты меня вспоминать, когда я умру, часто будешь думать обо мне, но будет поздно. Ежели тогда я слушал эти слова плача, то и теперь вспоминаю их со слезами в глазах. Ибо все так и случилось. Так захотел Господь, да будет благословенно святое имя Его... Я говорил уже, что грустное письмо должно быть коротким, а потому заканчиваю.

122. Родошто, 2 decembris 1736.

Слава Господу, пускай нескоро, но прибыл к нам все-таки Йожеф Ракоци. Мы думали, приедут оба брата, но приехал только старший. Судно осталось в Галлиполи, сам же он с несколькими людьми добрался сюда по суше. Вчера вечером он, не пожелав заглянуть к нам, поселился на постоялом дворе. Узнав об этом, я сам отправился к нему. Несколько часов провел я у него и сегодня, а потом он уехал в Константинополь. Пока я не могу судить, что он за человек. Один Господь знает, каким он станет. Только заметил я, что он вспыльчив*. Прибыл он как раз вовремя, я должен этому радоваться, многих неприятностей я теперь смогу избежать, да и на содержание дома осталось у нас не больше десяти талеров. Но тот, кто дал нам зубы, даст и еду.

Письма о прибытии в эту страну
князя Йожефа Ракоци*

123. Родошто, 2 januarii 1737.

Дай нам Бог начать и закончить этот год с Его благословением и утешением. Князь, проведя несколько дней в Константинополе, среди общин (?) изгнанников, 17-го дня минувшего месяца вернулся к нам. Причина же его внезапного возвращения — в следующем: когда Порта узнала, что он прибыл в Константинополь, сразу же велела ему вернуться в Родошто. Ему и не нужно было ехать в столицу, и виноват тут Бонневаль. Потому как мир между Портой и императором еще держится, а еще потому, что император выступает посредником между Портой

и москалем, и Порта не хотела давать императору повод для упреков, почему-де она пустила сюда еще и князя. Здесь весьма воздерживаются от того, чтобы как-нибудь не рассердить императора, потому как не хотят заводить себе двух врагов, им и одного пока достаточно. Вот какие причины привели сюда князя так быстро, а как он будет привыкать к нашей жизни, я и представить не могу. Но насколько я мог заметить, яблочко далеко упало от яблони. Да будет на всё воля Господня. В другой раз напишу больше.

124. Родошто, 8 martii 1737.

Да уж, кузина, выиграла мы от этих изменений много — от жилетки рукава. Ждали мы молодого князя как утешение, а принес он беду. Тот строгий порядок, который ввел у нас его отец и старался поддерживать столько лет и до последних дней старался нас к нему приучить, — сын его уже на третий день перевернул, с этого начав здешнюю свою жизнь. Настолько, что за короткое время от этого христианского порядка, достойного княжеского ранга, не осталось ни крупинки, все он разрушил, и дом наш наполнился туманом сплошного беспорядка. Уже по этому любой может судить, на что мы можем надеяться. Мы, служившие такому великому князю, каждый поступок которого был продиктован разумом, порядком и милостью. Теперь же видим мы только обратное: вместо порядка наступил сплошной беспорядок, вместо разума — суета и поспешность, вместо милости — гнев и непонимание; тридцатилетнее наше изгнание* никогда не казалось таким тяжелым, как в эти три месяца. Вот теперь-то мы по-настоящему

вздыхаем по усопшему господину нашему, потому как с грустью вынуждены видеть большие различия между отцом и сыном; но тут мы уже ничего поделать не можем. Когда он прибыл, все имущество его отца я без остатка передал в его руки. Конечно, без попреков не обошлось, потому как лицемерные со-товарищи обвиняли меня во всех грехах, и, слушая эти обвинения, князь тайно присматривался ко мне. Но ничего, что нанесло бы ущерб моей чести, он не нашел — и прямо сказал мне об этом. Нет ничего лучше, чем идти путем праведным. Как было бы славно, чтобы он следовал по стопам отца, потому как нет сомнений, что и Порта приглядывается, что он за человек. Ты можешь спросить, кузина, как я все это выдерживаю. Да так, как остальные. Мне он не сказал даже «Бог тебе воздаст» за то, что я заботился о его имуществе, о его челяди. Вчера здесь было большое землетрясение, даже земля не хочет успокоиться под нами. Доброго здоровья, кузина.

125. Родошто, 20 julii 1737.

Дела наши здесь, кузина, идут беспорядочно и суетливо, все перевернулось; удивляюсь, что мы еще ходим на ногах, а не на голове. Конечно, Господь дал молодому князю много талантов, хороший разум. И ежели бы его учили, воспитывали так, как нужно, стал бы он человеком, достойным похвалы. Нужно было ему держать в узде свою натуру* еще в самом раннем возрасте, однако ему во всем дали свободу, а натура сделала его неумным, переменчивым и взбалмошным, потому-то он такой вспыльчивый и непостоянный. Его никогда не учили, природа же не заставляла больше всего

стремиться к тому, чтобы его любили, а не боялись. Так как воспитывали его не в изобилии, а только в большой свободе, он не знает даже, ни что такое бережливость, ни что такое правильное поведение, ни что такое необходимая щедрость, ни то, какова должна быть любовь к своей нации, потому как никогда он не жил со своей нацией вместе.

Уже стало известно, что в этом месяце император разорвал Пожаревацкий мир с турком и, отказавшись от посредничества, стал на сторону москаля. Допустимо ли таким образом нарушать мир или нельзя, это пускай решают теологи, потому как насчет того они решили, что не христианское дело — заставлять неверных не соблюдать свою веру: ведь у турок Бог такой же справедливый и вечный, как у нас, и к турку он так же справедлив, как к нам*. Не знаю, когда и как разорвал мир турок, но знаю, что один христианский император точно его разорвал — и был за это наказан. На этом примере* можно учиться и сейчас. Турки если бы не надеялись, что Бог и сейчас воздаст им по справедливости, пришли бы в отчаяние: ведь они боятся и боятся не без причины, что должны будут воевать против двух великих и могучих императоров, которые вместе могут изгнать их из Европы (добавим: если Бог этого захочет). Может быть, и по этой причине Порты обратила свой взгляд на нас, а у нас и теперь дела в большом беспорядке. Заслуживаем ли мы другого?

126. Родошто, 13 septembris 1737.

Поскольку мир нарушен, то и Порты уже не видит необходимости следить за тем, за чем не могла не следить до сих пор; вот почему каймакам прислал

нам с одним важным агой письмо, в котором сообщает князю: Порта желает, чтобы он привел нас в Константинополь. Порта хочет этим показать, что является заклятым врагом немецкому императору, а из нас норовит сделать пугало*. Бедный князь, живи он сейчас, что бы он думал и как бы поступил? Потому как я часто слышал от бедного: он не хотел бы, чтобы Порта воевала с немцами, потому как терпеть не может войны с турком, он скорее умрет здесь, чем увидит, что из-за него Эрдей подвергается разграблению. Конечно, мы пойдём в Константинополь, но один Господь знает, для чего. Еще надо знать: в лагерь прислали нового визиря. Больше не стану писать, потому что надо готовиться: когда долго живешь в одном месте, его трудно покинуть. Доброго здоровья, кузина.

127. Константинополь, 21 septembris 1737.

Вот и покинули мы, кузина, Родошто, спустя столько лет выбрались отсюда. Но как! Сломя голову, в суматохе. Князь отправился в дорогу, взяв с собой лишь немногих из нас, но так поспешно, будто враг наступал на пятки. Не оставил ни себе, ни нам хоть немного времени, чтобы собрать вещи. Этим он, может быть, хотел выразить то, что сказал мне словами: не хочу умереть здесь, как умер отец. Я ему ничего не ответил, но подумал: пожалуй, это и в Эрдее у тебя не получится. Словом, вчера, примерно в полдень, подошли мы к столице. Там нас привели в какую-то усадьбу, и люди султана устроили князю угощение. После обеда и князю, и нам дали коней. Когда мы оттуда уехали, люди султана торжественно проводили его на квартиру, которая была всего лишь домом скорняка, но князь тоже может

в ней жить с удобствами. Все дома были украшены, как здесь принято, по велению султана. Поскольку мы здесь еще не освоились, больше ничего не могу написать нового. Напишу лишь, чтобы провести время, что видел огромного зверя, о котором с самого детства слышал много разговоров и давно хотел его увидеть. Уже из этого можешь понять, кузина, что это был слон. Этот огромный зверь покрыт короткой, вроде как мышиной, шерстью, голова такая, как описывают, уши — как вееры дам; изо рта с двух сторон растут два толстых, как рука, зуба. Они, эти зубы, слишком длинны и для пережевывания бесполезны, но нет сомнения, что природа дала их ему для какой-то пользы. Известно и то, что ремесленники используют их для разных дорогих изделий. Но чему больше всего я подивился в этом звере, это — его нос; правда, носом назвать его нельзя, потому что из того места, где нос, выходит такая висячая штука, как у индюка, длиной метра полтора, толстая, как человеческая рука, и гибкая, как бич. Конец у нее — как нос у свиньи, в нем идут вверх два отверстия, как по радуге. Ими он втягивает воду, когда пьет или когда себя моет, ими себя обрызгивает, ими дает себе еду. Эта штука ему служит, как нам — рука, ею он может поднять одну монетку, и может взять с земли охапку соломы и обмахивать себя, потому что хвостом он это делать не может, а кого он им ударит, тот будет ударен. Словом, кто его не видел, тот даже не может себе представить, сколько всего он может этой штукой делать. Ноги его везде одинаковой толщины, как столбы, толстые, как у человека бедро. Ростом он тринадцать пядей, но этот был еще малыш. Чудны дела твои, Господи. Но хватит уже об этом большом звере.

128. Константинополь, 11 oktobris 1737.

7-го князь был на аудиенции у каймакама, который послал для князя коня, подобным же образом и для нас всех — лошадей в нарядной упряжи. За князем явился чауз-паша и с большим почетом повел его к каймакаму. Пробыл там князь недолго, каймакам подарил ему кунный кафтан, а каждому из нас — просто кафтан, потом все мы поцеловали каймакаму руку и так же торжественно вернулись к себе. И началась комедия, потому как здесь думают: чем больше почестей нам оказывают, тем сильнее испугается немец. Таковую комедию я вижу в этой стране уже второй раз. Как мы выйдем из этого театра, будет видно. Грасиан* говорит: когда из лимона выжмут сок, лимон выбрасывают, когда человек хочет напиться из родника, он склоняется перед ним, но потом поворачивается к нему спиной. Таков мир! Вчерашний день у нас прошел не зря, потому как князя навестили жены молдавского вайды и валашского вайды с небольшой свитой. Каждый держался уважительно, князю преподнесли подарки, и нам по платку, все они были нарядно одеты, красотой каждой из них мужья могут быть довольны. Слуг мужчин я видел немного, но служанок у каждой целая армия, как кур на дворе. Что сказать, наш князь весьма холодными глазами смотрел на этих греческих княгинь, и у него даже не возникло тайной мысли о красивых курочках, потому как даже в этот час им владел озноб, который уже некоторое время не оставляет его; с тех пор, как он прибыл в эту страну, его здоровье совсем подорвано. Наверное, это одна из причин того, что он гневается из-за каждой мелочи; гнев этот в следующее мгновенье проходит, но тут же снова вспыхивает. Доброго тебе здоровья, кузина.

129. Константинополь, 2 decembris 1737.

Теперь, кузина, я должен писать только о роскоши. Сегодня мы наелись ею досыта, и я все это опишу, даже ежели тебе станет скучно.

Вчера Порта известила князя, что сегодня у него будет аудиенция у султана, а потому на ранней заре князь погрузился со всем своим двором на судно и высадился перед константинопольскими воротами, где нас уже ожидал чауз-паша со многими чаузами и лошадьми. Князь сел на коня, посланного султаном, мы — на других коней, и в восемь часов подъехали ко вторым воротам султанского дворца. Князь спешился, его ненадолго усадили в воротах; это нужно было только, чтобы показать: кто бы ни шел к султану, у ворот он должен ждать. Через какое-то время чауз-паша объявил, что можно войти. Войдя во вторые ворота, мы попали почти в такой же двор, как первый. В этом дворе, с правой стороны, стояли почти тысяча янычар, а на дворе были расставлены, далеко одно от другого, пятьсот блюд с едой. Когда мы были в середине двора, раздалась команда, и янычары с криками бросились к блюдам, словно на врага, соревнуясь, кто скорей схватит блюдо. Во мгновение ока на земле не осталось ни одного блюда. Таков обычай: султан угощает янычар в тот день, когда платит им жалованье. Если же янычары не хотят бежать за едой, для султана это очень плохой знак. Слева же дороги стояли в ряд двенадцать коней, каждого держали на серебряной цепи по два человека, каждый конь был богато украшен, особенно четыре последних, на каждом была упряжь с рубинами, на головах — перья и кисти с жемчугами. Нигде больше не увидишь коней ни красивее, ни наряднее, чем эти. К князю подошли два чауз-паши, ввели

его в помещение дивана; каймакам и вельможи, которые там находились, встали и приветствовали его, потом усадили на почетное место. Помещение представляло собой четырехугольный зал с высокими сводами; каймакам сидел в середине у стены, на месте великого визиря, другие военачальники — с двух сторон от него. Над местом великого визиря было небольшое окошечко, откуда султан может все видеть и слышать, его же никто не видит. Потом, по заведенному обычаю, стали вызывать людей, у которых были какие-то споры или жалобы. Эти люди, подходя по одному к каймакаму, подавали ему прошение. Прощение зачитывалось вслух, два-три слова, которые изрекал каймакам, записывали на прошении и, вернув его просителю, отправляли его восвояси. Потом к каймакаму подводили людей других сословий, с ними обходились так же. За полчаса он уладил беды и споры двадцати просителей. Так уж у них заведено: великий визирь или тот, кто его замещает, произнеся одно слово, кладет конец судопроизводству, в одно мгновение устанавливая справедливость в каком угодно большом деле. Кого он приговаривает к смерти, того тут же ведут вешать, кому хочет вернуть добро, тот сейчас же и получает. Одно удовольствие было смотреть, как быстро действует здесь закон. Затем в середине зала, в три ряда, положили девятьсот кожаных кошельков с деньгами. Через некоторое время прибыл чауз-паша с приказом султана. Каймакам пошел ему навстречу до двери, взял у него приказ, приложил ко лбу, поцеловал, потом сел на место и прочитал его вслух; в приказе было сказано, чтобы он заплатил янычарам. И он тут же приказал, чтобы начинали платить. За один час все деньги были вынесены в большом порядке и тишине.

Когда это свершилось, перед каждым из тех, кто сидел в диване, поставили стол и на каждый стол принесли одну и ту же еду. И потом на каждый стол принесли одно за другим по крайней мере по двадцать блюд с едой, но при этом обед продолжался не более получаса, потому как турки едят часто, но понемногу; из одного блюда они берут по два-три куска, и блюдо тут же уносят, на его место ставят другое, из него тоже берут столько же, и так до конца, даже если блюд — целая сотня. После обеда в диванном зале целый час стояла такая глубокая тишина, словно в зале никого не было, хотя он был полон. Потом два чауз-паши подошли к двери, вызвали двух кадилескеров и повели их к султану. Через четверть часа они вернулись за каймакамом, который, поднявшись вместе с каптан-пашой, ушел к султану. Через короткое время пришли за князем и повели его туда же, накинув на него куний кафтан. Представ перед султаном, князь приветствовал его, султан же ответил: отец твой много лет сохранял преданность мне, думаю, и ты будешь ему следовать. Князь вышел от султана, мы тоже все были в кафтанах, за вторыми воротами он сел на лошадь, подаренную султаном. Мы тоже сели в седла и отправились к нашему жилью. Чауз-паша ехал перед князем, провожая его до квартиры, и тут настал конец комедии и этому письму.

130. Константинополь, 16 decembris 1737.

Сегодня увидели мы, зачем живет человек на свете. Басня Эзопа оправдывается каждый день, ибо мудрец этот, даром что был язычник, всегда говорил истину. Однажды спросили его, что делают боги на небесах? Он ответил: все их дела — в том, кого

возвысить, кого унижить, у кого отобрать, кому дать*. Это и случилось сегодня с визирем, который, вернувшись из лагеря, с большой помпой прошествовал по городу, хотя, может быть, и чуял, что будет, потому как вид у него был грустный. Едва оставил он знамя Магомеда во дворе султана и подошел к своему дому, как у него забрали печать, лишили его звания визиря, все его имущество конфисковали, а нынешний каймакам поднят был колесом фортуны на самый верх, чтобы сидеть там, сколько сможет. Имя его – Мехе-мет Дюмрюхчи*. К нам он до сих пор был добр, но мы пока еще не знаем, в чем тут дело. Этот визирь был главным таможенником, а умеет ли он воевать, видно будет. Это пускай у него голова болит, лишь бы он для нас был хорош. Доброго здоровья, кузина.

131. Константинополь, 25 januarii 1738.

Великий визирь вчера передал, что через три или четыре дня мы должны выступить для участия в войне, а чтобы сегодня мы пришли к визирю. Мы и отправились к нему с большой – мокрой – помпой, потому как был сильный ливень. Визирь усадил князя рядом с собой, через некоторое время велел принести кофе, на князя накинули куний кафтан, нам тоже выдали по кафтану. После этого визирь и князь встали, и визирь дал в руки князю этнаме*, в каковом письме султан объявляет Йожефа Ракоци эрдейским князем. Князь тоже отдал визирю в руки договор, заключенный с Портой; они попрощались. И мы двинулись мочить наши кафтаны под дождем. После обеда султан прислал князю тридцать лошадей, половину из них составляли прекрасные кони,

половину — обычные лошади, и к ним — венскую карету с шестью лошадьми. Словом, мы собираемся выступить, но собираемся по уже установившемуся обычаю, то есть в великолепной суматохе, потому как послезавтра должны двинуться в путь, хотим мы того или нет. А потому больше писать не могу.

132. Дринаполь, 4 februarii 1738.

Милая кузина, вот и прибыли мы сюда, прибыли, можно сказать, вплавь, потому как все время брели по грязи; но надо сказать и о том, как мы отправились из столицы. Закончив там комедию, а произошло это 27-го дня минувшего месяца, и собравшись с большой поспешностью, выехали мы после обеда, в редком и блистательном беспорядке. Поскольку в Порте и везде очень о нас заботились, Порта вы проводила князя из города с помощью двух капиджи-пашей; один из них все время будет рядом с нами, чтобы в дороге за нами присматривать, и будет еще дефтердар, чтобы платить. Тут мы пробудем дня два; мы заранее знаем, какое неприятное путешествие нас ждет, имея в виду погоду, дорогу и другие причины. Здесь князя встретили с большим почетом и уважением. В дороге длинное письмо писать не получится, потому заканчиваю и желаю тебе доброго здоровья.

133. Чернавода, 19 februarii 1738.

Слава Господу, вчера прибыли мы сюда с большими трудностями, но здоровые. Вчера был постный вторник, но мы еще за день до этого начали поститься. Ежели будем и дальше поститься, как начали, то в конце станем голодать, потому как здесь ничего не нашли. Может, потом будет лучше, потому как мы

здесь на какое-то время останемся. Путь наш пролегал через большие снега, особенно когда мы пересекали горы; почти везде попадались хорошие болгарские деревни, где можно было найти еду и вино. Уже в тех деревнях было достаточно сала, что в Турции — очень редкое лакомство. Но прежде всего перед болгарской женщиной нужно перекреститься, только тогда она дает сало, иначе ни за что не даст. Причина — в том, что если она даст сала турку и другие это увидят, то ей придется плохо. Чернавода — место поганое, но деревня большая, в ней есть хорошие дома, население — наполовину влахи, наполовину болгары, немного турок. Но есть тут и богатые торговцы, торгуют они больше в Эрдее. Дома все построены одинаково. Написал бы больше, если бы было что. Остаюсь твой, милая.

134. Чернавода, 5 martii 1738.

Наверно, кухня, ты уже и писать разучилась, я же не разучился еще, а потому пишу и сообщаю, что вчера вернулся из Бухареста. Князь послал меня приветствовать господаря Константина*, который принял меня с большим почетом и торжественно пригласил к себе. Пока я там находился, господарь очень меня привечал и отпустил с почетом. Дунай я перешел и туда, и обратно по льду, хоть и боялся, как бы не провалиться, тогда было бы мне хуже, чем Святому Петру*. Сегодня пришло письмо от великого визиря, в нем полным-полно всяческих обещаний, а также уверений, что дадут под начало князю тридцать или сорок тысяч солдат, но тут я — Фома Неверующий. В конце написано, что отсюда нужно

нам двигаться в Видин, зачем, один Бог знает. Обращаются с нами, как с детьми, хотят сделать из нас пугало, потому как Порта думает: вот прибудем мы в Видин* — и вся Венгрия, весь Эрдей сядут на коней и прискачут к нам*. Будь жив наш прежний господин, может, так оно и случилось бы, но теперь — не дай Бог, чтобы к нам кто-нибудь пришел. Но тебе, кузина, пускай Он поможет.

135. Видин, 7 aprilis 1738.

Вот мы и прибыли сюда. Прибыли, можно сказать, бегом, потому как по-иному мы передвигаться не умеем, хоть и были в пути почти десять дней. Словом, из Чернаводы выбежали мы 27-го дня минувшего месяца. Но не думай, что за нами неприятель гнался, просто мы все делаем бегом. Везде для нас и для нашей поклажи дают почтовых лошадей. Можно сказать, что поклажа наша султану стоит уже дороже, чем нам, потому как почтовых лошадей оплачивает султан. Дорога была нескучной, ехали мы по очень красивым местам, почти все время вдоль Дуная. Правда, земля вокруг пустовата, деревни разорены войной. Красивые эти места населяют сплошь сербы, а работать они не очень любят. Бабы носят очень уродливые головные уборы. Вчера, когда мы были в двух милях от Видина, паша выслал нам навстречу триста или четыреста всадников, нарядно одетых и на хороших конях. На берегу Дуная, в нескольких милях от города, были разбиты шатры паши, навстречу нам выехал его тихай, приветствовал князя от имени паши и привел его в шатер, где устроил князю угощение. После обеда князь сел на коня паши, и мы с большой помпой,

под гром пушек, въехали в город. Разместили нас не в городе, а в пригороде. В другой раз напишу больше, пока этого достаточно.

136. Видин, 11 aprilis 1738.

Вчера князя принимал в гостях наш главный генерал. Кажется, этого пашу я заслуженно могу называть генералом, а если этого недостаточно, назову губернатором, потому как это визирь с тремя бунчуками* и в военное время командует по крайней мере шестьюдесятью или семьюдесятью тысячами человек. Владения его и в ширину, и в длину чуть не в два раза больше, чем Эрдей. Разве нельзя такого человека звать генералом или губернатором? Он же как бы вечный владелец этих земель, до тех пор, пока его не сместят. Словом, паша разбил за городом шатры, и вчера в восемь часов мы подошли туда с большой помпой, а через час с большими церемониями прибыл туда и паша и разместился в своем шатре. Это важно, что не он ждал нас в шатре, а мы его, потому как турок весьма старается соблюдать церемонии. Еще через час князь пришел к нему, и беседа длилась целый час. Этот паша — мужчина видный, с осанкой настоящего визиря; был он армянином, потому и звали его Халвач Мэхэмед*, он очень милостивый и умный человек. Правда, военным человеком он не был, поскольку пашой его сделали из главного тридцатитысячника; в этой стране люди вырастают на такую высоту в один миг, словно грибы. Правда, сейчас он в любой момент отправится отсюда по крайней мере с пятьюдесятью тысячами человек, обстреливать Оршову*. После беседы князь вернулся в свой шатер

и со своими офицерами сел за обед, который велел приготовить для него паша; на столе одно за другим оказывались по крайней мере пятьдесят блюд. Паша ел в своем шатре. После обеда паша примерно с шестюдесятью верховыми поскакал в поле метать копья, потом устроил стрельбу в цель из флинт, потом из луков; потом гонял своих коней. Когда все это закончилось, в пять часов принесли ужин, после ужина мы сели на лошадей и поехали к себе. Через некоторое время и паша вернулся в крепость. Турецкое гостеприимство — довольно грустное веселье; пригласил на обед, но с нами не ел, потом мы его и не видели: когда уезжали к себе, прощаться с ним не требовалось. Турецкие вельможи так приглашают в гости важных христиан, которые пьют вино.

Внутренний город — некрасив, наружный — безобразен, грязен и сплошь в пустырях, но вокруг города есть прекрасные места. Здесь же мы каждый день видим грустные вещи: каждый день наблюдаем, как из улицы в улицу водят рабов, то мужчин, то девиц, то женщин с детьми. Счастлива та женщина, которую берут в рабство с ребенком, потому как часто случается, что кто-то забирает женщину, а другой — ее ребенка, и они расстаются, даже не надеясь когда-нибудь встретиться. Еще часто бывает, что турок, желая продать какого-нибудь беднягу немца, водит его из улицы в улицу, крича: десять талеров, шесть талеров, пять талеров цена, — но никто не дает за него ничего. Если турок беден, то не только раба не может содержать, но у него и самого нет лишней польтуры, и, разозлившись, что никто не хочет купить раба, он ведет его в кафе и там продает за чашку кофе. Так дешевы здесь цесарки*.

137. Видин, 9 julii 1738.

Опять мы сломя голову куда-то летим, потому как и отсюда, по обычаю, должны отправляться спешно, а с кем и куда, послушай спокойно. В пятый день сего месяца вдруг прибыл сюда со стороны Ниша великий визирь и с ним восемьдесят тысяч вооруженных людей. Поскольку он торопится, то войско свое не оставляет на отдых, и сегодня мы отправились с ним в сторону Оршовы. Причина в том, что здешний паша уже месяца полтора как осадил Оршову и обстреливает ее, но примерно две недели назад на помощь крепости пришел генерал Кёнигсег. Наш визирь, узнав об этом, потому и прибыл сюда так поспешно, потому и мы отправились сегодня утром на помощь паше. Он везет с собой большие пушки и все, что требуется для штурма, есть пушка, которую везут шестьдесят буйволов. Позавчера визирь передал князю, чтобы тот покинул Видин и присоединился к нему. Так что мы собрались, по устоявшемуся обычаю, и отправились в лагерь к визирю. Спроси: как мы туда добирались? Положение наше словами нельзя описать, ни у кого из нас нет ни лошади, ни какого-то снаряжения, чтобы жить в лагере. Визирь давал нам и солдатам достаточно лошадей, но это были почтовые лошади. Представляешь, как на почтовых лошадях ехать в лагерь? Словом, мы отправляемся на них, на них же и возвращаемся. Все это — чистая комедия. Ради того же тащит нас туда и визирь, думая, что, ежели мы будем у него в лагере, к нам придет много венгров. Но, слава Богу, ни один стоящий человек к нам не пришел, а ежели кто пришел, то из тех, кого пока не удалось повесить. Только

много слов говорят, а пользы от них никакой. Милая кузина, небольшая молитва ох как помогла бы тому, кто едет в лагерь на почтовых лошадях.

138. Фетислан*, 11 julii 1738.

Честное слово, кузина, сам великий визирь не сообщает султану, куда он направляется и что делает, более старательно и подробно, чем я пишу обо всем этом тебе. Можно подумать, будто ведешь эту войну ты, кузина. Итак, великий визирь на рассвете отправился со всем своим лагерем из Видина; следом за ним помчались и мы. Выехали мы 9-го, сюда же прибыли сегодня, 11-го, около полудня. А вчера визирь нас перехитрил, и не только нас, но и весь свой лагерь; узнали же мы об этом сегодня, и произошло это следующим образом. Вчера вечером, после шести часов, визирь со всем своим двором отправился в путь. Перед ним и следом за ним несли много факелов, а весь лагерь, да и мы тоже подумали, что проведем ночь здесь и что визирь потому отправился в путь, чтобы прибыть в Фетислан ночью, по холодку. Потому как у турок есть обычай, что войско не отправляется вместе с визирем: войско уже знает свое место расположения и отправляется или раньше визиря, или после, или по одному пути, или по другому. Когда визирь выезжает в путь, раздается выстрел пушки. С визирем же нет никого, кроме его двора, который очень многочислен, и его телохранителей, которые всегда находятся с ним. Ага янычар же всегда отправляется на день раньше визиря. Так что визирь отправился вчера вечером, как я сказал, и когда был примерно на две мили от лагеря, приказал стрелять

из пушек и из ружей, будто на него напал неприятель возле Дуная, поскольку все время нужно было идти по берегу Дуная. Услышав стрельбу, весь лагерь поднялся и зашумел, решив, что визирь стреляет по каким-то лодкам. Хотя было темно, все разобрали шатры и поспешили следом за визирем. Через некоторое время прибыли к нам несколько чаузов с приказом визиря, чтобы отправлялись в путь и мы, ежели не хотим подвергнуться опасности. Так что мы собрались с большой поспешностью и в полной темноте отправились следом за визирем. С турецким лагерем и днем-то нелегко, а ночью совсем беда, потому как огромное количество нагруженных мулов и верблюдов движется то так, то этак, в полном беспорядке, и ежели ты не бережешься, то тебя точно собьют с ног и затопчут. Словом, сегодня, примерно в обед, прибыли мы сюда со всем лагерем. И сегодня узнали, что визирь вечером велел стрелять для того, чтобы войско скорее пошло за ним.

Находимся мы на одном берегу Дуная, видинский паша же на том берегу, который ближе к Венгрии. Оршова отсюда всего в трех часах езды. Сейчас там не стреляют; в последнем письме я объяснил причину, но теперь снова начинают стрелять, потому как укрепления готовы. Говорят, двадцать второго и мы будем стрелять. Считают, в двух лагерях полторы сотни тысяч человек, но ежели считать всех, кто ест хлеб, то будет больше двухсот тысяч, потому как здесь невероятно много челяди, много всяких ремесленников, много купцов, ростовщиков, торговцев, как в каком-нибудь городе. Словом, даже в городе не найдешь столько всего, сколько в лагере

у визиря. Тут даже ювелиры должны быть. Множество пищи и всего прочего, и все это надо было везти сюда из Константинополя по берегу Дуная. Посуди сама: ежели захватят лагерь визиря, чего тут только не найдут. Только повозок больше тридцати тысяч, с ними, понятно, тридцать тысяч возчиков. А какая неразбериха бывает, когда лагерь в движении, порядок почти такой же, как когда он стоит, но тут хотя бы тихо: убийств, ругани, краж нет. Но когда разбивают шатры, порядок искать бесполезно; улицы, правда, оставляют, но каждый ставит шатер там, где захочет, определенного места ни у кого нет. Фетислан* же — убогая сербская деревушка. Здесь находился знаменитый каменный мост императора Траяна*, часть его можно видеть и сейчас. Визирь хочет построить через Дунай деревянный мост, потому как Дунай тут очень узок. Словом, хочу сказать, что видел я очень-очень большой турецкий лагерь; но кажется, я уже достаточно обо всем рассказал. А потому могу закончить свое письмо и тихо ждать от тебя, милая кузина, приказа, куда перенести этот огромный лагерь, ежели мы возьмем Оршову. Пока остаюсь, etc.

139. Фетислан, 26 augusti 1738.

Милая кузина, по приказу твоей милости Оршову мы взяли. Теперь в крепости кричат уже не «бердо»*, а «аллах». Произошло это таким образом: комендант крепости, видя, что визирь не собирается уходить, пока не возьмет крепость, обнаружил также, что пушки каждый день проделывают в каменной стене много новых дверей. Но более всего к сдаче его склонило то, что войско его стало сильно болеть, потому как, кроме большой

опасности и тревоги, остров очень нездоровый. Добавим к тому же, что визирь велел объявить: каждый, кто пойдет на приступ, получит двадцать пять талеров. После этого на приступ записались много сотен янычар. Весть эта, когда ее узнали в крепости, заставила задуматься о сдаче. Двенадцатого комендант сообщил визирю, чтобы тот послал к нему человека, с которым можно обсудить сдачу крепости. Визирь послал эфенди Ибрагима, который все это обсудил, и 15-го комендант пришел к визирю; тот принял его с большим почетом, и комендант сдал крепость визирю, который отпустил его обратно с подарком. В тот же день янычары заняли одни из ворот крепости, ожидая, пока немец полностью выйдет оттуда. В тот же вечер в лагере дали радостный залп из пушек. Наше войско уже начинает расходиться, и, наверное, с визирем останемся только мы. В этом году войны больше не будет, и для нас дела скоро закончатся. Визирь передал вчера князю, пускай готовится, потому как может пойти с тридцатью тысячами человек на Темешвар*. А сегодня он сообщил, что об Эрдее думать не нужно, а думать надо о том, чтобы идти с ним к Видину. Господь уберет нашу милую родину от разграбления. Словом, завтра мы снова отправляемся в путь и покидаем здешний черный хлеб с соломой, землей, травой, песком. Визирь пообещал, что в дороге он встретится с князем; там увидим. С тем и я остаюсь с твоей милостью.

140. Видин, 1 septembris 1738.

Теперь уж точно можно сказать, что комедии конец: из театра нас, как положено, убрали, а визирь без всяких церемоний от нас отмахнулся. *Perditio ex*

te Israel*. Минувшего месяца 27-го дня оставили мы Фетислан и вслед за визирем пошли к Видину, войска с нами было очень мало. Визирь передал, что в дороге встретится с князем; визирь всегда выезжал раньше нас, около девяти часов он остановился обедать, нам же сказали, что он встретится с князем после обеда, а потому мы заторопились, чтобы после обеда оказаться на месте. Но поскольку у визиря не было никакого намерения с нами встречаться, то пообедал он быстро, а когда увидел, что мы приближаемся к его шатру, поднялся, сел в свою карету и уехал. Это уже была не шутка. Потом сказали, что с нами он встретится возле Видина. Визирь прибыл в Видин намного раньше нас и вместе со всем двором был уже в шатрах. Когда мы приблизились к шатрам, нам сообщили, что сейчас с нами он встретиться не может, потому как плохо себя чувствует, так что направляйте лошадей к своим квартирам, которые были на берегу Дуная, за городом. Мы увяли, видя, как бесцеремонно с нами обращаются. Как все перевернулось! За несколько месяцев до этого нас ввели в Видин с большой помпой, теперь же даже через город не захотели пропустить, а нам пришлось обойти город стороной, под садами. В конце концов прибыли мы на место, находимся здесь, в шатрах, никому не нужные. Прибыли мы сюда 29-го. После этого князь не будет говорить, как обычно, что Порта относится к нему с еще большим почтением, чем к отцу. Сегодня после обеда передали нам, что князь может встретиться с визирем, пусть едет к нему, но через короткое время снова передали, что это невозможно, у визиря голова болит. Неохота кончается стоном. Вчера же рано утром

он отправился отсюда со всем двором и оставил нас здесь. Сколько мы здесь будем и куда нас пошлют на зиму, один Господь знает. Мы же знаем, что здоровье князя очень слабо, он и до этого не был здоровым, с тех пор как приехал сюда, а с какого-то времени становится все желтее; гнев же очень вредит его здоровью. Желаю доброго здоровья твоей милости.

141. Видин, 4 oktobris 1738.

Это письмо тоже не будет слишком утешительным, и новостей никаких не могу тебе сообщить, кузина. Да и что писать, когда никто к нам носа не кажет, словно мы в Турции одни. Наш лагерь довольно длинный, но очень узкий; всего нас человек полтора. Но сейчас в любой момент можем остаться мы без нашего главы, потому как князь в очень плохом состоянии. Его постоянно мучает жар, лицо худеет, тело толстеет. Это нехорошо. Но он об этом забыл бы, ежели было бы с кем* и с чем, и рад был бы скрыть свою болезнь. Лекарств он не принимал, но хотел забыть о болезни, куда-нибудь уехав. Намедни, по совету цирюльников и докторов, сел он в лодку, и мы спустились далеко по Дунаю*. Но когда возвращались, он дважды терял сознание, мы уж думали, что живым он домой не доберется. Четверым пришлось вынести его с лодки и доставить в шатер. Из-за беспокойства, которое доставляет ему болезнь, он, еще несколько дней назад, заставил перенести свой шатер подальше от других, но там тоже не смог оставаться, а просил постелить ему возле наших шатров; до вечера он лежал там, вечером хотел вернуться в свой шатер, но сам пойти не смог, его понесли туда четверо. Пока

несли, он потерял сознание, я уж думал, он умер, но когда я его позвал, он очнулся. С тех пор жар и озноб у него все усиливаются, плоть как бы сходит с него, но гнев его не оставляет, что следует отнести как к его натуре, так и к тому, что ему трудно сознавать себя в таком состоянии. Нам снова нужно собираться в дорогу, визирь прислал сюда одного агу, чтобы найти для нас лодки, на которых мы спустимся по Дунаю до Оросчика*, оттуда – зимовать в Чернаводу. Отправимся мы через два дня, так что письма, кузина, отправляй туда, а также береги свое здоровье.

142. Оросчик, 14 oktobris 1748.

Вот мы и здесь, и я теперь пишу тебе отсюда, и что мне все беды и напасти. Благородная кровь или проигрывает, или выигрывает, но не может не дерзать... При всем том прибыли мы сюда благополучно, то по пятам неприятеля, то протискиваясь среди многих тысяч, но все же без цирюльника обошлись. Все-таки надо сказать, в чем эта великая напасть: разве не великая напасть, когда приходилось нам пробираться среди многих тысяч белуг. А ежели бы они перевернули наше судно? Словом, этого месяца шестого дня все мы, господа изгнанники, сели на судно: господин Чаки, барич Заи, Илошвай, Папай, Дасти, который итальянец, господин Пазмань со своими и я. Князя поместили на судно в очень жалком состоянии, он не захотел, чтобы хоть один из нас был на судне с ним, о чем мы не очень и сожалели, потому как и нам так было веселее. Честное слово, нет прекраснее занятия, чем в хорошей компании, какая была у нас, плыть вниз по Дунаю,

потому как через каждые два часа мы проплывали возле красивых островов, а иной раз мимо городов. Города же эти относятся к Турции. Среди всех городов самым красивым был знаменитый Никополь, но стоит он на очень неприятном месте; напротив города впадает в Дунай вода родного Олта*. Я не мог смотреть на него без вздоха, потому как течет он из родных мест, от которых я оторван уже тридцать один год. Так как ночью плыть было опасно, каждый вечер мы приставали к какому-нибудь острову. Часто мы привязывали судно просто к кустам хрена, растущего на берегу, потому как корни у хрена толстые, как оглобли. Ежели его натереть, он желтый и вкусный, но теряет вкус, ежели хотя бы немного постоит натертый. Случалось и кровопролитие: на островах, особенно в Валахии, почти везде можно встретить свиней, диких ли, домашних ли, не знаю, потому как они живут на островах сами по себе, — может, у них и хозяин есть. Словом, когда на острове удавалось забить двух свиней, мы наедались досыта, еще и с собой брали. Но под какие проклятия мы их ели! Потому как главный наш корабельщик был турок, он все время кричал, что мы испоганили его судно; мы только смеялись, а ему приходилось глотать жирный дым. Но поскольку он был добрый мусульманин, то, наверно, продал после этого свое судно, потому как оно стало нечистым от свиного мяса. Вчера, то есть 13-го, благополучно прибыли мы сюда. Слава Господу, князь уже был здесь, хотя и в очень плохом состоянии. Отсюда скоро двинемся в Черनावоду. С тем остаюсь твой.

143. Чернавода, 7 novembris 1738.

Хоть писем твоих, милая кузина, я не получаю, все равно напишу. По крайней мере твоя милость убедится, что я все еще жив. Но как я могу получать твои письма, ежели мы никогда подолгу на одном месте не остаемся, мы то на воде, то на земле, то в аэре. Да и ежели бы еще писать о чем-нибудь хорошем, а не только о несчастьях. Прошлого месяца 19-го дня отправились мы из Оросчика, спустя три или четыре часа прибыли сюда, в очень плохом состоянии, но князь хочет до конца выдержать характер. Через три или четыре дня, после того как мы сюда прибыли, он всех отослал от себя, даже цирюльника. Дело в том, что здесь чума, но потому-то и надо бы держать возле себя врачей. Со своей квартиры он даже челядь отослал, держит при себе только одного бродячего доктора, да повара, беглого мушкетера-итальянца и двух женщин, вот и весь его двор. Все это — люди, которых он несколько дней назад совсем не знал. Можно ли доверять им свою жизнь? Прошлой ночью творилось с ним такое, что те, кто с ним рядом, подумали, будто он умер. И сразу же побежали ко мне сказать, что князь при смерти. Но чтобы его не рассердить, я к нему не пошел, только ответил, как Эсфирь: если царь не зовет, я не смею к нему идти*. Турецкие офицеры, считая, что мы поступаем неправильно, передали князю, чтобы он взял кого-нибудь к себе: ежели он помрет, пусть кто-нибудь будет рядом. После этого он передал мне, чтобы я был рядом с ним, поэтому я уже несколько дней постоянно живу при нем. Цирюльников он тоже вынужден был позвать к себе и, вопреки их советам и желанию, как бы из мести,

заставил пустить себе кровь. Словом, не думаю, что он, находясь в таком состоянии, когда-нибудь отсюда выйдет. С тем остаюсь.

144. Чернавода, 10 novembris 1738.

Милая кузина, вот и наступил конец Йожефу Ракоци. Давно уже видели мы, что угасает он, как свеча. Вчера, чувствуя большую слабость, исповедался он, поговорил с нами, сделал завещание. Сегодня на рассвете жар и озноб совсем одолели его, утром он настолько отяжелел, что свеча уже готова была угаснуть. При всем том он разговаривал с нами до одиннадцати часов, хотя уже и глаза у него помутнели, настолько, что он лишь по голосам узнавал людей. В 12 часов, в полдень, он замолчал и был в очень сильном жару, только стонал, из чего мы могли понять, как он страдает. В два часа дня священник хотел дать ему последнее причастие, но едва он начал молитву, князь отдал Богу душу. Было ему тридцать восемь лет. Да будет на нем милость Господня! Тело его вскрыли, печень оказалась невероятно разбухшей. Тело я велел поместить в подвал, будет оно там, пока не придет ответ из Порты. В завещании он написал, чтобы его похоронили рядом с отцом, но не думаю, что это разрешат. Ежели у князя были недостатки, то были они не от натуры, а от воспитания. Ум у него был хороший, сердце доброе, но гнев его никогда не учили смирять, хотя он быстро проходил, но часто и вспыхивал; не научили его и добиваться любви других. Словом, ежели бы его воспитывал отец, он стал бы другим. Пока достаточно, в другой раз — о другом.

145. Чернавода, 15 decembris 1738.

Уверен, милая кузина, ты уже получила мое письмо, в котором я сообщил, что мы снова оказались без нашего главы. Но необходимости в главе в ближайшее время у нас не будет, потому как намедни мы опять схоронили одного из наших, и все мы, сколько нас осталось, уместимся в тени одной сливы. Кто нас сотворил, пусть будет над нами Его воля. Он сделал нас примером для всей нашей нации, и счастливы те, кто будет у нас учиться, кто будет жить со своей страной, кто, подобно дыму, не бросит народ свой и наследие свое. Дай Бог, чтобы никто и никогда за нами не последовал, и с ужасом слушал рассказы о нашем долгом изгнании. Но, милая кузина, разве мы были первыми? Уж точно нет. Учились ли мы на примере других? Нет. Будут другие учиться на нашем примере? Нет. Но почему? Потому что всегда одни и те же причины вели и ведут и будут вести людей к такому положению, в каком находимся мы. И лишь тот будет счастливее, кого Господь принудит оставаться в своем имении. Потому как у меня никогда не было иных причин покинуть родину, кроме одной: я очень любил старого князя, хотя перед небесным отцом мне нужно было оставить ее по другой причине, и я должен чтить Его волю. Намедни приехал сюда один визирь ага с письмами султана и великого визиря, в письмах этих содержатся прекрасные обещания. До сих пор, по распоряжению бедного князя, все имущество было в моих руках, но несколько дней назад, по приказу Порты, здесь собрались турецкие офицеры, все переписали, взяли в свои руки и опечатали. Я тоже оставил прежнее жилье и перешел на другую квартиру. Таков мир! А что ты скопил, чье это будет?* С этим остаюсь, etc.

146. Чернавода, 1 junii 1739.

Прошлого месяца четырнадцатого дня вернулся сюда тефтедар с приказом Порты, и поскольку Порты не дала разрешения, чтобы тело бедного князя повезли в Константинополь, то вчера вечером его погребли в греческой церкви, которого Господь Иисус поставит по правую руку от себя в последний день. Здесь теперь каждый час будет разделение апостолов, пришли приказы: господин Чаки поедет к Видину, молодой господин Заи — в Хотин*, я же — в Яссы*, но мы вдвоем поедем вместе до самых Ясс, оттуда двинемся в Бухарест, а оттуда, через Валахию, в Молдову. Отсюда же отправимся через четыре дня, и в фермане* нашем предписано, чтобы мы отправились на час раньше. Потому как здесь, когда кого-нибудь куда-нибудь посылают, не пишут в приказе, чтобы он поспешил, но чтобы отправлялся на час раньше, чем нужно, и на час раньше был там, куда его послали. Словом, ежели я и не смогу увидеть Эрдей, то покрывало его увижу: проезжать мы будем мимо эрдейских снежных гор. Ежели я и не смогу выпить пива в Загоне, то хоть водицы выпью из Бодзы*. Передам им привет и от твоей милости. Кажется мне, я достаточно подробно рассказал твоей милости обо всех делах бедного князя и о конце его жизни. Здесь мы схоронили уже двоих Ракоци, а третьего* пусть Бог бережет, он турецкий хлеб не ест.

Прежде чем закончить это письмо и убрать перо и чернила, не удержусь, чтобы не описать один случай, который позволит немного посмеяться, грустного я уже написал достаточно. Речь о том, что у нас тут есть и беглые немецкие мушкетеры, у которых кошельки совсем

тощие, и они, вдоволь напившись воды, ломают голову, как бы им выпить вина. Потому как денег у них нет, и они советуются, где достать вина без денег. Один из жаждущих говорит другим: делайте то, что я скажу, и будет у нас вино. Посылает он, стало быть, четверых с заступом и лопатой; поздно вечером они приходят к воротам греческого попа и принимаются изо всех сил копать и отбрасывать землю, словно могилу роют. Поп, услышав, что перед его воротами идет какая-то работа, выходит и спрашивает, чего они хотят. Те отвечают, что хотят похоронить покойника. Поп машет руками и ногами, чтобы они шли в другое место, но те упорно продолжают копать. Поп размышляет, потом спрашивает: не от чумы ли умер человек? Те отвечают: от нее. Поп, испугавшись, говорит: братья мои, только не хороните здесь, я дам вам три ведра вина. Но те копают себе дальше. Поп обещает четыре ведра, потом пять; когда торг вроде состоялся, поп оглядывается и видит, что на доске несут покойника. Он пугается еще больше и смотрит из ворот, как проходит погребение. Тут мушкетеры кричат ему: ежели он даст эти пять ведер вина прямо сейчас, покойника унесут в другое место. Бедный поп уже на все готов, лишь бы избавиться от такой напасти. Мушкетеры сразу же входят и выносят пять ведер вина. Поп идет за ними, чтобы проверить, унесут ли покойника. Но как же он удивлен, видя, что покойник встает и первый начинает пить вино. Бедный поп, которого так надули, не знает, плакать ему или смеяться*. Милая кузина, теперь письма надо посылать в Молдову, и не вздумай поступать так, как та дама из господ, которая ни писала, ни читала, ни шила, потому что стыдилась надевать очки. Я же остаюсь милой кузине etc.

147. Чернавода, 4 junii 1739*.

Я рад, милая кузина, что ты здорова. Здесь теперь каждый час расходятся апостолы, кто на запад, кто на север. Прибыли ферманы, в них содержатся распоряжения, чтобы господин граф Чаки, вместе с глупыми, бросившими родину венграми направлялся в Видин. А твой милый, добрый и красивый слуга едет в Молдову, молодой господин Заи — в Хотин, но до Ясс мы поедем с ним вместе. Спроси меня, против ли я этого распоряжения? И я отвечу: нет. В ферманах обоим господам приказано принимать нас с почетом. В почтовых бумагах прописано, чтобы мы отправлялись на час раньше, чем нужно. Это — обычай здешней канцелярии, потому как здесь, когда кого-нибудь куда-нибудь посылают, не пишут, чтобы отправлялся как можно скорее или поспешил, а пишут в бумаге, чтобы отправлялся на час раньше и на месте был на час раньше, чем нужно. Я считаю, это хороший обычай. Ты, кузина, мне не пиши, пока я сам не напишу из Ясс, но тогда уж напиши на час раньше, чтобы и я получил письмо раньше на час. Я же буду писать еще и из Бухареста. Какой я хороший! Но твоя милость тоже хорошая.

Бедный князь завещал, чтобы его похоронили рядом с отцом, но на это не дали разрешения, поэтому несколько дней назад, вечером, его похоронили в здешней греческой церкви. Об отце его я могу сказать то же, что было сказано в старину об одном великом человеке: ежели он родился, то пускай никогда не умирает. О сыне же его скажу: не приди он в этот несчастный мир, ничего бы не потерял. Великий визирь поступил с беднягой, как с малым ребенком, хотя ему

уже было близко к сорока: получил он много хороших слов и обещаний касательно внешних дел; правда, что касается дел внутренних, грех жаловаться, дали ему достаточно: много коней, много красивой упряжи, а восемьдесят талеров в день — этого как-нибудь да хватало, чтобы мы могли жить достойно. Но сами себе помочь мы ни в чем не могли, а чужие советы нам не нужны были. Для многих вещей у бедняги ума хватало, только воспитание было очень плохое, не любил он ничему учиться, потому как не привык у учению. Ум же без учения — это все равно что нива нераспаханная. В другой стране, может, он скорее чего-нибудь бы достиг, а здесь ничего не вышло. Все его поведение, обычаи были против здешней нации, потому как нигде так не следят за поведением человека, как здесь. Еще скажу, что не любил он свою нацию, но этому не надо удивляться: воспитывался он в таком месте, где нашу нацию ненавидят. А особенно не любил он нас, тех, кого любил его отец. Одним словом, вся жизнь и дела бедного в этой стране были, как огонь для соломы. А потому не будем больше говорить о нем, да будет над ним милость Господня. Лучше будем говорить о том, что мне нужно готовиться и собираться, потому как завтра или послезавтра я отсюда улечу, и пускай сам Эрдей я не увижу, но увижу его покрывало, ведь проеду я поблизости от эрдейских снежных гор. Кузина, я поприветствую их и от твоего имени. Не думаю, что поеду на Бодзу сено косить, но, к досаде, попью воды из Бодзы. А сейчас мне пора убирать письменные принадлежности, так что заканчиваю письмо. Но ты не должна меня забывать, а должна беречь здоровье. И еще должна писать,

и не поступай так, как та барыня, которая никогда ни писала, ни читала, ни шила, а все потому, что стыдилась надевать на нос очки.

148. Бухарест, 11 junii 1739.

Обещания нужно выполнять всегда: ведь, дав обещание, ты оказываешься в долгу, а долг надо оплачивать, о чем бы ни шла речь. Пускай речь идет всего лишь об одном поцелуе, но платить надо*. Ну вот, я о поцелуе заговорил, а ведь мне предстоит скакать семьдесят часов, и еще хорошо, ежели я не попадусь какому-нибудь патрулю и меня не повяжут и не привезут в Эрдей, — это не тот танец, который мне хотелось бы танцевать. Здесь нас приняли с большим почетом: за городом в монастыре нас ждал обед. Господарь* послал навстречу нам своего секретаря, он нас и угощал от его имени. А после обеда мы на карете господаря торжественно въехали в город. Я начал с того, чем надо заканчивать; вроде как тот, кто сначала женился на родственнице, а потом попросил церковного разрешения. Пятого числа отправились мы из Чернаводы в хорошей компании: кум Янош Папай, который приехал сюда полечиться, молодой Заи и я, потому как себя тоже не следует забывать. Вчера господарь прислал за нами свою карету, и мы почти целый час провели у него. Глаза у него косые, а ум — напротив, ума у него достаточно, пускай он и почти греческий по цвету, потому что у греков мозги по-другому окрашены. Нельзя сказать с уверенностью, что они черные, но очень темные, потому как все время в мыслях у них, как бы кого-нибудь обмануть. У господаря за городом сад, дом, там мы были

у него в гостях, правда, он и сам там живет, будто в походном лагере. Да и то: разве не нужно стеречь от врага капусту? Днем он — в доме, а ночью спит в шатре. Почему? А потому, что ежели великий визирь находится в лагере, то и военачальники должны переселиться в лагерь, пускай этот лагерь у него на огороде, где капуста растет, и должен оставаться там до тех пор, пока визирь лагерь не покинет. Нам же господарь дал карету, почтовых лошадей и повозки, так что завтра мы с Божьей помощью поедем отсюда дальше. Дают нам и несколько солдат влахов, чтобы нас проводили; а чтобы охраняли, этого я не думаю; но ежели нас схватят, все-таки будет кому известить господаря. Никаких других новостей здесь нет. Разве что вот: вчера проезжал здесь москальский посол, направлялся он к великому визирю. Легко догадаться, что вытанцовывается мир; думаю, на этой стороне танцуют тот же танец. Никогда, милая кузина, не надо было тебе беречь здоровье так, как сейчас; лучше всего пообещай ему прибавку к жалованью, чтобы оно никуда не ушло, потому как я своему здоровью вынужден давать питештское вино*, что для него суровое наказание.

149. Яссы*, 21 junii 1739.

Прибыли мы сюда, милая кузина, благополучно, до Фокшан* ехали, как баре, в карете господаря, которая, пожалуй, принадлежала еще самому первому вайде Валахии, но какая-никакая, а все-таки карета. От Фокшан до Ясс тряслись мы без всякого беспокойства, потому как почтовые лошади повсюду здесь — огромные и ленивые. Но что за чудесное это

было путешествие! О погоде не говорю, потому как все время лили дожди, особенно в Молдове, и были мы, как мокрые петухи. Но по каким красивым местам, по каким ландшафтам едешь из Бухареста до самых Ясс, — глаз не оторвешь. Какая жалость, что великолепные эти земли пустуют! За два дня хорошо если раз мы встретили человеческое жильё. Более прекрасной земли я никогда не видел, путешествие было у нас чудесное, и найдись тут какая-нибудь невеста, она бы с радостью путешествовала с нами, потому как от Бухареста до Ясс видела бы только дивные и самые разнообразные цветы. Поля везде были покрыты цветами, так что лошади наши ступали по гвоздикам и тюльпанам. Словом, мы все время ехали по цветнику, да что я говорю: нет такого сада, в котором было бы так много разных цветов. Вот бы еще наша преходящая радость не была смешана со страхом, потому как все время приходилось опасаться, чтобы какие-нибудь разбойники не напали на нас. Мы могли бы им показать охранную грамоту от турецкого султана, но я-то знаю, они на это не обратили бы никакого внимания и, пускай силой, повели бы на обед к Лобковичу*, мы же такой чести совсем не желали. А наши стражи, стоило им завидеть какого-нибудь всадника, тут же смотрели в сторону леса. Можешь посудить, кузина, как я вздыхал, проезжал мимо снежных гор моей родины; с радостью заехал бы я в Загон, но Господь закрыл передо мной ведущие туда пути, потому как вся земля принадлежит ему. Вчера, в полутора милях от города, встретил нас секретарь господаря и приветствовал нас от имени своего хозяина, потом мы устроились в карете

господаря, торжественно въехали в город и были доставлены к нашим квартирам. Сегодня утром господарь* прислал сообщить, что мы можем с ним встретиться, и опять прислал за нами свою карету, а потом с пышной церемонией встретил нас в шатрах, потому что этот господарь тоже находится в лагере. Почти полтора часа мы были с ним, он лучше умеет ладить с людьми чужим. И этому не надо удивляться, потому как в Порте он был главным толмачом. После беседы нас отвезли к нашему жилью. Принимают они нас так потому, что так им приказано, а завтра и в нашу сторону не посмотрят. Таков грек, особенно если его на пядь приподнимут от земли. И если даже самые простые из них нафаршированы высокомерием, то что говорить о барине, который правит целой страной. Москали приближаются к Молдове. Сейчас больше писать не могу, в другой раз — еще о чем-нибудь. Остаюсь добрый слуга своей доброй кузине, если она следит за своим здоровьем.

150. Яссы, 22 julii 1739.

Вот уже месяц я скучаю в сером этом городе, совсем один, потому как уже и Заи давно отбыл в Хотин. Несколько раз был я у господаря, но то, ради чего меня сюда послали, вижу, дело напрасное*. От скуки же спасения никакого, потому как бояре здешние относятся к чужому человеку, как медведи. Не знаю, натура ли у них такая, или же просто не смеют они разговаривать с чужими, но держатся они очень нелюдимо. Был я уже у нескольких, герб у них — двуглавый орел, и они говорят, что относятся к роду Кантакузинов*. Кажется, мой хозяин тоже из

них, надо посмотреть его герб, хотя сам он — портной. Чтоб здесь кто-то пришел к чужому и позвал на обед, как принято у людей, от этих медведей ждать не приходится. Я тоже решил, что не пойду ни к одному из них. Когда я посещаю господаря, ко мне, видя, как господарь меня принимает, обращаются: «мари-асса»*, но вообще я чувствую себя, будто я здесь один в городе. До сих пор никто не проявил ко мне дружелюбия больше, чем здешний архиепископ*. Когда я иду к нему, он встречает меня с большой радостью и, чтобы показать свое дружелюбие ко мне, несколько раз посылал мне в подарок какую-нибудь еду, такую, которая здесь, в городе, редкость. Я принимал ее с большой признательностью, не потому, что подарок, а потому, что от всей души, а так на кошт я не жалуюсь, хватило бы и на десятерых. И еще большая удача, что здесь находится итальянский падре, с ним я ем и разговариваю, потому как, ежели бы не он, я и рот бы никогда не открывал, разве что когда ем. Ежели бы мне хотелось ходить в корчму, там я достаточно мог бы разговаривать с попами-влахами, потому как здесь в корчмах рядом с каждой бочкой по крайней мере по десять попов, и они окружают ее, будто покойника.

Из всего этого можно видеть, что язык у меня не стирается от разговоров, так что пускай уж перо стирается от письма, потому как времени у меня достаточно, и письмо мне — как разговор. Поговорим же немного как о городе, так и о здешних нравах. Город стоит на холме, место довольно красивое, но воду жителям приходится таскать издалека. Почему Яссы называют городом? Только благодаря пяти или

шести убогим монастырям, иначе его, с его домишками, правильнее было бы называть деревней. Торговлей занимаются евреи и армяне, хотя будь здесь постоянные правители, которые думают о пользе страны, то можно было бы развернуть большую торговлю, гораздо живее и больше, чем в Бухаресте. Где найдешь землю красивее и лучше, чем здесь? Все, что земля родит, здесь лучше, чем в других местах, — разнообразные плоды полей и садов. Где увидишь лучшую скотину, чем здесь? Где еще можно есть такую вкусную говядину? Вино здешнее можно ставить на любой стол, котнарское* же вино и женщины с удовольствием и приятностью могут употреблять. Но жители здесь — как дикие звери, чудесную плодородную землю оставляют пустовать, а сами живут в лесах. Бояр здесь немного, хорошо, ежели десять или двенадцать настоящих, а остальных и в расчет не стоит принимать. Конечно, они находятся в составе турецкой империи, но живут под игмом грека*. Самые главные должности, да и не самые главные, а все, что повыше и позначительнее, принадлежат грекам; князь тоже всегда из греков, и он покровительствует своей нации, и доверяет им больше, и с боярами делает, что хочет. Взять хотя бы того, кто здесь сейчас главный военачальник, который приказывает всему войску? Младший брат одного богатого скорняка грека*, и остальные бояре должны склонять перед ним колени и голову. Но какое мне дело до всего этого, когда должен я в большой тоске есть свой хлеб и пить котнарское вино?

Здесь, что ни день, много дурных вестей, москаль приближается к Хотину, все дрожат от страха

и готовятся. Господь да позаботится обо мне, Он знает, зачем меня сюда привел. Намедни проезжал здесь москальский посол, который едет в лагерь великого визиря. Я тоже был у господаря, попрощался с ним, потому как вчера он с большой помпой выступил отсюда со всем своим войском. Но что это за войско! Его и войском-то не назовешь: скорее сборище пастухов и виноградарей. С ними — паша, у которого сорок или пятьдесят солдат людьми, а все это войско насчитывает, ежели считать щедро, тысячи полторы человек. В последний раз везли стенобитные пушки, которые, если придется, можно заряжать и орехами. Словом, все они отсюда убрались, а я остался и могу делать, что хочу. Знаю я, господарь оставил насчет меня хорошие распоряжения и доверил меня каймакамам, а их здесь трое, все трое — здешние бояре. Один из них — начальник канцелярии. Нас они не защитят, так что возможно, из Оросчика на нас нападут и однажды ночью застанут меня в постели. Не нужны мне такие одевальщики. Остаюсь, милая кузина, твой слуга.

151. Яссы, 23 augusti 1739.

Дела здесь, милая кузина, хуже некуда. С тех пор, как господарь уехал отсюда, в городе царит неразбериха, все суетятся, складывают пожитки, все готовы бежать куда глаза глядят. Бояре уже давно послали своих жен в леса, особенно с тех пор, как лагерь москалей перешел Днестр; здесь всеми владеет ужас. Двое сыновей господаря тоже упорхнули отсюда. В этой суматохе я тоже не знаю, что делать: услышу малейший шум — и думаю, что казаки уже во дворе. Каймакамы

часто приходят ко мне, подбадривают, я же их прошу, чтобы они отсюда меня отослали, потому как они-то, если что, вскочат на коня, когда хотят, а у меня трое или четверо слуг, лошадь же одна. Посуди сама, кузина, в каком я состоянии; только за то время, пока я пишу это письмо, хозяйка моя трижды меня прерывала, говоря, что казаки уже в городе; я ее успокаиваю, но и сам хотел бы уже быть подальше отсюда. С утра до вечера здесь только о казаках и говорят, нет другой молитвы, кроме как: избавь нас, Господь, от казаков*. Я все время посылаю к каймакамам, чтобы они меня увезли отсюда, они же все время успокаивают, что позаботятся обо мне. Но я постоянно в тревоге, в какой никогда прежде не был. Самое тяжелое, что нет никого, с кем перекинуться словом. Хотя бы можно было писать или читать, но и это невозможно, перед воротами все время шум и гам. Сам я не могу уехать, да это и невозможно, пока господарь не скажет. Находиться же здесь, среди перепуганного народа, чистое несчастье. Нет другого выхода, кроме как положиться на волю Божью. В начале этого месяца проехала тут почта визиря в сторону Хотина, везли весть, что визирь побил немцев. Если это правда, то можно сказать, что это — перст Божий. А вчера другая почта привезла известие: турки взяли Белград. Все это — вести важные, в тех краях Господь дает туркам победы, здесь же они должны бежать от москаля. Господь, конечно, знает, как все должно быть, одних Он низвергает, других возвышает. Словом, мне бы очень хотелось улететь отсюда, но прежде чем отправляться, спешу написать тебе, хотя бы для того, чтобы ты, кузина, знала, что те дикие казаки меня не забрали.

152. Яссы, 3 septembris 1739.

Приходится опять писать только о казаках, ни о чем больше, только о казаках, потому как никогда еще большего ужаса, чем здесь, нельзя было видеть, особенно с тех пор как побили турок. Москаль уже подошел к Хотину, казаков в самом деле можно опасаться, церкви постоянно полны, но не для того, чтобы молиться: народ свое добро сносит в церковь. Господарь тоже вернулся вчера сюда, но не с такой большой помпой, как когда уезжал. Таков наш мир! Когда он приехал, я передал ему просьбу, чтобы он меня отослал отсюда, а сегодня сам был у него. Мы говорили с ним о нынешних делах, но я больше всего торопил его, чтобы мы отправились куда-нибудь, потому как знаю, что его сиятельство тоже не будет ждать прихода этих разбойников. Есть уже распоряжение, я уже и приготовился, и милостью Божией могу сказать, что завтра покину их, как Святой Павел влахов. Никогда с большей охотой я не отправлялся в дорогу, как сейчас, и, если удастся, отправлюсь на час раньше, чем следует. Остаюсь, милая кузина...

153. Бухарест, 18 septembris 1739.

Каким-то чудом все-таки упорхнул я от этих диких казаков. Здесь уже, пожалуй, не нужно их бояться, но ежели в дороге мне и не нужно было бояться казаков, то разбойников — очень даже. Словом, из Ясс я выехал четвертого, господарь дал мне и лошадей, и повозку, и еще двоих сопровождающих верхом, но от них никакой пользы мне не было, мы втроем, с двумя слугами, отправились в это опасное путешествие, а насчет остальных я не думал. Когда я покинул

город, словно камень свалился с плеч, и разум мой начал успокаиваться. Господаря и город я оставил в суматохе, но тут они сами разберутся. Правда, ежели я от одной опасности освободился, то передо мной была другая. Всего за несколько дней до моего отправления был разгромлен турецкий лагерь, я не мог не думать, что, рассеявшись по Молдове и Валахии, множество бродячих солдат будут думать лишь о том, что, ежели их побили, то хоть что-нибудь надо унести домой, хоть что-нибудь заполучить с помощью разбоя. Потому как в таком состоянии турецкое войско очень дичает, азиатские нищие турки, которые с радостью берут что ни попадя и везут домой.

Имея все это в виду, очень опасался я плохой компании, а кроме того, думал о том, как много лесов мне нужно пройти до Фокшан. Но Господь распорядился так, что до Фокшан я не встретил ни одного турка, дальше встретил, но это были местные турки, их бояться не нужно. Не встречал я не только бродяг, но даже местных молдавских жителей не видел, будто я один остался во всей стране или будто вся земля убежала из-под моих ног. Не считая малого запаса времени, путешествие было чудесным; поле везде давало мне приют. И, по турецкому обычаю, который очень хорош, выходил я в путь вовремя и вовремя останавливался вечером на привал.

Из всего этого можешь видеть, милая кузина, что я благополучно прибыл сюда. Кого бережет Бог, тот, считай, спасен. Прибыл же я вчера. Бедного кума Папай, хоть и больного, застал я живым, и он очень обрадовался, увидев меня. Хотя здесь уже с уверенностью говорят о мире с немцами, однако господарь

опасается, как бы они не пришли навестить Эрдей. Через три или четыре дня после того как я выехал из Ясс, господарю тоже пришлось поспешить. Как я буду здесь жить и сколько, и как меня будет содержать пустой кошелек, один Господь знает. Кто дал нам зубы, тот даст и еду. До сих пор Он славно заботился обо мне, после этого тоже, думаю, позаботится, ведь главное, что избавил Он меня от довольно большой беды и заботы, пускай и после этого заботится. Заботься и ты, милая кузина, о своем здоровье и пиши.

154. Бухарест, 23 oktobris 1739.

Подумать только, кузина, здесь тоже боятся тех диких казаков: хоть мир и заключен, из москальской армии много сотен откололись и пришли на эту землю, чтобы грабить. Мне кажется, будто они только меня и ищут, и ежели придут сюда, то найдут меня в постели, потому как несколько дней назад, вечером, когда я собрался ложиться, меня стал бить озноб; всю ночь я проспал, но на другой день словно все мои жилы и поджилки разобрали на части, и я чувствовал себя так, что двинуться не мог, даже пальцем не мог пошевелить. Словом, лежал, как бревно, или как человек, в котором не осталось ни капли крови. Не мог ни повернуться, ни взять в руки стакан, хотя внутри у меня был большой жар, все время хотелось пить, — но боли не чувствовал ни малейшей. Так я лежал три дня, потом силы немного возвратились, но плоть на мне так опала, словно я лежал целый месяц и внутренний жар ее иссушил. Потом пустили мне кровь, половина ее была, как холодная еда, половина — как

чернила. Причиной тому была моя квартира в Яссах. Теперь я уже поправился настолько, что могу выходить из дому. Но можешь посудить, милая кузина, в каком состоянии я был в тот день, когда даже не мог пошевелиться в постели, потому как слуга мой говорит: барин, плохие вести, во дворе господаря грузят телеги, сам он покинул город, в городе все готовы бежать, потому как говорят, что казаки недалеко. Слыша это, я думал, теперь мы пропали, и ждал только, когда войдут ко мне в дом, потому как знал, они такие бесчеловечные, что даже не объявят о своем визите, и готов был все им отдать. Но Господь устроил по-другому: на другой день принесли весть, что они только бродят по окрестностям; потом подобные вести утихли, и мы тоже успокоились. Может, мы уже избавлены от этих диких казаков. Я столько тебе уже писал о них, что, наверно, и тебя напугал, кузина. Здесь уже основательно наступила зима, но господарь, который всегда был расположен ко мне, сейчас изменился, потому как я не подчинился его воле, мне дороже моя честь и моя нация. Следи, кузина, за здоровьем, потому как это товар дорогой, и пиши.

155. Бухарест, 15 martii 1740.

Полагаю, кузина, ты уже несколько моих писем не получила; я тоже получил только твое февральское письмо, в этом вижу единственную причину того, что до сих пор не замерз, потому как зима здесь стоит ужасная, пришла она восемнадцатого oktobris, с тех пор с каждым днем снега становится больше, а холод крепнет. Кажется, нас вместе с городом перенесли в Лапонию*, к Ледовитому океану, потому как

никто не помнит такой жестокой зимы, а она установилась во всей Европе. А что уж совсем неслыханная вещь, и, пожалуй, никогда еще не случилось: из Дании в Швецию ездят по морю, по льду, на подводках, — но мне до этого какое дело. Больше дела мне до того, что зиму эту пришлось мне прожить в ужасно холодном доме, и ежели я теперь не замерз, то после этого так и останусь незамерзаемым. Слуги мои сами удивляются, как я могу жить в таком своем холодном доме; и у них есть на это причины, потому как им я уступил теплый дом, я скорей потерплю, чем они, и не стану ворчать. Но здесь большая дороговизна и нужда; на улицах люди хлеб вырывают друг у друга из рук; часто случалось, что я садился обедать, а хлеба не было. Всему этому не надо удивляться: из других мест сюда ничего не могут привозить, а здесь водяная мельница, мельник — все замерзло. Признаюсь, с радостью расстался бы с Бухарестом, потому как здесь жить очень тоскливо. Не знаю я, что это тут за люди, но общаться с ними невозможно. Опасаться того, что какой-нибудь боярин пригласит тебя на обед, ни в Молдавии, ни здесь не приходится. Знаю я здесь, еще с детства, одного боярина*, но он не выказывает ко мне даже самой малой дружбы; когда я прихожу к нему, он жалеет сказать даже слово, как и прочие. Правда, я замечаю, что они не смеют разговаривать с чужими из-за господаря; но они и между собой — всего лишь влахи.

Прости, кузина, заканчиваю письмо, потому как писать — прямо наказание: чтобы написать одну букву, каждый раз приходится приближать перо к огню, чтобы чернила оттаяли. Но что это за огонь, он и сам

часто замерзает. Дрова можно достать очень редко, и стоят они дорого; то немногое, что могу получить, скорее отдаю на кухню, потому как предпочитаю мерзнуть, но сытым, на холоде еда приятнее. Помолись за меня, кузина, чтобы я не замерз до весны; весна уже близко, но здесь такие снежные бури, словно зима только начинается. Хорошего тебе здоровья, кузина, а нам немного теплой погоды.

156. Бухарест, 22 мајі 1740.

Слава Богу, зима нас покинула; но что говорить, покинет и весна, и все же по погоде мы этого не замечаем, а знаем только из календаря. Уже больше месяца, как нету нашего господаря, потому как немец вернул турку ту половину Валахии, которой владел, и потому господарь* поехал в Крайову, чтобы вернуть ее и себя объявить господарем. Такая польза вышла немцу от несоблюдения мира. Бог не допустил, чтобы Эрдей и Венгрия были наказаны за чужие грехи, ни там ни там турок не нанес ущерба, особенно в Эрдее, слава Господу, и это нельзя забывать. Здесь все дорого и всего не хватает, особенно хлеба, но я не очень об этом беспокоюсь, потому как, с Божьей помощью, через несколько дней мы с молодым Заи отправимся в Родошто, и я с радостью покину этот крытый корой город. Здесь оставляем мы одного лишь нашего милого товарища по изгнанию, бедного кума Папай, который завершил свое долгое изгнание. Так мы мало-помалу таем, и из столь многих осталось нас только четверо, тех, кто сопровождал нашего бедного князя на чужбину. Одно у нас утешение, что и другие умрут, не только мы. Конечно, утешение довольно слабое,

но надо же чем-то себя утешать. Из Эрдея сюда еще никто не приехал, чтобы я мог его расспросить, разве что несколько саксов, у которых можно было узнать цены на лен. Есть у нас добрый венгр, священник францисканец из Чика*; приехал он недавно, он, бедный, думал, что здесь рясу и капюшон почитают так же, как в Чике. Мы говорили ему несколько раз, чтобы снял он балахон Святого Франциска, но он не захотел. Намедни, когда он шел ко мне на обед, какой-то грубиян турок коснулся концом трубки его щеки; бедняга стерпел, но на следующий день, спрятав с большим почетом хабит*, надел влашскую рясу, и с тех пор уже не опасается турецкой трубки. Заканчиваю свое письмо, но только для того, чтобы поскорей собраться, отправиться в путь и увидеть тебя.

157. Родошто, 22 junii 1740.

Кузина, из Бухареста сюда — пара хороших шагов. Господь снова привел меня туда, где еще была груда хлеба, к нему я и должен был вернуться, как говорит турок. Столько времени, как в первый раз, знаю, я здесь не проведу, и отсюда уже надо будет перебираться или в рай, или в Эрдей. Отправились мы двадцать шестого дня прошлого месяца, а прибыли вчера. Ты, наверное, спросишь, что мы делали столько времени в дороге? Сам не знаю, но знаю, что мы много спали, каждый день отправлялись поздно и рано останавливались на ночлег. Во многих местах за несколько польтур заставляли мы плясать болгарских девок; они никогда не устают плясать, потому как пляшут на одном месте, ноги передвигают редко, один-два шага вперед, столько же назад, таков весь танец. Но не жалеют петь

песни, сами играют, сами пляшут. Что это за песни: слушаешь и зубами скрипишь, будто рядом слесарь пилит железо. Разница все-таки есть: когда поет какая-нибудь красотка, ее пение кажется немножко более приятным. Наряд их состоит в том, что вешают они на себя много монет: волосы, шею, словом, все увешивают всякими медными монетами и польтурами. Но есть еще она церемония: когда въезжаешь в какую-нибудь болгарскую деревню, какая-нибудь старуха выходит к тебе с решетом, в нем пшеница, и она горстями бросает ее в тебя. Правда, ей нужно что-нибудь дать, потому как и она не должна даром рассыпать свою пшеницу. За три дня мы пересекли Балканские горы, и вчера Господь благополучно доставил нас сюда к прежнему печальному нашему жилью. Что это за мир, и что за дело за него держаться, — но все-таки держатся. Какая польза великому визирю в том, что он вершит такие большие дела, — ежели его все равно сместят. Когда такое случилось, что турок побил немца? Но он это чудо совершил (знаю, что не сам по себе), Белград вернул и увенчал войну против немцев хорошим миром. Не заслужил ли он звания великого визиря до самой смерти? Или по крайней мере хотя бы на несколько лет. После стольких свершений, достойных того, чтобы их долго помнили, звание великого визиря оставалось у него не более чем полтора года. Что такое сделал Ахмет-ниссанджи, что его посадили на это место? Разве что хорошо умел писать имя султана на всяких письмах. Как он будет относиться к нам, Господь знает, но будет все так, как Он захочет. Отсюда мы скоро поедem в Константинополь, чтобы посмотреть, как наши дела. Король Пруссии умер в конце мая*.

158. Родошто, 20 augusti 1740.

Что за несчастье, кузина, жить в таком большом городе, брести там с горы на гору, то на одну, то на другую. Но ежели это и большая беда, и сил требует много, но так должно быть, особенно для таких, как мы, которые зависят от других. Но Господь не оставил нас в этой жалкой юдоли и создал все, что нам нужно. Да будет благословенно имя Его! Но все-таки со мной было не так, как с тем человеком, который поехал в Рим, а папу не видел*. Потому как я — видел султана*, он проехал как раз мимо моего дома. Вообще-то я его даже не поприветствовал, пожелал лишь, чтобы Бог привел его в нашу святую церковь* и дал ему здоровья, потому как он дает нам хлеб. Мы должны быть ему благодарны, потому как Бог не любит неблагодарных. Так что, завершив свои дела*, сел я на судно и сегодня прибыл обратно. Прогулка моя была очень удачной, вечером отплыл, сегодня утром был на месте, сейчас нахожусь здесь — и буду здесь, пока всеильному Господу будет угодно. Ежели смерть настигнет меня здесь, пусть свершится воля Его; ежели отсюда пошлет меня куда-то в другое место, пусть и в том будет Его воля, лишь бы было на мне Его святое благословение. Аминь.

159. Родошто, 19 novembris 1740.

Какая громкая весть, кузина! Звенит ли она у тебя в ушах? 20-го октября умер римский император*. Это вдвойне большая весть: во-первых, умер великий император, во-вторых, закончилась мужская ветвь Австрийского дома*. Какое прекрасное дело — жить: ведь ежели бы мы умерли, то не дождались бы

этого большого события. Отцы наши его и действительно не дождались. Какие огромные изменения может вызвать подобное событие в мире, этом большом постоялом дворе! По древнему закону после смерти первосвященника изгнанники получали возможность вернуться на родину*. А мы — можем ли мы надеяться на такое? Весть эта пробуждает во мне сотни всяких мыслей, но, наверно, ни одна не будет такой, какой я думаю, поэтому оставим все на Большого Хозяина и его слуг. И ежели письмо получилось очень коротким, то зато весть очень большая. Как ты живешь, кузина, хорошо ли твое здоровье? Следи за ним, кузина, ведь ты видишь, как хорошо жить! Чуть не забыл, что Господь дал хорошего папу: в конце августа избрали кардинала Ламбертини, сейчас он — Бенедикт XIV, ему шестьдесят четыре года.

160. Родошто, 27 decembris 1740.

По календарю — уже зима, но погода о зиме знать не хочет, ведет себя, как будто на дворе лето. До сих пор мы еще ни разу не разводили огонь в очаге, да и как разводить, когда стоит такое тепло, окна у нас открыты днем и ночью. Прошлая зима была такой холодной, какой, пожалуй, в Европе никогда не бывало, а теперь и зимой можно носить летнюю одежду. Кто может сказать, в чем тут причина? Я скажу; а кто знает лучше, пусть скажет лучше. Прошлой зимой было куда холоднее, потому что на дрова надо было тратить больше; нынешней зимой погода хорошая, дров требуется мало. Из всего этого я вывожу, что теперь не надо покупать столько дров. Почему? Потому что нет холодов. Видишь, кузина, какой философ у тебя родственник; а если бы я еще учился!

Но хоть я и не учился, знаю я людей, которые уж какие философы. Разве этого не достаточно? Но не будем говорить все о холоде, да о холоде, поговорим и о том, что в этом году было много народу выкошено, и смерть показала, что косит она не только в соломенных хижинах, но и во дворцах*.

Прежде всего Господь взял к себе папу Климента XII; прусский король умер 31 мая, вдовствующая королева испанская ушла за ним 6-го июня; императора Карла VI Бог призвал к себе 20-го октября, а вскоре за ним, через восемь дней, последовала москальская царица*. Все эти события могут вызвать в Европе большие изменения. Уже больше четырех сотен лет императорская корона не покидала Австрийский дом, и вот дому этому настал конец. Но даже на пустой этот дом зарятся трое: испанский король, баварский король и прусский король; последний уже начал войну, хочет занять Силезию*. Кроме того, еще продолжается война между испанцем и англичанином, и на помощь испанцу выступил француз. Все это — крупные события, за один год более крупных, чем эти, не было. Властители повсюду готовятся и находятся в большом возбуждении. Одни лишь мы сидим в изгнании, в тишине, словно наши дела — самые лучшие. Только ведь богач ест тогда, когда захочет, а бедняк — когда дадут. Теперь отовсюду собираются послы во Франкфурт*, на выборы императора, но это будет не так скоро. Будет, не будет, это их дело. Нам же остается лишь молиться творцу, по воле или по разрешению которого все это происходит, и воздать ему благодарность за то, что дал нам прожить этот год.

161. Родошто, 15 martii 1741.

Милая кузина, получил я несколько твоих писем, прочитал их и дал на них ответ. Довольно грустно было узнать, что у главного толмача сняли голову. Большого ущерба ему вряд ли могли бы причинить. Знаю, он дорого заплатил бы за нее, но — что делать. Ты пишешь, все равно у него все забрали, да и жену его схватили. Что за глупый этот мир, или мы — ослы, что так держимся за него. Молдавский господарь* был ему младшим братом, знаю, он сейчас плачет. Сколько денег и всякого добра у бедняги нашли, я верю, собирал он это для сына и для жены, потому как сам ничем этим не пользовался, был очень-очень худым и поджарым, как большинство греков. Видел я на нем и трехлетний кафтан, хотя знаю, что было у него достаточно кафтанов из куньего меха; а еще я видел, что у его жены голова увешана была алмазами и смарагдами. Полагаю, он еще с детства предчувствовал свой печальный конец, потому как я всегда видел его грустным и с угрюмой физиономией; он, кажется, никогда не смеялся. Будем же довольствоваться, кузина, тем, что имеем, хотя этого очень мало. И воздадим хвалу Господу за хлеб наш насущный.

Видишь, я уже поступаю так, как бывает, когда трое, четверо соберутся, и поскольку не о чем им говорить, то говорят о погоде. Вот и я пишу о погоде, потому как до сих пор здесь стояла осень и все время было сухо; за всю зиму снег шел лишь трижды. Да и что это был за снегопад! Даже армянам его было недостаточно*; мы тоже могли бы его съесть, будь это бузинная каша. Новости со всего мира (потому как мы находимся вне его) говорят, что поход прусского

короля на Силезию идет очень успешно и что повсюду собирают войска. Если бы каждый довольствовался своим, какой покой царил бы в нашем мире! Пиши мне, кузина, но за здоровьем следить надо очень старательно. Мы здесь, хвала Господу, проводим дни в тишине. Я занялся хозяйством, в саду своем посадил несколько кустов винограда, они даже принялись и принесли две грозди. Я им так рад, словно владею Токайской горой*. Милая кузина, как мало нужно, чтобы изгнанник был доволен жизнью.

162. Родошто, 15 мајі 1741.

Как живешь, милая кузина, как здоровье? Принято ли там у вас, в большом городе, весной писать письма? Наверно, нет, потому как давно уже я не получал от тебя письма, уже целых шесть дней. Для тех, у кого ледяное сердце, как у моей кузины, это немного, но для сердца секея это очень много. Я же недавно послал тебе большое письмо, потому как здесь у нас и весной любят писать, даже с еще большим удовольствием, чем в другое время года: людям кажется, что весной вместе с цветами нужно и дружбу обновлять, и в голову приходит больше ласковых слов, чем в иное время. В чем тут причина, женщинам виднее.

После долгой сухой зимы пришла сухая весна, но цветет все обильно. Мы одни увядаем; и мы сами, и наши дела. Где царит разлад, там нет Божьего благословения. Нас тут трое-четверо, и все-таки не можем найти покоя, проклятое неравенство меж нами остается, хотя Порта тут ни при чем, но оно живет, мы сами питаем его, на свою беду*. Ежели бы зависело от меня, я бы давно его похоронил, но, как вижу,

оно нас скорее похоронит. Никаких новостей, которые нас касались бы, пока нет, мы лишь видим, что повсюду готовятся к войне, а Бранденбург уже и начал. Послы отовсюду с большой помпой съезжаются во Франкфурт на выборы императора. Им виднее, меня это не тревожит, я беспокоюсь лишь о том, чтобы здоровье кузины моей оставалось крепким.

163. Родошто, 15 julii 1741.

Не удивляйся, кузина, что я не пишу чаще: здесь стоит такая сушь, что даже мои чернила высохли. Но все это было бы ничего, лишь бы вода не высыхала, потому как здесь воду трудно достать даже по крайней нужде. Но пусть не говорят мне после этого, что сухой год — это тощий год: дождя не было уже пять месяцев даже на пять часов, но при всем том жатва была обильной, а на фруктовых деревьях урожая, как в этом году, не случалось никогда. Но тот, кто может с сотней человек побить сто тысяч*, и без дождя обеспечит изобилие, как мы и наблюдаем в этом году. Это я о благословении Божиим здешним полям. Посмотрим же, каково милосердие Его по отношению к городу*. Мы очень боялись, как бы в засуху не распространились болезни, особенно страшились чумы, но, слава Богу, не было года более здорового, чем этот; и, что самое важное, не слышно о чуме и в столице. На что нам еще жаловаться? Не на что, кроме как на то, что мы не благодарны Господу за его доброту. Пока не наступит сбор винограда, бросим взгляд на Франкфурт: послы самых разных королей давно уже собрались там на выборы императора, но к выборам еще не приступили. Властители повсюду

готовятся к походам, прусский король повел в Силезию сорок тысяч человек, баварец замахнулся на Чехию, позвав на помощь француза. Да будет воля Божья. Кузина, желаю крепкого здоровья.

164. Родошто, 21 augusti 1741.

Ты спрашиваешь, кузина, что мы тут делаем, как проводим время? На первый вопрос отвечу, что самое важное занятие наше — еда и питье; на второй — сон и прогулки по берегу моря. Не достаточно ли всего этого для изгнанника? Однако ждем мы, чтобы кто-нибудь отвел нас домой, как в Иерусалиме ждали возле купальни Силоам больные, чтобы ангел возмутил воду и бросил их туда*. Но купальню ту возмутил ангел, а не человек. Доверим же себя ангелу мудрости, он знает все, что должно быть. Я же должен желать блага и мира для своей родины, и не только для своей. Баварец начал войну за Чехию с помощью француза. 25 junii короновали и венгерскую королеву*, она провела и необходимую церемонию: села на коня и взмахнула мечом в три стороны света, показав, что защитит страну от врага с трех сторон. Церемония великолепная. Доверим себя воле Господа: там, где нет надежды для человека, есть помощь от Бога. В другой раз — больше. Полатети!

165. Родошто, 15 septembris 1741.

Если не вести хронику погоды, то не о чем писать. Вот и пишу: сегодня была хорошая погода, вчера шел дождь, позавчера была большая буря. Это не письмо, а календарь, и я предвижу, как ты, кузина, оценишь такое письмо. Слава Господу, милая кузина, дни наши проходят в тишине. Дни наши — одноцветные,

никакой разницы меж ними, сегодня то же, что завтра, а завтра будет то же, что сегодня. Все время занимаемся одними и теми же делами, и все время тянем с собой наше долгое изгнание, которому, наверно, лишь смерть положит конец. Должны мы поблагодарить королеву за наше изгнание с родины, потому как там больше причин для сокращения жизни. Здесь у нас нет неприятностей ни с приказчиком, ни со старостой, не болит голова в судах, не терзает квартирмейстер, не горюем мы о приобретении или утрате имущества, не завидуем судьбе другого, его рангу, его продвижению, его усадьбе; думаю, что и другие не завидуют нам, ворчанья хозяйки не слышим, не слышим и ее попреков, что нет того или другого. Не ломаем голову над тем, что должны мы оставить детям нашим, как их воспитывать, как определить их на хорошую должность, как устроить выгодный брак. Баварец с французом воюют против королевы за Чехию, пруссак — за Силезию. Что за ненасытность такая, когда человек не удовлетворяется тем, что у него есть. Баварец без помощи ни завоевать не может Чехию, ни удержать. Христиане уничтожают друг друга, а турок смотрит на это невозмутимым взглядом. Вот и я желаю кузине невозмутимого здоровья.

166. Родошто, 1742, 29 aprilis.

Минуло уже несколько дней, как с вершины колеса сбросили великого визиря, а на его место посадили Али-пашу*. Он уже во второй раз визирь, случай беспрецедентный, но человек он добрый, человечный. Ежели он не хочет чего-нибудь дать, то по крайней мере отпускает просителя по-хорошему. Разве это не

значит — добрый? Очень добрый, не так, как другие, которые не дадут, но прогонят тебя с шумом и криком. Отец этого визиря был у султана врачом. К нам Али-паша всегда относился хорошо. Как прекрасно, когда о человеке говорят хорошо, желают ему добра, — это все равно что помолиться за него перед Богом. Как много сотен бедных мужчин и женщин говорили после смерти Христа, что он им сделал добро. Когда святой Петр воскресил Тавифу, многие бедные женщины показывали ему свои рубашки, свои платья, которые сшила для них Тавифа*. О ком никто не говорит хорошее, тот нищим уходит из этого мира, даже ежели он богач. Хороший христианин говорит так: что я потратил, то утратил, что имел, отдал другим, а что отдал другим, то сохранил навечно*.

Нет сомнений, навечно сохраняется не только то, что отдал другим, но и хорошие, милостивые слова, полные любви к ближнему. Что же сказать о людях, которых не беспокоит, что будут говорить о них после смерти. Можно о них сказать без всякого предубеждения, что сердце у них было грубым, мало в них было любви к ближнему. Нет сомнений, не следует стремиться прослыть добрым и человечным только ради самого себя, но только ради Господа. Вот и Писание говорит, что другие, видя поступки наши, благодарят за это Господа. И святой Павел говорит, что его не беспокоит, что говорят о нем люди, то есть злые языки, неблагодарные. Но никто никогда не давал оснований говорить о нем доброе, как этот святой. Конечно, Писание говорит, что если мы хотим быть человечными только для того, чтобы нас похвалили люди, то мы получим награду, которая

будет лишь дымом, а потому добро нужно творить не ради самого добра, но ради Господа и не для телесной, а для душевной пользы*. Скажем после всего этого, что если о христианине говорят хорошее, то на него сходит Божье благословение, а после смерти его Божья милость. Как ты, кузина?

167. Родошто, 1742, 25 junii.

После смерти императора случились очень большие события, дочь его хотели лишить всех владений. Баварец хотел занять Чехию, воевал за нее, но конец этому был плохой. Пруссаки же утверждали, что у него больше прав на Силезию, чем у Австрийского Дома, и, начав войну, полтора года сражался за нее, в конце концов победил, и венгерская королева заключила мир с пруссаком в этом месяце*. Я уверен, Австрийский Дом никогда не забудет Силезию, и когда-нибудь мир будет нарушен; дождемся мы этого или нет, один Господь знает. Я же знаю, что желаю кузине здоровья.

168. Родошто, 1743, 15 oktobris.

Только с небес нельзя упасть, хотя и оттуда пали плохие ангелы. А на этой земле, как бы высоко ни забрался человек, все равно придется спуститься, как случилось нынче с Али-пашой, который не просидел на колесе и полтора года, потом колесо удачи повернулось. Он уже дважды оседлал это колесо. Но, к счастью для визирей, уже один или два турецких султана отказались от обычая душить смещенных визирей. Какое большое дело визирю потерять свою должность, потому как должность эта, можно сказать, королевская. Он — владыка всей империи, на нем лежат

все дела, как военные, так и судебные. Одним словом, вся администрация, все должности зависят от него. Жалованье у визирей очень маленькое, но кто может сказать, сколько тысяч способов у них есть для обогащения. В этой стране, если вельможи тянут добро на себя и обогащаются, это на пользу султану, потому как, ежели их сместят, головы их родня будет выкупать ценой многих кошелеев денег, а ежели их убивают, то все их имущество переходит к султану. Более высокой должности, чем визирь, в Европе нет, ни большего могущества, ни большего дохода, но и нет более преходящего величия, потому как визирь не знает того часа, когда его сбросят с колеса. Ежели кто-то провел в этой должности два года, это уже очень много*. Визири точно могут сказать вслед за святым Павлом: нет у нас вечного города. Смещенный визирь никогда больше не увидит Константинополя. На такую высокую должность не обязательно выбирают кого-то из вельмож: выбирают того, кто понравится султану. Может им стать цирюльник, лесоруб, мясник, корабельщик; визирями побывали все они. Наш же новый визирь — главный ага янычар, сколько он просидит наверху, сам не знает, а вот я знаю, что желаю кузине здоровья.

169. Родошто, 1746, 15 augusti.

Самая громкая новость у нас — сместили визиря, а на его место поставили его тихая, Мехмеда-пашу*. Это уже четырнадцатый визирь за то время, как мы господствуем в этой стране. Я сказал, господствуем, потому как Бог, его Святейшее Величество, очень заботится о нас, мы не ведаем ни бед, ни нужды. Конечно, не могу

сказать, что живем мы как рыба в воде, потому как рыбы не умирают от жажды. А здесь даже воды стало мало, ручьи пересохли. Удивляться этому нечего, поскольку за шесть месяцев не было ни одного дождя, и плащ нам не нужен. А удивляться надо тому, что уродилось все в достаточной мере, даже вина будет достаточно. В других местах следом за такой засухой наступил бы голод, но здесь все растет в изобилии, кажется, словно сама земля привыкла к засухе, потому как здесь лето обычно очень сухое, только весной бывает немного дождя, но его хватает. Ежели бы здесь шло столько дождей, как в других местах, то вина было бы мало, потому как здесь виноградную лозу не привязывают к кольям, и она бы вся сгнила, чего здесь очень боятся, когда дождь идет хотя бы два дня. В каждой стране свои обычаи, даже природа живет везде по своим обычаям: если бы здесь лозу поднимали на колья, она бы вся высохла. Кажется, достаточно говорил о хозяйстве человек, у которого ни пяди своей земли нет. Остаюсь, милая кузина.

170. Родошто, 15 sepembris 1747.

Зачем желать кому-то долгой жизни, поскольку даже Мафусаил* в конце концов умер; и зачем стремиться к высоким должностям, поскольку визиря Мехмеда в прошлом месяце сместили? Ежели бы после каждого смещенного визиря мы захотели бы читать проповедь об изменчивости, непостоянстве жизни и удачи, то мы бы только этим и занимались. Лучше давайте скажем обо всех смещенных визирях сразу: отчитайтесь о вашем управлении*. Визирь же теперь — Абдулла-паша*.

В начале этого месяца прибыл в Константинополь граф Д'Эзаллер, он станет новым послом в Порте. Жена его — полячка из семьи Любомирских; этот французский господин из Парижа попал в Турцию через Саксонию, затем через Польшу. Между христианами идет большая война*; турок живет мирно. Дай нам Бог душевного покоя.

171. Родошто, 1748, 15 aprilis.

Уже примирились и христиане*. В начале этого месяца был заключен мир между венгерской королевой и французским королем; в этом мирном договоре венгерская королева уступила две или три провинции в Италии дону Филиппу*. Пускай мир будет долгим; правда, у королей обязательно получится какая-нибудь свара, которую они будут решать при помощи адвокатов-пушек. Мы же здесь живем тихо, наш султан любит мир, с соседями ладит, народ его любит. А коли кто-то ищет смуты и вылезает из кожи, он его немедленно посылает в царство рыб, но без головы. Турецкими вельможами движет не любовь к родине, а всего лишь сумасшедшая жадность. Ежели тут восстанут янычары, их сразу усмиряют деньгами. Этот султан лишил головы своего кизляр-агу*, у которого сокровищ было, как у князя, однако ему не сиделось на месте, и он принялся подстрекать людей против султана. Счастливее, чем кизляр-ага, никого не может быть в этом мире: ведь он постоянно на глазах у султана, он стережет его жен, он может собрать столько сокровищ, сколько хочет, хотя зачем ему, детей у него не может быть, жены ему совершенно не нужны, поскольку то, что является причиной такой нужды, у него отрезано ножом.

172. Родошто, 1748, 20 мајі.

Милая кузина, вижу, ты устала читать в моих письмах про дождь, холод, жару, и хочешь, чтобы я написал что-нибудь о турецком дворе, его обычаях, о том, как им управляют, как содержат. Все это хорошо и полезно, но тогда я должен был бы писать не письмо, а книгу. Вижу я, женщины умнеют со временем; добавлю, даже и о мужчинах это можно сказать, им тоже необходимо, чтобы время стало их учителем. Перед этим мы думали только о веселье, теперь хотим знать, какие обычаи господствуют в империи. Чем бы ни объяснялось такое изменение, я, милая кузина, должен подчиниться и выполнить твое желание, насколько мне это удастся.

Прежде всего, невозможно не удивляться тому, что великая эта империя держится столько времени, как невозможно не объяснять ее укрепление и приращение посредством оружия, скорее Божьей волей, чем способом правления или умом тех, кто ею правит. Мы не сможем думать по-другому, если посмотрим, как велика власть султана, которая часто лишена и разума, и высокой нравственности, однако речи и поступки его, пускай в них мало разума, являются законом и примером для всех. В Порте никому не помогут подняться к высшим должностям ни принадлежность к знатному роду, ни заслуги, — но одно лишь расположение султана. Чем уравнивается такой странный обычай? Жестокостью наказания: того, кто вздумает подстрекать против империи, тут же убивают, и только это держит пашей в узде. Жестокость и насилие — такова натура турок. Способ правления они взяли из военного быта — и не

изменили его ни на йоту; рабское повиновение стало их натурой. В этой великой империи необходимо сразу, в самом начале остановить того, кто против нее что-то затевает, и первое же подозрение должно караться казнью...* Ну вот, пока достаточно, в другой раз напишу больше или меньше. А может, ты хочешь, кузина, чтобы я тебе написал историю империи? Все равно доброго здоровья. Спокойной ночи! Кто это видывал, чтобы в мае месяце так много писали!

173. Родошто, 26 julii 1748.

Кузина, как мы, что мы? Водная наша почта идет очень долго. Ты пишешь, кузина, что с удовольствием прочитала мое письмо, где я рассказываю о жизни Порты, и просишь продолжать, потому как это тебе интересно. Я же всегда думаю о том, чтобы тебе угодить; так что начну не о господах, а о госпожах.

Ты знаешь, кузина, что турки с оружием в руках завоевали в Европе, Азии и Африке большие и богатые края, в которых султан стал полновластным и вечным властителем; но отсюда нужно вычистить имущество, принадлежавшее священникам и церкви, поскольку священники у них тоже любят богатство.

Итак, султан, полновластный владелец всех земель, с самого начала разделил покоренные земли между своими военачальниками, чтобы наградить их за хорошее поведение. Эти владения называют тимарами, но это не венгерские тимары*. И тот, кто получил такой надел, обязан поставлять по требованию султана определенное число верховых воинов. Но не лишне узнать, что, хотя эти земли и передаются по наследству, владеют ими так, словно получили

в аренду, поскольку султан может их отобрать, когда захочет. По причине такой абсолютной власти султана турки называют его земным богом, то есть тенью бога, потому и считают ученые доктора, что султан выше закона. Конечно, в определенных вещах султан спрашивает совета у муфтия, но если совет не понравится султану, он, не раздумывая, сместит муфтия и возьмет такого муфтия, который скорее может ему угодить. Турки также считают, что султан может изменить свои обеты и обещания, ежели они в чем-то наносят ущерб его абсолютной власти. Конечно, когда султан становится султаном, он дает клятву, что будет защищать турецкую веру и законы Магомета, но тот же самый закон называет его рупором и толкователем законов. Известно также, что ученые доктора-правоведы в вопросах веры ограничивают всевластие султана, а в делах государственных признают его всевластие. Я уже написал достаточно, даже крымский татарин в такую жару не стал бы заставляя своего раба писать больше.

174. Родошто, 26 oktobris 1748.

Здесь, милая кузина, выдался хороший урожай, я даже делаю полынное вино. Виноград так дешев, что за одну польтуру дают три окка* великолепного сладкого винограда, это примерно девять фунтов. Если виноград дешев, работы с ним немного, как и другой полевой работы. Например, в этом месяце собирают хлопок, ту же землю снова засевают в декабре, потом вспахивают примитивной сохой с двумя волами, а в июне собирают пшеницу, как камыш. Да, я и забыл, что должен писать про женщин. Турки

среди прочих хороших добродетелей выше всего ценят послушание; послушанию первым делом учат тех, кого воспитывают при дворе султана, предназначая их для высоких должностей. Точно так же тех, кто покорно принимает смерть по приказу султана, считают мучениками и верят, что те прямой дорогой попадают в рай. По этой же причине всем, кто занимает должности, дают имя кул, потому как они — рабы султана. И даже великий визирь считает для себя большой честью носить это имя. Так что можно сказать, вся империя состоит из рабов. Юношей, которых воспитывают при дворе, держат взаперти, как в темнице, двадцать, тридцать, сорок лет. Почти у всех пашей мать была рабыней, и сами султаны всегда рождаются от рабынь; вот почему турки так склонны к рабскому подчинению. Больше писать пока не стану, потому как вчера было большое солнечное затмение, даже видны были звезды.

175. Родошто, 29 novembris 1748.

Это мое письмо расскажет тебе, как воспитывают молодежь при дворе султана. Поскольку турки считают, что султану должны служить люди, которые были им воспитаны и вскормлены, то эти молодые люди чаще всего происходят от родителей христиан. Эти юноши призваны занять высокие должности, турки называют их ичогланами. Юноши эти должны быть очень красивыми и статными, у них не должно быть никаких телесных недостатков, потому как турки считают, что в красивом теле не может жить грязная, низкая душа. Прежде чем принять, их показывают султану, который распределяет по предназначенным

для этого школам. Но первым делом записывают в книгу имя, возраст, откуда происходит, и потом им причитается жалованье — четыре или пять монет в день. Эти юноши направляются в большие или малые школы, в большой обычно учат по четыреста человек, в малой — по двести. Воспитывают их очень внимательно и строго, учителя учат их религии, турецкому, персидскому, сарацинскому языкам. Присматривают за ними белые кастраты. Как одеждой, так и едой они обеспечены хорошо, кровати стоят в ряд, и после каждой пятой кровати лежит кастрат, чтобы не было между ними какого-нибудь непотребства. Когда они выходят из детского возраста, их заставляют делать такие упражнения, для которых нужна сила: метать копье, дротик, учат стрелять из лука, кроме того, обучают ремеслу: делать стрелы, седла, играть на музыкальных инструментах, воспитывать собак, ловчих птиц. Из этих школ их направляют на более важную работу: например, стирать рубашки султану, заботиться о его дорогих напитках. Повышают им и жалованье: в день — восемь монет. После этих двух ступеней они пойдут еще выше, в школу, которую называют чаз ода; в ней живут сорок слуг, которые постоянно находятся рядом с султаном. Двенадцать из них занимают главные придворные должности, это следующие должности: селикдар ага, оруженосец султана; рикьябдар ага, стремянной; ибрикдар ага, кто подает воду; тулбендар ага, кто украшает чалму султана; кем-гусар ага, кто заботится о его верхней одежде и белье; чернегир баши — начальник тех, кто пробует пищу султана; загарди баши, псарь; гирнакви баши, кто стрижет султану ногти; барбер

баши, первый цирюльник; махашчеги баши, кто следит за расходами; эшкереги баши, секретарь. На сегодня все.

176. Родошто, 15 februarii 1749.

Сегодня буду писать о полулюдях, то есть о кастратах, поскольку у султана есть два вида кастратов: белые и черные. Главные служащие внутреннего двора султана — в основном кастраты; первый священник султана и священник султанских церквей — тоже кастраты.

Черные кастраты поставлены служить женщинам. Эти полностью оскоплены, и более жутких и отвратительных, чем они, нигде не увидишь. Начальник над ними — кизляр-агаши.

Кажется, здесь можем мы поговорить и о девицах при дворе султана. Все это — рабыни из разных стран; отбирают туда самых красивых.

Все они разделены на два дома, как слуги. Занятие у них — шитье. У каждой — отдельная постель, но через каждые пять постелей спит очень внимательная старуха. Этих девиц учат музыке и танцу. Мать султана выбирает из них в служанки тех, кого захочет. А старуху, которая ими командует, называют каден-киая*, мать девиц.

Когда султан хочет выбрать себе кого-нибудь из них, их выстраивают в ряд, и той, которая ему понравится, он бросает платок, и ее с почетом ведут к султану. Если она, к своему счастью, рождает ему первого сына, ее коронуют, и она носит имя хасаки султана. Другие, ежели даже и родят сына, этого имени уже не носят.

После смерти султана жены могут покинуть двор; но те, у кого есть здесь сын, на всю жизнь остаются при дворе, ежели только сын сам не станет султаном. Отсюда видно, что внутренний двор султана подобен школе, где соблюдают строгий порядок. После этого речь пойдет о внешнем дворе султана.

177. Родошто, 21 junii 1749.

Перейдем к женским делам и начнем с великого визиря, которого турки называют визир азем*, то есть глава совета. Султан отдает ему в руки почти всю свою власть, ему же отдает свою большую печать, на которой выгравировано его имя. Эту должность ввел еще первый Амурат. Есть еще шесть визирей дивана, которые в диване дают совет лишь тогда, когда визирь попросит такого совета.

Двор визиря — настоящий княжеский двор. На больших церемониях он носит на треугольной чалме два пера, а султан — три. Перед визирем несут три конских хвоста, такого почета удостоены лишь трое башей во всей империи. Поскольку он представляет султана, каждый может прийти со своими спорными делами к нему; четырежды в неделю при дворе он собирает диван при дворе султана, а дважды — в своем доме. Как ни всемогущ визирь, но он не может казнить башу без письменного распоряжения султана, и даже янычара без разрешения его командира, хотя каждая просьба должна проходить через руки визиря. Если случается, что с кем-нибудь совершили большую несправедливость, в которой замешан и визирь, тогда можно позвать его к султану, поместив ему на голову огонь, и так пойти ко двору султана искать справедливости.

Жалованье визиря — только двадцать тысяч талеров в год, но подарки, которые дают баши со всех провинций, и большие деньги, которые он берет у всех, у которых есть какое-то дело в Порте, — все это составляет огромное богатство, которое султан делает невидимым, потому что сокровища эти пойдут в его сундуки.

Есть еще высокие должности после визиря, например, беглербеги*, то есть губернаторы провинций. У всех у них три бунчука, и они распоряжаются как военными делами, так и законами. Анатолийский беглербег — самый первый, ему на год полагается небольшая сумма в один миллион. Всего в стране двадцать два беглербега. У каждого из этих губернаторов свой муфтий, рез-эфенди, канцлер, тефтердар, казначей.

Как не помянуть тут и о валашских и молдавских господах? Из них молдавский — первый и более бедный; молдавский дает султану шестьдесят тысяч талеров, ну и туда же идут бесчисленные подарки по всякому случаю; валашский воевода — сто тридцать тысяч талеров. Раньше турки были так простодушны, что собирать налоги ездили сами. И вот нашелся один валашский господарь, который послал следом за турками своих людей, и те, переодевшись разбойниками, отобрали у них все деньги. После двух или трех таких случаев у турок открылись глаза, и теперь собранные налоги везут в Константинополь люди господаря. Если не довезут, то султан ущерба не понесет.

178. Родошто, 21 oktobris 1749.

Здесь не приходится опасаться, что губернаторы в каких-нибудь дальних провинциях проявят непокорность и захотят стать самостоятельными властителями,

потому как в Турции очень следят за тем, чтобы губернаторами назначать таких людей, которые воспитывались при дворе султана и не знают ни отца, ни матери, ни прочей родни, и потому у них никакой надежды найти в случае чего поддержку, а значит, они не смогут ничего предпринять против султана.

Султан не позволяет, чтобы богатство отца переходило к сыну, наследство каждого паши принадлежит султану, из него он и дает детям паши столько, чтобы они могли прожить.

Ежели султан неодобрительно смотрит на могущество или богатство какого-нибудь паши, то отдает за него или свою младшую сестру, или другую родственницу. При помолвке жених должен дать большую денежную сумму, перед женитьбой — дорогие подарки, после свадьбы же содержать жену в большом достатке и роскоши. Словом, какие бы сокровища у него ни были, жена опустошит его сундуки. При этом она даже может не жить с ним, потому как родственников султана никогда не вывозят из Константинополя, сам же паша должен находиться в своей провинции. К древним родам здесь никакого уважения не питают, и паша, который берет в жены девицу султанской крови, предыдущую жену должен прогнать, как бы тяжело ему это ни было. Поскольку же он и с новой женой не может жить, то жена дает ему для радости одну-две халайки, или рабыни. Вот и у нас для радости был довольно обильный урожай.

179. Родошто, 1750, 16 januarii.

Милая кузина, это — год юбилейный, святой*. Пойти бы нам в церковь Святого Петра, но туда мы пойти не можем, так что помолимся Богу здесь.

Велико имя Мое всюду, и всюду жертвуют имени Мо-ему*. Вот уже несколько дней, как сместили визиря, его место занял тихай-бег, зовут его Мехмет-паша*. Теперь пора уже написать о турецкой вере и сказать, что религия Магомета — самая опасная среди всех ложных религий, ибо, кроме того, что она более всего благоприятствует чувственности, она вообще-то в нескольких пунктах согласуется с христианством. Магомет основал свою религию на знании о действительном и все сотворившем Боге, затем на любви к ближнему, на телесной чистоте и тихой жизни. Турецкая религия сурово осуждает идолопоклонство.

Магомет родился в язычестве, среди сарацинов, в 570-м году. Большой разум был дан ему от природы. Считают, что от язычества его побудил отказаться монах-несторианин Сергей*, бежавший из Константинополя. Из Корана следует, что эти два человека взяли из Священного писания то, что лучше всего подходило для их религии; но поскольку в то время в Аравии было гораздо больше евреев, чем христиан, то из Нового Завета они взяли гораздо меньше, чем из Ветхого, — исходя из соображений, чтобы привлечь к своей религии евреев, но чтобы и христиане не отделились от нее полностью. Не возьми Магомет себе в голову, что он — посланец Бога, религия его не слишком отличалась бы от социнианства*. Но он хотел гораздо больше, желая уверить всех, будто у него союз с вышним духом; однако, поскольку он не был небесным посланцем и у него не было дара для совершения чудес, его вынудили определить свою религию так, чтобы благоговения его относились к разуму, к светской науке и к лицемерию, и они, эти приступы

благоговения, и вызвали у него сильные приступы болезни. В конце концов все это тем не менее убедило народ, что он гораздо выше остальных людей и что учился он у небес. Жена его, Фатима*, и последователи во всю глотку кричали, что он — провозвестник и толкователь воли Господа, а в этот мир пришел за тем, чтобы принести повеления Бога. Голубь, приученный порхать над его головой, не в меньшей мере повысил его авторитет в глазах народа, который полагал, что птица эта — сам архангел Гавриил и что он шепчет на ухо посланцу Бога*... Здесь прерываюсь, в другой раз напишу больше.

180. Родошто, 1750, 15 maji.

Кого не радуют прекрасные майские дни! Но что совершенно точно, здесь май не такой ласковый, как в других местах, потому как лиственные деревья мы видим почти всю зиму, зелень тоже, более того, в мае уже наступает сушь, трава начинает вянуть, деревья же цветут и зеленеют уже в середине апреля.

Но говорить нам нужно здесь не о хозяйстве, а о Магомете, который, чтобы не оттолкнуть от себя язычников, не хотел показать себя ни евреем, ни христианином. Но, чтобы угодить и евреям, и христианам, у тех и у других взял из религии какие-то части и присоединил к своей, и стал учить, что Господь дал людям три писанных закона, каждый позволяет прийти к блаженству, потому как допускает веру в одного бога, творца и судию всех людей. Первый закон был дан в честь Моисея, но поскольку он был очень суров, немногие могли его до конца соблюсти. Второй закон — закон Христа, но его, хотя

он исполнен милосердия, соблюсти гораздо труднее, потому как он очень осуждает испорченную натуру. Причину этого Магомет объясняет следующим образом: Бог полон милости, через меня он посылает вам такой закон, который легко выполним даже при слабости вашей, так что, ежели вы будете верно ему следовать, то будете все счастливы как на этом, так и на том свете. (Это — очень важное обещание.) Коран — такая книга, в которой среди хорошего много детского и ненужного. Но, какой бы она ни была, книга эта содержит в себе как священнический, так и мирской законы, предоставляя туркам все, во что нужно верить и чему следовать. Они даже не смеют эту книгу так сразу открыть, а сначала кладут ее себе на голову, что у них самый большой признак почтения. Книгу эту они читают с большим прилежанием, соблюдая заповедь, которая гласит: часто занимайтесь чтением той книги, которая вам ниспослана, и постоянно молитесь, потому как молитва оберегает от греха. Они считают, что тот, кто ее прочитает столько раз, сколько положено, потому как тут есть определенное число, — обретет рай. Они называют это главной книгой. Турецкая религия разделилась на три ветви: сарацинская вера — самая суеверная, эти соблюдают религию по Абу Бакру*; вторая ветвь — персидская, она самая чистая, они следуют Али*; турки же придерживаются ветви Омара*. Остальных они считают еретиками и обреченными гореть в аду. Я же не считаю обреченной гореть в аду ту, которая не хочет писать мне длинных писем, и даже скажу, что она — человек человеческий, несмотря ни на что.

181. Родошто, 16 septembris 1750.

Как прекрасно жить в таком городке, как наш: ты можешь пойти в поле, когда хочешь. Большие города, окруженные стенами, они — как тюрьмы. Сейчас сплошное удовольствие поесть в саду, там много фруктов, хотя они не очень разнообразны, потому как садовники тут плохие, не умеют делать прививку. Груш, яблок, слив нет, зато много персиков, много дынь двух-трех видов, особенно много сейчас осенних дынь, которые созревают до декабря. Таких осенних дынь, как здесь, нигде больше нет, они очень походят на огурец, так что ежели какая-то не очень хороша, то чисто огурец. Но лучшего фрукта, чем эта дыня, невозможно найти; на вид она не очень хороша, а ежели разрезать, то еще хуже, потому как внутренняя часть ее — совершенно зеленая, но стоит попробовать, и будешь есть с наслаждением, потому как такая дыня тает в девичьем рту, и такая сладкая, словно сварена в меду.

Но перейдем к женским делам. У турок одна ветвь веры, и суть ее в том, что Бог один, а Магомет — его пророк. Что же касается заповедей, то турки разделяют их на пять частей: 1) пять раз в день надо молиться; 2) во время рамазана поститься; 3) подавать милостыню и во всех поступках следовать милосердию; 4) при возможности совершать паломничество в Мекку; 5) не терпеть на теле своем никакой нечистоты. К этому добавляют еще четыре заповеди, но они не так необходимы для блаженства: 1) соблюдать пятницу; 2) совершать обрезание; 3) не пить вина; 4) не есть свинину и мясо таких животных, у которых сначала не выпустили кровь.

Турки соблюдают пятницу и должны в этот день, в полдень, идти в мечеть; женщинам разрешается туда не ходить, чтобы мужчины могли молиться более сосредоточенно. Турок торговец в этот день до обеда не откроет свою лавку, а набожный турок не пойдет в этот день в дом к христианину, что я испытал и сам. Обычное стремление к добру привело законодателя к тому, что он ученикам своим запретил пить вино. Избегайте, сказал он, вина, игры в кости и шахмат, все это придумано дьяволом, чтобы раздуть между людьми ненависть и ссоры, чтобы отвлекать их от молитвы и мешать им призывать в помощь имя Божие. Нам же с тобой, кузина, это не мешает воздать хвалу Господу за то, что в этом году мы даже не слышали о чуме. Да не услышим мы о ней и дальше.

182. Родошто, 1751, 14 februarii.

Милая кузина, я очень рад тому, что, как ты и хотела, писал до сих пор о турецких обычаях и религии; желаю, чтобы и дальше так было. Но необходимо написать, что здесь наступили весьма смутные времена; правда, нам это на пользу, потому как сейчас, на масленицу, приносят нам много дроф, мертвых и живых, которых поймали во время ледяных дождей. Турок на них не зарится, нам же они даже надоели. Дрофа — ужасно упрямое, самонадеянное животное, предпочитает лучше умереть от голода, чем поесть; но молодую дрофу можно приручить. Но пора переходить к женским делам.

На муфтия турки смотрят как на главу и оракула их религии и законов. Выбор муфтия полностью зависит от султана, который на эту должность выбирает

умного, рассудительного и честного человека. Хотя декреты и решения муфтия для судей — закон, для султана они ничего не значат. При всем том власть муфтия так велика, что султан ни в чем не перечит ему и не мешает исполнению его решений, которые состоят всего из нескольких слов, а в конце добавлено: Бог знает, как лучше. При всем том, ежели султан попросит у муфтия совета в государственных делах или насчет казни какого-нибудь паши, или о мире, о войне, и ежели сочтет, что священник думает обо всем по-другому, чем султан, то без раздумий сместит его и выберет такого главного муфтия, у которого мысли такие же, как у султана.

Когда султан пишет муфтию, он начинает так: ты, эсад, который мудрее всех мудрецов и возвысился во всех науках выше всех, которые в них возвысились. Ты, который воздерживаешься от всех непозволительных вещей, даешь пример доброй нравственности и настоящей учености, наследник пророков и апостольской науки, который разгадываешь тайны веры и открываешь ее действительный смысл. Ты — ключ к сокровищнице истины, ты освещаешь туманное объяснение, ты укреплен милостью вышнего правителя и законотворца человеческой нации. Пускай Великий Господь позволит тебе навсегда оставаться в доброй нравственности.

Когда муфтий избран, султан посылает ему кунный кафтан и тысячу талеров золотом в платке, потом назначает ему две тысячи монет ежедневно. Одна польтура — три монеты, это всего шестнадцать талеров и тридцать польтур. Есть такие султанские храмы,

из имущества которых он может взять себе пятьдесят тысяч талеров.

После муфтия есть два кадилескера, один — европейский, второй — азиатский. К ним можно приходить со всякими делами в отношении закона, и они могут выносить приговор по всяким законам. Из этой должности они могут стать муфтиями.

После кадилескера следует мулла; ему полагается пятьсот монет в день. Мулла обладает властью над кади, или судьями, во всей провинции. Мулла тоже может стать муфтием. Муллы и кади считаются церковными людьми, потому как у турок не отделяют религиозный закон от светского.

Имамы, или священники — такие, как парохи. Они должны быть безупречными. Но нужно, чтобы они могли хорошо читать Коран, и первое среди их обязанностей — созывать с минарета народ на молитву. А еще нужно, чтобы народ высказал великому визирю свое согласие, иначе, без приказа визиря, они не могут занять эту должность. Для этого не требуется иных священнических качеств, им и муфтий ничего не приказывает, каждый свободен в своем приходе, но только под присмотром городских судей.

Эмиры считаются людьми церкви, поскольку они происходят из семьи Магомета, и чтобы их отличать от других, они носят зеленую чалму: зеленый — цвет Магомета. Им много чего позволено, туркам запрещается унижать их, но если они рассержены на них или увидят пьяными, то сорвут чалму и без всякого почтения поколотят.

У эмиров один глава, которого называют нахиб-эшреф. Он обладает такой властью над ними,

что может казнить или миловать, но чтобы избежать огласки, наказание всегда совершается тайно. У главы есть помощник, которого называют алемдар, он носит знамя Магомета. Эмиры могут идти на всякие высокие должности. Я же дальше не пойду*, а пожелаю тебе, кузина, доброго здоровья.

183. Родошто, 15 augusti 1751.

Милая кузина, ты очень правильно делаешь, что поощряешь меня в своем письме, пишешь, что с удовольствием читаешь мои письма о турках, потому как, ей-богу, я бы давно бросил это, если бы знал, что тебе это скучно.

Не вредно узнать, что турки любят строить красивые, нарядные мечети, очень щедры, когда речь идет о церковных фондах, и жертвуют в пользу бедных, которые ежедневно молятся за своих благодетелей.

Больше всего доходов в султанских мечетях, за ними следит кизляр-ага, который надзирает за женами султана, заботится о них, — и он же распоряжается должностями, относящимися к мечетям. В империи много мечетей, особенно в тех местах, где султаны бывают часто, например, в Бурсе, Дринаполе, Константинополе. Там много дорогих мечетей, выстроенных султанами; строили их и жены султанов. Среди них самая главная — Святая София*, которую построил император Юстиниан, турки же сохранили и, как было до них, отвели для служения Богу. Но и увеличили расходы на нее, в год это сто тысяч золотых. Собирают их в городе. Султан тоже должен платить тысячу и одну монету за землю, на которой построен его дворец, потому как во времена христианских

императоров эта земля представляла собой сад, принадлежавший собору.

Вокруг мечети турецкие султаны построили несколько часовен, где их хоронят; в них стоят негасимые лампы; тем, кто молится за их душу, дают некоторую плату. Кроме того, в этих часовнях в определенные часы раздают милостыню многочисленным нищим. (Как были бы они счастливы, если бы подавали им ради Христа!) Есть много мечетей, в которых находятся школы, там учат Закон Божий. Есть и больницы, гостиницы для паломников и приезжих; есть кухни, где готовят еду для бедных. Содержание всех этих учреждений поставлено на прочную основу, потому как возложено на деревню, землю, провинцию. Счастлива деревня, которая относится к какой-нибудь мечети, потому как у нее много привилегий. Ежели какой-нибудь человек хочет сделать пожертвование для мечети, то землю он не может предоставить, а дает наличные деньги под проценты, но это можно делать только для мечети, потому что закон запрещает заниматься ростовщичеством. Давай следить за здоровьем, кузина!

184. Родошто, 26 oktobris 1751.

Случилось нечто совершенно необычное: сегодня идет снег, такого еще никогда не было, в полях еще много винограда и хлопка. Наверное, это к лучшему, потому как уже три месяца буйствует чума; снег может принести изменения в аэр. Можно думать, что чума еще не совсем вошла в полную силу, и многие излечились. Турки, по их учению, не могут умереть от чумы. Для тех же, кто от нее умер, это означает,

что невозможно было этого избежать: по их учению, предназначение Господне соблюдается исключительно точно. Более того, они списывают этот грех на Господа, поскольку этого избежать им невозможно. Они считают, что у каждого на лбу написано, что его ждет, и уклониться от этого он не может.

Турки считают персов еретиками, потому как те следуют Али, а турки — Магомету, и потому они с большой ненавистью относятся друг к другу. Настолько, что ко двору султана берут рабами детей всяких наций, но только не персов: считается, что перс не может полностью воспринять истинную веру. То есть, ежели еврей или христианин может надеяться со временем оказаться среди приверженцев истинной веры, то перс — никогда. Среди турок происходят бесконечные раздоры в отношении к вере, все они по-разному толкуют Коран. Много есть и таких, кто вообще в Бога не верит.

У турок тоже есть несколько монашеских орденов, которые различаются друг от друга одеждой. Самые известные и распространенные из них — дервиши, главный монастырь у которых находится в городе Конья, и живут там обычно четыреста монахов.

Дервиши дают обет бедности, чистоты и послушания. Они с очень большим подобострастием относятся к своему настоятелю. Носят они рубаху из плотного полотна, поверх нее — длинный кафтан из толстой серой рогожи, на плечи накинуто белое покрывало; ноги — босые и открытые, пояс из толстой широкой полосы кожи, они его завязывают спереди, головной убор — из верблюжьей шерсти и такой формы, как кивер, но без козырька. Вино они пьют

потихоньку, и ежели могут кого-нибудь обмануть, то этого не упустят. По четвергам им нельзя есть до вечера.

185. Родошто, 1752, 20 maji.

Милая кузина, пять лет я не получал от тебя писем, а точнее, пять месяцев. Не слишком ли это много? Прежде мы писали друг другу чаще. Отчего это? Может, оттого, что стареем? Что ж, я напрасно выполняю твою просьбу и описываю обычаи турок? В последнем письме я начал писать о дервишах, теперь снова пишу о них.

Самое главное занятие дервишей — танцевать по вторникам и пятницам. Но прежде чем они начнут эту набожную комедию, их настоятель произносит проповедь; считается, что проповедь эту может слушать человек любой веры. Монахи же слушают, стоя на коленях, а когда проповедь закончена, певцы и флейтисты принимаются петь хором, и пение продолжается долго. Когда они поют определенные строки, настоятель хлопает в ладоши, по этому знаку монахи встают, вытягивают руки и принимаются кружиться; причем с такой скоростью, что у того, кто на них смотрит, начинает кружиться голова. На них надета толстая холщовая одежда вроде юбки, и хотя кружатся они с такой скоростью, как колесо телеги, но друг друга не задевают. По знаку настоятеля они сразу прекращают танец, и каждый опускается на свое место. Поскольку же к этому их приучают с самых юных лет, они не чувствуют даже малейшего головокружения. У меня же голова кружилась, когда я всего лишь на них смотрел. Кружение это они

повторяют четыре или пять раз. Жениться они могут, но тогда нужно выйти из ордена. Турецкой религии невозможно следовать лучше, как в том, с каким уважением они относятся к Христу. Это неправда, что они кощунствуют в его адрес, как считают многие, потому как здесь нужно иметь в виду не простой народ, а грамотеев. Ежели же они такие несчастные, что не верят в божественную сущность Христа, то по крайней мере почитают его, как дыхание Божье, как великого пророка, находящегося рядом с Богом. Они согласны с тем, что его послал Бог, чтобы он принес людям закон, полный милости. Если же они называют нас неверными, то это не потому, что мы верим в Христа, а потому, что не верим, будто Бог послал Магомета. И правильно делаем.

186. Родошто, 1752, 2 augusti.

Кто не испытает радость, милая кузина, когда можно есть столько вкуснейших дынь! Здесь сейчас — начало сезона дынь. Знаю, великий визирь, ежели и ест дыни, то без всякого удовольствия, потому как в минувшем месяце его сместили. На его место посажен Имрехор Мустафа*, был он главным конюшенным, а теперь — властитель империи; человек он добрый, к нам уже выказывал расположение. В конце прошлого месяца к вечеру мы были сильно испуганы, потому как случилось землетрясение, какого никогда еще не было. Стены домов качались, словно деревья под ветром. Но никакой беды не случилось.

Теперь напишем о женитьбе турок, у которых брак — дело святое и почетное; священнослужители к нему никакого отношения не имеют, потому как

заключается брак перед судьей. Когда кто-то хочет жениться по закону, он договаривается с отцом и матерью девицы. Договор о заключении брака подписывают в присутствии судьи и двух свидетелей, и договор этот могут расторгнуть обе стороны. Жена может просить развода с мужем, если он бессилён, если трижды подряд не выполнит супружеский долг в ночь на пятницу, каковая ночь для этого предназначена. Мужчина, который настолько не выполняет свой долг, чтобы та дважды в неделю могла пойти в купальню, может опасаться развода. За невестой денег ее родители не дают, деньги должен платить жених. В день свадьбы невесту с большой помпой, с барабанами, флейтами везут к дому жениха. Жених ждет ее у ворот, снимает с повозки, они подают друг другу руки, но лицо невесты закрыто, так что ее не видно, но она жениха может видеть. Спустившись с повозки, они приносят клятву друг другу. Потом день проходит в застолье, мужчины отдельно, женщины отдельно. За это время какая-нибудь из родственниц невесты ведет ее в дом жениха, и лишь тогда он видит, красива она или наоборот. Такой брак — не для венгерского юмора.

187. Родошто, 17 novembris 1752.

Здесь, милая кузина, погода стоит прекрасная, окна открыты настежь, так что теперь можно написать еще что-нибудь о турецкой свадьбе.

У султанов не в обычае заключать брак, и это понятно, потому как их дело — заботиться о покое в стране; но понятно еще и потому, что они хотят избежать огромных расходов, которые требует свадьба.

Султан может держать столько рабынь, сколько ему угодно. Тех из них, которые рожают султану сыновей, считают султаншами, и сыновья их со временем могут стать султанами.

У турок есть два вида брака: брак по закону и брак по найму; третий вид — это держать наложниц и рабынь. По закону, каким бы богатым ни был турок, больше трех или четырех законных жен он иметь не может. Брак по найму происходит без всяких церемоний: просто заключается сделка с отцом и матерью, которые хотят отдать свою дочь в аренду. Сделка заключается перед судьей, который записывает, что такой-то молодой человек хочет взять себе такую-то девушку, чтобы она была ему вместо жены. Он дает обязательство, что будет снабжать ее едой и одеждой, как и родившегося от нее ребенка, но с тем условием, что может вернуть ее в дом отца, когда ему будет угодно, заплатив за аренду по договору. Что касается женщин-рабынь, то по закону турки могут использовать их так, как хотят. Дети у турок получают наследство поровну, от какой бы женщины ни родились. Но разница в том, что ребенок рабыни будет рабом, как и его мать, ежели отец не даст ему вольную.

Если мужчина умирает первым, жена забирает предназначенные для нее деньги; это касается законной жены, потому как о других такой заботы нет. Турок берет законную жену, которой платит, или берет жену в аренду, а жену-рабыню покупает за деньги.

Человек, который хочет развестись с женой, должен отдать ей то, что было записано в договоре при заключении брака; развод производится судьей, и потом оба свободны.

188. Родошто, 1753, 22 martii.

Милая кузина, как давно мы живем в этом городе! Вчера исполнилось 33 года нашего изгнания. Это точно, в Загоне я не прожил и четвертой части этого срока. А писать ли, сколько времени прошло с тех пор как я его покинул? Правда, это не вредно, а даже полезно, потому как я увижу, за что я должен быть благодарным его величеству Богу, который так долго мне покровительствует. Если хорошо посчитать, тому сорок пять лет, да будет благословенно святое имя Господа. Однако вернемся к женским делам.

Турки, то есть не все турки, а только грамотные, не считают обрезание ни направлением веры, ни заповедью Корана, ни чем-то таким, без чего нельзя попасть в рай. Детей они обрезают обычно в семилетнем возрасте. В день обрезания отец ребенка устраивает дома праздник; ребенка же одевают как можно наряднее, потом с музыкой возят верхом по улицам. В руке мальчик держит стрелу, острие которой направлено в сторону сердца, этим он показывает, что готов скорее пронзить себе сердце, чем отречься от веры. Сверстники и доброжелатели радостно провожают его в мечеть, где имам (священник) после некоторых поучений заставляяет его рассказать основные положения веры. После этого цирюльник кладет мальчика на ложе, двое слуг держат перед ним простыню, а цирюльник, оттянув кожу на конце его плоти и сжав ее щипцами, отсекает ее бритвой. И отрезанный кусочек кожи показывает присутствующим, говоря: Бог велик. Ребенок плачет и кричит от боли, а присутствующие ликут: вот он и стал одним из правоверных. Потом мальчика торжественно увозят

в отцовский дом, где три дня продолжается пир. Нужно еще знать, что священник не дает имени ребенку, но отец после его рождения берет его на руки и, подняв, предлагает Богу, а также кладет ему в рот немного соли, говоря: прими, Аллах, сына моего, Ибрагима (или другое имя), чтобы твое святое имя всегда было для него таким же приятным на вкус, как эта соль, и не позволяй ему пробовать земные вещи.

Турки считают: то, что оскверняет тело, оскверняет и душу, а то, что очищает одно, очищает и другое; поэтому подготовку к молитве они начинают с омовения. (Верующий человек, говорит Коран, когда ты хочешь приступить к молитве, омой лицо свое, руки свои и ноги свои, а супруги, которые спят вместе, пускай искупаются, а если больные и путники не найдут воды, то чистой пылью пусть протрут лицо свое; поскольку Бог любит чистоту, то он хочет, чтобы обращенная к нему молитва была совершенной, чтобы ему воздали хвалу за милость его и чтобы призывали на помощь его Святое Имя.) Все это, с одной стороны, прекрасно и хорошо, но, с другой стороны, совершенно бесполезно, потому как бедный Магомет не просил именем Христа, а без этого просьба не будет услышана. Я же именем Христа прошу здоровья для своей кузины.

Пока достаточно.

189. Родошто, 1753, 11 junii.

Милая кузина, ты пишешь, что знаешь об обычаях и религии турок не меньше, чем какой-нибудь муфтий. Мне кажется, не стоило бы насмехаться и сравнивать себя с муфтием, у которого борода до

колен и чалма, как пчелиный улей. Не серди меня, иначе я больше не стану писать, хотя на половине бросать жалко. Я говорю: турки заповедь об омовении понимают как два омовения, большое и малое. Первое состоит в том, что омывают все тело, делать это обязаны скорее всего супруги, а где нет купальни, там мужчина трижды окунается в реку или море, какой бы холодной ни была вода. Малое омовение заключается в том, что, повернувшись лицом в сторону Мекки, он омывает себе лицо, нос, руки, плечи, ноги.

После омовения опускают глаза к земле и остаются так некоторое время, чтобы прийти в себя и подготовиться к молитве, которую нужно произносить пять раз в день. Первый раз — на рассвете, второй — в полдень, третий — между полуднем и закатом солнца, где-нибудь часа в четыре, четвертый — на закате солнца, пятый — через полтора часа после захода. А чтобы все узнавали время для этих молитв, сигнал подают не колокольным звоном, потому как колоколов у них нет, — для этого есть люди, которые поднимаются в мечеть и, заткнув себе пальцами уши, во всю глотку выкрикивают следующие слова: велик Аллах, нет бога, кроме Аллаха, идите на молитву, ясно говорю я вам. Эти колокола из кожи сначала произносят эти слова на юг, потом на север, на восток и на запад.

Услышав это, все совершают омовение и идут в мечеть. Перед дверью каждый снимает обувь, оставляет ее или берет в руки, с благоговением кланяется и приветствует лежащий в укрытии Коран, это укрытие означает Мекку; после этого каждый, подняв глаза, затыкает уши

большими пальцами и становится на колени. Тут встает священник и подняв руки, кладет их себе на голову, затыкает большими пальцами уши и вслух, но негромко поет: Слава тебе, великий Аллах, да будет благословенно имя твое, хвала тебе, что ты дал нам узнать величие твое, потому как только ты есть великий Бог. Народ медленно повторяет это за ним. Обычно, произнося эту молитву, опускают глаза к земле. Это у них такая же молитва, как у нас Отче наш. (Во имя Бога, который полон доброты и милости, да славится властитель мира, который полон добра и милости. Господь, судья каждого человека, мы поклоняемся тебе, мы уповаем на тебя всей душой, сохрани нас, потому что мы зовем тебя на помощь путем истинным, этот путь — тот, который ты выбрал, и тот, которому ты благоприютствуешь милостью твоей, это не путь неверных, это не путь тех, на кого ты заслуженно гневаешься.) Начало этой молитвы хорошее, но конец — фарисейство. Турки молитву всегда заканчивают тем, что приветствуют двух ангелов, которые занимают место с двух сторон Божьего престола. А делается это так: взяв рукой бороду, поворачиваются направо и налево. По пятницам турки молятся для того, чтобы просить милости Бога для всех турок; по субботам — чтобы евреи обратились в истинную веру; в воскресенье — чтобы христиане обратились в истинную веру, в понедельник — за пророков, во вторник — за священников, в среду — за покойников, за больных, за рабов, которые находятся среди неверных, в четверг — за обращение в истинную веру всего мира.

Милая кузина, вот ты и узнала почти все про турецкую веру, но я этого совсем не боюсь, потому как никогда еще не слышал ни об одной христианке,

которая стала бы турчанкой, кроме рабынь. Они знают, что говорит француз: Турция — рай для лошадей и ад для женщин.

190. Родошто, 15 oktobris 1753.

Милая кузина, если так пойдет дальше, то моему писанию в любой момент может наступить конец, потому как несколько месяцев назад я с удивлением заметил: мне стало трудно читать, словно глаза мне закрыла какая-то тонкая пленка. Книгу я могу читать, но с трудом; написанный текст читаешь легче. С тех пор глаза мои видят все хуже, да будь благословенно за это Святое имя Господа. Но женские дела я еще смогу закончить.

Пост у турок называется по месяцу, на который он приходится, — рамазан. Их год состоит из трехсот пятидесяти четырех дней, его делят на двенадцать месяцев, каждый месяц начинается с новолуния.

Пост у них назначен на месяц рамазан, потому как Магомет сказал, что в этот месяц был послан с неба Коран. Весь этот месяц с утра до захода солнца нельзя ни есть, ни пить даже капли воды, а что им всего труднее, даже курить нельзя. Но как только солнце заходит, пост кончается, и все начинают с табака: каким бы бедным ни был турок, он закуривает сам и угощает всех щедро и искренне. Многие за месяц тратят все, что заработали за год. Застолье же продолжается с вечера до зари, днем они спят, особенно те, кому не нужно работать.

Каким смехотворным считают этот пост персы! Они говорят, что Магомет, желая угодить Аллаху и верить его заботам паству свою, поднялся к Аллаху и пообещал, что единоверцы его будут поститься пятьдесят

дней. Бог, его Святое Величество, принял этот обет. А когда Магомет спускался с неба, на третьем небе он встретил Христа, который спросил у него, откуда он идет? Магомет ответил: идет он от Аллаха и пообещал Аллаху, что единоверцы его будут поститься пятьдесят дней. Христос сказал ему: пятьдесят дней — это много. Тогда Магомет вернулся к Аллаху и заявил: он пообещал слишком много, пускай будет сорок дней. Бог, Его Величество, согласился. Магомет стал спускаться, и Христос снова спросил его, о чем он договорился. Магомет сказал, что пообещал сорок дней. Христос сказал ему: видишь ли, я для своих тоже договорился о сорока днях, но с каким трудом они это выполняют! Магомет поднялся в третий раз и попросил Аллаха, пускай пост будет только тридцать дней. Аллах согласился и с этим. А почему не поднялся выше третьего неба Христос? А потому, что в рукаве его одеяния была булава, в небеса же никакая земная вещь не может попасть. Я тоже заканчиваю мое письмо на этом не очень умном условии.

191. Родошто, 8 decembris 1753.

Милая кузина, я почти совсем ослеп, в трех шагах не узнаю людей, печатную книгу читать не могу, письмо еще кое-как. Сам же пишу, потому что писать могу, но не знаю, что пишу, очки совсем не помогают. Это письмо уж напишу, но в последующем письма станут редкими.

Когда заканчивается рамазан, начинается большой байрам, это — вроде нашей Пасхи. Байрам начинается с новолуния, начало его возвещают пушечными выстрелами, музыкой, и каждый старается как можно лучше провести три дня. Во дворце султана

этот праздник отмечают с большим торжеством. На рассвете султан садится на коня и едет в храм Святой Софии. Когда он возвращается, визирь, паши, муфтии, одним словом, все вельможи приветствуют его; последним приветствует янычар ага. Султанши, которые весь год проводят взаперти, в этот день могут пойти навестить султана, жену султана. В диване султан дает большой обед своим главным министрам.

В этот день добрые турки мирятся со всеми, с кем были в ссоре, и на улицах подают руку друг другу. Проповедники же, после того как объяснят какую-то часть из Корана, поют в мечетях такие песни: слава и благословение да будет на тебе, Магомет, друг Аллаха. Слава и благословение да будет на тебе, Иисус Христос, дуновение Аллаха. Слава и благословение да будут на тебе, Моисей, кто угоден был Богу. Слава и благословение да будут на тебе, Давид, монарх, вознесенный Богом. Слава и благословение да будут на тебе, Соломон, который был верен Господу. Слава и благословение да будут на тебе, Ной, которого Бог поддержал своей милостью. Слава и благословение да будут на тебе, Адам, чистота Бога.

Любовь турок распространяется на животных, на деревья и на покойников. Они считают, что все они дороги Богу. Есть такие пожертвования, оставленные в завещаниях, которые предписывают обеспечивать едой определенное число собак и кошек.

192. Родошто, 1754, 16 augusti.

Милая кузина, я совсем не в том положении, чтобы смеяться, потому как тот, кто плохо видит, не очень-то может смеяться. При всем том нужно

с чистым сердцем принимать от Бога, что бы он ни послал. Уже пятнадцать месяцев я не могу читать, а писать приходится только с чьей-нибудь помощью, потому как я с большим трудом могу прочесть то, что написал. Но женскими делами не следует пренебрегать.

Турки с большим тщанием обмывают покойников, рядом с телом жгут тимьян, чтобы отогнать злых духов, потом хоронят покойников в таком покрове, который не зашивают ни сверху, ни снизу. У них для этого есть свои причины, потому как они считают, что когда тело попадает в могилу, к нему спускаются два ангела, ставят его на колени и требуют отчитаться о всех его поступках. Для этого же многие турки носят на макушке небольшую прядь, чтобы ангел мог за нее взяться. Могилы у турок похожи на небольшое подполье, сверху его закрывают досками и на доски насыпают землю.

Если покойник был человек набожный, то после двух ангелов, которые просили его отчитаться, к нему спускаются другие два ангела, белые, как снег. Эти ангелы говорят ему лишь о том наслаждении, которое ждет его на том свете. Но если покойник оказался большим грешником, то к нему сходят два черных ангела, черные, как вороны, они будут его мучить; один вбивает его глубоко в землю, второй вытаскивает из земли железным крюком, и так они будут с ним заниматься вплоть до Страшного суда.

Магомет, желая угодить сарацинам, исполнил их сокровенное желание: поскольку земля их пустынна, суха и бесплодна, он, чтобы их утешить, пообещал им такой рай, который будет полон родников и садов,

с деревьями, которые не пропускают солнечный свет, всегда полны цветами и сочными плодами. В этом дивном месте обильно текут молоко, мед и вино, но вино не опьяняет человека и не туманит его ум. Там гуляют великолепные красавицы, которые ни жестоки, ни легки, но такие ласковые, что если какая-нибудь из них толкнет тебя в море, то море сразу утратит свою горечь. Глаза у них — большие, как яйцо. Они все время смотрят на мужей, которых любят так, что чуть не сходят с ума: ведь они женятся на тех, кто им нравится. Девы там, как говорит Магомет, чистые, и там нет никаких болезней. Самое лучшее, что Магомет сказал о том свете, следующее: те, кто умер на Божьем пути, не должны считать себя мертвыми: ведь они живут в Боге с его благами и его любовью; напротив, грешники попадают в пламя, где кожа у них все время обновляется, чтобы муки их все возрастали, и страдают они от ужасной жажды, а пить не пьют ничего, только ядовитый напиток, который душит их, но не убивает. Но что самое главное, там они не находят женщин. Какая это ужасная мука, что там нет женщин! На этом свете думать об этом необходимо, но на том — непозволительно. А я больше не знаю, что писать о турецкой религии. Кажется, достаточно.

193. Родошто, 23 novembris 1754.

Я совершенно уверен, ты будешь рада, узнав, что по милости Божией мутная пелена ушла с моих глаз. Никогда никому, даже врагам нашим, нельзя желать зла; но уж совершенно точно, что желать другому слепоту — хуже, чем смерть. Зрение мое без всяких лекарств, лишь по милости Божьей, вернулось ко мне.

В начале этого месяца я стал видеть немного лучше. За несколько дней перед этим начал чувствовать, будто в оба глаза попал какой-то газ, что-то щипало в них два или три дня, хотя я знал, что ничего в них не попало. Я просил посмотреть других, но и они ничего не увидели. Мне пришло в голову, что, может быть, пленка, которая была перед глазами, почему-то отпала. Так и вышло: на третий день я уже не чувствовал в глазах ничего и видел гораздо яснее. Одним словом, по милости Божьей, сегодня, в день своих именин, я смог воспользоваться молитвенником, чего не мог делать уже полтора года. Теперь я еще больше жалею слепых, но ежели телесная слепота — тяжелая вещь, то душевная — стократ тяжелее. Милая кузина, храни нас Бог от того и от другого.

194. Родошто, 14 decembris 1754.

Милая кузина, есть ли более важная весть, чем смерть всемогущего султана. Сегодня мы услышали: вчера султан Махмуд* покинул этот мир. Несколько дней он болел, народ очень хотел его увидеть, и он велел отнести себя в такое место, где на него можно было посмотреть. Вчера, чтобы угодить народу, он собрался с силами, сел на лошадь и поехал в собор Святой Софии. Когда он вернулся, ежели бы его не подхватили, он бы упал с лошади; его принесли домой, и он быстро умер. По праву можно сказать, что это был великий султан. В войнах, это точно можно сказать, он был удачлив. Еще можно сказать, что он не хотел начинать войн и хотел править в мире. Несколько раз против него пытались устроить смуту. Но он вовремя вмешивался, утихомиривал народ,

а смутьянов лишал головы, чтобы больше такого не делали. Народ очень его любил, как христиане, так и турки, он и сам хорошо относился к христианам. Империей он правил спокойно, не был жестоким, визирей менял часто, но ни одного не казнил. Можно сказать о нем, что султан он был великий, хотя и мал ростом. На его место поставили Османа*, его двоюродного брата по отцу. Произошло это без всяких беспорядков. Мать Османа еще жива, она освободилась от рабства. Как Махмуд, так и Осман – сыновья султана Мустафы. Мы уже гости третьего султана; его святое величество Господь щедро питает нас их руками. Милая кузина, калин-никта*!

195. Родошто, 6 aprilis 1755.

Новый султан очень быстро меняет своих визирей; в феврале сместил прежнего визиря и сделал каймаком янычар-агу, до тех пор, пока прибудет новый визирь, а каймакам будет у него вице-визирь. Новый, то есть старый визирь, Али-паша, прибыл в Константинополь в конце прошлого месяца. Я сказал, старый визирь, потому что он визирь уже в третий раз, и пусть поблагодарит мать султана, которая была рабыней отца визиря, а ее отец отдал ее отцу нынешнего султана. Этой султанше сейчас семьдесят лет.

196. Родошто, 26 augusti 1755.

Султан заставляет визирей плясать разные танцы. Конечно, можно сказать, что нет у нас постоянного города. Али-пашу он сделал визирем в марте, в мае его сместил и в мае же поставил на его место Абдуллу, Абдулла был до этого казначеем страны. Сегодня пришла весть, что его тоже сместили, а на

его место поставили Силиктара Али-пашу; он был оруженосцем и большим фаворитом султана, так что должен долго оставаться на на верху колеса. Больше пока не знаю, о чем писать; пускай это немного, но зато это вести о больших людях. В этом месяце прусский король начал войну против королевы*.

197. Родошто, 25 oktobris 1755.

Кто бы мог подумать, милая кузина, что милый Селиктар Али-паша так быстро падет; но пал он еще не так, как другие, потому как другие падали на землю, а этот — под землю. Дело в том, что на этого визиря рассердилась мать султана: она строила интриги, чтобы этого Али-пашу, которому протезировала султанша, поскорее сместили. Султанша решила отомстить и столько наговорила о нем сыну, да и через других старалась ему навредить, чтобы султан узнал, какими хитростями визирь хочет собрать себе богатство. Султан нашел эти обвинения правдивыми, приказал визиря схватить и отрубить ему голову. Но султану дали знать, что визирей лишать головы не принято, их принято душить. Султан ответил: тогда задушите его, а потом отрубите голову. Так и случилось, и голову выставили на всеобщее обозрение. С тех пор, как мы находимся в этой стране, я не знаю ни одного визиря, которого султан приказал бы убить. На этом месте сейчас следующий визирь, Саид-эфенди*; он знает французский, потому как дважды был во Франции, был и послом.

198. Родошто, 1756, 15 januarii.

Милая кузина, что за ужасная весть пришла к нам: первого ноября город Лиссабон был разрушен ужасным землетрясением. Большую часть его

уничтожил подземный огонь. Церкви были полны народу, потому как был праздник, — и церкви рухнули на людей. Весь город за один-единственный час превратился в кладбище и похоронил своих жителей. На улицах проваливались под землю кареты вместе с лошадьми и людьми. Что за страшный бич Божий обрушился на этот город, поскольку не только землетрясение, но еще и подземный огонь вырвался наружу на улицах, так что огромные сокровища этого богатого города навеки сгинули. Что из праха появилось, должно вернуться в прах.

199. Родошто, 30 aprilis 1756.

В начале этого месяца султан устроил Саиду-эфенди первоапрельскую* шутку: сместил его с должности визиря. Новый великий визирь, Имрехор Мустафа*, до этого был в Мории, а сегодня прибыл в Константинополь. Он — визирь уже во второй раз. Француз и англичанин объявили друг другу войну*. Англичане — народ жестокий, черствый сердцем и неблагодарный. Намедни читал я об одном англичанине, который даже среди прочих неблагодарных мог бы стать эрцгерцогом, — не могу, милая кузина, этого не написать. Знаю, ты после этого скажешь, что он был настоящий осел. Словом, жил один молодой англичанин; отец его был торговец и богач, но юноша этот, будучи очень жадным, хотел разбогатеть еще больше, а потому вместе с другими торговцами отправился в Америку. Когда они были у берегов Америки, капитан корабля причалил к одному острову, чтобы запастись питьевой водой. Пока носили воду, англичане сошли с корабля, чтобы поохотиться. Молодой

англичанин пошел с ними, но поскольку они были не очень умными, то далеко ушли от берега; тут на них напали туземцы и всех перебили, только наш молодой англичанин смог убежать. Капитан, обнаружив это, быстро отчалил, а юноша остался на острове. В отчаянии он прятался в лесу, не зная, куда деться, и постоянно боясь встретиться с каким-нибудь дикарем, который, конечно, тут же его убьет. Он уже начал испытывать голод; надежды на избавление не было никакой. Он даже не смел приближаться к берегу моря, чтобы увидеть какой-нибудь корабль, который бы его спас, не смел и искать пищу, чтобы на кого-нибудь не наткнуться. Изнуренный, он прилег в лесу, на холмике; но как он изумился, когда вдруг увидел девушку, которая вышла из кустов и шла по направлению к нему. Оба ни сначала испугались, но потом стали смотреть друг на друга дружелюбно. И ежели юноше понравилась девушка-дикарка, которая была нагой, то и девушке понравился статный юноша, его белая кожа, и она так полюбила его, что сразу стала думать о том, как бы сохранить ему жизнь. И повела его в пещеру, а после того, как угостила прекрасными плодами, повела к роднику, чтобы он мог напиться. Надо думать, девушка была дочерью какого-нибудь вождя, поскольку каждый день украшала себя удивительными ожерельями из ракушек. Потом девушка принесла в пещеру шкуры диких зверей, чтобы юноша лежал на них, и украсила его пещеру разноцветными перьями. А чтобы развлечь его, вечером или при лунном свете водила его в какое-нибудь пустынное место, к роднику или ручью, где юноша мог отдохнуть, она же сторожила его, позволяла

спать у нее на коленях и будила, услышав шум. Так они проводили время, пока не придумали себе новый язык. Тогда юноша объяснил ей, что считал бы себя счастливым, ежели бы мог увезти ее к себе на родину, где сшил бы ей красивые платья.

Несколько месяцев провели они в большой любви, когда девушка увидела в море корабль и, зная уже, что нужно делать, подала знак, чтобы корабль подошел к берегу. Вечером оба были на корабле; корабль направлялся к острову Барбадос, юноше как раз нужно было туда. Они очень радовались, что смогли избавиться от тревоги с страха. С каким легким сердцем девушка оставила свою родину и родителей, чтобы провести жизнь с тем, кого любила и кому, не боясь опасности, сохранила жизнь. Но чем ближе подплывали они к острову, тем более угрюмым и задумчивым становился наш юноша, размышляя о том, сколько времени он провел понапрасну и что за это время его деньги не принесли ему никакого дохода, а торговля его за это время не продвинулась ни на шаг. Чтобы возместить эти потери и отчитаться родителям о том, что путешествие было плодотворным, он решил про себя, что, как только прибудет на остров, избавится от спутницы, которая так много сделала для него. Там, куда они причалили, на берегу моря была устроена ярмарка, где продавали рабов, как у нас продают лошадей и волов. Бедная несчастная дикарка принялась плакать, надеясь разжалобить его, но напрасно. Она сообщила юноше, что забеременела от него. Но сердце юноши было непреклонным, его интересовала только выгода. Более того, когда он узнал, что она беременна, он продал ее какому-то торговцу еще

дороже. Милая кузина, что ты скажешь о такой неблагодарности? Я же скажу, что Господь воздаст ему за такую вопиющую черствость. Хотя бы уж не продавал, ежели не захотел держать для себя. О, скарденность, сколько душ ты погубила*!

Пруссак в этом месяце без всякой причины начал войну против королевы и безжалостно захватил Саксонию.

200. Родошто, 17 januarii 1757.

Милая кузина, знаешь ли ты, что Имрехора Мустафу сместили, а на его место поставили пашу из Алеппо? До этого он был рез-эфенди и, что еще хуже, христианин, потому как он грек по национальности*. Я сказал, что это еще хуже, потому что уж точно, что визири, отрекшиеся от своей веры, совсем не так доброжелательны к христианам, как визири, которые турки по рождению. Этот новый визирь пока еще находится в Алеппо, прибудет он сюда не скоро. Ты пишешь, кузина, что дочери турецкого султана находятся в очень плохом положении, потому что не могут жить с мужьями, да и вообще их чаще всего выдают за старых пашей. Несомненно, замуж выходить они вряд ли хотят, потому как, выдадут их за старика или за молодого, с мужьями они не смогут жить и после свадьбы должны выехать из Константинополя в какую-нибудь большую провинцию. Думаю, делают это для того, чтобы паши не устраивали лишних смут. Если же у мужа будет ребенок, ему, как только родится, сразу нужно умереть, хотя знаю я такого визиря, у которого жена была дочь султана. Здесь, однако, не случается такого, что случилось с дочерью императора Карла Великого.

У императора был секретарь по имени Эгинхарт; свои обязанности он выполнял так хорошо, что все его любили. Но, среди прочих, одна из дочерей императора любила его особенно сильно, да и он питал к Имме большую любовь. Поскольку же любовь эта все росла, секретарь решился на опасное дело: однажды ночью он постучался в дверь к Имме, как будто это император послал его к ней. Но когда его впустили, он начал говорить Имме о другом, а она с радостью слушала его, и обращалась с ним милостиво и с любовью, и до рассвета они оставались вместе. На рассвете же Эгинхарт собрался уходить, и тут увидел, что во дворе, пока они проводили время вместе, выпал снег. Он испугался, чтобы его не узнали по следам на снегу и не догадались, где он был. Он сказал дочери императора, чего он опасается и какая тревога его беспокоит. Они посоветовались, что предпринять, чтобы никто ничего не заметил. Наконец, принцесса нашла решение. А состояло оно в том, что своего любовника она вынесла на спине. Император же всю ночь провел без сна и увидел дочь, которая с трудом несла свой груз и, опустив его, торопливо вернулась к себе. Император сначала удивился, потом огорчился. Эгинхарт, будучи уверен, что его поступок недолго останется в тайне, решил покинуть двор и, упав к ногам императора, попросил отпустить его, говоря, что за свою службу он не требует награды. Император ответил, что подумает, и назначил день, когда сообщит ему о своем решении. В тот же день император созвал совет, сообщил им о проступке секретаря и рассказал о том, что видел. И попросил у них совета в деле, которое позорит его дом. Все

давали разные советы, сам же император сказал, что если он накажет Эгинхарта, то тем самым не только не приуменьшит, но даже еще увеличит позор семьи, а потому предпочитает прикрыть этот позор покровом брака. Эгинхарта позвали и сказали ему, что в награду за его службу за него выдадут дочь императора. Да, сказал император, отдаю тебе ту, которая с такой готовностью несла тебя на спине. Тут же позвали принцессу и отдали ее Эгинхарту. Им виднее*. Я же желаю тебе спокойной ночи. В начале этого месяца какой-то безбожник хотел убить французского короля, но поплатился за это*.

201. Родошто, aprilis 21, 1757.

В прошлом месяце прибыл сюда из Алеппо новый визирь, Рекеб-паша; лишь бы он к нам был добрым. Но как он может быть добрым, ежели он грек? Ведь греки в этом месяце, в день Пасхи, разорили в Иерусалиме нашу часовню. Ты ведь знаешь, кузина, что часовня построена на том месте, где находился гроб Христа. Часовню эту украшали многие императоры и короли, в ней было много драгоценной утвари, греки же ради денег исказили ее истинный облик, так что один Господь знает, чем это кончится. Турки, те в полном спокойствии дают нашим священникам в Иерусалиме совершать богослужения. Но греки всегда завидовали нам, что у нас там есть святая часовня, эта непомерная зависть и побудила их разорить ее. Ты спросишь: как посмели они пойти на это, не боясь тамошнего паши? О, в этой стране за деньги можно все. В том городе много греков и армян, но они мирно уживаются с нашими священниками. На

Пасху же там собираются люди отовсюду, даже евреи приезжают, чтобы посмотреть места старинных храмов. Если они даже сейчас приезжают туда, то какое великолепное зрелище было во времена Христа, когда невероятное количество евреев поднималось, чтобы посмотреть на храм.

А какое бессчетное количество евреев собралось, когда Иисус вступил в ореоле славы в Иерусалим, сидя на осле, и когда его убили через несколько дней. Отсюда можно судить, на глазах у какого огромного количества народа Спаситель хотел принять смерть, и народ этот весь желал его смерти. Обычно в день Пасхи в течение двух часов после полудня закалывают двести пятьдесят тысяч шестьсот баранов, а тех, кто съедает их, насчитывается два миллиона пятьсот тысяч человек. Какое потрясающее сборище это было, какое огромное количество убийц, поскольку все они были за то, чтобы их царя убили. Но они лишь кричали: распни его, нет у нас царя! За это страшное убийство и обрушился на этот народ суровый приговор Господа и месть его. Отсюда можно судить, что, когда Тит занял Рим, пока он его осаждал, в городе похоронили одиннадцать сотен тысяч человек, а когда он занял его и разорил, девяносто семь тысяч человек взял в рабство*. Конечно, наказание им было большое, но какой язык может выразить величину греха?

202. Родошто, 28 мајі 1757.

Милая кузина, в этом месяце принято пускать кровь. В шестой день этого месяца много крови пустили близ Праги, поскольку войско королевы вступило в бой с прусским королем, и в конце концов

войско королевы оттеснили к Праге и загнали в город. Потом заняли и город. Бог знает, чем это кончится. Зато я знаю, что если письмо и маленькое, то новость — весьма большая.

203. Родошто, 30 junii 1757.

Милая кузина, опять у меня большая новость: прусского короля побили. Случилось это так. Фельдмаршал Даун с большим войском двинулся на помощь Праге, король был впереди, а поскольку обе стороны были настроены драться, то они свое желание выполнили и устроили большое сражение. Состоялось оно восемнадцатого числа возле города или деревни Колин. Длилось оно долго. Удача покинула короля и перешла к Дауну, и поскольку он принял ее благосклонно, то и одержал победу, освободив Прагу и открыв путь к ее воротам. Правда, в Праге о сражении ничего не знали, но в тот же день или на следующий одна храбрая маркитантка первой принесла радостную весть о победе. Можно поверить, что женщина эта была щедро награждена. Затем прусское войско ушло от Праги. Кто может описать радость жителей: ведь они очень страдали от бомб и огненных ядер, причинявших разрушения и пожары!

Намедни читал я историю об императоре Амурате, там тоже шла речь о сражении, о котором я немного расскажу, чтобы письмо мое было длиннее. Дело в том, что король Лайош V заключил мир с Амуратом*, а чтобы договор скрепить прочнее, в залог султану дали половину освященной облатки. Но, не знаю почему, король без всяких причин нарушил мир и с многочисленным венгерским

войском двинулся против судтана. В его лагере было много епископов, поскольку раньше был такой странный обычай: епископы должны были идти в поход со своим войском. В то время считали также, совсем не в духе Евангелия, что не нужно соблюдать клятву, если ты дал ее неверному. Сражение состоялось у Варны; венгры сначала вели себя по-боевому, даже потеснили турок, которые побежали. Султан, видя, что бой почти проигран, достал из-за пазухи половину освященной облатки и, подняв ее к небу, попросил Господа наказать тех, кто нарушил мир, хотя скрепил его таким залогом, идущим от великих пророков. Совершив это, он поскакал к своему войску, повернул его и повел на неприятеля. Тут венгры в панике бросились в бегство. Король попал в какое-то озеро или болото и утонул вместе с конем. Из этого примера ты видишь, кузина, что турки очень почитают Христа, хотя нас и зовут гяурами, неверными, потому как мы не верим в Магомета. Как хорошо мы делаем!

204. Родошто, 2 novembris 1757.

Милая кузина, снова большая новость! Султан Осман после долгой болезни оставил все свое добро на других. Я сказал, оставил на других, потому как и другие оставляли не другим, а на других, как сказал дервиш персидскому царю. Один дервиш, придя ко двору царя, расстелил в беседке циновку и раскурил трубку, словно он тут хозяин. Царь, увидев это, послал к нему людей, чтобы те сказали, как он посмел войти без разрешения. Дервиш ответил, что на постоянный двор любому можно входить;

ведь отец этого царя, дед и отец деда оставляли дворец друг другу, как постоянный двор. Царь посмеялся шутке дервиша. Осман был хорошим султаном, миролюбивым, не ненавидел христиан. Умер он минувшего месяца 29 дня. Правил он два года, десять месяцев и несколько дней. На другой день султаном сделали Мустафу*, ему около пятидесяти лет, и он сын султана Ахмета. Господь знает, каким он окажется.

Ты пишешь, кузина, что во Франции на охоте одна герцогиня упала с лошади и сломала себе обе руки; уж точно, это клеймо она будет носить до самой смерти. Отсюда мы видим, что молодым дамам не следует разрешать садиться на лошадь; старым дамам скорее можно это позволять, руки и ноги им не так нужны, как молодым. Читал я, что возле Фессалоник была одна госпожа, у которой был любимый конь, на нем она очень любила ездить. Конь был таким гордым, что не хотел пускать на себя никого другого. Случилось один раз, что папе из Рима нужно было попасть в Константинополь к султану, а поскольку ехал он по суше, то пришлось ему ехать на коне той женщины. Когда он прибыл, женщина встретила его с большим почтением. Когда он хотел отправляться, женщина попросила его сесть на ее коня и проделать свой путь на нем. Папа благожелательно отнесся к ее просьбе и сел на коня. Папа совершил свое путешествие, вернулся и остановился у той же женщины, а лошадь с благодарностью вернул ей и уехал. Через несколько дней женщина захотела сесть на своего коня, но это ей не удалось: с тех пор он никогда не соглашался принять ее

в седло, словно говоря, дескать, я возил святейшего папу, а после этого какую-то женщину не могу возить. Кузина, калиница!

205. Родошто, 29 novembris 1757.

Милая кузина, во время войны надо писать о битвах. Вот мы здесь спокойно спим, а в Силезии люди постоянно на ногах, на ногах они должны жить и умирать, как оно и случилось с пруссаками этого месяца двадцать второго дня при Бреслау*. Войском королевы, кажется, командовал граф Надашди, прусским войском — герцог Бевернский*. Ежели бы я захотел полностью описать, как шло это сражение, в конце все равно пришлось бы сказать, что пруссака побили, герцога взяли в плен, а через несколько дней Бреслау сдался Надашди. Так что Силезию королева вернула. Бреслау осаждали недолго, сдали через два дня. Хорошо еще, что с Надашди не произошло то, что с греческим царем Филиппом. Филипп* был отцом Александра Великого. Король осадил какой-то город, тогда в его лагерь пришел один надменный грек и попросил царя, чтобы тот принял его на службу, потому как он так метко стреляет из лука, что сбивает птицу на лету. Царь, может быть, был тогда в плохом настроении и ответил, что ему нужен не охотник, а солдат. Грек, который высоко себя ценил, обиделся и в тот же вечер перебежал в крепость, задумав отомстить. Спустя несколько дней царь окружил крепость, но, к несчастью, подошел к крепости ближе, чем нужно было. Когда он смотрел на крепость, оттуда ему стрелой выбили глаз. А вынув стрелу из глаза, увидели на ней надпись: для правого глаза Филиппа. Так и было, потому как стрела попала ему в правый глаз. Царь и все

другие поняли, что стрелу пустил из мести тот самый грек. Чем только ни чреваты надменность и мстительность! Я тоже должен отомстить, потому как давно не получал от кузины письма.

206. Родошто, 29 decembris 1757.

Нынче люди взяли новый, холодный обычай — воевать в снегу: в этом холодном месяце, пятого дня, в Силезии, близ Лейтена, было большое сражение. Войском королевы командовали принц Карл и маршал Даун, прусский же король своим войском командовал сам. Сражение было большое, оба войска держались храбро, но в конце концов победа склонилась к королю, и в результате он снова захватил Бреслау. Один Господь знает, долго ли он его удержит.

Снова мне приходится писать о смерти, потому что шестого числа господин Чаки стал очень плохо говорить, а седьмого, в одиннадцать часов утра, умер; был ему восемьдесят один год. Почти до конца, то есть до смерти, он был здоров, не нуждался ни в докторах, ни в лекарствах. Но о нем нельзя сказать, что поэтому он умер. А умер он потому, что была у него такая болезнь, от которой не было лекарства: просто Господь так устроил, что каждый человек должен умереть. Он был последним генералом Ференца Ракоци. Остались мы только двое с молодым господином Зай, мы — самые последние, потому как Господь оставил нас напоследок, надолго ли, знает только Он. Конечно, мы благодарны Ему, что дал Он нам прожить этот год, и просим, чтобы не оставлял Он и после этого

бедных изгнанников и не отводил от них свои святые глаза. Но просим не языком, а сердцем; потому как люди слышат то, что сказано, а Господь видит сердце; вот что случилось с одним святым отшельником.

Один епископ плыл по морю; корабельщики причалили к острову, и епископ, чтобы провести время, вышел на сушу. Гуляя там, увидел он среди деревьев хижину и подумал, что там, наверно, кто-то живет. Тихо подойдя к окошку, он услышал слова, словно кто-то молился. Но как удивился он, услышав, что тот, кто был внутри, молился таким образом: да будет проклят Господь. И эти слова повторялись все время. Епископ не удержался, вошел в хижину и сказал человеку: приятель, говори: не будь проклят Господь, а будь благословен Господь. Отшельник так и стал говорить. Епископ, научив его правильно молиться, вернулся на корабль, и корабль отплыл. Отшельник тут же забыл, чему он научился, и, заметив это, быстро побежал следом за епископом. Корабль был уже далеко от берега, но отшельник не обращал внимания, бежит он по земле или по воде, у него в голове была только молитва. Епископ и все, кто был на корабле, с изумлением увидели, что отшельник бежит за ними по морю, как посуху. Догнав корабль, он крикнул епископу, что забыл молитву. Епископ, увидев такое чудо, сказал ему: приятель, молись так, как молился. Из этого примера видим мы, что Бог любит молитвы сердца, а не слушает слова. Я тоже от всего сердца желаю тебе, милая кузина, здоровой встретить Новый год. Аминь.

207. Родошто, 20 decembris 1758.

Милая кузина, не только мы, но и вся нация человеческая — словно приговоренные к смерти рабы, которые не знают, когда поведут их на казнь. Именно такова наша судьба. Сколько господ, благородных людей схоронили мы уже, кого в одном, кого в другом году, настолько, что остались мы уже вдвоем с господином Заи. Господь и его избавил от изгнания 22 oktobris. Теперь остался из всех изгнанников я один, и не могу сказать, как говорил до сих пор, мол, пускай заберет Господь сначала того или того, потому как я один, и я за все отвечаю. После смерти господина Чаки Порта сделала господина Заи главой венгров, который находится в этой стране под защитой султана. После его смерти мне пришлось поехать в Порту, чтобы известить о его кончине. По обычаю меня сделали башбугом, потому как надо из тех, кто приехал в эту страну со старым Ракоци, остался только я, а те, кто находится со мной сейчас, все новые. Что за мир! Сколько изменений я уже пережил, но провидение Божье всегда было со мной и со всеми нами. Я мог бы произнести целую проповедь о нашей изменчивой жизни в долине скорби, изменения в которой мы будем испытывать до тех пор, пока не придем на гору радости. Уже несколько дней, как я вернулся в Родошто. Как распорядится Господь после этого насчет меня, я в его руках, но знаю, что прах должен стать прахом, и счастлив тот, кто не умрет не для Бога, а в Боге. После столь долгого изгнания нужно ли желать иного, чем это счастье.

Первое письмо я написал, кузина, когда мне было двадцать семь лет, это же пишу, когда мне шестьдесят девять; отнять из них семнадцать лет, остальные провел я в бесполезном изгнании. «Бесполезное» мне не надо было бы говорить, потому как в распоряжениях Господа нет бесполезности, он все делает во славу свою. Так что нужно нам заботиться о том, чтобы и мы думали о том же, и тогда каждое его распоряжение по отношению к нам обратится на наше блаженство. Не станем же желать ничего иного, помимо воли Господа. Будем просить жизни благословенной, хорошей смерти и блаженства, и после этого откажемся от просьб, как и от греха, как и от изгнания, как и от неисполнимых желаний.

Аминь.

муц

Иборот

ДЕЖЕ КОСТОЛАНИ¹

КЕЛЕМЕН МИКЕШ

Не только данные природой способности, но и, может быть, даже слабости и недостатки — всё в нем предопределяло, что он должен стать писателем, мастером эпистолярного жанра. Это не был масштабный, фонтанирующий интеллект, который ошеломляет глубиной психологических наблюдений, нестандартностью суждений. На первый взгляд, он улавливает лишь внешнюю сторону событий и людей, его окружающих. Не назвал бы я его и таким уж тонким наблюдателем. Глубоко в душу к себе он не заглядывает. Все, что в нем клокотало, что его мучило, он старается сгладить, усыпить чем-то вроде магического зелья, дающего возможность смириться со злой судьбиной; судьбиной, которую бедняга поминает столь часто, что это становится в его письмах своего рода рефреном, и порой даже возникает подозрение: а верит ли он в нее само? Может, просто механически повторяет это слово, пользуясь им как способом отвлечься от сознания

¹ Костолани Деже (Kosztolányi Dezső; 1885–1936) — венгерский поэт, прозаик, эссеист. Данное эссе написано в 1935 г. Текст приводится по книге: Kistükör. Magyar irodalomtörténeti arcképek. Anyanyelvi Konferencia, Budapest, 1985.

полной своей беспомощности? Был ли он умен? Да, видимо. Но в том, что он был мудр, нет никаких сомнений. В нем жил драгоценный дар юмора, в самом высоком смысле этого слова; это юмор, который большое обращает в малое, малое — в большое, утверждая таким образом относительность всего и вся и выстраивая в душе подобие равновесия; это юмор, суть которого — не склонность к остроумиям и парадоксам, но некая обволакивающая субстанция души, некая таинственная влага; это юмор, без которого письмо — всего лишь шуршащий листок бумаги. Юмор давал ему возможность переносить свой удел. Но юмор этот позволяет ему еще и завоевать нас, читателей. Есть градус отчаяния, когда любой крик бесполезен: мы не умеем кричать столь же громко, сколь сильна наша боль, нет таких мощных легких, которые перекричали бы, заглушили внутренний вопль. В таких случаях и приходит на помощь юмор. Мы снижаем, преуменьшаем то, что на самом деле устрашающе велико, и выражаем в этом несоответствии свое состояние; или просто молчим, — и тогда другие, ошеломленные нашим молчанием, вынуждены думать о том, о чем мы даже говорить уже неспособны.

У Микеша именно юмор этот определяет во многом значение и ценность его писем. Что он мог делать там, в одиночестве пустынного края, в обществе оборванных и голодных изгнанников, в не поддающейся выражению атмосфере безнадежности, среди двухэтажных деревянных хижин, кипарисов и масличных деревьев Родошто, где гуляет чума, где постоянно грохочет морской прибой, где время от времени раздается оглушительный и в общем уже совершенно бессмысленный барабанный

бой куруцев², где в убогом своем жилище бедолага зимой дрожит от холода, потому что единственный источник тепла — кучка углей на глиняном поддоне, где летом царит изнуряющий восточный зной, в окнах вместо стекла — бумага, но и ее грызут мыши и крысы, а в комнату иной раз залетают брызги морских волн? Другого выхода у Микеша просто не оставалось. Безысходность вздымалась перед ним гигантской каменной глыбой, порождая в его измученной душе такую зияющую пустоту, что ее можно было заполнить, только творя шедевры. Он сидел, курил, «вздыхал». Устремлял взгляд в сторону далекого родимого Загона, зная, что давным-давно заросли тропы, ведущие к снежным горам милого Эрдея. И — писал письма придуманной им кузине, милой, очаровательной родственнице, которую в горьком своем одиночестве называл кузиночкой, первого января желал ей «ладного, складного нового года», «а в нем — неизменно-го, постоянного, по-мужски нестигаемого здоровьица»; или еще — «доброй вам желаю ночи, и в постели — блох не очень». В других случаях уверял, что любит ее сильнее даже, чем капусту, и потом терпеливо сносил, что (придуманная) кузина в отместку величает его «капустным горшком». В хорошие минуты он писал: «Родошто я уже люблю, но люблю так, что не забываю родной Загон».

² Куруцами (иск. «*crutiatus*» — крестоносец) называли в Венгрии участников вооруженной борьбы против Габсбургов во второй половине XVII — начале XVIII вв. Понятие восходит к началу XVI в., когда набранное (в основном из крестьян) добровольческое войско, призванное участвовать в крестовом походе против Османской империи, переросло в 1514 г. в крестьянскую войну под предводительством Дёрдя Дожи.

Или еще: «Ежели в зимнее время дом у меня — ледяной погреб, или, вернее, ледяная тюрьма, то теперь — раскаленная печь». О том, каким тягостным было его одиночество в сиятельной Порте, мы догадываемся, когда читаем: «Есть, конечно, и здесь господа, с которыми можно было бы завести знакомство, но ходить к турку в гости — дело тяжкое: уже одно то, что по-турецки я не говорю, а главное, коли ты приходишь к нему, то сначала — ну, садись, дают тебе трубку с табаком, джезву кофе, хозяин обронит шесть-семь слов, а потом будет помалкивать десять часов, коли у тебя хватит на столько терпения». Конечно же, часто вспоминает он Эрдей, незабвенный волшебный сад, вспоминает эрдейских женщин, которым посвящает такие медовые строки: «... одна-единственная эрдейская женщина разве не стоит больше, чем десять венгерок? Роза — прекраснее, чем чертополох, солнце — ярче луны. Вот случится в Венгрии солнечное затмение, — отвезите туда одну женщину из Эрдея, и красота ее даст достаточно света. Это не комплимент, но чистая правда. Коли Господь сотворил эрдейских женщин более красивыми, чем всех других, то тут уж ничего не поделаешь». Да, он влюблен в эрдейскую девушку, которую зовут Жужи Кёсеги, она живет среди изгнанников, — но замуж выходит не за него, а за господина Берчени. Об этом он также информирует нас: «...где эти музыканты, пускай уже затягивают говяжью песню, пускай играют невестин танец! В общем, вы догадались, кухня, что у нас тут нынче свадьба-женитьба. <...> Сегодня господин Берчени сочетается браком с Жужи, в присутствии двух или трех свидетелей, да и то тайно. Можете сами судить, милая, какая это радость для Жужи: она-то точно заслуживает титул графини...

<...> Но знаю я кое-кого, да и вы его знаете, — кому жениться куда нужнее, чем господину Берчени, но — *non habet pecuniam*».

Растроганные, мы проникаемся глубокой симпатией к этому благородному, естественному, достойному любви человеку. Мы восхищаемся чувством меры, тактичностью, с которыми Микеш умеет рассказывать о своих страданиях. Страдать с такой сдержанностью — это поистине виртуозно. Именно потому виртуозна и его проза. Ведь секрет хорошей прозы — не что иное, как скромность, нетребовательность, как смирение, которое следит за дозировкой и не замахивается на многое, чтобы ухватить побольше. Лабрюйер³ утверждает, что проза дает возможность выразить что-либо лишь одним-единственным способом, тогда как стихи — способами многими и разными. Справедлива мысль, что у прозы есть свой жесткий, неизменный закон. Этому Микеш, по всей очевидности, научился у французов. Он жил в Париже пять лет. Но если в тамошней эпистолярной литературе Луи Гез де Бальзак⁴ и Вуатюр⁵ собирали в изысканные букеты бумажные цветы салонной жеманной болотовни, то Микеш увековечил живую речь

³ Жан де Лабрюйер (Jean de La Bruyere; 1645–1696) — французский писатель-моралист.

⁴ Жан-Луи Гез де Бальзак (Jean-Louis Guez de Balzac; 1597–1654) — французский писатель, мастер эпистолярного жанра. Его «Письма» («Lettres»; часть издана в 1624 г., остальные посмертно) получили широкую известность как во Франции, так и во всей Европе.

⁵ Венсан Вуатюр (Vincent Voiture; 1597–1848) — французский поэт, видный представитель литературы барокко.

господского сословия Харомсека⁶, тот язык, который он в своем почти полувековом изгнании хранил невероятно бережно и сохранил в абсолютной неприкосновенности. У него все — осязаемо, реально. Он никогда не поставит лишнего эпитета. Он умеет живописать, почти не пользуясь красками. Дружбу он не укрепляет и не завязывает, но «склеивает». Он сам заявляет, что пишет на секейском языке. Он перевел, или «перевоплотил на венгерский», семнадцать томов всякой разности. Ридль⁷ называет его величайшим прозаиком эпохи, Недеши⁸ — первым венгерским очеркистом. Он — европейский венгр. Подобно тому, как первый поэт наш, Балинт Балашши⁹ побратался с европейской культурой, так же един был с нею Микеш, наш первый прозаик, который ввел в литературу язык живого общения. Оба эти писателя встретились и с морем, один — на севере, второй — на юге. Микеш с его необъятной перспективой и глубокой человечностью близок нам и сегодня. Может быть, не случайно и то, что он дал имя тому духовному приюту, в котором многие годы обреталась и воспитывалась наша новая литература: ведь он впервые написал и сделал венгерским слово «кафе».

Перевод Ю. Гусева

⁶ Харомсек — венгерский комитат на юго-востоке Трансильвании (с 1920 г. входит в состав Румынии).

⁷ Ридль Фридеш (Riedl Frigyes; 1856—1921) — венгерский литературовед.

⁸ Недеши Ласло (Négyesy László; 1861—1933) — венгерский историк литературы.

⁹ Балашши Балинт (Balassi Bálint; 1554—1594) — великий венгерский поэт.

ГАБОР ТЮШКЕШ

КЕЛЕМЕН МИКЕШ И «ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА»

«Турецкие письма» Келемена Микеша — классическое произведение венгерской прозы периода Раннего Просвещения, оно представляет собой органическую часть европейской литературы прошлого. Автор этого произведения — один из первых, с художественной точки зрения, выдающихся и оригинальных венгерских представителей моралистической традиции своей эпохи; многими тематическими и идейными нитями, методологическими особенностями, жанровыми и стилевыми моментами «Письма» связаны с творчеством великих европейских, прежде всего французских моралистов. Произведение это с представляет собой поворотную веху в венгерской литературе. С одной стороны, оно открывает новую главу в истории изображения человека и его душевной жизни: Микеша интересуют не великие идеи эпохи, а сам человек с его чувствами, поисками, недостатками и достоинствами. С другой стороны, оно означает фундаментальное изменение в формировании писательского самоосмысления и понимания своей роли; Микеш в гораздо большей степени, чем все прежние писатели, придает литературе общественное значение, последовательно вовлекая читателя в диалог. Отражая состояние человека, утратившего дом и родину, он создал литературный образец, до нынешнего дня живой и побуждающий к сочувствию.

«Турецкие письма» носят подчеркнуто автобиографический характер, а вместе с тем это важный исторический документ об эмиграции трансильванского князя Ференца II Ракоци и его приверженцев, а также о событиях европейской истории и политической жизни той эпохи. Работая над «Письмами», Микеш опирался на венгерскую и трансильванскую традицию эпистолярной и мемуарной литературы, творчески осваивая и развивая галантный стиль французской эпистолярной культуры, в то же время находя индивидуальные формы для выражения своих мыслей, сомнений, своей внутренней борьбы. Он описывает переживания, испытываемые им в изгнании, в своей личной жизни, людей, которые ему встречались, размышляет о своем творчестве, откликается на то, что происходит в мире, в политической жизни в в той экзотической среде, где он, волей судьбы, должен жить. Все эти темы тесно переплетаются с риторикой литературных писем, которым сообщается видимость реальных посланий, с непринужденной болтовней и со склонностью к афористическому способу выражения. С точки зрения изображения жизни в изгнании и состояния внутренней эмиграции «Турецкие письма» могут быть поставлены рядом, например, с перепиской Шарля де Сент-Эврémona, Геза де Бальзака, Роже Бюсси-Рабютена и Елизаветы Шарлотты Пфальцской (Элизабет Шарлотт фон дер Пфальц).

Биографический и исторический контекст.

История создания

Келемен Микеш родился в августе 1690 г. в среднепоместной дворянской реформатской семье, в родовом имении Загон (на юге Трансильвании). Ему был всего год, когда он лишился отца: Пал Микеш был замучен

солдатами австрийской императорской армии в тюрьме города Фогораш (совр. Фэгэрэш в Румынии). Детство, большую его часть, он провел в усадьбах родни, рассеянной по комитату Харомсек. В 10-летнем возрасте, вместе с матерью, Евой Тормой, которая снова вышла замуж, он перешел в католицизм (отчим, Ференц Боер Кёвешдский, был католиком). В 1700 г. Микеш учился в Коложваре (совр. Клуж-Напока в Румынии, по-немецки Клаузенбург), в школе при иезуитском коллегиуме, где получил основательное классическое образование и познания в риторике. Научился писать письма по-венгерски и на латыни, усвоил нормы куртуазного поведения и, скорее всего, здесь начал учиться французскому языку. Ему было 17 лет, когда князь Ференц II Ракоци, в 1703 г. возглавивший освободительную борьбу венгров против Габсбургов, посетив Коложвар, взял Келемена на службу: сначала пажом, потом придворным камергером; в конце концов он стал первым камергером при дворе князя. Летом 1707 г. Микеш был свидетелем приема в Мункаче (совр. Мукачево на Украине) польского и российского посольств, прибывших для того, чтобы выдвинуть князя Ференца Ракоци претендентом на польский трон. Со временем, в походах и сражениях, в поражениях и победах, у князя с его соратником сложились теплые, доверительные отношения; Келемен смотрел на патрона с преклонением и почти сыновней любовью. В первые годы освободительной борьбы венгров поддерживал французский король Людовик XIV; однако после серии поражений итог освободительной войне подвел, Сатмарский мир, заключенный в 1711 г., без согласия Ракоци. Князь бежал сначала в Польшу, затем, в январе 1713 г., перебрался во Францию, куда его сопровождал и Микеш.

Карта путешествий Келемена Микеша. Выполнила Анна Тюшкеш

Людовик XIV принял Ракоци и его приверженцев благосклонно, но попытки князя вновь собрать международную коалицию для борьбы против Габсбургов завершились провалом. В мирном договоре, подписанном в 1714 г. в Раштатте, венгерское освободительное движение было принесено в жертву ради восстановления баланса сил на континенте; европейские державы признали Венгрию и Трансильванию частью Австрийской монархии. Ракоци утратил надежду на помощь Франции; решением венгерского Национального собрания, принятым в начале 1715 г., князь и его приверженцы были официально объявлены изгнанниками. Микеш, состоя в свите Ракоци, почти пять лет находился во Франции, где имел возможность познакомиться с жизнью парижского высшего света, литературных салонов, театров и королевского двора. Он усовершенствовал свое знание французского языка, получил представление о модных литературных произведениях этого времени, в том числе, как можно предположить, с различными эпистолярными романами. Незадолго до кончины Людовика XIV (1715) князь удалился в монастырь камальдульского монашеского ордена, в городке Гробуа, где рядом с ним находился и Микеш.

В апреле 1716 г. Габсбурги напали на Османскую империю. Ракоци связывал с этой войной большие надежды. По приглашению султана Ахмета III князь осенью 1717 г. отплыл в Турцию; Микеш отправился вместе с ним. Приглашение Ракоци принял в расчете на то, что с турецкой помощью сможет продолжить освободительную борьбу. Однако мир, заключенный между австрийцами и турками в Пожареваце (*нем* Пассаровиц) окончательно поставил крест на судьбе Ракоци и его последователей.

Первое свое письмо Микеш написал 10 октября 1717 г. (за четыре года до появления «Персидских писем» Монтеस्कье), в первом пункте своего турецкого пребывания, городе Галлиполи (совр. Гелиболу в Турции), — для того чтобы увековечить пребывание на Востоке, которое представлялось временным. После нескольких переездов Порты в 1720 г. поселила изгнанников на северо-западном берегу Мраморного моря, в городке Родошто (совр. Текирдаг в Турции); именно здесь было написано подавляющее большинство писем. Спустя два года мать Келемена стала звать сына домой, уговаривая его просить о помиловании; однако Микеш не воспользовался этой возможностью: преданность князю была сильнее. После смерти Ракоци, последовавшей в 1735 г., он остался душеприказчиком князя; он организовал погребение князя в Галаце, недалеко от Константинополя, и отправку его сердца и рукописей в Гробуа. В следующем году в Родошто прибыл старший сын Ракоци, князь Йозеф, — и включился в австро-турецкую войну 1736—1739 гг. На пути, ведущем через Валахию в Молдавию, Йозефа сопровождал Микеш; в пути князь заболел и умер. В 1741 г. Микеш со своими соратниками обратился к императрице Марии Терезии с просьбой о помиловании, но получил отказ. В 1747—1748 гг. он обменялся несколькими письмами с Адамом Яворкой и Ласло Берчени, венгерскими эмигрантами в Польше. Последнее из «Турецких писем» датировано 20 декабря 1758 г., за три года до смерти Микеша, в том году, когда его назначили главой венгерской общины Родошто. В начале января 1759 г., с разрешения австрийского посла в Константинополе, Микеш начал переписку со своей родней в Трансильвании, послав домой рукопись одного

своего перевода. Умер он 2 октября 1761 г. в Родошто, став жертвой чумы.

Историческое значение писем определяется тем, что автор их на протяжении многих лет, находясь на стороне Ференца II Ракоци, принимал участие в той освободительной войне, которая на короткое время высветила возможность создания самостоятельной Венгрии, независимой от империи Габсбургов. Общая ситуация, определившая их появление, — политическое изгнание. Моральная, литературная мотивация Микеша, источник его творческой энергии, манера и эстетика писем — все это коренится прежде всего в ощущении неприкаянности, маргинальности, связанном с оторванностью от родины. Изгнание же стало следствием бескомпромиссной приверженности принципам независимости, отстаиваемым Ракоци, идеям независимости, а также политики великих держав, сложившейся неблагоприятно для Венгрии.

Венграм-эмигрантам в Турции запрещено было переписываться и поддерживать какие бы то ни было связи с близкими, оставшимися на родине. Правда, на полное одиночество и языковую изоляцию Микеш не был обречен: в окружении князя он вращался среди венгров и французов, подчиняясь установленному князем строгому распорядку дня; да и после смерти Ракоци нищета и бесприютность ему не грозили. От родного дома, от семьи, от прошлого, от родных мест он оторвался давно, сознание бесповоротности того положения, в котором он жил, со временем лишь крепло в его душе. С самого начала для него важную роль играли возможности установления контактов с новой средой, а нахождение в промежутке между столь разными культурами стало

одним из определяющих факторов его мироощущения, оказавшим влияние и на его писательское видение мира. Он постоянно стремился сравнивать прежнюю и новую обстановку, критически оценивая привычные, укоренившиеся взгляды, старался смотреть на вещи с разных сторон. Писание в значительной степени помогало ему выработать новое, соответствующее данному образу жизни самосознание, создавая на месте утраченного мира новую, во многом фиктивную реальность, творя для себя, насколько это возможно, нечто вроде дома.

Говоря об историческом контексте и о творческой истории «Писем», нельзя не учитывать того, что патрон Микеша, Ференц II Ракоци, был в период между 1690 и 1740 гг. не только центральной фигурой венгерской истории и политики, но и сам являлся значительным мыслителем и писателем. Он писал по-венгерски, на латыни и по-французски, оставив потомству выдающиеся произведения во многих жанрах. Отдельная часть его творческого наследия — огромная дипломатическая и частная переписка, которую он вел до самой смерти. Среди его самостоятельных произведений выделяются «Мемуары» (1717), излагающие историю освободительной войны, содержащие многочисленные новеллистические элементы, а также, конечно, «Исповедь» (1716—1719), в которой дается обзор и осмысление всей его предыдущей жизни, анализируется путь душевного созревания, подводятся итоги своей моральной ответственности. Морально-религиозный характер носят его «Молитвы» и «Размышления» (1719—1731); он также написал две философские работы о государстве: «Трактат о власти» (1722—1725) и «Мысли о гражданской жизни и придворных принципах христианина»

(1722) и подготовил свое завещание (1732). «Мемуары» и часть «Исповеди» вышли в Париже в 1739 г., две работы о государстве и завещание, под общим заголовком «Политическое и моральное завещание князя Ракоци» («Testament politique et moral du Prince Rakoczi»), – там же в 1751 г.; остальные работы долгое время оставались в рукописи. В большинстве его произведений явно ощущается влияние янсенизма и литературы, вдохновленной янсенизмом. Микеш почти 30 лет был непосредственным свидетелем писательской деятельности князя, наверняка читал многие из этих произведений; он же стал первым распорядителем литературного наследия Ракоци. В его фиктивных письмах можно найти немало переключек с работами Ракоци, а перевод «прощального» письма князя, адресованного Порте, Микеш целиком вставил в свое 117-е письмо.

Нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что Ракоци собрал по крайней мере две значительные коллекции книг, которые не были недоступными для Микеша. Обе коллекции ясно свидетельствуют о французской ориентации культурного кругозора князя. Первая, ранняя библиотека, которая известна нам по перечню, 1701 г. выдает его интерес прежде всего к вопросам самой религии, а внутри этого круга – к планам объединения церквей. Вместе с тем этот список показывает, что его вниманием пользовалась также светская литература на французском, испанском и итальянском языках (например, Расин, Буало, Ла Кальпренеде, Скаррон, Матео Алеман, Марана, Фенелон), а также труды по политике и истории, по христианскому неостоицизму и светской морали и, наконец, великие французские моралисты: об этом свидетельствует наличие среди его книг таких

произведений, как «Эссе» Монтеня, «Характеры» Ла Брюйера, работы Сент-Эвремона. Среди книг, которые Ракоци читал в бечуйхейской тюрьме*, заслуживает внимания коллекция образцов писем Пьера д'Ортига Воморьера и французский перевод книги Балтазара Грациана «Придворный человек»; последнего упоминает в 128-м письме и Микеш.

Во второй библиотеке, собранной князем в Родошто (перечень был составлен кем-то после смерти князя), важное место занимали книги по благочестию, теологии, экзегетике, истории церкви, среди них — издания работ янсенистского, квиетистского, пуританского и мистического толка; обращает на себя внимание большое количество трудов по истории, праву и естественным наукам, подчеркнутое наличие дидактической и моралистической литературы, а также оттеснение на задний план литературы светской. Почти треть книжной коллекции имеет то или иное отношение к янсенизму. Часть находящихся здесь произведений Микеш использовал в качестве источников: брал из них фрагменты для своих писем, а некоторые даже самостоятельно перевел. Культурный материал, охватываемый книгами в библиотеках Ракоци, не всегда выглядит современным, но хорошо сочетается с культурным кругозором французской, немецкой и итальянской аристократии той эпохи. Кроме того, Ракоци и Микеш, прежде всего благодаря французским послам в Константинополе, — и в Родошто имели доступ к таким книгам, которые в перечне

*В 1700 г. Ференц Ракоци за участие в антиавстрийском заговоре был заключен в крепости Винер-Нойштадт (венгерское название — Бечуйхей) близ Вены; в 1701 г. ему удалось бежать в Польшу. (Примеч. Перев.)

отсутствуют. В окружении Ракоци в Родошто оказывались, кто надолго, кто на короткое время, французские дворяне и иные люди, которых можно связать с янсенизмом; другие придерживались галликанских, действительских или рационалистических взглядов.

С точки зрения истории создания «Турецких писем» и их идейного контекста важно упомянуть и то, что в середине 1720-х годов Микеш всерьез занялся переводом, а с 1740 г. центр его литературной деятельности переместился с эпистолярного жанра на перевод. Он перевел с французского на венгерский 12 прозаических произведений, общим объемом почти 6 тыс. страниц. Большую часть переведенных книг он брал из библиотеки Ракоци. Переводы и свободные переложения укладываются в рамки сознательной писательской программы. Значение их подчеркивается тем обстоятельством, что почти четверть общего объема писем составляют различные фрагменты переводов, причем между письмами и переводами существует тесная тематическая, идейная, методологическая — в плане писательского и переводческого подхода — интертекстуальная связь, перекличка содержания и мотивов, стилевое и жанровое взаимодействие. В значительной степени именно благодаря своей переводческой работе Микеш стал требовательным к языку и стилю художником, мыслителем и моралистом. Работа по адаптации иноязычных текстов в немалой степени способствовала формированию его общественных воззрений и этических взглядов.

Среди его переводов и переложений в равной степени можно найти и произведения, относящиеся к сфере дидактических, воспитательных трактатов, и ставшие излюбленным чтивом во второй половине XVIII в.

циклы новелл в стиле рококо, светский моралистический диалог, а также три выдающихся толкования Библии. Остальные переводы представляют жанры диалогизированного рассказа на религиозные сюжеты и дидактического душеспасительного трактата. Авторы этих работ — в основном церковные писатели второй половины XVII и первой половины XVIII в.; сами произведения примерно в этот период по большей части были многократно переизданы и переведены на другие языки. Некоторые из них близки к янсенизму или прямо представляют янсенистскую духовность; более того, одна из этих книг значилась в списке запрещенной литературы. Переводы Микеша, в соответствии с практикой того времени, в большинстве случаев представляют собой свободные адаптации; можно найти и такие примеры, когда сюжет, место действия и персонажей Микеш переносил на венгерскую почву.

Как в писательской деятельности Ракоци (да уже и в составе его библиотеки), так и в переводческой работе Микеша в равной степени наблюдается причудливое смешение различных, часто противоречащих друг другу направлений моральной и исторической философии, политических взглядов, церковно-теологических и благочестивых течений, литературных тенденций. Особого внимания заслуживают произведения, в которых янсенизм тесно переплетен с неостоицизмом, поскольку они не просто транслируют теологические, догматические и экзегетические нормы, соображения об организации церкви и правилах жизненного уклада, но предлагают читателю политические воззрения и моральную позицию, понимание истории, государственную философию, культурную политику, индивидуальную и коллективную

идентичность. Слияние гуманистической, светской духовности французского морализма пришло к Микешу не только благодаря нескольким их классическим представителям, жившим в XVII в., но и в многократных преломлениях, через посредство светской и религиозной дидактической литературы.

Структура, содержание, жанр

«Турецкие письма» – это 207 писем, созданных в период между октябрем 1717 и декабрем 1758 г., расположенных в хронологическом порядке и различающихся по содержанию и по объему. Распределение писем по времени неравномерно и в совокупности не выдает какого-то планомерного принципа. После прибытия в Турцию в первое время Микеш писал в среднем по два письма в месяц, в 1718–1719 гг. – по одному, в 1721–1722 гг. – по три-четыре письма в год. Почти в полусотне писем, созданных в первый период, до 1723 г., преобладают личные впечатления, рефлексии на постоянно меняющуюся обстановку и на события международной политики; лишь кое-где здесь можно встретить следы использования литературных источников. В 1724 г. эпистолярный энтузиазм Микеша вновь оживает; одновременно растет пропорция сторонних вставок, долженствующих восполнить недостаток личных впечатлений. Однако около 1730 г. ему, по всей видимости, надоело писать письма, наполненные чужеродными вставками; затем, в период болезни и смерти Ракоци, его перо вновь обретает плодовитость, и вновь на первый план выходит изложение личных переживаний.

Единственное свидетельство внутреннего структурирования мы встречаем, когда дело доходит до 1737 г.

Более двух десятков писем, созданных между январем 1737 г. и ноябрем 1738 г., Микеш выделил в особую группу, снабдив их отдельным заголовком. В этих письмах он повествует о прибытии в Турцию старшего сына Ракоци, Йожефа, о коренных изменениях, происшедших в жизни эмигрантов, и о молдавском походе, предпринятом герцогом. Здесь подробное описание личных переживаний на какое-то время вновь занимает преобладающее место. С 1741 г., после того как очевидной стала тщетность надежд на возвращение домой, вплоть до 1748 г. Микеш пишет очень мало, в среднем по одному письму в год. Между 1748 и 1754 гг. количество писем опять возрастает и становится относительно равномерным: в письмах 172–192 находит место описание турецких обычаев и культуры, при этом Микеш опирается на один французский источник: доля личных впечатлений здесь существенно отходит на задний план. После 192-го письма, в 1754–1756 гг., он пишет всего семь писем, затем, в 1757 г., тоже семь, которые содержат в равной мере личные впечатления, политические новости и литературные вставки, — ранее Микеш написал столько писем за один год лишь в 1739 г. В последнем письме, датированном 20 декабря 1758 г., Микеш оглядывается на годы эмиграции, размышляет о смерти и ставит судьбу изгнанника перед читателем как устрашающий пример.

Среди тем, так или иначе затронутых или хотя бы бегло упомянутых в письмах, присутствуют такие значительные события европейской истории первой половины XVIII в., как, например, Пожаревацкий мир 1718 г., завершивший австро-турецкую войну, война за польское наследство 1733–1738 гг., австро-турецкая война 1736–1739 гг., проходившая с участием России, война за

австрийское наследие 1740—1748 гг. В письмах фигурируют — иногда бегло, иногда более основательно — выдающиеся исторические деятели эпохи: Людовик XV, Петр I, Екатерина I, Анна Иоанновна, Карл VI, Мария Терезия, Фридрих II. Микеш, особенно вначале, с пристальным вниманием наблюдает как за событиями европейской политической жизни комментируя их, так и за поворотами внутренней политики в Турции, поскольку изгнанники долгое время именно от последних ждали изменения своей судьбы. В письмах ясно прослеживается, как надежда на возвращение домой сменяется вначале разочарованием, затем угрюмым смирением и в конце концов полной безнадежностью.

Микеш редко упускает повод, чтобы высказать какие-либо критические размышления, связанные с общественными отношениями и с ситуацией в культуре. Размышления эти продиктованы довольно четким сознанием необходимости реформирования дворянского общества, или, во всяком случае, эволюции его в сторону гражданского (буржуазного) уклада; здесь вырисовываются контуры просвещенческой социальной и культурной программы. Главные пункты этой программы: служение родине, национальное самосознание и понимание необходимости единства, формирование стабильных общественных отношений, повышение культурного уровня и приобретение знаний, применимых в практической жизни. В полном согласии с тенденциями эпохи Микеш призывает обратить внимание на необходимость обучения девушек и женщин. Он признает роль гражданских ремесел и науки в национальном хозяйстве; частные интересы он последовательно подчиняет интересам общества, страны. С понятием нации

тесно связан родной язык; страна, родина, родная земля и родной язык неотделимы друг от друга.

Важный содержательный элемент «Турецких писем» — показ инакости турок, восточной атмосферы, магометанской цивилизации и связанные с этим размышления; пользуясь выражением Лайоша Хоппа, это «личностный экзотизм» Микеша. Известно, что описания и размышления, связанные с поведением, обычаями далеких народов, играли важную роль в формировании европейской моралистики. Наряду с солидной литературой о путешествиях в Константинополь, с историческими, географическими трудами, описывающими мусульманский мир, «Турецкие письма» Микеша также способствуют знакомству с возникновением и основами европейского ориентализма, с взаимосвязью экзотизма и моралистского мирозерцания.

Писателя в равной степени интересуют исторические, социальные, моральные и религиозные вопросы, но он рассматривает их пристальным, отстраненным взглядом стороннего наблюдателя. В круг его излюбленных тем входят, например, турецкие обычаи, связанные с подарками, гостеприимством и т.д., обращение с женщинами, жизнь султанов-многоженцев, тайны гаремов, особенности бракосочетаний и разводов. Исходя из собственного опыта, он неоднократно признает, что Порты и отдельные турки проявляли великодушие по отношению к изгнанникам-венграм. Пользуясь любым поводом, он высказывает сожаление в связи с низким социальным статусом турецких и армянских женщин, с их угнетенностью, замкнутым образом жизни. Он показывает структуру султанского двора, частую смену визирей, живописует эффектность церемоний приемов,

осуждает институт рабства, но в то же время, ссылаясь на венгерские условия, относится к рабству с определенным пониманием. Описывает поведение местных чиновников и придворных, подробно знакомит с религиозными обычаями и суевериями. Фиксирует наблюдения, связанные с турецким сельским хозяйством и ремеслами. Неоднократно жалуется на отсутствие светской жизни, с юмором пишет о том, как мусульмане представляют рай, дает эмоциональное описание празднования Рамазана. С презрением пишет о пьяных дервишах, иронически рассуждает об изменчивой судьбе великих визирей и о деспотических нравах, критикует глубокие общественные предрассудки, консерватизм и царящую при дворе коррупцию. Несколько раз упоминает мусульманскую легенду о хлебе, рассыпанном Богом в разных местах для человека, об ангеле, который принес глину для сотворения человека, и в связи с этим размышляет о человеческой судьбе, о непостоянстве удачи, о преходящей земной славе и божьем Провидении.

Модный в ту эпоху эпистолярный жанр, открывающий перед творческим человеком множество возможностей, Микеш развивал в своем наиболее близком ему направлении. Литературность его «Писем» выражается главным образом не в композиционном выстраивании коллекции как некоего «целого», но в художественном оформлении каждого отдельного письма, а также в глубоко индивидуальном сочетании личного жизненного пути и повествовательных моделей, в которых так или иначе воплощалась история эпохи. Название, которое Микеш дал своему произведению, таково: «Письма, писанные М. К. в Константинополе для гр. П. Э.». Значение инициалов П. Э. нам неизвестно; мы не знаем даже,

скрывают ли эти инициалы чье-то конкретное имя. Название это, с двойной монограммой, с обозначением жанра и места проживания фиктивного адресата, следует французским образцам, к которым относятся появившиеся в большом количестве во Франции второй половины XVII и первой половине XVIII в. сборники галантных посланий, путевых заметок, а также коллекции частных писем, собрания фиктивных писем, письмовники, эпистолярные вставки в галантных романах, композиции, содержащие вместе исторические и фиктивные письма. Все это, вместе взятое, играло важную роль в формировании жанра эпистолярного романа.

Текстовая структура «Турецких писем» определяется постоянным экспериментированием автора с различными типами дискурса, которые соседствуют друг с другом, иногда пронизывают друг друга, то контрастируя, то образуя прихотливые сочетания. Это – произведение смешанного жанра, обладающее признаками как эпистолярного романа, так и историко-бытового повествования. К тому же оно включает в себя различные, компилятивно нанизанные на стержень фиктивной переписки истории, новеллистические сюжеты и другой вторичный повествовательный материал. Эпистолярная форма и фиктивный диалог дают автору широкие возможности для самовыражения, а также для создания образа «адресата». В форме фиктивного письма Микеш в сущности таится за двумя масками: своей и маской фиктивного адресата, так что по-настоящему он предстает перед нами в диалоге между этими персонажами. Такая форма дает в равной степени возможности и для того, чтобы раскрыться, и чтобы спрятаться, и для выявления авторской идентичности, и для создания

видимости ее раскрытия. Форма эта предоставляет возможности и для психологической, этической рефлексии, позволяет часто менять тон наррации и тему, придерживаясь рыхло-ассоциативной, эссеистской манеры. В результате, после тщательной стилистической обработки, в письмах — несмотря на интенсивный отбор и зависимость от различных жанровых образцов — вырисовывается осознанно субъективная история жизни. Пользуясь языковыми, риторическими средствами создания правдоподобия и прибегая к различным культурным стереотипам, Микеш создает кажущуюся реальной, но в значительной степени все же фиктивную действительность.

Этому способствует изощренная стратегия пропусков и умолчаний, перемешивание, в различной пропорции, событий, новостей, историй, заимствованных из тех или иных книг, различная степень подробности их изложения и, порой, повторение. Микеш часто характеризует душевное состояние автора, его настроение на данный момент, размышляет о самом процессе письма, последовательно вовлекает адресата в ситуацию фиктивного диалога, создавая тем самым атмосферу непринужденности и находя все новые способы более полного раскрытия собственного образа. Все это тесно связано с широким литературным, идейным контекстом и с традициями отображения коллективной памяти. Ни моральная рефлексия, ни повествовательный материал, вводимый в письма, не образуют целостной системы; бывает, что, начав излагать какую-то мысль, автор продолжает или усиливает ее в каком-нибудь из последующих писем. Встроенные в письма фиктивные повествовательные элементы чаще всего не исчерпываются собственным значением: они предваряют события

или, задним числом, толкуют, объясняют их, часто выполняя функцию непрямого предостережения или моральной притчи.

В большинстве случаев Микеш опирался на действительно имевшие место наблюдения, переживания и впечатления, ставя реальные факты, события и фигуры выше каких бы ни было предвзятых суждений. Особенно выразительны его описания окрестностей, природных ландшафтов. Не всегда он был очевидцем или участником описываемых событий; но если он описывает каких-то людей, то это люди, которых он, как правило, знал лично. Рассказывая о каких-то событиях и рисуя портреты, он, проявляя большую психологическую интуицию, драматическое чутье, возводит их в ранг художественного повествования.

В коллекции встречаются письма различного типа. Если вначале преобладают, наиболее приближаясь к реальным письмам, письма-репортажи, письма-отчеты, в которых Микеш излагает полученные им в той или иной ситуации впечатления, то со временем начинает преобладать другой тип: это довольно пространственные тексты, насыщенные размышлениями, элементами прочитанного, сведениями по истории, экономике и другим областям, новеллистическими вставками. Одновременно непринужденный, подчас фамильярный тон (в первой полусотне своих посланий Микеш самыми различными способами стремится создать видимость реальной переписки) уступает место сознательному редактированию. Со временем степень интенсивности письмотворчества снижается, зато постепенно увеличивается объем литературных вставок, восполняющих нехватку собственных впечатлений, и растет значение

сюжетов, почерпнутых из прочитанного. В последней четверти коллекции (это около 20 следующих друг за другом писем) Микеш увлекается описанием турецких обычаев и порядков; при этом он опирается почти исключительно на западноевропейские работы, переводя их на венгерский язык. Серия фиктивных писем оборвалась благодаря тому, что на рубеже 1758–1759 гг. Микеш получил от австрийского посла в Константинополе разрешение переписываться со своей трансильванской родней. Однако приобретенные писательские навыки присутствуют и в поздних посланиях: фиктивные и реальные письма у него — это, в сущности, варианты одного и того же жанра.

Источники

Знание турецкого языка у Микеша сводилось к нескольким словам, так что более или менее глубокие сведения, относящиеся к экзотической среде, в которой он жил, он черпал — кроме собственных наблюдений — главным образом из французских источников. В основном из литературы он брал и обнаруживаемые в письмах более или менее короткие истории (так называемые *historiettes*), которых насчитывается в целом около 70. Среди них можно найти античные, библейские, средневековые и относящиеся к раннему Новому времени притчи. Эзоповы басни, исторические сказания, новеллистические истории, еврейские агады, христианские, мусульманские и персидские легенды, анекдоты, шутки, курьезные случаи. Истории эти и сопровождающие их комментарии можно считать отражением, в миниатюре, представлений Микеша о человеке и мире. Часть из них — более или менее подробно изложенные темы

и мотивы, получившие широкое хождение в культуре. К таковым относятся, например: перстень Поликрата (письмо 43), семеро мудрецов (письмо 43), лиса и зеленый виноград (письмо 51), прекрасная Иринея (письмо 63), Стратоника (письмо 72), вейнсбергские жены (письмо 108), Бингенская мышинная башня (письмо 109), святой, который ходил по воде (письмо 206), Анна Болейн (письмо 86), Инкль и Ярико (письмо 199), Мустафа (письмо 97). Некоторые истории Микеш рассказывает дважды или неоднократно упоминает их. Бывает, что Микеш излагает историю не совсем так, как она фигурирует в источнике; причина этого обычно – иной контекст или желание подвести письмо к какому-либо определенному финальному выводу.

Использование заимствованных историй было излюбленным приемом во французской эпистолярной литературе и моралистических журналах той эпохи. Часть трактатов по риторике, появившихся в XVII в., особо занимается типами и характером изложения историй, приводимых в письмах, и существуют такие коллекции писем, которые уже в заголовке обращают внимание читателя на связанные с письмами рассказы.

Непосредственный источник большинства историй, фигурирующих в «Турецких письмах», можно установить точно или с большой степенью уверенности. Сюда относятся, например, сборники новелл Маттео Банделло, Пьера Боэстюо, Франсуа де Бельфора, Жана де Лафонтена, мадам де Гомес, энциклопедии Бейля и Морери, эпистолярные романы Роже де Бюсси-Рабютена, исторические труды Андре-Эркюля де Флёри, Джованни Сагрето, Луи Мэмбура, Поля Рико, Пьера Обрио и др. Из самого значительного моралистического журнала

эпохи, «Ле Спектатера», переведенного с английского на французский, Микеш почерпнул в общей сложности почти десяток историй. Эта ситуация одновременно служит объяснением тому факту, что большинство историй имеет французское происхождение. Сопоставление этих историй с источниками дает возможность определить особенности обработки Микешем заимствуемого материала и пронаблюдать вытекающие отсюда изменения первоначального значения. Более ранние варианты другой части историй обнаруживаются во многих произведениях, поэтому непосредственный источник с полной уверенностью здесь не может быть определен.

Первичные источники части историй, использованных Микешем, — античные авторы: Геродот, Плутарх, Сенека, Плиний, Ливий, Светоний, Валерий Максим и Цицерон, а также популярные в Средние века и в позднем Средневековье сборники легенд, притч и анекдотов, такие как «*Legenda aurea*», «*Gesta Romanorum*», произведения Пельбарта Темешвари и Иоганна Паули. Особую группу составляют рассказы итальянских, французских и нидерландских гуманистов, таких как Петрарка, Боккачио, Бандело, Мазуччио, Джовио, Колленуччио, Бонфини, Маргарита Наваррская и Липсиус. Ранние варианты некоторых историй можно найти и у немецких и венгерских авторов XVI—XVII вв, таких как, например, Юлиус Цинграф, Зигмунд фон Херберштейн и Георг Штенгель, а также Гашпар Хельтаи, Петер Борнемиса, Альберт Сенци-Мольнар, Петер Пазмань и Миклош Зрини.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что варианты многих историй обнаруживаются у французских авторов той или близких эпох, в числе которых

много выдающихся моралистов. Сюда относятся, среди прочих, Монтень, Перро, Ла Арп, Верто, «L’Espion turc», Мишель Ле Клер, Жан-Батист Симеон Шарден, мадемуазель Скюдери, «L’Académie Galante», Монтескье, Вольтер. Что касается около полутора десятков историй, в основном специальных, то до сего времени не удалось установить ни непосредственного их источника, ни повторяемости в других контекстах. В нескольких случаях нельзя исключить возможности, что Микеш взял их из устной традиции.

Идейное своеобразие

Келемен Микеш стоял на позициях христианско-гуманистического мировоззрения, окрашенного идеями неостоицизма и янсенизма, и в то же время представлял толерантную, светско-рационалистически-галантную писательскую ориентацию. Взгляды свои он развивал с общечеловеческой точки зрения, но при этом всегда имел в виду свою родину, одновременно предпринимая плодотворные попытки гармонизировать моральные принципы верующего христианина, придворного и гражданина. Жанр литературного письма он возвысил в личностную форму самовыражения, художественно обновил ее, нашел в ней репрезентативное выражение своих представлений.

Основная особенность его мышления, его эмоционального состояния — постоянная смена надежды и безнадежности. Борясь с безнадежностью, он сформировал для себя жизненную позицию, опирающуюся на внутреннюю гармонию, и создал мирозерцание, которое оказалось эффективным и в условиях изгнания. Главные факторы этого мирозерцания — вера в Божье

провидение и в гармонически организованный мировой порядок, понимание покоя как одной из фундаментальных ценностей жизни, акцент на общественно полезной деятельности и последовательное стремление выполнить свое писательское призвание. Эмиграцию он переживал как экстремальную жизненную ситуацию, как божью кару, за отношение к которой угадывается влияние политической идеологии мученичества, действие которой не ограничено рамками конфессий.

Одни из факторов мышления Микеша – естественный разум, трезвый ум, *raison*. Он осознал устарелость традиционной школярской философии и понял необходимость новой идейной ориентации. Разум для него – особенно важная ценность: он, по его мнению, лучший советчик в решении важных жизненных вопросов, чем сердце (см., например, письмо 75); его цельность определяет состояние тела (письмо 46) и является условием самопознания. Как он сам говорит, «лишь при свете ума мы можем мы понять, хороши или плохи наши свойства» (письмо 99). Эта фраза – часть диалога, который Микеш взял у мадам де Гомес и, переведя, вставил в свое письмо. Диалог ведется вокруг одного из центральных вопросов моралистики той эпохи – вопроса о любви к себе. В комментарии Микеш полусхотливо противопоставляет надменную любовь к себе, присущую гречанкам, той любви, которую трансильванские девушки и женщины питают, как ему представляется, в равной мере к себе и к другим.

Рациональное, историко-критическое видение находит интенсивное выражение в концентрированном изложении Микешем истории крестовых походов (письмо 80). Вывод, сделанный из этого обзора, противоречит

традиционной церковной трактовке, по сути дела следуя духу французской историографии раннего Просвещения, прежде всего выраженному в работах Луи Мэмбура, затем Морери и Бэйля.

Другой центральный тезис мировоззрения Микеша — вера в божественное провидение. Эта вера, однако (особенно в первые годы изгнания), не была такой уж безоблачной. Микеш с большим трудом смирился с Божьим промыслом, который лишил его и других эмигрантов возможности вернуться на родину, — в конце концов он пришел к выводу, что Божья справедливость не всегда доступна человеческому разумению. В своих внутренних сомнениях и метаниях он часто подчеркивает беспомощность человека перед лицом божьей воли. Чтобы проиллюстрировать это, он в 7-м письме пользуется библейской метафорой о горшке и горшечнике. Однако, если в Библии и у авторов того времени этот мотив служит для того, чтобы подчеркнуть власть Бога, Микеш с его помощью дает почувствовать беспомощность маленького человека и собственную неудовлетворенность. Метафора, к которой он возвращается и позже, одновременно свидетельствует о его подавленном эмоциональном состоянии, вызванном отсутствием Божьей помощи. В 12-м письме он выражает ту же идею, переосмысляя еще один библейский образ. Тот же образ возникает в 13-м, 14-м и 15-м письмах; затем, в 44-м письме, Микеш, уже смирившись, вновь ссылается на Бога: «Изгнанникам венграм даже в изгнании приходится скрываться, чтобы хоть в чем-то быть похожими на скрывающегося сына Божьего».

В мышлении Микеша сакральное и мирское тесно переплетены друг с другом. В его картине мира

доминируют радость жизни и рациональность, — этим он, в частности, отличается от Ракоци с его аскетически строгими, порой склоняющимися к мистике взглядами. Местами мироощущение Микеша производит откровенно эпикурейское впечатление; набожность и радость жизни у него прекрасно сочетаются друг с другом. Он основательно знает Библию, однако культ святых практически не играет в его письмах значительной роли. Избранного в 1740 г. на папский престол Бенедикта XIV он называет «хорошим папой», что было признаком симпатии к реформаторскому католицизму августинско-янсенистского толка. Факт смерти воспринимается как естественная часть жизни.

С самого начала у него сложилось четкое мнение о человеческой жизни, об обществе и о перипетиях изгнания. Христианское мировоззрение и система моральных ценностей обеспечивают преемственность и цельность «я» повествователя, богатство его точек зрения. Вытекающая из личностной веры, толерантная, рационалистическая религиозность определяет и придает цельность его картине мира, его взглядам на человека и общество. Религиозность дополняется сознанием ответственности за страну, которую он вынужден был покинуть, и за свой народ, активным патриотизмом, преданностью князю-изгнаннику, а также потребностью в некоей более человеческой политике. О человеческих пороках и недостатках он часто пишет пронизательно и эмоционально, в то же время стараясь быть сдержанным, проявлять понимание и мудрость. Общественная его позиция характеризуется сочетанием сознания необходимости реформаторского подхода, хотя и мыслимого в рамках сословного общества, и размышлений

о прогрессивных изменениях, которые уже намечали бы поворот к преобразованиям в сторону буржуазного уклада; тут же нужно упомянуть смещение моральных оценок, вытекающих из религиозной картины мира, и трезвого созерцания действительности, опирающегося на сугубо светский жизненный опыт.

Микеш живо, эмоционально развивает мысль о первородном грехе (см., например, письмо 15), поддерживая представление о том, что божья милость — условие всякого доброго поступка (см. письмо 54). Под влиянием янсенизма, а также мусульманского окружения Микеш твердо верит в то, что человеческая судьба заведомо предопределена Богом, и вера эта проявляется у него в форме своеобразного религиозного фатализма. Однако теологическими, морально-теологическими и конфессиональными вопросами он не занимался. Когда речь заходит о религии, Микеш часто не удерживается от шутливых замечаний или приводит какую-нибудь юмористическую историю. В 31-м письме, например, он замечает: когда Ракоци однажды, по какому-то поводу, призвал свое окружение проникнуться во время причастия повышенным благоговением, генерал Форгач вдруг расхохотался и сказал: намедни, во время причастия, ему вдруг пришло в голову: какая хорошая попона вышла бы из поповской казулы.

Микеш прекрасно понимает, какое значение в жизни имеет смех, как юмор поддерживает человека. Шутка неотделима от его писательского самоощущения и от галантной эстетики, она — важная часть арсенала его риторики. В 71-м письме он, например, замечает: «Я бы с большей охотой полчаса посмеялся с Жужжи, чем десять часов писал о них (то есть о рыцарях-храмовниках».

В 190-м письме он приводит юмористическую легенду о происхождении праздника Рамазан. А в 95-м письме, приведя средневековую легенду о нешитом покрове Христа, замечает: «А вы, милая, принимайте это так, как хотите». Литературовед Бела Золнаи не без оснований называл Микеша «смеющимся философом».

Как показывает хотя бы последний пример, критические замечания в адрес набожности и церкви носят у Микеша чаще всего иронический, шуточный характер. За ними обычно таятся серьезные общественные, экономические, этические и культурные убеждения. Так, например, в 90-м письме он защищает бедняков от скаредности клира, пользуясь текстом Библии о восстании Кораха; агаду эту использовал в свое время и Вольтер, но Микеш обработал ее в противоположном ключе. В том же письме он иронизирует над бескультурьем и жадностью греческих священников-ортодоксов, живущих на территории Османской империи. В 150-м письме высмеивает молдавских пьяниц-попов, тесно обсевших в корчме винную бочку. В анекдотической новелле (146-е письмо) рассказывает, к каким уловкам прибегают немецкие мушкетеры-дезертиры, чтобы добыть вина у простоватого попа-ортодокса.

О магометанстве, его обрядах, церковной организации и вере в загробный мир он пишет в таком же сатирически-скептическом тоне, как авторы Просвещения — о римском католическом клире. Подобно французским энциклопедистам конца XVII в., он в равной мере обращает внимание на заимствование мусульманами христианских обычаев и на сохранение языческих обычаев в христианских церковных обрядах. Неоднократно подчеркивает естественные отличия, относительность

обычаев и нравственных норм у различных народов. Хороший пример этому – шутливая история о соревновании иконописцев, завершающая 104-е письмо.

В 51-м письме он приходит к осознанию того, что между библейским учением и жизненным опытом существует противоречие. Он цитирует знаменитое сравнение часов и часовщика, с помощью которого деисты подвергали сомнению божественное провидение, – но цитирует его лишь для того, чтобы оспорить выраженную в нем позицию, а затем вспоминает о вечной зависимости бедняков от богачей. В этих рассуждениях, пафос которых заострен в сторону общественно-философских обобщений, Микеш, с одной стороны, принимает как истину догмат о тождественном действии божественного провидения. С другой же стороны, рациональным путем осознает социальное неравенство, как и то, что судьба людей на этом свете неодинакова, – однако не делает окончательного вывода из противоречия между двумя тезисами. Противоречие между бедными и богатыми он многократно выделяет и в письмах (например, 2, 22, 28, 39, 48, 49, 50, 75, 99, 106, 160).

Гражданственная позиция Микеша во взглядах на мораль и на общество выливается в острую социальную критику, главные составляющие которой – осуждение богатых, дворянства, а также выявление противоречий между сословным расслоением феодального общества и подлинными моральными ценностями. По этическим причинам он осуждает политику великих держав, в основе которой лежат их корыстные интересы, и ставит моральные ценности выше материальных. Если в вопросах веры критерием истины он считает вещи, лежащие вне человеческого опыта, то в повседневных

явлениях жизни ссылается на рациональный ум. Безусловное принятие Божьей воли побуждает его признать янсенистское мирозерцание, в котором предопределение играет подчеркнутую роль. Его картина мира — это картина мира поколения, вступившего на порог Просвещения; поколение это уже стоит на позициях *ratio*, но еще не обращает его против веры. Эта своеобразная двойственность его мышления, подкрепление рационального объяснения природных и общественных явлений теологическими аргументами Божьего всемогущества находят выражение и в сферах, далеких от повседневной практики.

Жизненный опыт играет определяющую роль и в критике Микешем дворянства. Например, в 64-м письме, в связи с последней болезнью генерала Миклоша Берчени, наш автор, размышляя о причине человеческих страданий, приходит к выводу, что болезни связаны с образом жизни человека. Он утверждает, что среди монахов и людей трудовых профессий, живущих умеренной жизнью, свободных от честолюбия, от скупости, от зависти, куда больше пожилых здоровых людей, чем среди «господ». После смерти Берчени, в письме 68-м, он противопоставляет генералу известные фигуры римского консула М. Атилия Регула и Л. Квиктия Цинцинната; оба они, даже несмотря на свою бедность, заботились исключительно о благе родины. С помощью этих двух античных примеров Микеш подчеркивает, что люди, стоящие во главе общества, и в моральном отношении относятся к числу самых ценных для общества людей, а выполнив свою задачу, вновь становятся простыми членами общества. Высшая мера ценности человека у него — деятельность на благо общества.

Вопросы веры и морали у Микеша тесно переплетаются с проблемами национального самосознания, культуры — и с ведущимся на протяжении уже целого столетия дискурсом о воспитании. Культуру и бескультурье он в значительной степени рассматривает как проблему моральную; представления его в этой сфере близки прагматическому пониманию культуры в Порт-Рояле. Его идеал — человек, в равной степени образованный и в эмоциональном, и в практическом, и в рациональном отношении, человек, который находит себе место в мире и является полезным членом общества. Микеш неоднократно критикует отсталую культурную ситуацию в Венгрии и Трансильвании, господствующие там принципы воспитания; он говорит о необходимости широких реформ, отстаивая программу современного, гражданского в своей основе образования (например, письмо 27, 62). Особенно резко он осуждает бескультурье первых людей государства: «невежественный господин советник в стране — вроде порожней бочки в подвале» (письмо 62).

С идеями учения, образования у него часто связано требование труда как общественно необходимой деятельности. Во многих письмах он хвалит трудовой образ жизни, прилежание рабочего человека, противопоставляя эти ценности неумеренному пьянству, тунеядству, паразитической трате времени господского сословия и золотой молодежи (например, письмо 64). Труд и учеба в системе ценностей Микеша — понятия, социально и морально определенные. Труд — главный содержательный компонент жизненного идеала Микеша; в результате труда он видит самый прекрасный подарок, который можно получить от жизни (см., например, письмо

74). Он основательно осмысляет сущность отношений между властителем и подданными – и, опираясь на собственный опыт, реально изображает их (см., например, письмо 117).

Подытоживая и развивая сказанное, можно сказать: система ценностей Микеша может быть охарактеризована такими парами противоречивых понятий, как, например, надежда – безнадежность; любовь – отсутствие любви; мир – беспокойство; реальные цели – честолюбие; стабильность – изменчивость; уверенность в настоящем – неуверенность в будущем; то, что в силах человека, – то, что он не в силах сделать; порядок – беспорядок; умеренность – неумеренность. Центральное место в этой системе ценностей занимает надежда, коренящаяся в вере в Бога (см., например, письмо 6). Определяющий элемент надежды – система политических условий; первое формируется как функция второго, и когда изгнание оказывается бесповоротным, в безнадежности посюстороннего мира Микеш начинает открывать для себя надежду трансцендентную. За описанием жизни двора изгнанного князя постепенно разворачивается игра более крупных политических сил. Показывая строгий распорядок дня, установленный Ракоци в Родошто, Микеш тем самым отражает образ жизни аристократии того времени. Подчеркивая ответственное отношение князя к своей политической миссии, говоря о его активной дипломатической деятельности и поведении в изгнании, Микеш вместе с тем резко критикует современные ему европейские политические нравы. Ему пришлось на собственном опыте убедиться, что французская и особенно турецкая дипломатия опирается на совсем другие нравственные принципы, чем политика

Ракоци, что в дипломатии этих великих держав большую роль играют лицемерие и обман. В письмах 32-м и 128-м, например, он характеризует политическую мораль обеих стран, прибегая к одним и тем же сравнениям.

Еще одна важная составляющая жизненной позиции Микеша — любовь к ближнему. Во-первых, это принципиальное требование, вытекающее из христианской системы ценностей; во-вторых — выражение реальных и фиктивных чувств. Ракоци воплощает в глазах Микеша идеал христианского властителя, и преданная любовь, которую он испытывал к нему, мотивирует его терпение и выдержку в условиях изгнания. Эта любовь однако не была лишена критического элемента, и характерно, что лишь после смерти князя Микеш доверяет бумаге один эпизод, который свидетельствует о некоторых разногласиях между ними (письмо 121). Создание писем — подчеркнуто важная сфера эмоциональной жизни Микеша, и свои самые сокровенные чувства он недаром проецирует на образ своего фиктивного адресата. Мечты о женитьбе, связанные с одной из молодых женщин, находящихся в эмиграции и подходивших ему по возрасту, из-за отсутствия средств потерпели крах, и с этого момента его чувства, во всем их богатстве, обратились на воображаемую партнершу по переписке.

Большую ценность для Микеша представляет мир (в значении «покой»), который одновременно обеспечивает гармонию души и внутреннюю гармонию жизни сообщества изгнанников. Тому и другому, однако, угрожают большие амбиции, склонность к авантюрам и беспокойный нрав некоторых персонажей двора Ракоци в Родошто. Письмо 85 свидетельствует о чрезвычайной психологической чувствительности Микеша

к нравственным и душевным проблемам эмигрантов. Сначала он размышляет о том, как бесполезно проходит время в эмиграции, затем перечисляет причины, которые губят согласие в сообществе. В 96-м письме он с беспощадной искренностью вскрывает внутренние пороки эмигрантской повседневности, в резких словах бичуя придворные интриги. Однако благородство и человечность помогают ему подняться над личными обидами; несмотря на душевный и нравственный дискомфорт, неизбежно порождающий кризисные ситуации, он до конца остается преданным князю. Он понимает, что именно преданность Ракоци сделала его неимущим изгоем, и все же поднимается над личными несчастьями: «для эрдейского дворянина нет большего позора, чем сказать, что он служит из корысти» (письмо 22).

Картина мира у Микеша не независима и от внешней упорядоченности обыденной жизни. Обеспечивает эту упорядоченность строго соблюдаемый князем твердый распорядок дня, который вводит в течение времени систему, создает ощущение относительной надежности, предоставляет какую-то возможность для личной жизни и оставляет Микешу достаточно времени для регулярной литературной деятельности. Писание для него — важный способ достижения мира и надежности, позволяющий последовательно раскрывать душевную реальность и поддерживать — пускай фиктивную — коммуникацию. Используя время в соответствии со своими наклонностями, находя духовную сферу для самовыражения и тем самым контролируя свое состояние, Микеш даже в суровых условиях эмиграции способен обрести ощущение своеобразной духовной свободы. Значение упорядоченной жизни становится особенно очевидным,

когда приезжает сын князя, Йожеф, и наступивший хаос опрокидывает устоявшийся быт изгнанников. В 124-м письме Микеш называет порядок основой всякой морали.

В письмах вырисовывается дифференцированная система добродетелей и пороков. Для Микеша одинаково важными добродетелями являются дружба, верность слову, щедрость, верность и честь (см. письма 34 и 90). Столь же решительно, хотя и более мягко, он смотрит на пороки. К ним он причисляет высокомерие, мстительность, неумеренность, поспешность и т.д. (см., например, письма 104, 205).

«Турецкие письма» в значительной мере способствовали пробуждению интереса к еще одной большой теме моралистической литературы XVII–XVIII вв.: к дискурсу, связанному с женщинами и семейной жизнью. Микеш почти неисчерпаем в рассуждениях и историях, связанных с женщинами; часть их он берет из жизни своего непосредственного окружения, другую часть — из прочитанных книг. Истории эти посвящены хорошо известным перипетиям и сложностям супружеской жизни: например, подозрительности, ревности (см. письмо 66). Высказывая суждения о женщинах, Микеш подчеркнуто сдержан: и похвала, и критика у него практически в одинаковой степени умеренны, и высказывает он их в основном в опосредованной форме. О взаимоотношениях полов он думает вполне реалистически (см., например, письмо 172). Открытая похвала в адрес женщин связана у него с осознанным патриотизмом: см., например, письмо 32, где он сравнивает красоту трансильванских и венгерских женщин.

Ряд историй рассказывает о женской любви и верности (например, взятый из «*Caritas Romana*» сюжет о Цимоне и Перо, письмо 52; Клеопатра, письмо 96), о смелости женщин (например, девушка, переодевшись в мужское платье, освобождает своего жениха из турецкого плена, письмо 77), о находчивости в любви (например, Эгинхард и Эмма, письма 103 и 200). Но он приводит и истории, которые иллюстрируют женское тщеславие (например, черный нос госпожи Берчени, письмо 22), жестокость (например, о неаполитанской королеве, которая задушила своего мужа, письмо 53), амбициозность (например, о том, как Карл IV праведно рассудил брюссельских дам, соревнующихся за первенство, письмо 94). Тон его, когда он говорит о женщинах, чаще всего игрив, лукав; остроумная критика в адрес женщин часто появляется в переплетении с другими темами. С иронией, в тоне игривой болтовни он разрабатывает — в 58-м письме — анекдотическую тему о женщинах-священниках и об исповеди, — тема эта уходит в Средневековье и обнаруживается, например, у Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль», 1.3. С. 33).

Манера изложения, язык, стиль

Рамки литературной фикции — воображаемой партнерши Микеша по переписке — определяются образом «кузины», якобы находящейся в Константинополе милой эрдейской родственницы, по возрасту близкой Микешу (ничего более конкретного он о ней не сообщает). Выражение «кузина» (*néne*) встречается и в других работах Микеша, обозначая где старшую сестру, где тетю, где просто родственницу (например, свояченицу). У фиктивной партнерши — которая по сути дела

символизирует читателя — два лица: с одной стороны, Микеш обращается к ней как к источнику родственной любви, душевной близости, домашнего настроения; с другой — засыпает ее галантными комплиментами, ухаживаниями, развлекает любовными историями, пикантными анекдотами. Игривый тон, флирт, эмоциональная окраска — все это напоминает едва ли не самое популярное чтение той эпохи, неоднократно переиздававшуюся переписку (несколько сотен писем) мадам де Севинье и Роже де Бюссе-Рабютена. С этой коллекцией писем произведение Микеша связано многими бросающимися в глаза особенностями манеры и стиля; упомянутая переписка могла служить Микешу одним из главных источников вдохновения. Именно оттуда, с большой степенью вероятности, заимствована пикантная история о «галантном громе небесном» (письмо 58); во всяком случае, по другим источникам происхождение этой истории не выявлено.

Микеш, таким образом, являлся, при всем прочем, галантным автором; галантный стиль — как господствующая на рубеже XVII и XVIII вв. модель коммуникации — предлагала ему особую, специфическую для данной эпохи и данной культуры, форму общения с собеседником или собеседницей. В венгерской эпистолярной переписке того времени манера эта была почти совершенно неизвестна. В рамках галантного стиля даже самые сложные и серьезные сообщения обычно получают выражение в формах намека, иронии или подражания, в легком тоне салонной беседы; различные дискурсивные уровни создают возможность для остроумной, подчас фривольной игры. Самая любимая тема здесь — отношения между полами. Развлекательную роль литературы галантные

авторы ценят выше моральных поучений. Такой эпистолярный стиль, насыщенный комплиментами и эротическими намеками, у Микеша часто переплетается с рассуждениями о благочестии, крайние формы, впрочем, Микеш воспринимает с явной иронией. Так, например, в 44-м письме он сообщает о своеобразном способе лечения, применяемом женой генерала Берчени во время чумы: пожилая дама обнаружила у себя в паху небольшой прыщик, но, не смея обратиться к врачу, смазывала это место святой водой.

Микеш неоднократно объединяет регистры родственной любви и любви межполовой – и эффективно пользуется таящимися тут возможностями. Словесную игру, связанную с межполовой любовью, он порой оснащает ярко выраженными эротическими штрихами. Так, например, в 49-м письме он не скрывает, что очень отрицательно относится к готовившейся в скором времени женитьбе графа Берчени на гораздо более молодой Жужи Кёсеги, которую Микеш тоже любил и на которой мечтал жениться. С горечью отметив, что в этом браке не будет участвовать ни сердце, ни плоть, а для невесты важен лишь графский титул, Микеш добавляет, что будущему жениху чаще придется мыться. И после этого вводит в рассказ шуточный мотив «стариковского календаря», – мотив этот встречается у Боккаччо («Decamerone», 2, 10) и у Лафонтена («Contes et nouvelles», 2, 8). Здесь можно наблюдать, как Микеш непосредственно связывает литературный мотив с собственной жизнью, ставя на службу галантному стилю другие дискурсы, в данном случае навязанные темами старости и морали, при этом не только играя ими, но и получая добавочное значение и эстетическое качество. Подобное соединение

различных стилей и манер – одна из характерных дискурсивных стратегий Микеша, целью которой является создание *esprit*, остроумного флирта и развлечения. К дальнейшим средствам «эстетики удивления» у него можно отнести неожиданную смену тем, незаметный переход от обращения на «вы» к обращению на «ты» и приверженность к разного рода причудливым историям и курьезным случаям.

Среди почерпнутых из различных источников историй, связанных с женщинами, можно обнаружить несколько пикантных сюжетов. Сюда можно отнести, например, (письмо 55), содержащее рассказ о невесте, пукнувшей во время невестина танца: жених за это отказался от нее, однако она находила себе мужей все более высокого ранга, пока, наконец, на ней не женился приехавший в Париж польский экс-король. Микеш здесь использовал мотив *puella pedens*, соединяя эротический и фекальный мотивы. Подобный характер носит и либертинская по вкусу история о короле (письмо 86), который, чтобы соблюсти 10 заповедей, оставляет в постели своей любовницы ее мужа. Сюда относится и анекдотический сюжет о французе-любовнике, который ухаживал сразу за двумя женщинами и был ими за это изощренно наказан (письмо 101). Также уже почти либертинский тон носят рассуждения о королевских дочерях, сосланных в монастырь, и о мужском и женском монастырях, построенных поблизости один от другого (письмо 84).

Фиктивное письмо – вполне современная форма личного выражения, которая заменяет устное сообщение или разговор. Автор не заранее задуманное произведение облакает в форму письма, но отдельное письмо

возводит в ранг шедевра. Письма достоверно отражают его индивидуальный голос, изменчивое настроение, его живой юмор. Особенность, которая роднит его стиль с эпистолярным жанром французского классицизма, — это более высокий, чем разговорный, стиль (*conversation á distance*), стиль болтовни (*causerie prolongée*), стремление понравиться (*l'art de plaire*), сознательная авторская позиция, принимающая во внимание публичность, а также использование разнообразных средств выражения.

Эпистолярный метод Микеша находится в тесном родстве с литературным арсеналом и мотивами французских эпистолярных коллекций, письмовников, произведений в форме фиктивных писем, путевых заметок конца XVII — начала XVIII в. К их общим характеристикам относятся, например, жанровые сцены, обмен воображаемыми подарками, планирование встреч, описание путевых впечатлений, миниатюрные портреты, расхваливание писем друг друга, сообщения об актуальных новостях и событиях. Сюда же можно отнести вопросы о том, когда ждать ответа, ответы на незаданные вопросы, вставленные анекдоты и различные истории, стремление к лаконичному выражению мыслей, размышления о реальных возможностях отсылки письма, чередование описательных, повествовательных, рефлектирующих фрагментов, пристрастие к сентенциям и афоризмам. Все это, вместе взятое, представляет собой комплекс средств, служащих для доказательства достоверности произведения.

С самого начала Микеш энергично, но в то же время и осмотрительно, совсем не размашисто, рисует образ воображаемого адресата и разрабатывает свою

авторскую идентичность, создавая тот странный, призрачный мир, из которого ему больше нет необходимости выходить. Автор писем, даже несмотря на правдоподобие текста, не может рассматриваться как тождественный сконструированному им «я»: вместо реальной личности мы повсюду сталкиваемся с рассказчиком. Главные средства для создания идентичности: интенсивная, постоянно присутствующая авторефлексия, то и дело нарративизируемый опыт течения времени, размышления о настоящем и о недавнем прошлом, а также подробное описание узко взятой или широкой жизненной среды, окружающих его людей и их обычаев. Многочисленные иноязычные выражения, характерные для экзотического места, где он находится, также хорошо встраиваются в стратегию освоения данного места. Постоянный элемент формирования авторского «я» и конструирования идентичности — образ преданного слуги изгнанного князя. После смерти Ракоци парадигма сиротства становится особенно важной, подчеркивая униженное, зависимое положение эмигрантов. Показывая свою судьбу и судьбу товарищей по несчастью, Микеш в равной мере пользуется известной с XVI в. компаративной культурной моделью — параллелью между еврейской и венгерской судьбами, дважды вспоминая библейский образ Иова, терпеливо сносящего страдания. Формулы, открывающие и завершающие письмо, частая тематизация писем — все это также функционирует как мощный фактор создания идентичности (например, письма 57, 75).

Тем, как Микеш изображает других людей, он по крайней мере в такой же или даже в большей степени раскрывает себя, чем в тех случаях, когда рассказывает

о событиях своей жизни, о своих мыслях и чувствах. Портреты его особенно точны и интересны в тех случаях, когда он изображает такую сложную фигуру, которую любит, как, например, Жужи Кёсеги, или к которой питает глубокую антипатию: например, к Миклошу Берчени и Йожефу Ракоци. Среди всех этих людей выделяется Ференц II Ракоци, о котором Микеш рассказывает в нескольких местах, богато представляя его в жизненно правдивых, достоверных и проникнутых личным чувством чертах.

Еще одна особенность писем — лаконичность, подчас афористичность стиля. Свои мысли Микеш часто формирует как пословицы, поговорки, сентенции, цель которых — давать читателю некий нравственный стимул. Сентенции и афоризмы чаще всего создают особое значение его размышлениям, подталкивают читателя к определенным выводам, к жизненной мудрости, придают весомость начальным или финальным фразам в письмах. Вот несколько характерных примеров: «кто дал нам зубы, даст и еду» (письмо 122), «я — тот, кем был, и буду тем, кто есть» (письмо 72), «что реже, то и дороже» (письмо 23), «кто богаче, тот и могущественнее» (письмо 48), «верно говорят, что Франция — рай для женщин и ад для лошадей. Турция же — рай для лошадей и ад для женщин» (письмо 15).

Излюбленный прием Микеша — стремление связывать личный опыт с впечатлениями, почерпнутыми из книг, и олитературивать то и другое. Экзотические описания почти всегда носят личностный характер; автор в основном воздерживается от обобщений. У него хорошо развита способность разделять индивидуальные черты и общие культурные характеристики. Он сознает, что

его собственная система культурных ценностей отличается от господствующей в данном месте, но, как правило, отодвигает эту систему на задний план или релятивизирует ее. Свои наблюдения он излагает, эмоционально окрашивая их; явления и конкретных людей последовательно оценивает в их отношении к ситуации изгнания, под углом зрения французского опыта и турецкой среды. Тот факт, что во второй части «Писем» преобладают описания, новеллистические вставки, почерпнутые из письменных источников, демонстрирует процесс культурной, социальной адаптации к чуждой среде. Описывая окружающую жизнь, ландшафт, он вплетает в них свои размышления, переживания, рефлексии; рисунок восточного мира находит отражение в личных ощущениях автора. Такие оппозиции, как «цивилизация—варварство», «центр—периферия», как и показ восточной культуры через западное восприятие в стиле и манере Микеша, почти или даже совсем не находят места.

Светское мирозерцание, развитое чувство стиля и нацеленность на развлечение оттесняют на задний план традиционные морализаторские тенденции. Нравственная критика Микеша чаще всего находит выражение между строк, в скрытом, опосредованном виде. В использовании античных, библейских или ренессансных по своему происхождению мотивов, религиозных и иных сюжетов Микеша интересует, в первую очередь, не моральный пафос, но анекдотическое содержание, приспособленное к теме или настроению письма, оживляющее изложение и встраивающееся в формально-жанровые рамки. Даже из произведений представителей Раннего Просвещения он в основном берет исторические и другие курьезы, некоторые элементы

художественной прозы, и, осмысляя историко-критическое мирозерцание авторов, дополняет их собственными замечаниями модифицирует, сокращая или расцвечивая. В передаче нескромных подробностей любовных историй или связанных с женщинами странностей бывает, что, уступая правилам бонтона, он вынужден о чем-то умалчивать, — как, например, это имеет место в рассказе о юноше, женившемся, в одном лице, сразу на троих: младшей сестре, дочери и жене (письмо 73). Заимствованные рассказы чаще всего переплетаются с другими темами так же естественно, как это происходит в устном общении.

Изложение историй, взятые из других литературных источников, в большинстве случаев нацелено на выражение сути и связано с данной ситуацией. Иногда пересказ сводится всего-навсего к одной-двум фразам или краткой ссылке. В подавляющей части писем содержится по одной истории, однако несколько раз Микеш объединяет в одном письме по две-три схожих по теме истории (см., например, письма 72, 86, 94, 109). С помощью такого приема он как бы делает чужой текст своим: сюжет и в новом контексте функционирует как носитель определяющих пафос письма знаний. Микеш обладает особенной чувствительностью к забавным, гротескным или абсурдным анекдотам. Голый остов какой-нибудь истории он наполняет жизнью, но комментирует мало, еще меньше анализирует, а выводы обычно доверяет читателю. К части рассказов он не добавляет никаких пояснений; бывает и так, что он завершает историю вопросом, обращенным к партнерше (например, барышня и три ее любовника, письмо 94). Моральное истолкование части рассказов является очевидным, однако

оно не навязывается читателю и редко формулируется эксплицитно.

В своем мировоззрении и способе изложения Микеш был реалистом и в языке, и в стиле. В письмах его встречается немало простонародных, диалектных и архаических выражений; он часто использовал метафорические обороты, словесные образы, пословицы и библейские выражения. Язык его вместе с тем — слепок разговорного языка тогдашней Трансильвании. Важные характеристики его стиля — спонтанные или кажущиеся спонтанными, часто далекие, неожиданные ассоциации, быстрая смена различных стилевых регистров, вариативность тем, техника монтажа, строящаяся на контрасте, на контрапункте, а также юмор и ирония, пронизывающие всю коллекцию.

Стиль Микеша совершенно индивидуален, остроумен, нагляден, естественен и дружелюбен; часто он становится эмоциональным или шутливым. Моральные воззрения его коренятся в христианской вере, в то же время они необычно смелы, ему не чужда игривость, приемы искусства соблазнения. «Турецкие письма» возникли в точке пересечения трех культур: венгерской, французской и турецкой, и стиль их носит на себе характерные черты этих культур и результаты их соседства или даже смешения. Другие определяющие черты этого стиля: спонтанность, доброжелательность и критический взгляд. Микеш с непринужденной естественностью вводит в свои тексты латинские, турецкие и греческие слова; но своеобразие трансильванского диалекта венгерского языка также обогащает его стиль. Еще одна важная черта — прерывистое, прыгающее повествование и лаконичность. Последние письма во все большей

степени омрачены ощущением безвозвратно уходящего времени, утратой соратников и друзей; усугубляющийся мало-помалу меланхолический, трагический тон подчеркивает литературный характер произведения. Стилиевые принципы Микеша, наряду с французскими образцами, во многих пунктах опосредованно подключаются к доричардсоновской — в значительной мере следующей французским моделям — английской фиктивной эпистолярной литературе, а также к немецким теориям эпистолярного жанра, также отчасти формирующимся под французским влиянием первой половины XVIII в., прежде всего к эпистолографическим работам и галантным, насыщенным эпистолярными вставками, романам Христиана Фюхтеготта Геллерта и предшественников Геллерта, Христиана Фридриха Хунольда и Августа Бозе.

История признания. Значение

Единственная известная рукопись «Турецких писем» во второй половине 1780-х годов попала — при до сих пор не выясненных обстоятельствах — из Родошто в Вену, оттуда — в Венгрию. Рукопись эта представляет собой авторскую копию, в ней рукой Микеша внесено много исправлений и несколько поздних добавлений. В Вене рукопись попала в руки Деметера Гёрёга и Шамуэля Керекеша, редакторов газеты «Военные и другие примечательные истории»; затем она оказалась у сомбатхейского учителя Иштвана Кульчара. Кульчар пронумеровал письма, дал им новое название и в 1794 г. издал в городе Сомбатхей; разрешение цензуры датировано 10 июля 1792 г., цензор исключил один фрагмент из письма 203. В подготовке издания участвовал Миклош Реваи, лингвист, поэт, учитель, редактор. Расходы на

издание оплатил большой патриот и меценат, много сделавший для развития науки и литературы в Венгрии, граф Дёрдь Фештетич. В предисловии, обращенном к читателю, Кульчар оценил произведение прежде всего как исторический источник, в то же время обратив внимание на некоторые особенности стиля. В 1796 г., на сессии Государственного собрания в Пресбурге (совр. Братислава в Словакии, по-венгерски Пожонь) по инициативе Кульчара было организовано торжественное заседание, на котором зачитали отрывок из писем и почтили память родившегося 106 лет назад Келемена Микеша.

Первое издание «Писем» положило начало той, уже более чем 200-летней литературной и литературоведческой традиции, в которой фигура Микеша, его жизнь и творчество, тесно переплетаясь с образом Ференца II Ракоци, стали символом и стимулирующим фактором национального культурного наследия. Второе издание «Писем», уже в полном виде, осуществил в 1861 г. историк литературы Ференц Толди, который тремя годами раньше приобрел рукопись, затем, спустя несколько лет после появления книги, передал ее (как можно предполагать, в счет возмещения денежного долга) эгерскому архиепископу Беле Бартаковичу. От него рукопись попала в Главную церковную библиотеку города Эгера, где хранится и в настоящее время. С тех пор «Турецкие письма» выдержали еще много изданий; из них следует особо отметить издание 1906 г., подготовленное в связи с перенесением на родину праха князя Ференца II Ракоци. Из переводов Микеша были изданы — во второй половине XIX в. — только «Забавные дни»; в течение долгих десятилетий в центре литературоведческих

и исторических исследований находились лишь «Турецкие письма». Между 1944 и 2011 гг. появились полные переводы «Писем» на английский, немецкий, французский, итальянский, турецкий и румынский языки, отрывки появлялись по-польски, по-монгольски, на эсперанто. Благодаря этому произведением в последнее время занимаются не только венгерские, но и французские, немецкие, английские, турецкие и итальянские литературоведы. Полное критическое издание творчества Микеша было осуществлено, в шести томах, в 1966–1988 гг., в Институте литературоведения Венгерской академии наук под руководством Лайоша Хоппа. Полный текст критического издания уже несколько лет доступен и в электронном виде. В 2010 г. в Институте литературоведения ВАН началось методическое исследование языка Микеша в рамках работы по составлению цифрового словаря Микеша. В 2011 г., по случаю 250-летия со дня смерти Микеша, появилось факсимильное издание «Турецких писем».

До 2011 г. научная библиография посвященных Микешу литературоведческих работ составила почти тысячу позиций; сюда нужно добавить еще более 300 статей по изучению влияния и культа писателя. Образ и творчество Микеша в равной степени служили источником вдохновения для ряда поэтических, эпических, драматургических произведений, для живописных полотен, музыки, фильмов. Из классиков, запечатлевших его память в стихах, стоит выделить Михая Вёрёшмарти, Яноша Араня, Имре Мадача, Деже Костолани, Эндре Ади, Дюлу Юхаса, Иштвана Шинку и Альберта Ваша, во второй половине XX в. — Чабу Ласлоффи, Пала Надя, Дюлу Такача, Шандора Каняди, Арпада Фаркаша и Аладара

Ласлоффи. Из драматических произведений упомянем несохранившуюся пьесу Михая Витковича (1806); во второй половине XX в. заслуживают внимания радиопьеса Ласло Ч. Сабо, историческая драма Даниеля Верешша и монодрама Меньхерта Тамаша. Среди прозаических произведений, авторы которых обращаются к образу Микеша, есть романы, множество рассказов, новелл, фиктивных писем, эссе; все это – самого разного художественного уровня. В XX в. возникли два больших центра, изучающих литературную традицию, связанную с Микешем: один – в Трансильвании, второй – в кругу венгерской эмиграции на Западе. Воплощая в себе высокую ценность трансильванской литературы, Микеш стал своего рода трансильванской венгерской иконой, которая открывает возможность для постоянной актуализации связанных с ней ценностей. Эффектным проявлением культа Микеша в Трансильвании стал символический перенос его праха из Родошто в родную деревню Загон (август 2012 г.).

Единственный – признанный достоверным – портрет Микеша, находящийся ныне в Коложваре, стал известен в 1870-е годы; он стал исходным пунктом для богатой – с точки зрения жанров, техники и функции – иконографии Микеша. Из музыкальных произведений XX в., вдохновленных «Турецкими письмами», можно выделить вещи Ференца Фаркаша, Эмиля Петровича и Дёрдя Куртага. Все эти произведения хорошо демонстрируют стремление к обновлению литературной, изобразительной и музыкальной традиции, вместе с тем иллюстрируя динамику восприятия Микеша в различных сферах.

Международной значение творчества Микеша обусловлено прежде всего тем, что ситуация, связанная с изгнанием, с внешней и внутренней эмиграцией является в XX – XXI вв. одним из основополагающих переживаний человека, которое во всем мире привело к появлению богатых и разнообразных художественных произведений. Микеш принадлежит к тому относительно небольшому кругу творческих личностей, которые стали писателями в изгнании и под влиянием этого факта. Микеш многими нитями связан с европейской, – в первую очередь, с французской, английской, итальянской и немецкой литературой, а также с турецкой культурой. «Турецкие письма» сохраняют свою высокую ценность и в контексте всемирной литературы, поскольку Микеш творил и мыслил в понятных и в международном контексте художественных категориях и символах, а потому – если воспользоваться выражением Шандора Марай – «подключен к мировой литературе».

Хотя венгерская литература относится к литературам так называемых «малых» народов, в наши дни крепнет понимание того, что так называемые «большие» национальные литературы тоже не могут быть поняты во всей своей полноте, если мы не знаем их взаимосвязей с «малыми» литературами. Творчество Микеша свидетельствует о том, что венгерская литература XVIII в. обладает богатыми международными связями, и этот период весьма плодотворен для исследования контактов европейских литератур друг с другом, а также с литературами и культурами за пределами Европы. «Турецкие письма» относятся к тем примерам, которые заслуживают серьезного внимания и в плане международных связей литератур, взаимодействующих в иноязычной

языковой среде и способствующих взаимной культурной адаптации. Вместе с тем это произведение – наглядный пример того, как и в каких формах писатели, представляющие «малые» народы, усваивали тенденции крупных европейских литератур и как эта деятельность способствовала наиболее полному воплощению их личных устремлений, обогащению данной национальной литературы и возникновению диалога между различными национальными литературами. Живя и творя в изгнании, Микеш вместе с тем был предшественником тех, часто живущих за пределами родины интеллигентов, которые в последней трети XVIII в. играли решающую роль в формировании наций Центральной и Восточной Европы, опирающихся на факты своих языков и культур.

«Турецкие письма» ставят переводчика перед очень серьезным испытанием. Об этом свидетельствуют статьи и свидетельства, связанные с ранее появившимися переводами; я и сам могу многое сказать в связи с этим на основе своего опыта, накопленного в то время, когда я помогал осуществить французский перевод «Писем». И глубоко признателен Юрию Гусеву за его самоотверженную работу, за то, что после многих переводов классических произведений древней и современной венгерской литературы он взялся выполнить эту работу. Искренне желаю, чтобы русский перевод доставил новым читателям Микеша истинное литературное переживание и много радостных часов, вместе с тем способствуя как можно более полному и широкому знакомству с творчеством Микеша.

ОЛЬГА ХАВАНОВА

РОДИНА КЕЛЕМЕНА МИКЕША: ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Есть целый ряд причин, почему Трансильвания занимает особое место в коллективном сознании и исторической памяти венгров. И дело здесь не только в так называемой травме Трианона, когда в 1920 г. по решению держав-победительниц в Первой мировой войне территория, прежде на протяжении тысячи лет ассоциировавшаяся с венгерским государством, была передана соседней Румынии на том основании, что этническим большинством там якобы были румыны. Трансильванское княжество, выжив в катаклизмах середины XVI в. и получив возможность — ценой признания вассальной зависимости от Османской империи — сохранить основы государства и права, языка и культуры прекратившего свое существование Венгерского королевства, взяло на себя роль хранителя национальных традиций и венгерского духа. Взгляды на Трансильванию как на «настоящую Венгрию» культивировались политической элитой XVII в., развивались буржуазной историографией XIX в., кочевали из учебника в учебник в XX в.

Современные венгерские историки нередко называют Трансильванское княжество искусственным государством. Если бы средневековое Венгерское королевство не пало жертвой османской агрессии, не утеряло

территориальной целостности и государственно-политической самостоятельности, то Трансильванское воеводство, по всей вероятности, так и осталось бы одной из обширных областей централизованного государства. Однако — однажды возникнув в силовом поле соперничавших за контроль над Средним Подунавьем Габсбургов и османов — княжество стало играть важную, и в то же время парадоксальную, роль в регионе. Задача, которую ставила и тщетно пыталась решить его политическая элита, заключалась в сохранении и упрочении наследия средневекового Венгерского королевства, включая преемственность правовых норм, политических институтов, языка и культуры. Ценой, которую за это платила страна, стал сюзеренитет Оттоманской Порты, признание политической зависимости от грозной державы, положившей конец существованию той самой Венгрии, черты и приметы которой тщиалась сохранить и передать потомкам трансильванская политическая элита.

Обстоятельства появления на политической карте Европы княжества Трансильвания связаны с битвой при Мохаче 29 августа 1526 г., когда 25-тысячная венгерская армия попыталась сдержать натиск 60-тысячного прекрасно вооруженного турецкого войска. Потомки не без оснований назвали поражение венгров «катастрофой»: на поле боя полегли 4 тыс. кавалерии, 10 тыс. пехотинцев. Элита Венгерского королевства оказалась обезглавлена: в битве пали 28 первых магнатов, семь епископов во главе с эстергомским архиепископом и, наконец, сам король Лайош (Людвик) II Ягеллон (1516—1526). Лишь трансильванский воевода Янош Запольяи (1487—1540), предусмотрительно опоздавший на поле брани, сохранил и войско, и претензии на опустевший венгерский

трон. Так, впервые в истории, у восточных окраин прекратившего свое существование Венгерского королевства появился шанс стать самостоятельным территориальным образованием, а формирование там господствующего класса пошло по пути, имевшему ряд особенностей в сравнении с теми частями страны, что вошли в число владений Австрийского дома.

Предки Келемена Микеша были старинным родом, первые документальные свидетельства о котором относятся к началу XVI в., когда мало что предвещало неминуемую гибель и территориальный распад Венгрии, находившейся в тот момент на вершине могущества. На сегодняшний день ученым известно о Миклоше Микеше, дворянине из Секейфёльда — края, населенного секеями (секлерами). Этот древний народ в конце IX в. пришел в бассейн Карпат в составе мадьярских племен под предводительством полулегендарного Арпада и не утерял с течением времени своего этнокультурного своеобразия и архаичного социального устройства. Они сохранили личную свободу в обмен на несение воинской службы — привилегию, покуситься на которую в будущем не посмеют ни трансильванские князья, ни короли из династии Габсбургов. Наряду с венграми и немцами (саксами) секеи входили в число трех привилегированных «наций» Трансильвании, чьи представители заседали в государственном собрании княжества, пользовались сословными привилегиями, вотиrowали налоги, принимали законы.

О первых поколениях рода Микешей известно крайне мало. Настолько, что видный венгерский генеалог Иван Надь (1824—1898), автор классического труда «Семейства Венгрии», даже не указал имя создателя

«Турецких писем» на ветвях генеалогического древа семьи и, исходя из доступных ему источников, неверно определил родство в коленах этого семейства. Сегодня мы знаем, что у родоначальника Микешей — Миклоша было четыре сына: Миклош, Янош, Михай и Бенедек. Потомство первых трех братьев пресеклось во втором и третьем колене, в то время как линия Бенедека окрепла и разветвилась. Можно сказать, что на глазах у первых трех поколений рода произошло становление трансильванской государственности, они же стали свидетелями ограничения возможностей и урезания самостоятельности «национального» княжества.

В последовавшие за Мохачской битвой десятилетия османы прочно закрепились в Среднем Подунавье: к 1541 г., когда пала столица королевства Буда, Порта владела 40% территории Венгрии. Оккупированные земли были разделены на вилайеты* (наиболее крупные — в Буда и Темешваре), а те, в свою очередь, на санджаки*. Численность венгерского населения в крупных городах, а также в подвергавшихся постоянным разорительным набегам пограничных областях сократилась, там имело место отуречивание, на опустевших территориях селились сербы, боснийцы и влахи. В целом же венгерские территории под властью султана не испытали последствий жесткой интеграции и ассимиляции, какие имели место в Сербии или Боснии. Османы оставили нетронутыми многие политические и сословные институты, продолжала действовать католическая церковь,

*Вилайеты, санджака — административно-территориальные единицы в Османской империи (вилайет делился на несколько санджаков).

распространялись реформационные учения. Производительные силы — в интересах османского фиска — не подвергались жестокому разграблению. В городах действовали органы муниципального управления. К 1566 г. окончательно оформилась граница с владениями Австрийского Дома и охраняющая ее с обеих сторон система крепостей. С 1568 г. внимание османов переключилось на войну на море.

Едва оправившись от шока, вызванного гибелью короля Лайша II и его армии, сословия попытались спасти то, что еще можно было спасти. Уже 16 октября 1526 г. на собрании магнатов и дворян в Токае королем был избран, а 26 ноября коронован венгерской короной Запольяи — под именем Яноша I (годы правления: 1526—1540). Легитимность этого акта оспаривалась группой представителей господствующего класса, заседавших на Государственном собрании в Пожони, где новым государем Венгрии был избран австрийский эрцгерцог Фердинанд Габсбург. Подвластные ему земли включали в себя западные, северо-западные и отчасти юго-западные (Хорватия) комитаты Венгерского королевства. Близость турецкой границы и непреходящая опасность новых вторжений заставили «свертывать» многие атрибуты и практики средневековой венгерской государственности. Первые лица страны покинули свои резиденции в древней столице Буде, и тем самым самостоятельный венгерский двор прекратил свое существование. В 1536 г. Государственное собрание постановило, что до лучших времен местопребыванием органов управления (т.е. административной столицей королевства) становится расположенная близ Вены и на безопасном отдалении от пределов страны Пожонь.

Ставка на Габсбургов была прагматическим выбором перед лицом тотального уничтожения венгерской государственности, хотя правильность этого выбора долгое время оспаривалась в венгерской историографии и осуждалась общественным мнением. Взаимоотношения Венгрии с новой династией, новым (по сути иноземным) двором, многонациональными элитами Австрийских владений не могли быть простыми. Требования сословий, чтобы Габсбурги стали в полном смысле слова венгерскими королями, по ряду объективных причин не могли быть удовлетворены. Интеграция в новые властные институты проходила болезненно: венгерские аристократы не знали немецкого языка, не разбирались в придворном церемониале, в их среде веками культивировалось неприязненное отношение к немцам. Австрийцы, в свою очередь, смотрели на венгров свысока, не знали и не стремились лучше узнать новую страну. Интегрирующим фактором, который обеспечил взаимодействие Габсбургов и королевства, стала османская угроза. Бесценный опыт ведения боевых действий против османов, общения с султанской дипломатией был по достоинству оценен в Вене, венгерские же сословия пришли к пониманию, что только объединенными силами австрийских владений, тем более с привлечением ресурсов Священной Римской империи, можно воплотить мечту о единстве и свободе родной страны.

Политическая элита восточных областей королевства сделала другой выбор. Территория, которую взял под свой контроль соперник Фердинанда, в исторической литературе именуется державой (или королевством) Яноша Запольяи. В ее основу легло собственно Трансильванское воеводство и сопредельные области,

которые со временем станут именовать Парциум (название происходит от латинского *Principatus Transilvaniae partiumque eidem adnexarum* – Княжество Трансильвании и присоединенных к нему частей). Венгерская историография в XIX и XX вв. славилась короля Яноша как «национального» государя, боровшегося с габсбургским абсолютизмом. Сегодня уже никто не применяет к династиям XVI в. вообще и к Запольяи в особенности термин «национальный». Выбор «меньшего зла» привел Яноша напрямиком в Стамбул. Так или иначе, он укрепил позиции султана, который будет гордо считать Трансильванию своим лучшим творением.

Вторая половина столетия прошла в изнурительной борьбе Габсбургов и правителей Трансильвании за право возглавить и довести до конца объединение Венгрии. В 1538 г., после ряда вооруженных столкновений, Запольяи отказался от претензий на венгерский престол. В 1552 г. его вдова Изабелла Ягеллон (1519–1559) вернула корону Св. Иштвана (Стефана). В 1570 г. их с Запольяи сын Янош Жигмонд (1540–1571) принял титул трансильванского воеводы и тем самым признал, что провинция – составная часть Венгрии. Однако договор так и не вступил в силу, и объединения Трансильвании с Венгерским королевством не произошло. В 1571 г. на престоле закрепились представители рода Батори, правившего с небольшими перерывами вплоть до 1602 г. Первый из них – Иштван (1571–1586), больше известный российскому читателю как польский король Стефан Баторий, – в 1576 г. официально получил от султана княжеский титул. Желая наберечь себе как можно больше сторонников, правители Трансильвании щедро раздавали земельные владения своим сторонникам из

числа мелких дворян, в том числе зажиточной секейской верхушке. Так в руки предков Келемена перешло имение Загон, ставшее родовой приставкой к имени Микешей.

В сложной системе международных, союзнических, вассальных отношений княжество взяло на себя роль борца за воссоздание территориальной целостности Венгрии, а средством достижения избрало борьбу с монархией Габсбургов, войти в состав которой, не без колебаний и внутренней борьбы, предпочла часть венгерской политической элиты. В результате на полтора века вперед венгерский господствующий класс оказался по разные стороны масштабного противостояния, в котором Австрийский дом пытался положить конец османской территориальной экспансии. Два сегмента некогда единой венгерской элиты воевали по разные стороны линии фронта, хотя при этом не теряли черты единого социального организма: заключали браки, владели землей и на этом основании участвовали в политической жизни соседнего государства. Не случайно для Трансильвании появилось выражение «другое отечество» («*más anyaország*»).

На рубеже XVI–XVII вв. катастрофическими последствиями для княжества обернулась так называемая Долгая война Габсбургов против Османской империи, продолжавшаяся по одним подсчетам 15 (1591–1606), по другим – 13 лет (1593–1606). Трансильвания не раз становилась театром военных действий. При бездействии императорской армии власть в княжестве в 1598 г. захватил валашский воевода Михай Храбрый (1558–1601). Изгнавший его в 1601 г. габсбургский генерал Джорджо Баста (1644–1607) установил в стране оккупационный режим, сопровождавшийся конфискацией имений

у крупнейших землевладельцев и насаждением власти католической церкви. В рядах тех, кто сражался с оккупантами, были прапрадеды Келемена – Дёрдь и Бенедек, взятые в плен, но вскоре отпущенные на свободу.

Ответом на присутствие Габсбургов в Трансильвании стало – первое в череде еще более мощных выступлений – движение под предводительством Иштвана Бочкаи (1557–1606).

Он происходил из семьи среднепоместных трансильванских дворян. В юности воспитывался при габсбургском дворе в Вене и Праге, впоследствии активно участвовал в политической борьбе в княжестве, был приговорен к конфискации имений и изгнанию. Наблюдая неудачи Габсбургов в войне с Османской Портой, Бочкаи примкнул к антигабсбургским силам. Возглавленное им движение, которое начиналось с попытки восстановить османский протекторат над Трансильванией, вскоре превратилось в борьбу за религиозную свободу. Это обеспечило ему широкую поддержку населения. В феврале 1605 г. Бочкаи официально получил от султана титул трансильванского князя, в апреле принял титул выборного князя Венгрии. Тогда от него отвернулось не только католическое, но и протестантское дворянство. Желая положить конец гражданской войне, Бочкаи вступил в переговоры с габсбургскими эмиссарами.

В июне 1606 г. было подписано соглашение, известное как Венский мир: трем христианским конфессиям в Венгрии гарантировалась свобода вероисповедания, а Трансильвания признавалась вассалом Порты. В политическом завещании Бочкаи советовал: пока Венгрией правят более сильные Габсбурги, в Трансильвании

следует поддерживать венгерского князя — вассала османов. Движение шло под лозунгами защиты отечества и традиционно представлялось в венгерской историографии как «национально-освободительное». Поскольку в результате зависимость Трансильвании и оккупированных частей Венгрии от Османской Порты усилилась, современные историки отходят от подобных трактовок. В то же время терминологические споры продолжаются. Как следует трактовать понятие «свобода», к которому будут апеллировать вожди всех сословных движений XVII — начала XVIII в.? Ведь то, что современники именовали «национально-освободительным движением», можно понимать не только как восстановление полного государственно-правового суверенитета страны, но и как защиту конституционных (закрепленных в основополагающих законах страны) прав и свобод. Особенно в эпоху, когда сословия именовали себя нацией (*natio*) и отождествляли неприкосновенность своих привилегий с признанием государственно-правового статуса самой страны.

Движение И. Бочкаи показало, что XVI век стал в Венгрии временем триумфа Реформации. Первые протестанты заявили о переходе в ряды последователей Мартина Лютера в 1521 г. Политические пертурбации, последовавшие за поражением при Мохаче, только способствовали триумфальному шествию нового учения по стране. Вскоре к лютеранам причисляло себя не только большинство немецкого населения в городах севера и северо-запада или трансильванские саксы, но и тысячи венгров, которые — в отличие от немцев — не могли назвать новую веру «своей». Однако первенство по численности во второй половине века перехватили сторонники

другого реформатора церкви – Жана Кальвина. К концу столетия они составляли уже более половины населения (против четверти у лютеран): аристократы, дворяне, жители сельских местечек, солдаты приграничных крепостей, крестьяне. Около четверти населения оставались верны католицизму и христианству восточного обряда или примкнули к антитринитариям (отрицающим догмат о Св. Троице), анабаптистам др.

В политическом устройстве и правовой системе Трансильвании прослеживались некоторые черты домохачской венгерской государственности, но из высших должностей остались только канцлер и казначей. Государственное собрание не играло большой роли во внутренней политике, а зависимость от султана обесценивала любые претензии на континуитет. Влияние османов, однако, ограничивалось военной и дипломатической сферой. В стране нашли (в подлинном смысле слова) прибежище венгерский язык, литература, культура. Протестантские вероучения проповедовались свободно, и вскоре, не подвергаясь гонениям, как это имело место во владениях Австрийского дома, от католической веры отказались не только проживавшие в крупных городах немцы, но и подавляющее большинство венгров всех сословий. Трансильвания стала первой в Европе страной, где в 1568 г. на Государственном собрании в Торде была провозглашена свобода вероисповедания.

В то время как подвластная Габсбургам Венгрия всеми силами сохраняла средневековую латынь как нить, связующую их с домохачским периодом величия, и как заслон на пути внедрения в администрацию и повседневную жизнь чуждого немецкого языка, при дворе трансильванских князей говорили и писали

по-венгерски. Распространение реформационных учений с их преувеличенным вниманием к языку, на котором проповедник говорит с простым народом, только усиливало интерес к родной словесности. О культуре печатного слова и подлинной учености говорит то обстоятельство, что когда в 1660 г. турки захватили крепость Надьварад (совр. Орадя Маре в Румынии), горожане вынесли не себе оборудование городской типографии и естественнонаучные приборы из классов местного коллегиума. Трансильвания раннего Нового времени оставила потомкам пламенные проповеди протестантских священников, мемуары княгини Каты Бетлен (1700–1759) и соперничающие с сочинениями Рабле описания придворных застолий Петера Апора (1676–1752). В этом смысле литературный талант Келемена Микеша вырос на хорошо подготовленной почве.

Трансильванское княжество, хотя и было государством, появившимся на свет в результате борьбы двух могущественных империй, играло важную роль на международной арене. Ему не хватало внутренней целостности, которая стала бы продуктом многовекового естественного развития, зато ее с лихвой компенсировала решимость политической элиты любой ценой сохранить независимую венгерскую государственность (сюзеренитет Порты в данном случае рассматривался как неизбежное зло). Князьям удалось сосредоточить в своих руках власть, лишь формально ограниченную однопалатным Государственным собранием, которое ни в чем им не перечило. Воспользовавшись тем, что в начале века вектор экспансии Османской империи сместился в сторону Персии и Закавказья, а во внутренней политике

наступила полоса нестабильности, честолюбивые правители Трансильвании повели борьбу за объединение Венгрии.

Облик господствующего класса в обоих венгерских отечествах существенно различался. Габсбурги не могли напрямую влиять на оплот сословного сепаратизма — комитаты (административно-территориальные единицы королевства) с их органами дворянского самоуправления, но пытались доступными им средствами исподволь менять облик политической элиты. Еще в XVI в. началась раздача наследственных баронских и графских титулов. Венгерское дворянство, которое в теории оставалось единым и равноправным, на деле все явственнее разделялось на приближенную к трону узкую прослойку аристократии и массы простых дворян, в низших своих слоях практически не отличавшихся по благосостоянию и образу жизни от простолюдинов. В Трансильвании, напротив, наследственной аристократии не сложилось вообще. Каждое новое поколение, в соответствии с действовавшими архаичными практиками, получало подтверждение своих титулов от князя. Лишь несколько аристократических семейств (Ракоци, Чаки, Банфи) обладали внушительными состояниями и могли соперничать в богатстве с венгерскими магнатами. Основная же масса дворян, подобно Микешам, была бедна.

Элита Венгерского королевства была по-прежнему расколота по конфессиональному признаку, многие аристократические и дворянские семейства имели как католическую, так и протестантскую ветви. Особое место в политической культуре занимал кальвинизм с его учением о тираноборчестве, столь созвучным положению «Золотой буллы» (1222) о праве

вооруженного сопротивления нарушившему закон королю (*jus resistendi*). Однако по целому ряду причин возвращение в католичество стало принимать все более массовый характер. Несомненно, свою положительную роль сыграло признание Габсбургами сословной конституции, помноженное на демонстрацию явных преимуществ от интеграции в придворное общество. Так Вена расширяла свою социальную базу в королевстве и сужала круг тех, на кого могли рассчитывать трансильванские князья. У них, напротив, кальвинизм и лютеранство (последнее — прежде всего у саксов) стали чем-то вроде национальной религии. Не только вся властная элита во главе с князьями были протестантами, но и их жены, если были рождены в католической вере, переходили в кальвинизм.

Разницей государственных систем и политических культур можно объяснить, почему трансильванские князья не встречали понимания в королевстве. Сначала вовлеченностью Вены в Тридцатилетнюю войну попытался воспользоваться трансильванский князь Габор Бетлен (1580—1629). Трижды — в 1519—1521, 1523 и 1526 гг. — ходил он походом на владения Австрийского дома. Поначалу с восторгом встреченный венгерским населением, он был торжественно избран «правителем Венгрии». Едва ли не вся политическая элита, за исключением пятерых человек, перешла на его сторону. Однако воссесть на королевский трон Бетлен так и не смог. Дело не только в том, что из Стамбула недвусмысленно запретили совмещать два титула, или в неприятии венграми протурецкой ориентации князя. По здравом размышлении господствующий класс королевства не захотел променять «мягкие» формы габсбургского господства

на твердую руку «национального короля» — сторонника жесткой централизации и ограничения власти сословий. Впрочем, за отказ от претензий на венгерскую корону Бетлен получил от Габсбургов обширные владения: семь комитатов и несколько крепостей на северо-востоке страны. Доходы с этих территорий, называвшихся Верхней Венгрией, шли в княжескую казну, в то время как проживавшие там дворяне по-прежнему полноправно участвовали в политической жизни королевства.

После смерти Бетлена трансильванский престол и миссия борьбы против Габсбургов перешли к семейству Ракоци — крупнейшим землевладельцам-протестантам из Верхней Венгрии. Дёрдь I (1630—1648) последовательно упрочивал княжескую власть в стране, стараясь заложить основы династической монархии. Как венгерский магнат он активно участвовал во внутривнутриполитической жизни соседней Венгрии. На международной арене трансильванские дипломаты действовали в Молдавии и Валахии, в Речи Посполитой, в стане запорожских казаков, а также во Франции и Швеции. Укрепляя связи с европейским протестантским лагерем, Дёрдь I своего младшего сына Жигмонда женил на Генриетте Пфальцской (1626—1651), дочери вождя Евангелической унии Фридриха V (1596—1632). На исходе Тридцатилетней войны Дёрдь I, имея в союзниках шведов, вторгся в Венгрию, победоносно продвинулся вглубь Моравии и в 1645 г. в Линце вытребовал у Габсбургов подтверждение статей Венского мира.

Во второй половине XVII в. расстановка сил в регионе менялась с каждым десятилетием. Габсбургам не только не удалось восстановить позиции католической церкви в Священной Римской империи: по

Вестфальскому миру (1648) немецкие князья получили право самостоятельно вести внешнюю политику. Австрийский дом, вытесняемый из Германии, сосредоточился на укреплении власти в своих владениях. Фердинанд III (1637–1657) распустил многотысячную армию, сохранил для насущных потребностей некоторое количество полков и отправил несколько сотен солдат в венгерские пограничные крепости. В 1650 г. посольство императора с богатыми дарами (деньги могли расценить как выплату дани) было торжественно встречено в Стамбуле, где вскоре был подписан мирный договор.

Венгерские сословия горько обманулись в своих заветных ожиданиях. Все чаще их взоры обращались на соседнюю Трансильванию. Правивший там Дёрдь II Ракоци (1648–1657; 1659–1660) не отличался, однако, стратегическим мышлением, которое было свойственно его отцу. Неверно оценив соотношение сил на международной арене, он вознамерился заполучить польскую корону. Одержимость этой идеей была у Ракоци столь сильна, что в 1657 г. он предпринял крайне неудачный поход в Речь Посполиту. Оставленный в решительный момент своими союзниками: шведами и казаками, — князь не только погубил войско, попавшее в татарский плен, но и поставил Трансильванию на грань гибели. Дипломатические поручения в Венецию и Варшаву при Дёрде I и Дёрде II выполнял не кто иной, как предок Келемена Микеша — Михай (умер в 1662 г.), в 1657 г. получивший должность канцлера, но вскоре изгнанный из страны новым князем. Впрочем, изгнание не было ему в диковинку. Овеянные легендами годы его бурной молодости вдохновили писателя Жигмонда Кеменя (1814–1875) на создание романа «Вдова и ее дочь» (1885), где

повествовалось о любви Михая Микеша к дворянской дочери Шаре Тарноци. Отважившись на похищение, завершившееся неудачей, он навлек на себя гнев родителей девушки, вынужденно скрывался от мести и сурового наказания, пока не испросил у князя разрешения вернуться.

Если посмевавшая послушаться султана Трансильвании подверглась разрушительным набегам султана, то в Венгрии период с 1670 по 1681 г. современники назвали «траурным десятилетием». Только на Государственных собраниях 1681 и 1687 гг. были приняты законы, юридически регламентировавшие пределы сегрегации некатолических конфессий. В 1691 г. суть их была обобщена в так называемом «Разъяснении Леопольда» (*Explanatio Leopoldina*) – рескрипте, изданном от имени императора-короля. Протестантам разрешили открыто отправлять культ в строго определенных местах, называвшихся «артикулярными» (т.е. перечисленными в соответствующей статье закона). Во всех прочих случаях допускалось лишь частное богослужение – чтение религиозной литературы в семейном кругу. Ответом стал массовый исход в Трансильванию мелких дворян, солдат и младших офицеров приграничных крепостей, протестантских священников. Во главе этих «скитальцев», которые в память о крестьянской войне 1514 г. стали именовать себя «куруцами», встал Имре Тёкёли (1657–1705), сын участника заговора 1671 г., нашедшего прибежище в Трансильвании.

В короткое время ему покорились Верхняя Венгрия и горнодобывающие центры Нижней Венгрии. На отвоеванных у Габсбургов территориях Тёкёли создал вассально зависимое от Порты государство и недвусмысленно

дал понять, что претендует на роль объединителя венгерских земель под властью султана. Когда великий визирь Кара Мустафа-паша в 1683 г. повел многотысячные войска на осаду Вены, в его стане были солдаты Тёкёли и трансильванские полки под командованием князя Михая Апафи (1632–1690). Поход, планировавшийся как победоносное шествие султана на австрийскую столицу, стал прологом к изгнанию османов из Среднего Подунавья. В 1684 г. Габсбурги объединились со Святым Престолом, Речью Посполитой и Венецией в Священную лигу (в 1686 г. к ним присоединилась Россия) и перешли в контрнаступление, завершившееся освобождением Венгрии и Трансильвании. В 1699 г. на конгрессе в Карловицах (совр. Сремски Карловцы в Сербии) Священная лига и Оттоманская Порта подписали договор, прочертивший новые границы на Балканах. Трансильвания, юридически признаваемая частью Венгерского королевства, перешла под прямое административное, военное и финансовое управление Вены.

Если в период своей (пусть во многом иллюзорной) независимости княжество служило форпостом протестантизма, а свобода вероисповедания была закреплена законодательно, то включение Трансильвании в состав владений Габсбургского дома повлекло за собой рекатолизацию господствующего класса и, как следствие, частичную смену политической элиты. В княжество, некогда знаменитое своими традициями протестантского образования и широко распространенной практикой обучения в лучших западноевропейских духовных семинариях и университетах, вернулись иезуиты. К власти пришли представители католических семейств, начались обращения в католицизм, в основе которых лежали не

столько догматы веры, сколько мотивы сохранения политического веса и влияния. Изменение политического ландшафта и включение Трансильвании в орбиту политического влияния Габсбургов развели по разным политическим лагерям членов прежде единых семей. Отец Келемена — Пал Микеш — предпочел воевать на стороне повстанца Тёкёли, попал в плен к валашскому господарю, был подвергнут жестоким пыткам и казнен. Напротив, представитель другой линии рода — Михай Микеш (ум. в 1721 г.), принявший новый порядок, не только унаследовал от отца чин капитана Харомсекского сешкейского округа, но и получил от императора Леопольда в 1693 г. баронский, а в 1696 г. — графский титул. Именно ему в 1699 г. доверили доставить из Вены в Трансильванию императорский диплом, восстанавливавший права католической конфессии в княжестве.

Для Венгрии XVIII век начался с Освободительной войны 1703—1711 гг. против габсбургского владычества под предводительством князя Ференца II Ракоци (1676—1735). Она занимает особое место в национальной памяти венгров. В сердцах многих поколений находили горячий отклик слова, начертанные на куруцских знаменах мятежного князя Ракоци: «С Богом за Родину и Свободу». В этом мощном движении, объединившем разные слои и сословия венгерского общества — от крестьян и солдат до дворян и духовенства, — соединились мечты о национальной государственности, недовольство феодальным гнетом, иноземным господством, нарушением сословных прав и привилегий и гонениями на не католические конфессии. Поначалу успехам повстанцев способствовала международная обстановка. Дипломатическую поддержку и финансовую помощь

обещали французский, шведский, саксонский дворы. Пока Габсбурги терпели поражения в Войне за испанское наследство (1701–1714), повстанцы изгнали австрийцев из Трансильвании, где в 1704 г. Ракоци был избран князем. Год спустя уже все Задунавье находилось под его контролем. Однако фортуна на европейском театре военных действий вскоре перевернулась, и Вена смогла задействовать против куруцев регулярные части с франко-баварского фронта.

Страна разделилась на два противоборствующих лагеря: венгры сражались с венграми, отчего освободительная война приобрела характер гражданской. На первом этапе к восстанию примкнул и новоиспеченный граф Михай Микеш, позднее перешедший на сторону императора и в конце жизни принявший католицизм. Крупная земельная аристократия осталась, в большинстве своем, верна Габсбургам. Дворянство, ожидая от «национального» государя восстановления во всей полноте суверенитета сословий, все больше разочаровывалось: на подконтрольных территориях Ференц II выстраивал вертикаль абсолютной власти, не менее прочную, чем в Вене: центральное правительство, регулярная армия, в перспективе — полновесная монета. На Государственном собрании в 1707 г. в Оноде было принято непопулярное решение о приостановлении дворянского налогового иммунитета на время боевых действий. Население устало от поборов, грабежей, насилия. Иностранные союзники Ракоци не спешили с действенной помощью. Союз с русским царем Петром I так и остался на бумаге. Османская Порта готовилась к войне с Россией и отказалась поддержать венгров в обмен на

невмешательство Вены. После 1708 г. Ракоци терпел одно поражение за другим.

30 апреля 1711 г., в отсутствие князя, генерал куруцского войска Шандор Каройи (1669–1743) и главнокомандующий императорской армией Янош Палфи (1664–1651) подписали близ Сатмара (совр. Сату-Маре в Румынии) соглашение о капитуляции в обмен на амнистию, которой не преминули воспользоваться 120 тыс. повстанцев. Ференц II Ракоци и все, кто не принял этого, в их понимании, предательского шага, выбрали изгнание. Князь сначала жил во Франции, потом переселился в Османскую империю. Еще в 1716 г. он начал работу над автобиографической «Исповедью», а год спустя приступил к описанию в «Мемуарах» событий Освободительной войны. Ракоци умер вдали от родины. Рядом с ним находился верный Келемен Микеш, разделивший с патроном горечь изгнания. После смерти князя он неоднократно пытался испросить разрешения вернуться на родину, но австрийский посланник в Константинополе Антон Ульфельд (1699–1769) оставался глух к просьбам изгнанника и мольбам его престарелой матери. В 1906 г. останки Ракоци, но не Микеша, были торжественно перевезены из малоазиатского Родошто в Венгрию, где с почестями преданы земле в кафедральном соборе города Кашша (совр. Кошице в Словакии). Так история, навсегда связав имена Микеша и Ракоци, разлучила их бренные останки.

ПРИМЕЧАНИЯ

«*Турецкие письма*» – так назвал коллекцию писем Келемена Микеша их первый издатель, деятель венгерской культуры эпохи Просвещения Иштван Кульчар (1760–1828), когда рукопись после долгих скитаний попала к нему в руки. Кульчар был тогда преподавателем гимназии в г. Сомбатхей; там он и осуществил издание писем в виде книги, дав ей нынешнее название и пронумеровав письма.

Та строчка, которая сейчас выглядит как подзаголовок книги, и есть авторский, написанный самим Микешем на первом листе рукописи, заголовок.

Инициалами Э. П. автор обозначил родственницу (воображаемую), которой он адресовал свои письма.

Венгерские исследователи долго пытались найти реальную обладательницу этих инициалов; иногда даже появлялся какой-то более или менее правдоподобный вариант. Но к настоящему времени сложился довольно твердый консенсус, суть которого в том, что адресат писем – лицо несуществующее. «Кузина», «кузиночка», как обращается к своему адресату Микеш, – придуманный им образ, который, скорее всего, хранит черты кого-то из близких или дальних родственников, запомнившихся ему со времен детства и отрочества, проведенных на родине, в Трансильвании. Если быть точным, то обращение «кузина» представилось наиболее подходящим в настоящем переводе прежде всего по той

причине, что оно отсылает читателя к произведению, которое стало для Микеша одним из самых очевидных литературных образцов, повлиявших на выбор жанра, стиля, общей тональности его «Писем»: имеется в виду «Correspondance» (1693) Бюсси-Рабютена (граф Роже де Рабютен, 1618–1693) – эпистолярный роман, включающий в себя переписку этого аристократа, воина и писателя с его кузиной (и тоже писательницей), маркизой де Севинье; переписка эта выходит далеко за пределы эпистолярного общения двух родственников, ее скорее можно назвать любовной перепиской. Книга многократно переиздавалась во Франции; пик ее популярности пришелся как раз на те годы, когда Микеш, в составе свиты Ференца II Ракоци, находился во Франции. Обращение «*ma chère cousine*» – самое распространенное в текстах Бюсси-Рабютена.

Строго говоря, «*cousine*» не совсем соответствует венгерскому слову «*néne, nénént*», которым пользуется Микеш: в венгерском это слово обозначает чаще всего родственницу более старшую (хотя бы немного более старшую), чем субъект обращения. Это – старшая сестра, тетушка, свояченица и т.п. Тем не менее обращение «кузина», по нашим, не очень поддающимся формулированию, ощущениям подходит здесь более других потому, что (как и «*néne*») не исключает заведомо возможность легкого, игривого тона, даже, скажем так, флирта. Такого тона и стиля общения, какие в условиях, в которых долгие десятилетия вынужден был жить Келемен Микеш, могли служить сублимацией душевных потребностей, в той или иной мере компенсируя нехватку эмоциональной жизни.

И еще одна деталь. Поскольку Микешу, как и его товарищам по изгнанию, запрещено было переписываться с кем—либо на родине, будь то даже родители и самые близкие родственники, то его «адресат» мог находиться также лишь вне границ Венгрии и Трансильвании; потому Микеш и помещает его (ее) в Константинополе (т.е. Стамбуле, тогдашней столице Османской империи): «кузина» — как бы некто из сообщества венгров — эмигрантов. Правда, о том, чтобы придать этой фикции некоторую достоверность, Микеш не особенно заботится, а со временем и вообще забывает, ограничиваясь лишь ссылками на отправку писем и получение «ответов».

1.

Галлиполи (ныне Галиболу) — город на побережье европейской части Турции, в проливе Дарданеллы.

...anno 1717. 10. octobris. — В датировке своих писем Микеш пользуется латынью.

Аэр — воздух. Слово встречалось в некоторых венгерских диалектах.

...ноги его вдруг погрузились в воду. — Имеется в виду эпизод, описанный в Евангелии от Матфея: Иисус пошел по воде к ученикам своим, плывущим в лодке. Петр, увидев это, сказал: «Господи, если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр шел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф, 14: 28—31).

Знание библейских текстов — как Нового, так и Ветхого Завета — представляло собой в ту эпоху один из

важных компонентов образованности и кругозора культурного человека. В данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что отсылка к Библии не несет в себе ни религиозного, ни морального подтекста.

...горы Эрдея. — Эрдей — венгерское название Трансильвании. Значение слова: лесной, лесистый.

...иной раз так растрясет тебя в экипаже. — Микеш имеет в виду свой не во всем безоблачный опыт пребывания во Франции, при королевском дворе, когда ему и другим слугам приходилось часто сопровождать князя в его поездках в Версаль, Фонтенбло и т.д.

...татарский хан... — Очевидно, имеется в виду Каплан I Гирей, который трижды был ханом крымских татар, а с 1716 по 1730 г., между вторым и третьим своими правлениями, жил в Турции.

...драгоценные письма ваши [в последний раз] уж года два, как были получены мною. — Эта фраза должна создать видимость, будто переписка Микеша с «кузиной» началась давно, еще во Франции. При этом условии естественным выглядит тот несколько фамильярный тон, который часто свойствен Микешу.

2.

...кивком головы... — Кивок — или, скорее, небольшой поклон при прощании, — видимо, показался Микешу странным после сложных церемоний придворного этикета, к которым он привык во Франции. Отсюда, надо думать, и ирония, сквозящая в выражении «их татарские высокородия».

...всего-навсего повозка. — Снова дает о себе знать невольное сравнение турецких реалий с роскошью французского двора.

...после того как под Белградом разбили турок. — Войско Священной Римской империи под командованием принца Евгения Савойского одержало победу над турками под Белградом 16 августа 1717 г.; это событие определило исход австро-турецкой войны 1716–1718 гг. Князь Ф. Ракоци связывал с ожидаемой победой турок надежды на возвращение на родину, так что теперь ему и его соратникам пришлось надолго смириться с участью изгнанников.

Об этом событии Микеш вспоминает, видимо, потому, что в Галлиполи и окрестностях он увидел большое количество беженцев, стремящихся уйти от неприятеля и по возможности переправиться на азиатский берег.

Дринаполь (Адрианополис) — старое название турецкого города Эдирне в европейской части Турции, в долине реки Марица. В XIV–XV вв. был столицей Османского государства. В период войн Османской империи с Австрией служил центром сбора турецкой армии.

Миля — Имеется в виду венгерская миля (mérföld), величина которой — 8353 м.

...лицезреть могучего султана со множеством жен... — Первая встреча князя Ференца II Ракоци с султаном действительно состоялась в Дринаполе (Эдирне) в октябре 1717 г. Распоряжение о том, чтобы отправить туда венгров, поступило в Галлиполи из Стамбула 15 октября.

Едва ли султан повез в Дринаполь свой гарем. Микеш упоминает о «множестве жен» скорее всего как о детали, которая была неотъемлема от распространенного представления о турецком султানে.

Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта — Так было принято в те времена называть двор и правительство Османской империи. Часто слово «Порта» употреблялось как синоним самой империи.

И о здоровье следует печься с великим тщанием, а меня любить тем паче, ибо кто же будет любить вас, драгоценная моя кузиночка, сильнее, чем я. — Пожеланиями здоровья и уверениями в любви завершаются едва ли не все — особенно вначале — письма Микеша, который старается придать этим привычным формулам как можно больше разнообразия.

3.

Каймакам — в Османской империи глава администрации уезда, округа, назначаемый султаном.

...с двумя сотнями янычар... — Янычары — регулярная пехота в Османской империи. Часто янычарами называли всех турецких солдат.

Тантал — персонаж античной мифологии. В наказание за самомнение был обречен богами на вечные муки: стоя по горло в воде, не мог напиться; не мог сорвать плоды с нависающих над ним ветвей.

Зовут его Ибрагим... — Невшехирли Дамад Ибрагим-паша (1666—1730) — один из крупных государственных деятелей Османской империи. С 1716 г. стал фаворитом султана Ахмеда III. В 1717 г. женился на 14-летней принцессе Фатьме. В 1718—1730 гг. занимал пост великого визиря. Инициатор ряда прогрессивных экономических, военных и административных реформ. С ним связана так называемая «эпоха тюльпанов» в Османской империи, когда турки вдруг занялись выращиванием цветов, прежде всего тюльпанов; мода эта, однако, была лишь одним из симптомов общего увлечения европейской культурой и наукой, стремления перенять европейский образ жизни.

4.

Зáгон — село в Трансильвании, где родился и рос Микеш.

О хозяйке и вспоминать не положено, будто женщин на свете вообще нет. — Закрытость турецких женщин не могла не поражать Микеша после того, что он наблюдал во Франции.

5.

...вся эта роскошь, все это сияние — не подобны ли они королевскому великолепию в какой-нибудь комедии? — Вновь отголосок французских впечатлений: Микеш вместе со своим патроном, князем Ракоци, часто бывал в парижских театрах.

...был дровосек один, по-турецки — балтачи. — Балтаджи — дровосек, лесоруб (тур.). Микеш передает это слово, видимо, со слуха: *baldacı*.

... стал наш дровосек великим визирем. — Балтаджи Мехмед-паша (встречается и написание *Баталджи* Мехмед-паша) (1662—1712) действительно был великим визирем Порты, причем дважды: в 1704—1706 и в 1710—1711 гг.

...послали его против московского царя, который стоял лагерем на реке Прут и оказался в окружении... — Микеш излагает здесь (относительно точно) события, связанные с Прутским походом Петра I во время Русско-турецкой войны 1710—1713 гг. Русское войско, расположившись лагерем у р. Прут, было окружено турками и крымскими татарами и оказалось в критическом положении, главным образом из-за нехватки продовольствия. Ситуацию в самом деле спасли подарки (иными словами, взятка), посланные великому визирю Балтаджи-паше. Этот ход вроде бы действительно предложила царю Екатерина

Алексеевна (Марта Скавронская), тогда еще не царица (обвенчаны они были в 1712 г., хотя Петр приказал всем считать Екатерину своей женой). По легенде, она даже сняла с себя все драгоценности, пожертвовав ими ради спасения царя и русского войска.

Факт тот, что Петр I и много лет спустя с признательностью и любовью вспоминал о том, как мужественно вела себя Екатерина Алексеевна в Прутском походе («мужески, а не женски поступала»).

Подарки возымели действие: 12(23) июля 1711 г. под г. Яссы был подписан Прутский мирный договор: Россия сделала ряд уступок Турции, отдав Азов, выведя свои войска из Правобережной Украины и т.д., но царь с армией смог вернуться в Россию.

Шведский король Карл XII, после поражения под Полтавой бежавший на юг и просидевший несколько лет в Бендерах, на территории Османской империи, сам к Балтаджи-паше, конечно, не приезжал: его представлял при дворе великого визиря Станислав Понятовский, посланник короля.

Что касается Баталджи-паши, то Микеш передает скорее слухи, легенды о нем. Балтаджи-паша ни лесорубом, ни дровосеком не был. Он получил хорошее образование, готовился в муэдзины, но, оказавшись при дворе султана, проявил себя ловким царедворцем, дважды был великим визирем, а после Прутского казуса впал в немилость, отправлен в ссылку и осенью 1712 г. был задушен.

6.

...остается жить надеждой. — Пассивная позиция Порты, явно теряющей интерес к захватническим походам, приводила Ракоци и его сподвижников в отчаяние;

оно и звучит в письмах Микеша. С большим трудом венгры-изгнанники свыкались с мыслью о безнадежности своего положения.

7.

Не мудро ли говорит турок, что Бог раскидал тут и там хлеб для людей, и каждый должен идти туда и быть там, покуда не съест предназначенный ему хлеб. — Вера Микеша в Божие провидение смешивается здесь с мусульманским поверьем.

8.

...непобедимого султана... — Султан Ахмет III правил в 1703—1730 гг. Известен тем, что был довольно равнодушен к государственным делам, и в годы его правления военная мощь Османской империи пошла на убыль.

...на него надели куний кафтан. — Гостю, удостоившемуся приема у султана, принято было дарить, например, подбитый мехом кафтан.

9.

...рез-эффенди... — Правильно: рейс-эфенди — начальник султанской канцелярии, ведающий, в частности, внешними делами.

Джифит. — Джифит (*çifit*) — еврей (тур.).

...он из колена Завулонова. — Завулон — 10-й сын Иакова, получивший во владение земли у побережья Средиземного моря; должно быть, по этой причине Микеш упоминает «колени Завулоново».

10.

...испанский посол. — М. Буассимен, посол испанского короля Филиппа V, привез князю Ракоци письмо от кардинала Альберони; в письме действительно содержались обещания помощи в борьбе против Австрии.

11.

Разве что одному Аввакуму позволено было бы, не замочив ног, приносить себе еду. — Аввакум — один из «малых пророков» Ветхого завета. В Книге Пророка Аввакума есть слова, обращенные к Господу: «Ты с конями Твоими проложил путь по морю, через пучину великих вод» (Авв., 3: 15). Вероятно, к этим словам Микеш отсылает читателя.

...великан этот все время шел рядом с ковчегом, словно пристяжная рядом с каретой. — Имеется в виду исполин Ог, царь Васанский, препятствовавший Моисею и евреям пройти через его земли и побежденный евреями (Втор., 3: 11). Сведения о «сотрудничестве» Ога с Ноем содержатся в апокрифических документах.

Любовь же мою к вам никакой потоп не погасит. — Скорее всего, Микеш косвенно цитирует здесь Песнь песней: «Большие воды не могут потушить любовь, и реки не зальют ее» (Песн., 8: 7).

12.

Боннак — Маркиз Боннак был послом Франции в Порте с 1716 по 1725 г.

13.

Капиджи-баши — правильно: капыджи-баши, начальник дворцовой стражи.

...несколько чаусов. — Чаус, или, правильнее чавуш (*çavuş*) — стражник, надсмотрщик (*тур.*).

...зовут его Ибрагим-паша. — См. примечание к письму 3.

14.

...к Эрдею, к милому Волшебному краю... — Эрдей (Трансильванию) жители ее издавна называют Волшебным краем (Страной фей).

Янош Папай, — один из близких сподвижников Ракоци; в разное время ведал канцелярией князя, был его послом в Порте.

...герцог Орлеанский, регент Франции... — Филипп II, герцог Орлеанский, племянник Людовика XIV, был регентом Французского королевства (при малолетнем короле Людовике XV) в 1715—1723 гг.

15.

...адамов грех. — Первородный грех. Адам, послушавшись Господа, обрек все человечество на страдания.

...Господу лучше знать, что нам нужно. — Вера в Божье провидение остается для Микеша единственным противовесом отчаянию.

16.

Здесь мы уже съели весь хлеб, что нам полагался. — Микеш вспоминает понравившееся ему мусульманское поверье (см. письмо 8).

21 июля великий визирь заключил с немцем мир на 24 года.— 21 июля 1718 г. Турция, Австрия и Венеция подписали в г. Пожаревац мирный договор, завершивший Австро-турецкую и Турецко-венецианскую войны. Австрия требовала выдачи нашедших приют в Турции венгерских эмигрантов, но Порты, ссылаясь на правила гостеприимства, отказалась выполнить это требование. Однако князю Ракоци и его свите предписано было переехать в азиатскую часть Турции; да и в целом отношение Порты к эмигрантам стало куда более сдержанным.

...пожитки у меня еще не самые малые... — Иронизируя над своей бедностью, Микеш все же подчеркивает свое особое положение при дворе князя.

...Форгач... — Граф Шимон Форгач (1669—1729) генерал, один из военачальников князя Ракоци.

Какая радость, что скоро я вас увижу, кузина! Еще один — довольно убедительный — прием, который помогал Микешу создать видимость достоверности переписки.

17.

Буюкдере — турецкое селение на европейском берегу пролива Босфор, вблизи входа в него из Черного моря.

...я много смеялся... — Стремление увидеть, подметить все, что может вызвать смех или хотя бы улыбку, — важная черта характера и мировосприятия Микеша. Возможно, он сознательно развивал в себе это свойство, чтобы помогать себе и другим переносить тяготы эмигрантского бытия. Вполне вероятно, что тут можно видеть и влияние французского остроумия.

Пентесилея — в греческой мифологии царица амазонок; со своим войском она участвовала в Троянской войне и была убита Ахиллом.

...этот прекрасный канал... — т.е. пролив Босфор. В некоторых местах его ширина — всего 700 м.

...пускай будет и капуста... — Блюда из капусты составляют заметную часть трансильванской кухни.

18.

...обитаем в шатрах, как евреи. — Имеется в виду исход из Египта, когда евреи 40 лет странствовали в пустыне.

Это еще одно свидетельство того, что у венгров популярна была мысль о том, что их историческая судьба напоминает судьбу древних евреев. Нередко можно встретить и отношение к себе как к избранному народу; Ференца II Ракоци сравнивали с Моисеем.

...по этой причине они друг с другом не встречаются. — Дело, конечно, не только в титулах, и Микеш, судя по его тону, это понимает. Франция времен регентства все более втягивается в союз с Австрией, и поведение посла отражает позицию его страны по отношению к венграм.

А уж я тебя, милая кузина, люблю, как капусту. — Пожалуй, Микеш здесь все же выдает себя: едва ли в реальном письме к даме, пускай и родственнице, он отважился бы на такой сомнительный комплимент.

19.

Еникёй — турецкое поселение на европейском берегу пролива Босфор.

...стул одного бывшего французского короля... — Микеш имеет в виду свои посещения Версаля, Фонтенбло, Лувра.

...у архипелага... — У островов Эгейского архипелага. Корабль стоял в Мегарском заливе у берегов Греции.

Микеш подразумевает, что Ракоци и его соратники, обманутые в своих ожиданиях относительно возможности вернуться, с помощью Порты, на родину, готовы были покинуть Турцию и отплыть во Францию. Корабль действительно ждал их — до января 1718 г.; Микеш не знал, что князь после беседы с султаном сделал выводы о бесперспективности каких-либо надежд и отпустил корабль. Не знал, но, судя по его тону, подозрения о чем-то подобном у него были.

Фома — т.е. Фома неверующий.

...господина Берчени... — Берчени Миклош, граф (1665—1725), один из ближайших сподвижников Ракоци, главнокомандующий.

20.

...что пережил Иона... — Ветхозаветный пророк Иона был проглочен китом и, находясь в его чреве три дня и три ночи, молился Господу о прощении за неповиновение и был прощен и выброшен на берег (Книга пророка Ионы.)

...ассаш-паша... — Скорее всего, имеется в виду асес-баши, начальник ночной янычарской стражи в Стамбуле.

...чаусы... — Вероятно, чауши, или чавуши, личная султанская гвардия.

...эмиры... — Эмиры (или беи), главы племен или больших поместных общин.

...улемы... — Улемы, или алимы — авторитетные знатоки и толкователи ислама.

...ага янычар... — Т.е. командир янычар; примерно соответствует генералу.

...с мистанджи-пашой... — Правильно: нишанджи, один из высших султанских сановников, хранитель султанской печати.

...с капитан-пашой... — Правильно: капудан-паша, адмирал, командующий флотом Османской империи.

...чаус-паша... — Чауш-паша, или чавуш-паша, начальник чавушей.

...ичогланы... — Султанские пажи, обучавшиеся в особой дворцовой школе.

...в Перу... — Пера — район в европейской части Стамбула; ныне называется Бейоглу.

21.

Может, в том и причина, что мы живем близко и видим друг друга часто. — Микеш не устает поддерживать видимость реальности существования «кузины».

22.

...с греческими керацами. — Кераца — дама, госпожа (новогреч.).

...а уж коли подарок преподнесешь, то и визирь повернется туда, куда попросишь. — О том, как падки люди султанского двора на подарки, знали все европейские дипломаты, и часто пользовались этим.

...*nes nominetur invobis.* — Здесь: об этом лучше не говорить (лат.).

23.

Иаков — библейский патриарх. Потомки его 12 сыновей образовали народ Израиля.

Мафусаил — библейский персонаж, один из праотцов человечества. Прожил 969 лет.

А истинно христианское благословение касается благодушевных, и истинный христианин должен не о плодородной земле мечтать, а о милости в сердце, чтобы не земля его, а сердце приносило плоды обильные. — Подобное противопоставление материальных благ, находящихся в центре внимания Ветхого Завета, благам духовным, на которые ориентируется Новый Завет, венгерские исследователи объясняют влиянием янсенизма.

...будем следовать обычаям христианским, которые согласны с придворными обычаями. — Влияние янсенизма на духовную жизнь, на мировоззрение князя Ференца Ракоци общеизвестно. И в этом Микеш также был верен своему патрону.

И неправда, что подагра ищет богатых: ведь будь так, она и не посмотрела бы на нашего господина. — Так Микеш дает понять, в каком стесненном материальном положении находился князь.

24.

Начну с полковничихи. — Вдова полковника Яноша Ратони, соратника князя; Ратони погиб при обороне крепости Гёргенъ в 1708 г.

Госпожа Кайдачи... — жена еще одного соратника князя, полковника Петера Кайдачи.

Маленькую Жужи... — Жужи — дочь приближенного человека Берчени, поэта Пала Кёсеги. Берчени в 1723 г., после смерти жены, женился на юной Жужи. В 1725 г. она овдовела и уехала в Польшу. Жужи долго была предметом вздыханий Микеша, но обстоятельства препятствовали осуществлению его мечты.

Невеста Талабы... — Талаба — румынский дворянин, выполнявший дипломатические поручения князя. Видимо, они с Жужи были обручены какое-то время.

У евреев была одна женщина-судья... — Микеш имеет в виду Девору пророчицу (Суд., 4: 4).

26.

Мог бы ли кто-нибудь из семи мудрецов. — Отсылка к поверью о семи легендарных древнегреческих мудрецах, которым было принято приписывать разного рода сентенции и меткие высказывания. Имена мудрецов менялись; более или менее постоянно присутствовали в семерке Фалес Милетский, Солон Афинский, Биант Приенский и Питтак Митиленский.

27.

...два грегорианских князя... — т.е. грузинских. Грузия отбивалась от османской агрессии, опираясь на помощь России. Князья, о которых говорит Микеш, были, очевидно, изгнаны из страны и предпринимали попытки вернуться на родину, опираясь на мощь врага. (В типологически сходной ситуации находились и венгры, приверженцы князя Ракоци. Видимо, поэтому Микеш и заинтересовался этой историей.)

...мне больше нравятся брашовские судьи... — Ранее Микеш упоминал в таком же тоне загонского судью; почему-то ему не нравились судебские чины, которых он помнил с тех лет, когда жил на родине.

...в греческой вере... — т.е. в восточнокатолической, перенятой у Византии.

А ведь благородной девице обладать этими двумя умениями не только приличествует, но и необходимо. — Микеш

подключается здесь к такой важной для просветителей XVII и XVIII вв. теме, как необходимость давать образование женщинам. В этом он следует, в частности, Ф. Фенелону, который сокрушался: «Rien n'est plus négligé, que l'éducation des filles» («Ничто у нас так не запущено, как воспитание девиц») (трактат «О воспитании девиц», 1687).

28.

...пока им не приготовят жилье в Тарабии. — Населенный пункт на европейском берегу пролива Босфор.

...на морских скакунах. — Т. е. на морских судах.

Пациенция. — Patientia — терпение (лат.).

...вы хорошо знаете, чей посол потребовал. — Имеется в виду посол австрийского императора в Порте.

...все мы изгнанники, кроме двоих... — Микеш говорит о генералах Михае Чаки и Антале Эстерхази, которые, будучи изгнанниками, жили в Бухаресте и Молдавии.

30.

Бейкоз — населенный пункт вблизи Стамбула, на азиатском берегу пролива Босфор.

Вифиния — историческая область (римская провинция) на северо-западе Малой Азии.

Харомсек — территориальная единица (комитат) Трансильванского княжества.

Этот великолепный канал... — Пролив Босфор, конечно, узок (минимальная ширина — 700 м), но каналом его в общем-то не принято называть.

А как много в нем морских свиней! — Морские свиньи — старинное название дельфинов.

...говорят, там у вас нынче чума. — Микеш лишь в конце письма, как бы между прочим, упоминает

главную причину, почему Ракоци и его люди перебрались в Бейкоз: Турцию, и в том числе Еникёй, охватила очередная эпидемия чумы.

31.

...не появишься на небе радуга... — Исследователи усматривают здесь скрытую цитату из Ветхого Завета: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею, <...> и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Быт., 9: 13–15).

32.

...были с нами два генерала. — Берчени и Форгач. В иронии Микеша слышится отзвук общего скептического мнения о полководческих талантах обоих генералов.

...у немецких послов... — Имеются в виду, конечно, послы Вены.

Allegatio — оправдания, отговорки (лат.).

Politica ratio — политические резоны, политические соображения (лат.).

Purgatio — очищение (лат.).

Inimicus homo hoc facit. — Цитата из Евангелия: «враг человека сделал это» (Мф., 13: 28).

Nescio vos — знать тебя не знаю (лат.).

Брашио (рум. Брашов) — город в горах Трансильвании.

33.

...вы покинули нас, как святой Павел влахов. — Венгерская пословица. Восходит к фольклорному преданию о том, как апостол Павел пытался обратить влахов (жителей области Валахия, предков нынешних румын)

в христианство: не добившись понимания, он, раздосадованный, повернулся и ушел.

Ференц Хорват — дипломат, представлявший интересы Ракоци в Порте.

Наш господин, как настоящий христианский князь принял эту новость без возмущения, не считая ее таким уж тяжким ударом. — Видимо, князя Ракоци заранее известили о таком решении Порты.

...usque quo exaltabitur inimicus meus super me. — Цитата из Псалтири: «Доколе врагу моему возноситься надо мною?» (Пс., 12: 3).

...пусть краснеют те, кто радуется несчастьям моим. — Тоже цитата, хотя и не такая точная, из того же источника: «Да постыдятся и посрамятся все, радующиеся моему несчастью» (Пс., 34: 26).

34.

Шинг — старинная венгерская мера длины, равная 77,8 см.

...коли правда это, что поставил колонну Помпей. — По преданию, Помпей велел воздвигнуть эту беломраморную колонну в память о своей победе над царем Понта Митридатом II (134–63 гг. до н.э.).

Родошто (принятое у венгров произношение), или Родосто. — ныне г. Текирдаг, расположенный в европейской части Турции.

...experto crede Roberto. — Средневековая пословица: «Верь тому, кого ты хорошо узнал».

35.

Полатети. — Микеш, видимо, где-то услышал это греческое приветствие, и оно ему понравилось. В дальнейшем он не раз будет употреблять его, завершая свои письма.

36.

...анаграмму, и получилось у него вот что: Ostorod. — Действительно довольно метко применительно к ситуации. Оштород — для венгра звучит как «бич твой», т.е. бич Божий.

Чорбаджи — офицерский чин в Османской империи, в ранге примерно командира роты.

Никомедия — старинное название турецкого города Измит, который находится на европейском берегу Мраморного моря.

Имре Тёкёли (1657—1705) — венгерский государственный деятель, князь Трансильвании, предшественник Ференца II Ракоци по борьбе с Габсбургами. Он первым принял вассальную зависимость от Порты ради борьбы с Веной. Потерпев поражение, провел последние годы в Турции, в городе Никомедия (Измит).

Гераклейский порт. Гераклея — порт на европейском берегу Мраморного моря; ныне город Эрегли в Турции.

Гашпар Папай — племянник Яноша Папай (см. сноску к письму 14).

...аферим, мадьяр, аферим. — «Правильно, молодец!» (тур.).

37.

...Комитат... — Комитат, или медье (megye), единица административно-территориального деления в Венгрии.

...тридцать янычар, которые находятся у наших ворот... — Венгерские историки установили, что султан назначил для Ракоци стражу из 80 человек.

...после полуночи встает в два часа. — К ночным бдениям Ракоци приучал себя еще с тех времен, когда он

находился во Франции, в камальдульском монастыре. Аскеза — один из главных принципов янсенизма.

В мои обязанности входит также присматривать за слугами. — Микеш не упускает случая подчеркнуть свой особый статус в свите князя.

...no ülle... — Микеш многие турецкие слова воспринимал со слуха, часто сильно искажая их. К сожалению, разгадать данное выражение не удалось.

38.

...несколько полтур. — Медная или серебряная монета, чеканившаяся в XVI—XVIII вв. в Венгрии и Трансильвании. Значение ее приравнивалось к полутора польским грошам; отсюда, видимо, и название «полтура».

Эйтель — старинная венгерская мера объема, восьмая часть ведра, примерно 0,7 л.

Против смерти нет травы в саду. — Микеш приводит латинскую пословицу, переводя ее на венгерский: «Contra vim mortis non est medicamen in hortis».

...остаюсь ваш самый малый субботний слуга. — Отсылка к какой-то (не совсем ясной) форме барщины.

39.

...все надежды приходится убрать в сундук. — Микеш, как и все эмигранты, был в курсе событий европейской политики. Горькие слова его связаны, видимо, с известием о том, что к заключенному в 1718 г. англо-французско-голландско-австрийскому союзу (Quadruple Alliance) в 1719 г. присоединилась Испания.

...обе Сицилии... — Двумя Сицилиями называли Неаполитанское королевство, так как в него входили Сицилия и Сардиния.

ментик — деталь гусарского мундира, короткая куртка со шнурами и меховой оторочкой.

...барич Берчени... — Племянник генерала Берчени; Микеш был знаком с ним еще по польской эмиграции.

Секеи (секлеры) — венгерская этническая группа, живущая в Трансильвании. Микеш тоже относится к секеям. Лошадиноголовые — насмешливое прозвище секеев.

41.

Родошто, 9 septembris 1721. — Бросается в глаза необычно большой — более девяти месяцев — период, прошедший с предыдущего письма. Неудивительно, что у Микеша, видимо, были исчерпаны душевные силы, необходимые для поддержания непринуждённого тона, в каком он общался со своим вымышленным адресатом. Куда более поражает, что он все же ощутил в себе необходимость, несмотря ни на что, продолжать «переписку». Кроме как потребностью в творчестве, в реализации себя через искусство «изящного слова», объяснить это едва ли возможно.

Играть в любовь можно или на душевном подъеме — такой подъем Микеш должен был испытывать в дни прибытия в Турцию: экзотический край, масса впечатлений, надежда на возвращение домой, — или от скуки, от тоски, от отчаяния. В 1721 г. состояние Микеша было, скорее всего, близко к отчаянию.

Расыхтелся наш Гермán, полный требует карман. — Секейская поговорка.

...Уехал и молодой Эстерхази... — Граф Балинт Эстерхази собрал гусарский полк для французской армии.

Граф Антал Эстерхази; см. примечание к письму 28.
К письму

41

...молодой Эстерхази... – Граф Балинт Эстерхази (1705–1743) по просьбе французского короля Людовика XV снарядил гусарский полк, чтобы участвовать на стороне Франции в войне за австрийское наследство. Погиб в Деттингенском сражении (июнь 1743 г.).

...чей отец... – Отец Балинта Эстерхази, граф Антал Эстерхази (1676–1722), генерал, один из соратников князя Ференца Ракоци. После поражения освободительной войны провел несколько лет в Польше, затем в Молдавии, пытаясь – без большого успеха – организовать военный поход (с участием влахов и крымских татар) против Австрии. В 1721 г. прибыл в Родошто, спустя год умер от чумы.

Женщина призналась, что у нее нет мужа, потому что тот, с кем она тогда жила, не был ей настоящим мужем. – Микеш кратко излагает эпизод из Евангелия от Иоанна: «Иисус говорит ей: пойдя, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала» (Ин., 4,:16–18).

42.

...а если не заплатит, то будь уверен, шею ему сделают подлиннее. – Т. е. повесят.

...стихи эти я сочинил только для вас. – Венгерские исследователи считают стихи Микеша посредственными.

Поэтической жилкой он явно не обладал. И «вирши» стал сочинять (продолжения это увлечение не имело), скорее всего, чтобы разнообразить свою жизнь.

...на горе Парнас... — Парнас — гора в Греции. В греческой мифологии Парнас — обиталище муз.

43.

Кир. — Сведения о персидском царе Кире автор берет, видимо, из какого-то мало достоверного источника. Кир II Великий (590—530 гг. до н.э.), при котором Персия достигла невиданного величия, погиб в сражении в расцвете своего могущества.

Осирис, самый знаменитый египетский царь... — Надо думать, Микеш имеет в виду Сесостриса, легендарного египетского фараона, о котором много писали древнегреческие историки. Конкретных сведений о Сесострисе почти нет: скорее всего, это собирательный образ. Отождествляли с ним и прославленного фараона Рамзеса II (1279—1213 гг. до н.э.).

Один самосский царь. Видимо, речь идет о Поликрате (?—522 г. до н.э.), царе Самоса. История с перстнем, фигурирующая в этом письме, привлекла, в частности, Ф. Шиллера, который использовал ее в своей балладе «Перстень Поликрата».

...и ребро свое должны любить. — Первую женщину, Еву, Господь, как известно, сотворил из ребра Адама.

...цементерий... — *Coemeterium* — кладбище (лат.).

44.

Буюкалли. — Венгерские исследователи не смогли идентифицировать местность с таким названием.

45.

...древний город, жители которого все время смеялись, ни слова не могли произнести без громкого смеха. — Судя по всему, Микеш имеет в виду фракийский город Абдери, который по какой-то причине прославился наивностью и простоватостью своих жителей (хотя именно оттуда происходили такие, например, мыслители, как Демокрит, Протагор и др.). Безоблачная туповатость абдеритов в Древней Греции вошла в пословицу.

Шибрик, — Миклош Шибрик — гофмейстер князя Ракоци.

47.

...о кончине бедного Ференца Хорвата. См. примечание к письму 33.

48.

Насчет Жужу и другие имеют планы... — Под «другими» Микеш, конечно, имеет в виду себя.

49.

Грешен, грешен, очень грешен... — Микеш переводит на венгерский первую фразу («*mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa*») покаянной молитвы «*Confiteor*», которая читается в начале католической мессы.

...бедняк птицу поймал, а богатый — съел. — Микеш перефразирует здесь секейскую пословицу: «Ловит птицу бедняк, а съедает богач».

...про календарь стариков... — Микеш отсылает здесь к одному из сюжетов «Декамерона» Боккаччо (День

второй, новелла 10), заимствованному и разработанному Ж. Лафонтеном в сказке «Календарь стариков».

...в четыре канторских дня... — У католиков — дни строгого поста: дни, следующие в среду, пятницу и субботу после праздников Воздвижения, Креста Господня (в сентябре), Пепельной среды (за полтора месяца до Пасхи), Троицы и Св. Люсии (в декабре).

...три шатровых праздника... Древнееврейский праздник Суккот. У христиан Шатровыми праздниками называют три самые большие церковные праздника: Рождество, Пасху и Троицу.

...октавой. — Октава — восемь дней после праздника.

... в апостольские праздники... — Праздники в честь апостолов Андрея, Варфоломея, Филиппа и Иакова, Иакова, Матфея, Павла, Петра и Павла, Симона и Иуды, Фомы.

...дни евангелистов. Праздники в честь евангелистов Луки, Матфея, Иоанна и Марка.

в дни своих патронов. Патронами Микеш называет ангелов-хранителей, святых, в честь которых люди получают свое имя.

50.

...пускай уже затягивают говяжьё песню... — На крестьянских свадьбах в Трансильвании сначала подавали блюда из говядины, поэтому и музыка, которую играли в это время, называлась — говяжья.

...сегодня господин Берчени сочетался браком с Жужи, в присутствии двух или трех свидетелей, да и то тайно. — Объясняется тайный характер бракосочетания просто: граф Берчени не хотел, чтобы его мезальянс

с простолюдинкой стал известен Ракоци. Горькие и язвительные интонации Микеша связаны и с этим обстоятельством.

...non habet pecuniam... — Здесь: карман у него пуст (лат.).

Лакедемон — официальное название древнего государства Спарты в Греции, на юге Пелопоннесского полуострова. *Ликург* — полупоупендарный государственньй деятель Спарты, автор суровых, но разумных законов, которые позволили спартанцам достичь величия и славы.

Placet — нравится, устраивает (лат.).

...мужчины ничего бы не потеряли, войди такой закон в обычай. — Образ мысли Микеша благодаря этому пассажиу получает хорошую иллюстрацию: Микеш словно забывает, каковы воззрения церкви на брак.

Пенитенция — покаяние.

...остаюсь... — Микеш впервые отстунпает здесь от принятых формулировок завершения письма: видимо, создание правдоподобия переписки ему самому стало казаться излишним.

51.

Молодую... — Т.е. Жужи, которая стала женой Берчени.

...не получи я наредни письмо от матушки своей, коя пишет: коли захотел бы я вернуться домой, к ней, она бы уж постаралась добиться помилования. — Сохранились письма матери Келемена Микеша, направленные влиятельным людям с просьбой посодействовать прощению сына, чтобы он вернулся на родину. Оставалось предпринять активные шаги в этом направлении самому

Микешу; однако он не смог перебороть свою совесть и бросить князя. Добровольно оставшись в изгнании, Микеш испытал глубокий душевный кризис, но самосознание его сохранилось в незыблемой чистоте.

...вроде того, как часовщик, сделав часы, заведет их и затем отвернется: пускай-де ходят, как им заблагорассудится. — Аргумент с заведенными часами был популярен у мыслителей раннего Просвещения (Декарт, Лейбниц и др.), которые, будучи в сущности материалистами, не могли отказаться и от идеи Бога.

...поскольку мы христиане, то должны говорить: пусть воля Божия будет с нами... — Наглядный пример того, как Микеш чуть ли не силой удерживает себя на позиции богобоязненности: потеряй он эту опору, и бытие рассыплется на бессмысленное нагромождение случайностей, лишенное даже намека на перспективу, на оправданность лишений.

...та Эзопова лиса, которая, не сумев дотянуться до винограда, утешила себя, решив, что он еще зелен... — С баснями Эзопа автор мог познакомиться по французским переводам, но их активно переводили — особенно в XVI в. — и в Венгрии.

52.

В море проводил я и больше времени, но на хороших судах... — Микеш имеет в виду свои путешествия, в составе свиты Ракоци, из Польши во Францию и затем из Франции в Турцию.

...дочь каждый день кормила ее своим молоком. Начальник тюрьмы рассказал в совете, что женщина сосет грудь дочери и что происходит это каждый день. Совет был так поражен, что воздал хвалу дочери, а мать

отпустил и одарил героических женщин из городской казны. — Историю эту Микеш заимствовал у Боккаччо, который, в свою очередь, взял ее из сочинения древнеримского писателя Валерия Максима (I в.н.э.) «De pietate in parentis» («О почтении к родителям»). Правда, в древнеримском источнике речь идет об отце и дочери, которая накормила умирающего от голода отца своим молоком (Цимон и Перо). Боккаччо же (и за ним Микеш) заменяет отца матерью.

53.

...вы так горячо защищаете женщин... — Микеш отвечает на воображаемую реакцию кузины, которая «возмутилась» его замечанием (в предыдущем письме) о том, что примеров благородства и самоотверженности еще в большем количестве можно найти у мужчин.

...он в самом деле был задушен. — Речь идет об Андрее Венгерском (1327–1345), первом муже неаполитанской королевы Джованны I (1326–1382), принце из венгерской линии Анжу-Сицилийского дома. Андрей пытался добиться королевского титула, чтобы разделить трон с женой, и был близок к успеху, но накануне коронации был задушен (королева, как предполагается, была активной соучастницей убийства). Изложенную в письме историю Микеш, судя по всему, взял из книги П. Брантома «Галантные дамы» («*Dames illustres*», 1665) или из «Исторического и критического словаря» («*Dictionnaire historique et critique*», 1696) французского мыслителя П. Бейля, позаимствовавшего эту историю у П. Брантома. Описанный эпизод встречается, в том или ином виде, у многих писателей (Лопе де Вега, Кальдерон, Вольтер и т.д.).

Один португальский король, дон Антонио... — Дон Антонио, португальский король — видимо, персонаж вымышленный. Фердинанд, Изабелла, Людовик XI — реальные фигуры европейской истории второй половины XV в. Как считают венгерские исследователи, душещипательный сюжет о благородном короле Микеш, заимствовал (переложив его по своему вкусу), у мадам Гомес (Гомец), французской писательницы (1684—1770), издавшей множество книг с разного рода галантными историями. Скорее всего, некоторые моменты описанной ситуации показались Микешу созвучными судьбе и злоключениям Ференца Ракоци.

54.

...сын его вскоре помер и отец снова стал королем. — Король Испании Филипп V (правил с 1700 по 1746 гг.), страдавая нервным расстройством и меланхолией, в 1724 г. отрекся от престола в пользу своего сына Луиса, но тот спустя несколько месяцев умер, и Филипп вернулся на престол.

...про одного римского императора мы читали... — Источник — знаменитый сборник легенд и поучительных историй на латинском языке «Gesta romanorum» (Деяние римлян»), появившийся в конце XIII—начале XIV в.

...«ежели ты собираешься что-то предпринять, надо попытаться угадать, чем дело кончится. — Так Микеш переводит латинскую поговорку: «Quidquid agis, prudenter agas et respice finem» («Что ни делаешь, делай разумно и смотри в конец»).

55.

Ты же, братец, сиди дома: двор, сарай, навоз, солома. — Хотя с поэтическим творчеством Микеш не в ладу, и сам это сознает, однако ритмическую, складную речь

(строки из народных песен, пословицы, прибаутки и т.п.) он любит вставить в текст.

...потому как истории этой, возможно, никогда и не было. — Исследователям действительно не удалось найти источник этой истории.

56.

...капуста — герб Эрдея. — Как уже упоминалось, блюда из капусты действительно популярны в Трансильвании; признано и ее целебное действие.

Сибарис — древний город в Южной Италии (не на Сицилии); жители его, сибариты, прославились приверженностью к комфорту и изысканной пище.

...форинтов. — Видимо, имеется в виду: сестерциев.

Снимает она одну серьгу из уха, кладет ее в уксус, жемчужина в нем растворяется, уксус царица выливает в пищу, съедает ее и говорит: видишь, Антоний, то, что я съела, стоит миллион. — Микеш пересказывает эпизод из «Естественной истории» Плиния Старшего.

...римский градоначальник... — По всей видимости, Микеш имеет в виду римского консула Лукулла, прославившегося своей любовью к роскоши и особенно к невероятно дорогим пирам.

...о римском императоре Вителлии... — Римский император Авл Вителлий правил всего несколько месяцев в 69 г.н.э., но за это время успел опустошить казну, истратив только на пиры 600 млн сестерциев.

...император Кай... — Император Гай Юлий Цезарь Август Германик (12–41 гг.н.э.), известный больше по своему прозвищу Калигула, знаменитый развратник и тиран.

57.

...ежели ты мог бы вкусить запретного плода. — Микеш, по всей очевидности, намекает на сложность своих отношений с Жужи: левушка стала замужней женщиной, но для Микеша, давно мечтавшего о ней, ситуация в лучшую сторону не изменилась.

...вчера приехал к нам архиепископ. Имеется в виду архиепископ Константинопольский.

...особенно в восточных странах... — Т.е. в тех странах, где утвердилась восточная, греческая, ветвь христианства, прежде всего в Византии.

...архиепископы происходили из простого сословия и не мечтали о каретах. — Микеш — в духе янсенизма — осуждает тягу церковных деятелей к роскоши. В этом он следует, в частности, видному деятелю католической церкви, историку христианства Клоду Флери (1640—1723), который, хотя и полемизировал с янсенистами, солидаризировался с ними в критике бюрократического перерождения церкви. Книги Флери: «История церкви» («Histoire ecclésiastique», 1691) и «Нравы христиан» («Les mœurs des Crétiens», 1682) — находились в библиотеке князя Ракоци в Родошто.

...он, будучи младшим братом императора, привержен был скорее господским, чем епископским обычаям. Речь идет, очевидно, о константинопольском патриархе Феофилакте (престол патриарха занимал с 933 по 956 г.); сведения о нем Микеш берет у того же Флери. (Флери пишет, что у патриарха было две тысячи лошадей; возможно, Микеш невнимательно прочел текст.)

Патриарх Феофилакт заслуживает упоминания еще и потому, что он, вместе с императором Константином VII Багрянородным, в 955 г. (почти за полвека до

крещения Руси князем Владимиром; эта дата указана в «Повести временных лет») крестил киевскую княгиню Ольгу, прибывшую для этого в Константинополь.

Константин — Флавий Валерий Константин, Константин Великий (272–337) — римский император. В 330 г. перенес столицу империи в Византий (Константинополь), сделал христианство государственной религией, к концу жизни и сам принял крещение.

Никейский собор был созван в 325 г. для решения кардинального для того времени вопроса о сущности Святой Троицы: спор этот грозил христианству серьезным расколом. На Никейском соборе Константин поддержал сторонников «единосущности» Отца и Сына; арианство же было осуждено как ересь.

...снарядил повозки или другие средства для долгого пути... — Об этом сообщает К. Флери в обоих указанных трудах.

...знаменитый святой Афанасий... — Патриарх александрийский Афанасий (298–373, с 328 г. — архиепископ Александрийский, был одним из главных оппонентов патриарха Ария, который отрицал единосущность Отца и Сына. После своего восшествия на кафедру в Александрии обошел пешком всю свою епархию, значительная часть которой находилась в пустынях Южного Египта.

Святой Мартин (316–397), епископ Турский, родился в городе Савария (ныне Сомбатхей в Венгрии), один из самых почитаемых во Франции святых, сторонник аскетического образа жизни.

...над жалобой папы римского святого Григория. — Святой Григорий (540–604) занял папский престол в 590 г. Вошел в историю папства как святой Григорий I Великий.

...папа этот разбирался скорее в пении псалмов, чем в лошадях. — Папа Григорий I реформировал церковное пение; отсюда, например, григорианский распев.

Фессалоники (ныне—Салоники) — город в Греции, на берегу Эгейского моря.

Когда я пишу вам, милая, мне кажется, будто вы сидите тут, передо мной, и мы с вами беседуем. — Эти рассуждения свидетельствуют о том, что Микеш все в большей мере воспринимает свою работу как литературное творчество. Интересно, что похожие высказывания обнаруживаются, например, в письмах великого древнеримского оратора и политического деятеля Цицерона ((Марк Туллий Цицерон, 106—43 г. до н.э.): «Хотя мне и нечего тебе писать, пишу все-таки, так как мне кажется, будто я говорю с тобой» (письмо 605, Тускульская усадьба, Титу Помпонию Аттику, в Рим, 22 мая 45 г. до н.э.); «О несчастье! Мне совсем нечего писать. Поэтому думаю прибегнуть к молчанию, если ты не находишь нужным чего-либо другого; но если что-нибудь приходит тебе на ум, напиши, прошу» (письмо 740, Тускульская усадьба, 28 мая 44 г. до н.э., Титу Помпонию Аттику, в Рим.); «Мне совсем не о чем тебе писать; все тебе известно, а мне нечего от тебя ждать. Итак, хочу соблюсти только наше обыкновение не отпускать без письма никого, уезжающего к тебе» (письмо 296, Формийская усадьба, 17 декабря 50 г. до н.э., Титу Помпонию Аттику, в Рим. Переводы В. Горенштейна).

58.

...седьмое священное таинство... — т.е. таинство брака. В православной догматике оно стоит на пятом месте.

...а после этого мне все равно, будут женщины священниками или не будут. — Тема о женщинах-священниках,

об исповеди женщине-священнику и т.п. появилась еще в Средневековье, породив множество анекдотов; она присутствует в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле и др.

... молния ее опалила. Эпизод этот Микеш заимствует из эпистолярного романа Р. Бюсси-Рабютена. — Вот как это выглядит в оригинале: “Si vous saviez, Madame, combien vous me faites plaisir de m’écrire, cela vous encourageroit à continuer...”

Je suis fort fâché de l’accident qui est arrivé à la pauvre de Maréchalle de Villeroi. Le tonnerre en veut aux Maréchalles de France. Car vous savez ce qu’il fit à Rome à la feue Maréchalle de ***. Si vous ne le savez, Madame, je vous dirai qu’il tomba dans sa chambre fort près d’elle, et qu’il lui fit l’office d’un Barbier fort adroit en un endroit que je ne veus pas vous nommer” (Lettres de Messire Roger Rabutin Comte de Bussy... avec les réponses. Paris, 1714, I, 95).

...слово стало плотью... — Известный стих из Евангелия от Иоанна: «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин., 1: 14).

...до дня Очищения Блаженной Девы... — День 2 февраля, когда состоялось Представление Христа во Храме, куда Богоматерь пришла совершить обряд Очищения, и событие это совпало с сорока днями от Рождества Иисуса. В православной церкви этот праздник называется Сретение (встреча младенца Иисуса с людьми).

Нет на свете танца дольше, чем монашеский танец... — Трансильванская пословица. Возможно, в ней нашла отражение память о каком-то древнем ритуальном танце.

59.

В новом году давайте веселиться, а ежели удастся, давайте жениться. — Микеш переделывает, в соответствии со своим настроением, старинную венгерскую пословицу: в новом году, давайте петать-плясать, Господа Иисуса давайте восхвалять.

На гречанках? — По каким-то причинам Микеш, наблюдая за смешением народов в Османской империи, наиболее отрицательно относится к грекам.

...знаю, что люди читали бы их с наслаждением... — Убедительное доказательство того, что Микеш хорошо знал эпистолярные романы (например, французские) и создавал свои «письма», ориентируясь на европейские образцы.

60.

Где он, где он, тот стрелок, что того волка убил, что ягненка уволок, что отец вчера купил. — Трансильванская венгерская считалочка.

...на десять вершков... — Микеш употребляет венгерскую меру длины — «арас» (26,6 см). Он говорит о полутора арасах, что равняется примерно 40 с лишним см (вершок — 4,4 см).

61.

...проводить вас к нашей отшельнице. — Микеш продолжает (прерванный в предыдущем письме) рассказ о жизни бабочки шелкопряда.

62.

...там у вас, в Пера. — Пера — район Стамбула (см. примечание к письму 20).

...nego majorem! — Здесь: отрицаю с порога (*лат.*). Выражение применялось в школярской полемике, когда участник спора подвергал сомнению правомочность всей аргументации оппонента, объявляя несостоятельным исходный тезис.

63.

Солон — афинский мудрец (см. сноску к письму 26).

Крѐз (595—546 до н.э.) — царь Лидии (древнего государства, занимавшего западную половину Малой Азии); известен как баснословно богатый человек.

...nemo ante mortem beatus... — Буквально: никто не счастлив до смерти (*лат.*); т.е. никто не может назвать себя счастливым на протяжении всей жизни, ибо счастье — недостижимое состояние. По легенде, именно так Солон, посетивший столицу Лидии, ответил на вопрос Крѐза, может ли тот считать себя наисчастливейшим из смертных.

Султан Магомет Второй. — Мехмед II Завоеватель, или Магомет Великий (1432—1481) — османский султан. В 1453 г. его войска взяли Константинополь, который стал столицей Османской империи.

...где его и убили. — Константин XI Палеолог (1405—1453) — последний император Византии. Известно, что в последние часы перед падением Константинополя он, сорвав с себя императорские регалии, бросился в бой, как простой воин, и пал смертью храбрых.

Город этот построил император Константин... — Константин I Великий (272—337) — римский император; сделал христианство господствующей религией государства; в 330 г. перенес столицу в город Византий (Константинополь).

...девушку, которую звали Эрини... — История заимствована Микешем у выдающегося итальянского новеллиста Маттео Банделло (1485—1561), скорее всего, через какие-то французские переложения. Правда, у Банделло девушку зовут Иринейя, и султан провел с ней не три дня, а три года. Реальные корни этой истории литературоведами не обнаружены: видимо, это может считаться бродячим сюжетом, привлекавшим многих авторов своей романтической заостренностью. Возможно, в сильно измененном виде он проник и к нам: вспомним песню про Стеньку Разина и персидскую княжну.

Новеллы М. Банделло будили творческую фантазию у многих писателей той и последующих эпох: среди них были Шекспир, Лопе де Вега, Сервантес.

Коложвар (ныне Клуж-Напока) — город в Трансильвании.

64.

...цирюльники... — Одним из основных способов лечения в те времена было кровопускание, и делали его цирюльники.

Иов — ветхозаветный пророк. Видимо, имеются в виду его слова: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов, 2: 10).

Я же должен страдать для того, чтобы даже против воли своей положить конец слабости своей и несовершенству. — Очевидно, Микеш чувствует угрызения совести: у него, в связи с болезнью Берчени, вновь проснулись надежды насчет Жужи.

65.

...как души на Елисейских полях... — Элизиум — античное название рая, обиталища блаженных душ (впервые упоминается в «Одиссее»).

Франциск Ассизский (1182–1226) – католический святой, считавший аскезу не способом отрешения от мира, но условием душевной чистоты ради совершенствования мира. Основал монашеский орден францисканцев.

...произнести проповедь в день Святого Иосифа... – День Святого Иосифа – 19 марта. Иосиф Обручник – муж Девы Марии.

Хедьалья (Hegyálja) – Токайское подгорье, местность на границе нынешних Венгрии и Словакии, где выращивают знаменитые сорта винограда для производства токайских вин.

...вылечить даже сушеными фигами. – Фигами (пресованной смоквой) ветхозаветный пророк Исаия вылечил царя Иезекию: «И сказал Исаия: пусть принесут пласт смокв и обложат им нарыв; и он выздоровеет» (Ис., 38: 21).

66.

...в таком состоянии, в каком был Иов, только с той разницей, что лежит он в постели, а не в пепле... – Из Книги Иова (Ветхий Завет). «И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел [вне селения]» (Иов, 2,: 7–8).

67.

...Нет тебе отрады, путник одинокий. – Венгерские исследователи считают эти строчки отзвуком печальных размышлений в «Божественной комедии» Данте: «Nessun maggior dolore / Che ricordarsi del tempo felice / Nella miseria» («Тот страждет высшей мукой, / Кто радостные помнит времена / В несчастьи». «Ад», песнь 5. Перевод М. Лозинского).

68.

...он завещал своему сыну... — Сын Берчени тогда жил в Париже.

Марк Атилий Регул (III в. до н.э.) — древнеримский государственный деятель и военачальник, был консулом Рима в 267 г. до н.э. Возглавляя римское войско в Первой Пунической войне, одержал ряд блестящих побед, позже попал в плен и погиб.

...и других военачальников, которых оторвали от сохи, чтобы дать им под начальство сто тысяч человек... — Очевидно, Микеш имеет в виду прежде всего Луция Квинкция Цинцинната (V в. до н.э.), который был консулом, позже — диктатором Рима; известен как образец честности и добродетельности.

...знаю кое-кого... — Микеш имеет в виду, конечно же, себя. Жужи питала к нему симпатию, но отказаться от графского титула не смогла; вскоре она уехала в Польшу.

69.

...обвенчался и взял в жены дочь короля Станислава. — Микеш точен в изложении событий. Людовик XV (1710—1774) должен был жениться на испанской инфанте (таков был план регента, Филиппа Орлеанского). Однако новый регент, герцог Бурбон, опасаясь, что, в случае отсутствия у слабого здоровьем короля наследников, король Испании будет претендовать на французский трон, поспешил женить юного короля на Марии Лещинской, дочери польского экс-короля Станислава.

Стоит заметить, что герцог Бурбон вел переговоры и с Петром I, намереваясь женить Людовика на дочери Петра, Елизавете; однако после смерти царя резко изменил свои планы.

...увидела она покорность своей слуги и вознесла тех, кто был внизу, а тех, кто вверху, низвергла в прах... – Микеш свободно цитирует Евангелие от Луки: «И сказала Мария: <...> возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать меня все роды, <...> низложил сильных с престолов, и вознес смиренных...» (Лк., 1: 48–52).

...ludit in humanis... – Полностью эта строка из Овидия (Понтийские письма, книга 4, 3, 49) выглядит так: «Ludit in humanis divina potencia rebus». «Все начинанья людей – игрушка божественной власти» (перевод Н. Вольпина).

...греческие епископы и священники высказали Порте много лживых обвинений... – Различные католические ордена: доминиканцы, иезуиты, францисканцы – держали на территории Османской империи свои миссии, и соперничество между ними порой приводило к скандалам, что, понятным образом, вызывало раздражение Порты.

70.

...а потому давно должны были бы стать пеплом, ежели правда то, что говорят... – Еще одно свидетельство хорошего знакомства автора с эпистолярным романом Бюсси-Рабютена, который также нередко говорил о том, что пылкие чувства его к кузине выходят за рамки родственной любви. Вместе с тем Микеш, видя, что сердечная пылкость французского автора проявляется в письмах к разным адресатам, в том числе и довольно далеким, мало знакомым, начинает сомневаться в искренности этих чувств: будь они искренни, от сердца давно остался бы пепел.

71.

...мальтийских рыцарей... — Орден мальтийских рыцарей (иоанниты, госпитальеры) возник во время или сразу после первого крестового похода (1096—1099 гг.) Организатором его был рыцарь Пьер-Жерар де Мартиг, известный также как Жерар Благословенный (упоминается иногда и как Герард Саксонский); он стал создавать в Палестине странноприимные дома (госпитали) для больных и паломников. Официальная история ордена начинается с 1113 г., когда его устав утвердил своей буллой папа римский Пасхалий II. После того как мусульмане отвоевали Палестину у христиан, орден перебирается на Кипр, а затем на остров Родос.

...храмовников... — Орден храмовников (тамплиеры), или Орден бедных рыцарей Христа, или Орден бедных рыцарей Иерусалимского храма, был основан в Святой земле в 1119 г.; его главной задачей была защита паломников. После изгнания (в 1291 г.) из Палестины храмовники переключились в основном на ростовщичество и торговлю со временем собрали огромные богатства. Это стало одной из причин преследований, которым орден подвергся в начале XIV в. со стороны католической церкви и французского короля Филиппа IV. В 1312 г. папа Климент Vупразднил орден.

...могучий турецкий султан... — Сулейман Великолепный (1494—1566; правил с 1520 г.) 10-й султан Османской империи. Попытки выбить госпитальеров с острова Родос предпринимались неоднократно, однако лишь Сулейман добился в этом успеха.

...Бодуэн, иерусалимский король... — Бодуэн Бульонский (ок. 1058—1131) часто упоминается в историографии как Балдуин де Кур), французский рыцарь,

участник первого крестового похода. В 1118 г. был избран королем Иерусалима, правил до своей кончины.

...папа Гонорий II... — Гонорий II занимал папский престол с 1124 по 1130 г.

...попросил св. Бернарда Клервоского... — Бернард Клервоский (1091–1153), видный деятель римско-католической церкви, монах цистерцианец, один из вдохновителей крестовых походов. Устав Ордена тамплиеров был принят на соборе в Труа в 1128 г.

...папа Евгений III ... — Папа Евгений III (занимал престол с 1145 по 1153 г.) ученик и последователь Бернарда Клервоского; один из организаторов 2 крестового похода.

...во Вьен... — Вьен — город во Франции, на р. Рона, к югу от Лиона. Микеш по ошибке называет его Беч: так во венгерское название Вены, столицы Австрии.

Император Феодосий Великий... — Феодосий Великий — (346–395), с 379 г. правил восточной частью Римской империи, а с 349 г. стал (последним) императором единой частью Римской империи. В 390 г. он, находясь в Фессалониках, за какое-то возмущение приказал казнить, не разбирая правых и виноватых, около 15 тыс. горожан.

...святой Амвросий, архиепископ Медиоланский... — Святой Амвросий (340–397), один из великих отцов церкви, пользовавшийся огромным авторитетом.

...на другой день царь отдал сыну и жену, и царство. — История любви Антиоха, сына царя Селевка I (358–281 гг. до н.э.), к своей мачехе Стратонике описана Плутархом в его труде «Сравнительные жизнеописания. Деметрий». В XVII–XIX вв. Этот сюжет пользовался широкой известностью; он, в частности, стал источником вдохновения для многих живописцев того времени.

73.

...в одном лице взял замуж сразу троих: свою дочь, свою младшую сестру и жену. — Сюжет Микеш позаимствовал у того же М. Банделло (значительно сгладив его); но схожая коллизия была довольно распространённой в литературе XV – XVII вв. (Мазуччо, Маргарита Наваррская и др.).

74.

...нельзя печь погачи. — Погача — популярная венгерская (известна также у сербов, словаков, словенцев) выпечка: маленький круглый хлеб, чаще всего солёный. Слово происходит от итальянского focaccia (пшеничная лепешка).

76.

...знаменитого москальского царя в 1711 году возле Прута... — См. сноску к письму 5.

Его имя — Вигуру. — За годы изгнания князь Ракоци не только углубился в религию, но и начал склоняться к мистике. В его окружении стали появляться спиритисты, алхимики — чаще всего это были шарлатаны или агенты, оплачиваемые Австрийским двором. Вигуру — самый заметный из них; втершись в доверие князя, он выманил у него немалые деньги, уверяя, что может делать золото. Микеш испытывал к нему сильную неприязнь, и причиной этого была не только ревность: с его трезвой и проницательной натурой он, видимо, сразу понял, что Вигуру — шарлатан и авантюрист.

77.

...Не забыть улыбку, коей нет чудесней. — Горечь, о которой пишет Микеш, вызвана, конечно же, расставанием с Жужи. Два месяца его отсутствия в Родошто

исследователи объясняют тем, что он, скорее всего, провожал ее до тех мест, до которых имел возможность добраться.

Венгерские литературоведы считают, что в некоторых своих стихах, продиктованных сильными и глубокими чувствами, Микеш выходил далеко за пределы любительского стихоплетства.

78.

...карабкаться на гору. — Район (квартал Стамбула) Пера, куда Микеш поселяет «кузину», находится на возвышенности.

...водяной понедельник... — Имеется в виду пасхальный понедельник. У венгров существовал древний обычай в понедельник после Пасхи бросать девушек в воду; позже их окатывали водой из ведра, еще позже (и до сих пор) их опрыскивают одеколоном.

79.

...первым с невестой ложился помещик... — Право первой ночи существовавшее и в России.

Михаил Керуларий (ок. 1000—1059) — патриарх Константинопольский, с именем которого связано окончательное разделение христианской церкви на западную (католическую) и восточную (ортодоксальную). За разногласиями в догматике, которые послужили формальной причиной раскола, стояли куда более глубокие, политические и экономические противоречия.

...в сто тридцатом году... — Не ясно, откуда Микеш взял эту дату. Современная историческая наука считает, что сорокадневный пост, предшествующий празднику Пасхи, был введен в практику христианской церкви лишь в IV в.

...пускай Келемен будет для тебя приятным. — Игра слов: имя Келемен созвучно слову «келлемеш» (приятный). Письмо датировано 15 марта; по церковному календарю 15 марта — день Св. Клементия (Келемена).

80.

...на берегу канала. — Каналом Микеш иногда называет пролив Босфор.

...в море Белое. — Т. е. в Мраморное море.

...зато видел такую собаку, которая знала карты и читала азбуку, как настоящий маленький школьник. — Микеш вместе с князем бывали в Париже на цирковых представлениях.

Какой король или князь их возглавлял, мне не вспоминается. — Предводителем Первого крестового похода (1096—1099) был Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии.

...под предводительством короля Андраша... — Т. е. венгерского короля Эндре II (правил в 1205—1235 гг.).

Людовик IX Святой (правил с 1226 по 1270 г.) — король Франции. Возглавлял Седьмой и Восьмой крестовые походы. Отправившись в крестовый поход, умер от болезни в Тунисе.

Французский король Кловис — король франков Хлодвиг I из династии Меровингов правил с 481 по 511 гг.

Хенрикус Квартус — Генрих (Анри) IV, первый из династии Бурбонов, правил с 1589 по 1610 г.

81.

Asinus — осел (лат.).

Смирна — древнегреческий город в Малой Азии (ныне турецкий город Измир).

82.

...второй сын князя... — младший сын Ференца Ракоци, Дёрдь (1701–1756).

будучи немым, увидел, что враг хочет сзади сразить отца, и сделал над собой такое усилие, что смог крикнуть царю, чтобы тот оглянулся. — Случай этот Микеш берет у Геродота.

83.

...князь дал аудиенцию евангельскому Симеону... — Старец Симеон фигурирует в Евангелии от Луки (2, 25–26): ему было предсказано, что он не умрет, пока не увидит явившегося в мир Мессию.

Рауль (Рудольф) — герцог Бургундии, затем король Западно-Франкского королевства в X в.

И с утра до вечера поглаживать только книгу. — Микеш говорит от имени молодого Ракоци.

Атос — гора Афон в Греции, где находится ряд монастырей.

Ориген (185–254) — греческий христианский теолог. Проповедовал крайний аскетизм; в порыве благочестия оскотил себя.

жалуются, что муж их не любит, если они ненадолго остаются небитыми. — Подобное утверждение встречается довольно часто в европейской литературе той эпохи; оно обнаруживается даже в «Персидских письмах» Монтескье.

84.

...иерусалимская купальня была чище, даже когда ее ангел возмущал... — Микеш имеет в виду описание целебной купальни в Евангелии от Иоанна: «Есть же

в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромым, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью» (Иоанн 5, 2–4).

...двадцать Шароши и столько же Шарошине. — Шароши — довольно распространенная венгерская фамилия, которую можно перевести как «Грязнов». Шарошине — жена Шароши.

...около сорока эйтелей... — Эйтель — старинная венгерская единица объема, примерно восьмая часть пинты. Сорок эйтелей — пять пинт — 3–4 л.

Мы видим, Бог допустил, чтобы народом правила женщина, чтобы она отдавала приказы о войне, а не только творила правосудие. — Микеш имеет в виду пророчицу Девору: “В то время была судьей Израиля Девора пророчица, жена Лапидофова; <...> и приходили к ней туда сыны Израилевы на суд. Девора послала и призвала Варака, сына Авиноамова <...>, и сказала ему: повелевает тебе Господь Бог Израилев: пойдя на гору Фавор и возьми с собою десять тысяч человек из сынов Неффалимовых и сынов Завулоновых” (Суд., 4: 4–6).

...убила безвинно свою невестку... — Т. е. Марию Стюарт.

...хотя ему-то другое развлечение желательно. Микеш — в данном случае с сочувствием — намекает на то, что молодой Ракоци тоскует по женскому обществу.

Ego — я (лат.).

86.

Генрих VIII (1491–1547) – король Англии с 1509 г. Стремясь добиться независимости от папства, осуществил в Англии церковную реформу, став главой англиканской церкви.

Был женат шесть раз. С двумя женами развелся, двух казнил. Сюжет о короле и Анне Болейн Микеш заимствовал у М. Банделло.

Многие пишут, что самое первое убийство, когда брат убил брата, произошло из-за женщины. – Мысль о том, что Каин убил Авеля из ревности, Микеш, скорее всего, вычитал у П. Бейля («Исторический и критический словарь», 1695–1697).

...оставил спать в постели и ее мужа. – Источник обоих этих сюжетов не установлен; можно лишь сказать, что они – в духе Брантома.

...ежели пьяницы не попадают в рай. – «...ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор., 6: 10).

87.

По вере нашей мы должны считать, что изгнание и полезно, и необходимо. – Микеш вновь и вновь предпринимает попытки преодолеть сознание безысходности, внушая себе мысль в мудрости Божьего промысла.

88.

Есть в нем, правда, немного от материной природы; со временем, может, это пройдет. – Микеш, хотя и сдерживает себя, но, чувствуется, к супруге князя, которая

не захотела сопровождать мужа в изгнание, относится с осуждением.

...он и сам смеется над собой, и так потеет, словно зарабатывает хлеб собственным трудом. — Умение князя найти себе — при вынужденном безделье — полезное занятие вызывает у Микеша искреннее восхищение. А приверженность Ракоци к письму послужила Микешу, вне всяких сомнений, одним из важных стимулов обратить свои силы на творчество.

90.

...пусть мясо моей овцы будет анафема... — Здесь слово «анафема» употребляется в своем первоначальном значении: жертва божеству по обету.

Аарон забрал всю овцу, сказав, что в Израиле любая анафема — в пользу священников. — Микеш излагает эту историю не по Библии, а скорее по Мидрашу (жанр древнееврейской религиозной литературы, содержащий главным образом Тору). Видимо, Мидраш также был в библиотеке Ф. Ракоци.

91.

Пафлагония — местность в северной части Малой Азии, на побережье Черного моря. Микеш «отсылает» кузину из столицы, чтобы иметь возможность «рассказать ей» о событиях, потрясших Оттоманскую империю в сентябре-октябре 1730 г.

Скутари (ныне: Ускюдар) — населенный пункт (сейчас это район Стамбула) на азиатском берегу Турции.

...имя одного — Мусли-Баша, второго — Патрона. Халил, албанец по происхождению, получил прозвище Патрона по названию корабля, на котором он служил.

(О его соратнике, Мусли-баше, сведений не сохранилось.) Поднятое ими восстание поддержали низы Стамбула, недовольные произволом властей и их роскошной жизнью.

...с тихаем... — Тихай — адъютант, денщик (тур.).

...пока послов не было, бедный визирь был задушен... — Ибрагим Невшехирли, занимавший пост великого визиря с 1718 по 1730 г. и бывший инициатором некоторых прогрессивных реформ, закончил жизнь именно так, как описывает Микеш.

...передаю трон сыну моего старшего брата, султану Махмуду. — Султан Махмуд I правил с 1730 по 1754 г.

...владычество Ахмеда прекратилось. — Ахмед прожил еще шесть лет и умер своей смертью. За 27 лет его правления Оттоманская империя потеряла многие свои территории в Европе и Северной Африке, но и перестала быть агрессивной силой, грозящей едва ли не половине мира.

Стоит упомянуть также, что Ахмед, будучи султаном, после Полтавской битвы (1709) дал приют в своих владениях шведскому королю Карлу XII и гетману Мазепе.

...даже не турок, а арнаут. — Арнаутами называли албанцев, живущих вне Албании.

...все было тихо, будто восстание нам лишь приснилось. — Венгры, конечно, не только боялись возможных беспорядков: уход прежнего султана, который явно не был энтузиастом новых войн, давал им некоторую возможность надеяться на возрождение былой оттоманской воинственности, которая, может быть, изменила бы и судьбу изгнанников. Тон данного письма, в котором и речи нет об обычных сетованиях на скуку и монотонность, позволяет почувствовать настроение эмигрантов.

92.

...кадилескера... — Правильно: кадиаскер — верховный судья провинции в Османской империи.

...с тремя бунчуками... — Бунчук — древко с привязанным к нему конским хвостом; выполнял роль штандарта. Количество хвостов на древке указывало на ранг офицера или сановника. Три хвоста на древке оруженосец нес перед великим визирем. Перед султаном несли бунчук с семью хвостами.

94.

Каролус Квинтус — Карл V, — король Испании с 1516 г., император Священной Римской империи с 1519 г.; умер в 1558 г.

96.

...со всеми тремя великими праздниками. — Таковыми считаются Рождество, Пасха и Троица.

...мой разум не рассекает аэр, как ваш, а просто ходит по земле. — Примерно в таком духе рассуждает Генриетта в пьесе Мольера «Ученые женщины»:

Пускай возносит вас ваш философский гений
В края прекрасные возвышенных парений,
В то время как мой дух, земных желая благ,
Оставшись здесь, внизу, земной вкушает брак.

(Перевод М.М. Тумковской)

Микеш явно гордится своим трезвым, лишенным «парений» взглядом на жизнь.

...отведем их на суд попа Яноша... — Поп Янош — мудрый властитель волшебного царства, где царят равенство и справедливость. Сказочный персонаж этот получил хождение в фольклоре и лубочной литературе в XVIII — первой половине XIX в.

начинаются упомянутые выше чертовы раздоры. Редкие для Микеша эмоциональные выражения, как и весь тон письма, говорят о том, что на него накатила — после некоторого оживления надежд — очередная волна отчаяния.

В истории находим мы немало примеров того, как пагубно сомневаться в другом человеке. — Неожиданно — на первый взгляд — возникшие мысли о сомнении, о недоверии, связаны, видимо, с тем, что Микешу пришлось пережить нечто подобное по отношению к себе. Несколько лет спустя, после смерти князя, он в одном из писем глухо упоминает, что Ракоци в чем-то заподозрил его — и тем самым сильно обидел. Свары же среди товарищей по несчастью были, очевидно, делом обычным.

После битвы при Акциуме... — Морское сражение при Акциуме (31 г. до н.э.) было одним из решающих событий, завершивших гражданскую войну в Древнем Риме. Октавиан Август, нанеся сокрушительное поражение объединенному флоту Марка Антония и царицы Клеопатры, стал первым императором Римской империи.

97.

Исключение сделаю для графа Бонневалья... — Граф Клод Александр де Бонневаль (1675—1747) — довольно известная в ту эпоху личность, путешественник, военачальник; человек авантюрного склада. После бурных походов на родине, во Франции, принял ислам

(в 1729 г.) и — под именем Ахмед паши — развернул активную деятельность в Османской империи: участвовал, весьма успешно, в войнах против Австрии, Персии и России. Поддерживал князя Ракоци, бывал в Родошто. Вел переписку с Фенелоном, Вольтером; был близко знаком с Монтескье. Издал книгу воспоминаний о Турции (впрочем, среди литературоведов бытует мнение, что это — мистификация).

...приказал задушить, пока он, султан, спит, что и было исполнено. — Вставная новелла о султани Сулеймане и верховном визире Ибрагиме заимствована Микешем из таких источников, как новелла из сборника Паоло Джовио «Historiarum sui temporis» и роман мадемуазель де Скудери «Ибрагим, или светлейший паша» (1641). Однако персонажи, которые фигурируют в ней, — исторические лица: султан Сулейман I Великолепный Кануни (правил с 1520 по 1566 г.), едва ли не самый яркий политический деятель Османской империи периода ее величия, Ибрагим паша был великим визирем с 1523 по 1536 г. Славянка Роксолана была любимой женой султана; ее роль в печальном конце Ибрагима подтверждается скорее легендами, чем историческими документами.

98.

Август Сильный (Август II Польский) — король польский и великий князь литовский с 1697 по 1704 и с 1709 по 1733 г. Был союзником Петра I в Северной войне. Кончина его, как и многие другие события в Европе, могущие как-то повлиять на международную ситуацию, побудила изгнанников венгров с напряженным вниманием следить за развитием дел.

...так он умел их развлекать и угождать им. — О количестве фавориток Августа ходили легенды.

...пока не побили шведского короля... — Микеш имеет в виду битву под Полтавой (1709).

Сколько много несказанно прекрасного последовало из обращения его в нашу веру! — С 1694 г. Август — курфюрст Саксонии, один из семи курфюрстов, т.е. князей, имеющих право выбирать императора Священной Римской империи. Чтобы занять польский престол, он должен был перейти в католичество.

Мартин Лютер (1483—1546) — христианский богослов, инициатор Реформации. Родился в Саксонии; с Саксонией связаны многие этапы его жизни и деятельности.

...саксонских электоров... — Т. е. курфюрстов.

Папист — сторонник папы римского, католик.

выборы короля в Польше тихо не проходят. — Микеш как в воду глядел: в 1733—1735 гг. развернулась война за польское наследство. Часть шляхты избрала королем сына Августа II, другая часть — экс-короля Станислава Лещинского.

...московская царица... — Анна Иоанновна, правила а 1730—1740 гг.

...французский король, поскольку он живет с его дочерью, так что не может не помочь. — Людовик XV был женат на дочери Станислава Лещинского (см. примечания к письму 69).

...медных ходатаев. — Т. е. пушек.

...французский король пошел войной против императора... — Речь идет о французском короле Людовике XIV (правил в 1643—1715 гг.) и императоре Священной Римской империи Леопольде I (был императором

в 1658—1705 гг.). О какой конкретно войне (их было немало) идет речь, в данном случае не ясно; скорее всего, с помощью этого (вымышленного?) диалога Микеш пытается показать истинную суть большинства военных конфликтов той эпохи.

...особенно в пост. — Великий (40-дневный) пост обычно приходится на март.

99.

Мы тут сидим, наострив уши, ждем, с какой стороны станут мутить воду, чтобы и мы могли что-нибудь выловить. — Микеш впечатляюще передает здесь состояние духа венгерских эмигрантов, все надежды которых на изменение своего положения были связаны лишь с возможным благоприятным поворотом дел на международной арене.

Не зря говорят, кто живет с греками, должен сам стать греком. — Стойкая неприязнь, которую Микеш по какой-то причине питал к грекам, побуждает его сконструировать нечто вроде пословицы — по типу «С волками жить — по-волчьи выть» или «С кем поведешься, от того и наберешься».

Сильвия — Юлианна. — Диалог этот представляет собой (несколько вольный) перевод одной из новелл, взятой Микешем в сборнике мадам де Гомес «Les journées amusantes». Мадлен Анжелик де Гомес (1684—1770) — французская писательница, написавшая и издавшая огромное количество галантных новелл и пьес. В 1760—1780-е годы она была популярна и в России, где было издано около десятка ее книг.

...апостол Павел говорит, что греки — лжецы. Микеш, очевидно, имеет в виду слова апостола Павла из

Послания к Титу: «Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Свидетельство это справедливо» (1: 12–13).

100.

Слышала ли ты новость, кузина, что сейчас в любой момент начнется большая война? А причина тебе известна? — Микеш имеет в виду начавшуюся войну за польское наследство (см. выше). Динамика событий в Европе, возникновение антиавстрийской коалиции — все это вновь давало венгерской эмиграции основания питать надежду на то, что они могут включиться в борьбу, а значит, обрести шансы на возвращение в родные края.

...чтобы поляки выбрали королем Станислава. — Имеется в виду Станислав I Лещинский (1677–1766) — король польский и великий князь литовский в 1704–1709 гг. и в 1733–1734 гг. затем последний герцог Лотарингии в 1737–1766 гг.; тесть французского короля Людовика XV.

Паладины. — Видимо, имеются в виду депутаты польского сейма.

Итальянская притча говорит: кто надеждою живет, в госпитале тот помрет. — Происхождение этой «притчи» не выяснено; возможно, Микеш сам ее сочинил.

101.

Вот я в этом году тебе целых три письма послал. — Еще один способ создания видимости активной переписки.

102.

...сообщив: неприятель разбит, я немного устал, желаю моей любимой жене доброй ночи. — Микеш имеет в виду выдающегося французского полководца маршала

Тюренна. Тюренн, Анри де Ла Тур д'Овернь виконт де; 1611–1675. Письмо, которое пересказывает Микеш, реально существовало и было известно; не выяснено, где его прочитал Микеш, но в книге французского писателя А.Л. Тома «Опыт о похвальных словах» («Essai sur les éloges», 1773) оно выглядит так: «Les ennemis sont venus nous attaquer, nous les avons battus, Dieu en soit loué! J'ai eu peu de peine, je vous souhaite le bonsoir, je vais me mettre dans mon lit» («Неприятель атаковал нас, мы его побили, слава Богу! Я немного устал, желаю вам доброго вечера, иду спать»).

103.

Евгений – Принц Евгений Савойский (1663–1736) – видный государственный деятель, крупнейший полководец Священной Римской империи. Активно выступил и в войне за польское наследство (1734–1735), но из-за болезни вскоре был отозван от командования войсками.

Но какая нам-то из всего этого будет польза? Пожалуй, никакой, наш час еще не пробил... – Чувствуется, что Микеш скептически (несмотря на то, что князь Ракоци в этот период развивает активную – главным образом дипломатическую – деятельность, стремясь использовать в свою пользу поворот событий) смотрит на перспективы, не очень-то веря, что их звезда загорится снова.

...оно на французском. – Письмо, видимо, действительно существовало, и Микеш почти дословно переводит его. Оригинал письма опубликован в журнале «Le Spectateur» в 1741 г. (№ 3–4); правда, героиня носит там имя Марта.

Карл Великий (или Karolus Magnus, как его упоминает Микеш; 742–814) – король франков, лангобардов, с 800 г. император Запада. Основатель огромной империи, которая, правда, вскоре после его смерти распалась. Возникшая в X в. Священная Римская империя мыслилась как прямое продолжение Римской империи и империи Карла Великого.

История о дочери Карла Великого, которую бегло излагает здесь Микеш, в более полном виде пересказывается им позже, в 200-м письме.

104.

...благодарю тебя, милая кузина, за рыбу. – Благодарность за (якобы присланные) подарки – один из приемов, которыми Микеш усиливал достоверность своей переписки.

Авл Вителлий (15–69) – см. сноску к письму 56.

...однажды к его столу было подано две тысячи видов рыбы, и жареной, и вареной, в другом случае – семь тысяч блюд из птицы. – «Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, в нем было подано отборных рыб две тысячи и птиц семь тысяч» (*Гай Светоний Транквил. Жизнь двенадцати цезарей. Вителлий.* <http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/suetonius.pdf>).

...Святой Георгий погиб именно в Великий пост. – День Святого Георгия отмечается католиками 23 (24) апреля. В Венгрии это был и «Юрьев день» – в том же примерно смысле, какой этот день имеет у нас (хотя немало странно узнавать, что итоги хозяйственных дел подводились весной, а не осенью). Говоря о том, что случай этот редкий, Микеш имеет в виду следующее: Пасха в том году (1734) праздновалась необычно поздно,

поэтому поздними получались и сроки Великого поста, захватывая Юрьев день.

...четыре рюмки: первую — за нас, вторую — за наших благодетелей, третью — за хорошее настроение, а четвертую — за наших врагов. Это высказывание приписывают известному английскому государственному деятелю и публицисту XVII в. сэру Уильяму Темплу.

...прощаю тебя за твою просьбу, прости и ты меня, что я ее не выполняю. — Еще один изощренный прием, призванный создать видимость реальной переписки.

105.

Медиолан (Mediolanum) — старое название Милана, крупнейшего города Северной Италии.

...уже не кричат «бердо». — Так венгры воспринимали обычный для австрийской армии (и других немецкоязычных армий) окрик часового «Wer da?» («Кто идет?»). Не кричат «бердо»: значит, австрийцы ушли из Милана; правда, вскоре они вернулись, и эта часть Италии еще довольно долго оставалась под властью Вены.

106.

...город и его окрестности были так разрушены, что и за двадцать лет не смогут привести в порядок. — В тоне Микеша чувствуется особое отношение к Данцигу: в 1711—1712 гг. он провел там, в составе свиты Ракоци, более года.

...тот, кто более всех старался помешать Станиславу стать польским королем. — Понятно, что Микеш имеет в виду императора Священной Римской империи.

...перебили там много цесарок... — Цесарками венгры той эпохи часто называли солдат императора

Священной Римской империи. Цесарка — по-венгерски *császármadár*, буквально — «императорская птица»; император — *császár* (от Цезарь).

...для сына испанского короля... — Имеется в виду сын короля Испании Филиппа V, Карлос (1716–1788), который в 1734–1759 гг. был, под именем Карла VII, королем Неаполя и Сицилии. (С 1759 г. он — испанский король Карл III.)

Хорошо скачет тот, кого Бог несет... Так Микеш переводит латинскую поговорку: «*Facile is equitat, quem gratia Dei portat*».

107.

Янош Папай (1660–1740) — один из соратников Ференца Ракоци (см. сноску к письму 14). Встреча Папай в Стамбуле с «кузиной» — еще один способ создать «фикцию подлинности» переписки.

Ежели бы произошло то, за чем он туда поехал, мы бы скоро уплыли отсюда во Францию. — За этой туманной фразой стоит большое и довольно драматическое содержание. В эти годы Ракоци предпринимал отчаянные — и последние — попытки подвигнуть Порту на войну против Австрии, подыскивая ей союзников, особенно большие надежды возлагая на Францию. В разработке этих планов князю активно помогал К.А. де Бонневаль, или Ахмет-паша (см. ниже). По одному из этих планов турецкие войска должны были вторгнуться в Польшу, а сам Ракоци, двигаясь вместе с ними, вошел бы в Венгрию. Но ни этот, ни другие планы Ракоци не были реальны без поддержки Франции, французы же большого энтузиазма не проявляли. Ракоци предполагал, что при его личном участии дело могло бы сдвинуться с мертвой

точки, и всерьез готовился отплыть во Францию. Однако это его намерение не осуществилось.

Клод Александр де Бонневаль — см. сноску к письму 97.

...его старший сын, ни с кем не попрощавшись, без всякого шума покинул Вену и прибыл в Венецию. — Речь идет о старшем сыне Ференца Ракоци, Йожефе (1700—1738). Он и его брат, Дёрдь, росли и воспитывались при Венском дворе; в сущности они были заложниками, которых Вена могла в любой момент использовать в борьбе против князя.

...император потерял в Италии две Сицилии. — В разное время так называли Неаполитанское королевство, в состав которого входили Сицилия и Сардиния.

...притча оказывается вполне правдивой. — Имеется в виду пословица, приведенная в предыдущем письме: «Не рой яму другому...».

...корабельщик уже ждет. — Еще один прием создания правдоподобия: корабельщик, который отвезет письмо «кузине» в Стамбул.

108.

Тогда император пощадил город. — Эпизод этот вошел в немецкий фольклор и даже в официальную историю Германии. Правда, Микеш, видимо, перепутал прочитанное: речь идет о короле Конраде III, взявшем в 1140 г. город Вейнсберг (земля Баден-Вюртемберг), и о женщинах этого города.

109.

Ежели все наши дела будут идти столь же хорошо, как работа кума Папаи в Порте, то они, дела наши, пойдут назад, а не вперед. — Деятельностью Яноша Папай

князь и его приближенные были недовольны и раньше; из-за этого Папай еще в 1720 г. оказался в опале и около 10 лет провел в Валахии.

Кто этому помешал, один Господь знает. — Конечно, Микеш, как и многие его товарищи по эмиграции, довольно хорошо знал о причинах неудач. В большой европейской политике шла игра, участникам которой было в данный момент не до Трансильвании и ее князя. Кроме того, к этому моменту выяснилось, что в окружении Ракоци было немало тайных врагов. Едва ли не самым опасным из них оказался личный секретарь князя Пал (Пауль) Бон, благодаря которому планы, которые строил Ракоци, были до мельчайших подробностей известны послам Австрии, России и других держав в Порте... Следующее далее пространное обращение Микеша к Господу — попытка смягчить горечь и душевную боль.

...нынешний день я потерял, ибо никому не сделал добра. — Речь идет о римском императоре Тите (79–81). Светоний пишет о нем: «...когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: “Друзья мои, я потерял день!”» («Жизнь двенадцати цезарей»).

...что я потратил, то утратил, что имел, отдал другим, а что отдал другим, то сохранил навечно. — Микеш и тут опирается на древнеримскую легенду о некоем императоре, который нашел в земле саркофаг с надписью: «Expendi, donavi, servavi, habui, habeo, perdidí, punior».

как это случилось с одним польским королем. — Старинная польская легенда рассказывает о короле по имени Попель, который за свое коварство и жестокость был съеден мышами.

110.

Чорбаджи — один из высоких офицерских чинов в войске янычар; соответствует полковнику.

111.

...сегодня праздник. — 25 марта католическая церковь отмечает праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.

112.

«ныне же будешь со Мною в раю». — Микеш приводит слова Иисуса, обращенные к раскаявшемуся разбойнику (Лк., 23: 43).

113.

...мне — пять тысяч немецких форинтов, столько же — господину Шибрику, но эти деньги мы сможем получить во Франции. Ференц Ракоци написал два завещания: одно, на латыни, касалось его имущества в Родошто; второе, на французском, — средств, оставленных во Франции. Во втором завещании Микешу и Миклошу Шибрику, дворецкому князя, выделялось по 10 тыс. ливров (видимо, 5 тыс. «немецких форинтов», фигурирующих в письме, отражают курс тогдашних валют).

Когда мы их получим, один Бог знает. — Скепсис Микеша оказался оправданным: ни он, ни Шибрик завещанных им денег никогда так и не увидели. По найденным венгерскими историками сведениям, французский двор распорядился выплатить деньги, но, как это обычно и бывает, они где-то заблудились.

...желудок и кровь у него были полны грязью, и грязь заполняла все его тело. — По поставленному тогда диагнозу, Ференц Ракоци умер от разлития желчи.

114.

...с господином Чаки... — Имеется в виду граф Михай Чаки (1676—1757), военачальник, один из сподвижников Ференца Ракоци. С 1739 г. до своей кончины возглавлял венгерскую колонию в Родошто.

...я снял французский камзол. — Микеш, как и сам Ракоци и члены его свиты, расстался с венгерским национальным костюмом в 1711—1712 гг., когда они отплыли из Данцига во Францию.

116.

...люди, которые в душе рады моей скорби, а то и хотят ее еще усугубить. — Конечно же, у Микеша, к которому князь относился как к сыну, было немало завистников.

117.

Беда у меня с двумя нациями, которые друг друга не любят — Микеш имеет в виду — во многом понятное — соперничество между венграми, последовавшими за Ракоци в эмиграцию, и французами, состоявшими у князя на службе.

...переводчику моему, Ибрагиму. — Ибрагим Мутеферрика (1674—1745) — деятель турецкой культуры, дипломат, картограф, астроном, переводчик, основатель первой турецкой типографии. Происходил из трансильванских венгров, а потому до самой кончины Ракоци был его переводчиком и доверенным лицом, связным между Ракоци и двором султана.

119.

Граф Бонневаль, или Ахмет-паша — см. сноску к письму 97.

...новым визирем стал Силиктар ага. — Правильно: Силахдар Сейид Мехмед-паша; занимал должность великого визиря с января 1736 г. до августа 1737 г.

120.

...я еще жив, потому как — ем и пишу. — Явная ироническая аллюзия на тезис Декарта «*Cogito, ergo sum*».

122.

...заметил я, что он вспылчив. — Йожеф Ракоци, герцог (1700—1738) — старший сын Ференца Ракоци. Рос и воспитывался в Вене и Париже; отчасти поэтому и кругозором, и ментальностью своей был не настолько венгром, как его отец. После кончины князя Йожеф (находившийся в это время в Неаполе) и его брат Дёрдь (он жил в Париже) встретились в Марселе и там, видимо, договорились о том, что политическое наследие отца возьмет на свои плечи старший брат. Но и после этого Йожеф двинулся не в Турцию, а в Испанию, чтобы уладить какие-то дела при дворе короля Филиппа V. Отчасти этим можно объяснить, почему Порта встретила его прибытие прохладно: в начавшейся Русско-турецкой войне испанский король пытался сыграть роль посредника, и неодобрение Порты автоматически коснулось и прибывшего из Мадрида Йожефа Ракоци. Содержание, которое было ему назначено, было гораздо ниже того, каким пользовался отец.

Микеш, по понятным причинам, встретил Йожефа настороженно. Его отношение, впрочем, отражало

широкое мнение: венгры в массе своей не слишком верили в то, что сын достойно продолжит дело отца.

Письма о прибытии в эту страну князя Йозефа Ракоци.

Письма, относящиеся к «эпохе» Йозефа (с 123-го по 144-е), Микеш выделяет в отдельный раздел.

124.

...тридцатилетнее наше изгнание. — Микеш, очевидно, началом изгнания считает 1707 г., когда он, взятый на службу князем, покинул родину — Трансильванию.

125.

...держат в узде свою натуру. — «Imperare sibi maximum imperium est» («Владеть собой — наивысшая власть») — афоризм Сенеки.

...у турок Бог такой же справедливый и вечный, как у нас, и к турку он так же справедлив, как к нам. — Эти суждения Микеша, несомненно, продиктованы тем, что он осуждает «нехристианское» поведение христианского (австрийского) императора. Но в них можно усмотреть и проявление того духа веротерпимости (свободы совести, пользуясь современным выражением), которым с давних пор отличалась Трансильвания.

На этом примере. — Пример, который имеет в виду Микеш, будет изложен им позже, в письме 203.

126.

Порта хочет этим показать, что является заклятым врагом немецкому императору, а из нас норовит сделать пугало. — Порта надеялась, что само имя Ракоци сыграет свою роль в противостоянии с Австрией: например,

что венгры поднимутся на восстание против австрийцев, если призыв будет исходить от сына Ференца Ракоци.

128.

Грасиан-и-Моралес, Бальтасар (1601–1658) – испанский прозаик и философ. Афоризмы Грасиана пользовались большой популярностью в Европе той эпохи.

130.

...все их дела – в том, кого возвысить, кого унижить, у кого отобрать, кому дать. Микеш опирается здесь на знаменитый труд французского мыслителя Пьера Бейля (1647–1706) «Исторический и критический словарь» («Dictionnaire historique et critique», 1696). Бейль пишет: один из семи греческих мудрецов, Хилон, спросил однажды Эзопа, чем занимается Юпитер на небесах. «Il abaisse les choses hautes, et éleve les choses basses» («Низвергает высокое и возвышает низкое», – ответил Эзоп).

Имя его – Мехемет Дюмрюхчи. – Йеген Мехмед-паша был великим визирем с декабря 1737 г. по март 1739 г. Дюмрюхчи (гюмрюкджи = таможенник), видимо, указывает на какое-то из предыдущих занятий визиря.

131.

...визирь дал в руки князю этнаме. – Ahdname – договор (*тур.*). Договор с Портой признавал Йожефа Ракоци великим князем Трансильвании, обеспечивал многие права княжества, но в то же время закреплял вассальную зависимость Трансильвании от Османской империи.

132.

Дефтердар — казначей.

134.

Князь послал меня приветствовать господаря Константина... — Маврокордат Константин (1711–1769) — известный политический деятель Молдовы и Валахии, инициатор многих прогрессивных реформ, правивший, с перерывами, в период с 1730 по 1769 г.

...было бы мне хуже, чем святому Петру. — Микеш напоминает здесь об эпизоде, описанном в 1-м письме: апостол Петр, выйдя из лодки, «шел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня» (Мф., 14: 28–31).

Видин — город в Западной Болгарии, на берегу Дуная.

...Порта думает: вот прибудем мы в Видин — и вся Венгрия, весь Эрдей сядут на коней и прискачут к нам. — Венгерские историки находят многие свидетельства тому, что население Эрдея (Трансильвании) склонно было прийти на помощь молодому Ракоци. Однако энергичные предупредительные меры, предпринятые Венной, свели эту готовность на нет.

136.

...с тремя бунчуками... — см. примечание к письму 92.

...был он армянином, потому и звали его Халвач Мэхэмед. — Великий визирь Хаджи Иваз Мехмед-паша (Микеш сильно перевирает его имя — видимо, воспроизводя

его со слуха) занимал этот пост с марта 1739 г. по июнь 1740 г.; по национальности он был албанцем.

...обстреливать Оршову. — Оршова — город в Румынии, на берегу р. Дунай при впадении в него р. Черна, в ущелье Железные ворота.

Так дешевы здесь цесарки... — т.е. императорские солдаты (см. сноску к письму 106).

138.

Фетислан — турецкая крепость на Дунае, недалеко от Железных Ворот. Там находился знаменитый Траянов мост.

...мост императора Траяна... — Самый длинный (более километра) каменный мост античности, построенный через Истр (Дунай) в 103—105 гг. по велению императора Траяна, в преддверии войны с даками. Спустя полвека мост был разрушен; устои его сохранились до сих пор.

139.

...кричат уже не «бердо»... — «Wer da» (см. примечания к письму 105).

Темешвар (ныне Тимишоара в Румынии) — крупный город в Трансильвании.

140.

Perditio ex te Israel. — «Погубил ты себя, Израиль» (Ос., 13: 9).

141.

Но он об этом забыл бы, ежели было бы с кем. — За этим мимолетным замечанием стоит довольно драматическая история. Следить за здоровьем Йожефа Ракоци турецкий двор поручил полячке Саломее Регине

Русецкой, первой женщине-врачу в Польше. Русецкая (1718 – после 1760) была человек необыкновенный и по знаниям, и по авантюрному складу характера: она занималась врачебной деятельностью в Турции, Вене, России (ее приблизил к себе императрица Анна Иоанновна); в конце концов она отправилась на Ближний Восток, в Иерусалим, и там следы ее потерялись. Обладала она и некоторым писательским талантом, оставив после себя книгу-дневник «Авантюры моей жизни».

Одна глава в книге Русецкой посвящена Йожефу Ракоци. Польская докторша пишет, что она за месяц полностью вылечила князя. Однако результатом стало то, что князь стал домогаться ее любви. Не выдержав его «*niepotrzebного*» поведения, она просто сбежала от него. Возможно, это и стало одной из причин его дурного настроения, о котором пишет Микеш.

...мы спустились далеко по Дунаю. – Русецкая в своей книге пишет, что, сбежав от князя, она наняла лодку и отправилась по Дунаю в сторону Рущука. Возможно, князь, как-то узнав об этом, попытался ее догнать.

...мы спустимся по Дунаю до Оросчика... – Так венгры называли турецкую крепость Руцук (ныне – город Русе в Болгарии) на Дунае.

142.

...напротив города впадает в Дунай вода родного Олта. – Река Олт, правый приток Дуная, пересекает значительную часть Трансильвании.

143.

...ответил, как Эсфирь: если царь не зовет, я не смею к нему идти. – «... только тот, к кому прострет царь свой золотой скипетр, останется жив. А я не звана к царю вот уже тридцать дней» (Есф., 4: 11).

145.

А что ты скопил, чье это будет? — Неявная цитата из Ветхого Завета: «Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то» (Пс., 38: 7).

146.

Хотин — Город Хотин (ныне на Украине) в XVIII в. был турецкой крепостью.

Яссы — город в Румынии; до 1862 г. был столицей Молдавского княжества.

Ферман — указ султана.

Бодза (рум. Бузео) — река в Восточной Румынии, приток Серета.

...а третьего... — т.е. младшего сына Ференца Ракоци, Дёрдя, который предпочел остаться в Париже.

Бедный поп, которого так надули, не знает, плакать ему или смеяться. — После долгого перерыва Микеш снова вставляет в свои письма истории, чтобы «посмеяться». Характерно, что история эта попадает в письмо, в котором говорится о похоронах Йожефа Ракоци: это красноречиво (даже слишком красноречиво) показывает, какое облегчение ощутил Микеш в эти дни.

147.

Чернавода, 4 junii 1739. — Это письмо — довольно точное (хотя и не дословное) повторение предыдущего. Возможно, Микеш что-то хотел высказать точнее; может быть, юмористическая история о мушкетерах-вымогателях показалась ему неуместной в сочетании с информацией о похоронах князя. Но тогда не вполне понятно, зачем он оставил в коллекции первую версию.

148.

Пускай речь идет всего лишь об одном поцелуе, но платить надо. — Впервые за долгое время в письмах Микеша опять появляются, пусть и в сдержанной форме, некоторые галантные мотивы. Это тоже свидетельствует о том, как изменилось его самочувствие.

Господарь. — Речь идет о Константине Маврокордате (см. сноску к письму 134).

...питештское вино. — Питешти — город в Румынии, известный, в частности, своим винодельческим заводом.

149.

Фокшаны — город в Молдавском княжестве.

Лобкович, — Керестей Дёрдь, герцог; в 1739 г. был наместником Вены в Трансильвании.

Господарь. — Молдавским господарем в то время был Григоре Гица II.

150.

...то, ради чего меня сюда послали, вижу, дело напрасное. — Что за миссию выполнял Микеш в Бухаресте, венгерским исследователям установить не удалось.

...относятся к роду Кантакузинов. — Кантакузины — один из самых значительных и богатых родов в последний период существования Византии; дали империи ряд военачальников, государственных деятелей и двух императоров.

...ко мне, видя, как господарь меня принимает, обращаются: «мариасса»... — Mariassa — что-то вроде «ваше сиятельство» (рум.).

До сих пор никто не проявил ко мне дружелюбия больше, чем здешний архиепископ. — Митрополит Антон, в 1730—1739 гг. глава молдавской церкви. В 1739 г. переехал в Россию.

...котнарское же вино... — Вино, произведенное в знаменитой винодельческой местности Котнари.

они находятся в составе турецкой империи, но живут под игом грека. — Микеш последователен в своей — не вполне понятной — неприязни к грекам. Интересно, что в адрес османского владычества у него не звучит ни слова осуждения.

Младший брат одного богатого скорняка грека... — Имеются в виду генерал Александр Ипсиланти и его старший брат Манолаки Ипсиланти.

151.

нет другой молитвы, кроме как: избавь нас, Господь, от казаков. — Видимо, по аналогии с выражением «избави нас от лукавого».

155.

Кажется, нас вместе с городом перенесли в Лапонию... — т.е. в страну лаппов (эскимосов).

Знаю я здесь, еще с детства, одного боярина... — Родня Микеша в соседней Трансильвании поддерживала торговые отношения с жителями Молдавии, — должно быть, с тех времен это знакомство.

156.

Господарь. — Константин Маврокордат.

...из Чика... — Чик — комитат в Трансильвании (Румыния).

...хабит... — Здесь: монашеская ряса; от «habitus» — внешний вид, облик

157.

Король Пруссии умер в конце мая. — Фридрих Вильгельм (1688—1740). Престол занял его сын, Фридрих II.

158.

Но все-таки со мной было не так, как с тем человеком, который поехал в Рим, а папу не видел. — Микеш обыгрывает итальянскую пословицу «*Andere a Roma senza vedere il papa*»: применяется к ситуации, когда человек, предприняв большие усилия, главной задачи так и не выполнил.

...я — видел султана... — Султан Махмуд I правил в 1730—1754 гг.

...пожелал лишь, чтобы Бог привел его в нашу святую церковь... — Наивная мечта Микеша, чтобы султан принял христианство, объясняется тем, что Порта действительно дала приют изгнанникам.

...завершив свои дела... — Дела были связаны с материальными условиями жизни эмигрантов после кончины князя и затем его сына: венгры, оставшиеся в Родосшто, получили в свое распоряжение бывший дом Ракоци, сад возле него и пр.

159.

...умер римский император. — Карл VI, император Священной Римской империи с 1711 г.

...закончилась мужская ветвь Австрийского дома. — Т.е. династии Габсбургов.

...после смерти первосвященника изгнанники получали возможность вернуться на родину. — Если такой закон и существовал в библейские времена, то Европа XVIII в. жила по собственным правилам. Надежды венгров-изгнанников на возвращение домой в очередной раз не сбылись.

160.

...смерть показала, что косит она не только в соломенных хижинах, но и во дворцах. — Скрытая цитата из Горация: «*Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas*

requitque turre» («Бледная смерть стучится и в хижины бедняков, и в царские дворцы»).

...москальская царица. — Императрица Анна Иоанновна (1693–1740); на троне с 1730 г.

...последний уже начал войну, хочет занять Силезию. — Микеш говорит о событиях начавшейся войны за австрийское наследство (1740–1748).

...собираются послы во Франкфурт. — Франкфурт-на-Майне — город, где проводились выборы императора Священной Римской империи. В конце 1740 г. здесь собрались курфюрсты, желающие пересмотреть традиционный порядок выборов.

161.

Молдавский господарь — Константин Маврокордат, правил Молдавским княжеством с 1741 по 1743 г.

Даже армянам его было недостаточно... — Микеш имеет в виду описанный им ранее и так поразивший его у армян обычай готовить из снега десерт — мороженое.

...словно владею Токайской горой. — Гора Токай и местность на севере Венгрии, где производят знаменитые токайские вина.

162.

...проклятое неравенство меж нами остается ... мы сами питаем его, на свою беду. — Беспросветные будни эмигрантского бытия — питательная почва для всякого рода конфликтов. Но нельзя не заметить, что Микеш очень редко затрагивает эту сторону жизни в своих «письмах»: в его характере оптимизм и вера в добро всегда превалируют.

163.

...тот, кто может с сотней человек побить сто тысяч... — Микеш имеет в виду эпизод из Книги Судей: судья Гедеон с тремя сотнями безоружных воинов

наголову разбил многотысячное ополчение мадианитян (Суд., 8: 4–21).

...каково милосердие Его по отношению к городу. — Отсылка к словам Библии “Благословен ты в городе и благословен на поле” (Втор., 28: 3).

164.

...в Иерусалиме ждали возле купальни Силоам больные, чтобы ангел возмутил воду и бросил их туда. — Ошибка: в Библии речь идет о купальне Вифезда (Ин., 5: 2–5).

...короновали и венгерскую королеву... — т.е. Марию Терезию.

166.

...на его место посадили Али-пашу. — Новый великий визирь, Хекимоглу Али-паша, занимал эту должность всего около полугода, с апреля по октябрь 1742 г. Ранее был великим визирем в 1732–1735 гг.

...платья, которые сшила для них Тавифа. — Эпизод из Нового Завета. (Деяния 9: 36–41).

Хороший христианин говорит так: что я потратил, то утратил, что имел, отдал другим, а что отдал другим, то сохранил навечно. — Эти слова Микеш приводил и ранее, в письме 109.

добро нужно творить не ради самого добра, но ради Господа и не для телесной, а для душевной пользы. — См., например, слова из Первого послания Петра: «... дабы они... увидя добрые дела ваши, прославили Бога...» (1 Петра., 2: 12).

167.

...венгерская королева заключила мир с пруссаком в этом месяце. — Бреславльский мир был заключен между Австрией и Пруссией 11 июня 1742 г., и Мария

Терезия все силы обратила против Франции, Испании и Баварии.

168.

...визирь не знает того часа, когда его сбросят с колеса. Ежели кто-то провел в этой должности два года, это уже очень много. — Характерно, что Ш. Монтескье в своих «Персидских письмах» также поражался этой особенностью турецкого общественного устройства. «Нет места на земле, где фортуна была бы столь непостоянна, как здесь. Каждые десять лет происходят здесь перевороты, которые повергают богача в нищету и на быстрых крыльях возносят нищего на вершины богатства. Один удивляется своей бедности, другой — своему изобилию» (см. письмо 98).

169.

...поставили его тихая, Мехмеда-пашу. — Тирьяки Хаджи Мехмед-паша был великим визирем чуть больше года. Тихай — адъютант, денщик (тур.).

170.

Мафусаил — по Библии, один из праотцов человечества; прожил 969 лет. Из-за траура после его кончины был якобы даже несколько отложен Всемирный потоп.

...отчитайтесь о вашем управлении. — Отсылка к Библии. Иисус рассказывает ученикам о человеке, который обратился к управителю своему: «дай отчет в управлении своем, ибо ты не можешь более управлять» (Лк., 16: 2).

Визирь же теперь — Абдулла-паша. — Сейид Абдулла-паша правил почти два с половиной года.

Между христианами идет большая война... — Микеш имеет в виду продолжающуюся войну за австрийское наследство.

171.

Уже примирились и христиане. — Аахенский мир, положивший конец войне за австрийское наследство, был заключен несколько позже, 18 октября 1748 г.

венгерская королева уступила две или три провинции в Италии дону Филиппу. — т.е. испанскому королю Филиппу V. Парма, Пьяченца и Геасталла вошли в состав Королевства двух Сицилий, на трон которого был посажен дон Карлос, сын Филиппа V.

...султан лишил головы своего кизляр-агу... — Кизляр-ага — глава евнухов, охранявших гарем султана; пост этот был одним из самых важных в иерархии Османской империи.

172.

...первое же подозрение должно караться казнью... — В нескольких письмах (172–191) Микеш пересказывает для «кузины» содержание книги английского дипломата и писателя сэра Пола Рико (Paul Ricaut, 1628–1700) «The history of the present state of the Ottoman Empire» (1669), точнее, ее сокращенной версии, переведенной на французский язык и изданной во Франции в 1709 г. Текст Рико в письмах Микеша часто дополняется его личными наблюдениями или фактами, которые автору книги еще не могли быть известны.

173.

тимары. — Timár — кожевник (венг.).

174.

Окка — старинная турецкая мера веса, примерно 1, 3 кг.

176.

...каден-киая... – Возможно, Микеш так воспринял выражение «кадын-эфенди»: жена (одна из жен) султана.

177.

...визир азем... – Точнее: везир-и азам – великий визирь.

...беглербег... – Правильно: бейлербей – назначаемый султаном правитель провинции в Османской империи.

178.

...одну-две халайки... – Вероятно, так Микеш слышал турецкое слово «köle» (рабыня).

179.

...это – год юбилейный, святой. – В католической церкви юбилейным, или святым, объявляется (в последние столетия) каждый 25-й год. Начинается он вечером Рождества и сопровождается рядом церемоний и богослужений. Суть святого года заключалась в особенно масштабном отпущении грехов.

Велико имя Мое всюду, и всюду жертвуют имени Моему. – Отсылка к Ветхому Завету: «Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф» (Мал., 1: 11).

...зовут его Мехмет-паша. – Великий визирь Дивитдар Мехмед Эмин-паша правил около двух с половиной лет. “Тихай-бег” означает, по-видимому, что он был заместителем прежнего великого визиря.

...от язычества его побудил отказаться монах-не-сторианин Сергей. — «Личным секретарем Мухаммеда и первым переписчиком Корана был монах-несторианин Сергей». См. статью: «...А друзей искать на востоке». Православие и Ислам: противостояние или содружество?» Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. <http://amp96.ucoz.ru/publ/1-1-0-9>

Несторианство — христологическое учение, связанное с именем Нестория, архиепископа Константинопольского. На Третьем Вселенском соборе (Эфес. 421) взгляды Нестория и его последователей были признаны ересью.

...религия его не слишком отличалась бы от социнианства. — Социниане — последователи антитринитарного течения, возникшего в XVI в.; основатель его — итальянский теолог Фауст Социн (1539—1604).

Жена его, Фатима... — Микеш путает: Фатима — дочь Мухамеда.

...в глазах народа, который полагал, что птица эта — сам архангел Гавриил и что он шепчет на ухо посланцу Бога. — Говоря о магометанстве, Микеш гораздо в меньшей мере опирается на источники (например, на книгу П. Рико) и излагает собственные наблюдения и соображения.

180.

Абу Бакр (572—634) — первый Праведный халиф, тесть пророка Магомета.

...они следуют Али. Али ибн Абу Талиб (599—661) — двоюродный брат и зять пророка Магомета, четвертый Праведный халиф. Шииты считают его пророком наряду с Магометом.

...турки же придерживаются ветви Омара. — Омар, или Умар ибн аль-Хаттаб (685—644) — второй Праведный халиф.

182.

Я же дальше не пойду... — Это значит всего лишь, что Микеш достиг конца главы в том источнике, который он пересказывает.

183.

...Святая София... — Храм Святая София было освящен в 537 г. Турки сделали из него мечеть — Айия София. Сейчас это — музей.

186.

На его место посажен Имрехор Мустафа... — Чорлулу Кёсе Бахир Мустафа-паша; правил почти три года.
194.

Махмуд. — Махмуд I был султаном с 1730 по 1754 г.

На его место поставили Османа... — Осман III правил в 1754—1757 гг.

Калин-никта — спокойной ночи (греч.).

196.

В этом месяце прусский король начал войну против королевы. — Речь идет о Семилетней войне (1756—1763), одной из самых значительных войн XVIII в., в которой участвовали едва ли не все большие державы той эпохи. И началась она действительно конфликтом между Пруссией и Австрией из-за Силезии. Но в конец этого письма Микеш вставил упоминание о начале войны по ошибке — видимо, это было сделано задним числом.

197.

...следующий визирь, Саид-эфенди... — Йирмисекиззаде Мехмед Саид-паша правил до 1 апреля 1756 г.

199.

...первоапрельскую шутку... — Понятие это Микеш «привез», конечно, из Франции, где обычай устраивать 1 апреля розыгрыши существовал давно (первое письменное упоминание относится к 1509 г.; тогда первоапрельская шутка называлась «poisson d'avril», т.е. «апрельская рыба»). В Британии же 1 апреля считали «fools holiday», праздником дураков.

Новый великий визирь, Имрехор Мустафа... — Чорлулу Кёсе Бахир Мустафа-паша стал великим визирем во второй раз и правил около полугода.

Француз и англичанин объявили друг другу войну. — До столкновения Англии и Франции дело еще не дошло: это произойдет лишь через несколько месяцев, в августе 1756 г. Микеш, видимо, имеет в виду, что военное соперничество между Англией и Францией в этом столетии шло по нарастающей, причем англичане сильно потеснили французов, в том числе и в колониях (например, в Америке). При этом симпатии Микеша — явно на стороне французов.

О, скарედность, сколько душ ты погубила! Микеш прочитал эту историю в одном из номеров журнала «Le Spectateur». В XVIII в. подобные сюжеты быстро входили в моду. Один из них, например, дошел до нашего времени в опере «Чио Чио Сан» («Мадам Баттерфляй»).

200.

...он грек по национальности. — Коджа Мехмед Рагып-паша. Возможно, Микеш что-то перепутал: этот визирь не был греком.

Им виднее. — История была изложена Микешем — в более краткой форме — ранее, в письме 103.

...какой-то безбожник хотел убить французского короля, но поплатился за это. Неудачное покушение на короля Людовика XV было совершено в начале января 1757 г. Покушавшийся был казнен.

201.

...когда он занял его и разорил, девяносто семь тысяч человек взял в рабство. — Сведения о древнем Иерусалиме, о событиях, связанных с походом императора Тита, и т.п. Микеш берет из «Иудейской войны» Иосифа Флавия, точнее, из ее перевода на французский язык; правда, некоторые цифры он счел нужным заимствовать их книги Флери «История церкви».

203.

король Лайош V заключил мир с Амуратом. — Речь идет о сражении 1444 г. при Варне. Летом 1444 г. король Польши и Венгрии Владислав III, или Уласло I (не Лайош V, как ошибочно пишет Микеш), заключил с султаном Мурадом II мирный договор. Но, не в последнюю очередь под влиянием папского двора, король Владислав (Уласло) объявил новый крестовый поход и, посчитав, что мирный договор с неверными можно не соблюдать, двинулся против турок. Крестоносцы потерпели при Варне сокрушительное поражение, король Владислав (Уласло) погиб. А Османская империя надолго заняла господствующее положение на Балканах. Микеш, таким образом, осуждает тот факт, что христианский король нарушил свое слово.

204.

На другой день султаном сделали Мустафу. — Султан Мустафа III, сын султана Ахмеда III, правил с 1557 по 1774 г.

205.

Бреслау — ныне город Вроцлав в Польше.

...герцог Бевернский. — Видимо, имеется в виду герцог Август Вильгельм Брауншвейгский-Беверн.

Филипп. — Филипп II, царь Македонии (359—336 гг. до н.э.), отец Александра Македонского; описанный эпизод произошел при осаде греческого города Мефоны. Имя лучника — Астер.

206.

... в Силезии, близ Лейтена, было большое сражение. — Сражение при Лейтене — одно из самых известных сражений Семилетней войны; оно произошло 5 декабря 1757 г. у селения Лейтен (ныне Лютыня в Польше), недалеко от Бреслау (ныне Вроцлав). 32-тысячная прусская армия, которой командовал король Пруссии Фридрих II, наголову разбила 80-тысячную австрийскую армию под командованием принца Карла Александра Лотарингского.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К РУКОПИСИ

- «Келемен Микеш. Турецкие письма»
Келемен Микеш. Портрет работы неизвестного художника (3-я четверть XIX в.). Клуж-Напока, Музей искусств Фронтиспис
Факсимеле подписи Келемена Микеша оборот фронтисписа
Титульный лист первого книжного издания «Турецких писем» К. Микеша (1794) оборот шмуцтитула
Автограф письма К. Микеша.....
Автограф письма К. Микеша
Карта путешествий Келемена Микеша. Выполнила Анна Тюшкеш

ВКЛЕЙКА

- Маньоки Адам.* Князь Ференц II Ракоци. Портрет. Будапешт, Венгерская национальная галерея
Келемен Микеш
Зал приемов во дворце султана
Султан Ахмед III принимает гостей в своем саду. По всей вероятности, он принимал здесь и Ф. Ракоци
Дом, где жил князь Ф. Ракоци. Родошто (ныне Текирдаг), Турция
Комната, в которой работал К. Микеш
По народной легенде, Микеш, видя, как тоскует Ракоци по родной стороне, как мечтает хотя бы кукушку

- услышать, однажды утром спрятался в саду возле дома, где жил князь, и принялся куковать. Обнаружив этот маленький обман, князь был растроган до слез
- Сад возле дома, в котором жил Ф. Ракоци.
- Келемен Микеш. Иллюстрация Я. Кашша к роману Р. Игнац «Изгнанник» (*Ignacz R. Hazajabol kirekesztve*, Budapest, 1980)
- Келемен Микеш. Памятная медаль работы Эдена Фюлепа Бекка. 1907. Будапешт, Венгерская национальная галерея
- Келемен Микеш. Барельеф (медь) работы художника Жолта Силади. 1968
- Келемен Микеш с кузиночкой и Жужанной Кёсеги. Скульптурная группа (дерево) работы Белы Монуса. 2000. Радошто, Бариш ве Озгурлук Парки
- Бюст Келемена Микеша в парке скульптур г. Вая (Венгрия). Скульптор Лайош Имре Надь. 2004

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	
Турецкие письма	
Приложения	
<i>Габор Тюшкеш</i> . Келемен Микеш и «Турецкие письма» (перевод Ю. Гусева)	
<i>О.В. Хованова</i> . Родина Келемена Микеша: Трансильван- ское княжество	
Примечания	
Список иллюстраций	

Научное издание

КЕЛЕМЕН МИКЕШ

ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»*

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *А.Н. Торопцева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Корректоры

Подписано к печати 07.03.2017
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Newton
Печать офсетная
Усл.печ.л. 8,0 + вкл. 0,5. Усл.кр.-отт. 10,5.
Уч.-изд.л. 7,6
Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6